

Монография написана на основании археологических материалов и вводит в научный оборот большое количество новых данных. Значительное внимание в книге уделено показу изменений, происшедших на протяжении железного века в различных сферах деятельности древнейшего населения края, обосновывается периодизация культур рассматриваемого времени, а также дается их характеристика. Автор выявляет особенности исторического процесса в Приморье и рассматривает предпосылки формирования раннефеодальных государств в южной части Дальнего Востока.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков, географов.

Ответственный редактор

Н. Н. ДИКОВ

Жанна Васильевна Андреева

**Приморье в эпоху
первобытнообщинного строя
Железный век**

Утверждено к печати

*Институтом истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*

Художник *Е. П. Рожков*

Художественный редактор *Н. К. Капралова*

Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Корректоры *М. М. Баранова, И. С. Княжицкая*

Сдано в набор 5.VIII 1977 г. Подписано к печати 4/IV 1977 г. Формат 70×90^{1/8}. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 17,55. Уч.-изд. л. 19,6. Тираж 2300. Т-00799. Тип. зак. 1454. Цена 2 р. 02 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подосенский пер., д. 21

1-я типография издательства «Наука»,
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВВОДНАЯ

ГЛАВА 1.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА

В древней истории имеется несколько ключевых, поворотных моментов. Один из них — переход от первобытнообщинного строя к классовому. Этот переход носил революционный характер, был огромным шагом вперед в истории человечества. Процессы, связанные с переходом к классовому обществу, протекали на территории южной части Дальнего Востока СССР в эпоху железного века.

Овладение металлургией железа было важнейшим достижением человечества в конце II—I тысячелетия до н. э. Высокая оценка этому событию дана Ф. Энгельсом в его работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому

исчезало лишь медленно; не только в «Песне о Хильдебранде», но и при Гастингсе в 1066 г. в бою пускались еще в ход каменные топоры»¹.

Появление и расширение железнорудного производства оказало значительное влияние на развитие сельского хозяйства. В раннем железном веке складываются предпосылки, приведшие к экономической и социальной революции в среде земледельческо-скотоводческих племен². С начальным этапом раннего железного века связано выделение в степной полосе кочевых племен, усиление торговых, военных и культурных связей между оседлыми и кочевыми племенами. Ярче, чем раньше, выступает неравномерность в историческом развитии между различными областями³.

Результаты археологических исследований на широких территориях позволили выявить интересное явление: наиболее ранний переход к железу происходил в тех областях, где или совсем не было бронзы, или орудия из нее были низкого качества⁴. Подобное явление отмечено и в южной части Дальнего Востока СССР, где изделия из железа появились очень рано⁵.

Железо известно древним обитателям Приморья уже в первой поло-

вине I тысячелетия до н. э. В силу этого период, охваченный данной работой, — около 2 тыс. лет: I тысячелетие до н. э. — VIII в. н. э., т. е. с момента появления на территории Приморья железа и до сложения государственности в южной части Дальнего Востока СССР. Исследуемый период очень велик, но именно такой широкий охват во времени позволяет проследить те процессы, которые привели к образованию классов и государства.

Круг проблем, связанных с образованием классового общества, привлекал и привлекает внимание многих исследователей. Изучение этих проблем вызвало ряд дискуссий⁶. Расширение источниковедческой базы позволило исследователям четче выявить сложность и противоречивость исторических процессов.

Процесс формирования классового общества сложен и многообразен и изучать его можно лишь при комплексном использовании данных смежных исторических дисциплин⁷. Совершенно очевидно, что длительный период железного века эпохи первобытнообщинного строя вплоть до сложения государства на территории Приморья невозможно подробно осветить и проанализировать многопланово, с разбором всех особенностей исторического процесса, опираясь лишь на имеющуюся у нас источниковедческую базу, основу которой составляют археологические материалы.

Особенностью археологических источников является то, что они дают представление лишь о результатах труда когда-то живших людей в виде археологических объектов и вещественных находок⁸. К. Маркс высоко оценил значение останков средств труда для реконструкции древнейшей человеческой истории. Положе-

ние К. Маркса о том, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится...»⁹, имеет большое методологическое значение. На основании дошедших до нас орудий труда восстанавливается уровень развития производства, тип производственных отношений¹⁰. Однако процесс реконструкции истории человеческого общества на этой основе оказывается сложным. Археолог, исследуя историю и культуру бесписьменных народов методами классификации и типологического анализа, оперирует сегодня понятием «археологическая культура», которая является исторической категорией для определенного периода в жизни конкретного общества¹¹.

Основная задача данной работы — изучить исторические процессы в эпоху железного века на территории Приморья, особенности и динамику этих процессов. Анализ археологического материала проведен по отдельным категориям находок, поселениям, а также по археологическим культурам. Сопоставления поселений как комплексов внутри одной культуры помогают понять характер связи между общинами, если считать, что каждый поселок представлял собой общину, а также развитие этой культуры во времени, если поселения разновременны. Изучение поселения как комплекса, его планировки, размеров, расположения помогает понять в какой-то степени характер связей живших здесь некогда людей¹².

При анализе вещей, найденных при раскопках, большое значение имеет характер их группировки. Если группировать материал по типам, то его анализ позволяет решать вопросы, связанные со стратиграфией и датировкой памятника; если же

группировать материал по назначению, то можно получить выводы социально-экономического характера. И действительно, анализ археологического материала, сгруппированного по назначению, помог выявить и объяснить целый ряд явлений или незамеченных ранее, или непонятных.

В данной работе применяется общепринятая типология находок. При проведении анализа делались подсчеты и сопоставления групп находок внутри поселений, между поселениями одной культуры, между различными культурами с выяснением удельного веса, значимости каждой группы находок, что позволило, в свою очередь, подойти к оценке роли той или иной отрасли деятельности древних обитателей края, проследить их развитие во времени.

В последние годы в археологии все более широко применяются палеоэкономические изыскания как метод изучения хозяйства первобытных общин и отдельных отраслей хозяйства, что открывает возможности конкретного изучения древней экономики¹³. Степень археологической изученности Дальнего Востока СССР и характер доступной информации по результатам археологических исследований этой зоны не позволяют провести достаточно обоснованный палеоэкономический анализ. В то же время даже частичный анализ с учетом методики подобных исследований в лучше изученных в археологическом отношении районах нашей страны¹⁴ позволил подойти к оценке роли земледелия и скотоводства на территории Приморья в раннем железном веке и в более позднее время и значения этих отраслей хозяйства в исторических процессах.

Проведенное исследование материала, сгруппированного по назна-

чению, дало возможность выявить зарождение и развитие общинного ремесленного производства. Методика изучения проблемы развития ремесленного производства (или промыслов) в эпоху первобытнообщинного строя разрабатывается и дискутируется¹⁵. Публикации по этим вопросам оказали нам большую помощь в обработке и интерпретации археологического материала, связанного с этой областью деятельности древних обитателей края.

Более полному изучению археологического материала как исторического источника помогают методы естественных наук. Они применяются при решении одной из самых сложных проблем в археологии — проблемы абсолютных датировок, в том числе радиоуглеродным методом. Химические и физические методы исследования позволяют решать вопросы, связанные с изучением технологии изготовления предметов, их происхождением. Особенно широко применяются в археологических исследованиях результаты спектральных, металлографических и петрографических анализов. Вопросы истории хозяйства решаются с помощью методов биологических наук: на основании спорово-пыльцевых, агроботанических, остеологических, ихтиологических и других анализов. Все более широко при обработке массового археологического материала начинают применяться методы математической статистики¹⁶.

Выявить и понять направленность и динамику развития различных отраслей хозяйства древнего населения Приморья в железном веке было бы невозможно без использования указанных методов, в частности без определения створок раковин моллюсков, без проведения специального биологического обследования окрест-

ностей ряда поселений эпохи первобытнообщинного строя, в том числе и железного века. Результаты спектрального анализа помогли доказать существование местного металлургического производства. Серия петрографических анализов позволила выявить связь в керамическом производстве между различными поселениями одной культуры, доказать наличие местной сырьевой базы, местного производства гончарной посуды, появившегося в середине I тысячелетия н. э. Так понемногу восстанавливалась картина зарождения и развития ремесленного производства на Дальнем Востоке.

Возможности интерпретации археологического материала не безграничны. Так, например, невозможно сказать, каковы в разбираемое время были семейные отношения, матрилокален или патрилокален был брак, какова была община, как выглядела зарождавшаяся частная собственность, в какую форму складывались общности по пути формирования классового общества и т. д. Некоторые данные в этом направлении можно почерпнуть из древних китайских хроник. Но увеличение объема этих данных по районам бассейна Амура и Приморья в таких пределах, что их можно использовать для изучения социально-экономических отношений, имеет место только в хрониках, повествующих о событиях первых веков нашей эры. Данные же эти очень кратки и тенденциозны.

Большую помощь в понимании процессов, происходивших в хозяйственной деятельности и в социально-экономических отношениях, оказывают материалы этнографии. При этом совершенно ясно, что нельзя данные по современным малым народам Дальнего Востока СССР

просто переносить на два-три тысячелетия в древность¹⁷. Но если учитывать общий уровень развития, уровень развития отдельных отраслей хозяйства, характер временных изменений и связей, то использование этнографических данных помогает реконструировать процессы далекого прошлого, в том числе в тех областях исторических процессов, в которых археологический материал не может дать достаточно полных ответов.

В этнографической литературе большое внимание уделяется изучению общественных процессов в период разложения первобытнообщинного строя, прослеживаются этапы процессов классообразования. Большое внимание уделяется проблемам периодизации первобытнообщинного строя. Результаты исследований в этой области помогают подойти к пониманию тех процессов, которые имели место в южной части Дальнего Востока СССР в период разложения первобытнообщинного строя¹⁸.

Важной частью исторических процессов в эпоху железного века в южной части Дальнего Востока СССР служат этногенетические процессы. Их изучение является областью теоретических изысканий, построений и гипотез. Решение этногенетических проблем не было основной задачей предлагаемого исследования, однако поскольку они служат одним из основных компонентов событий в Восточной Азии в I тысячелетии до н. э. — I тысячелетии н. э., времени бурных процессов как этнических, так и классообразования, мы их коротко освещаем.

Проблема реконструкции этногенетических процессов эпохи железного века на юге Дальнего Востока СССР на основании изучения археологического материала не может считаться полностью решенной. Хотя

в этом направлении и проделана большая работа (здесь нельзя не отметить интересные и глубокие исследования А. П. Окладникова, М. Г. Левина, С. В. Иванова¹⁹), необходимы дальнейшие разработки. Вопрос реконструкции этногенетических процессов на основании изучения археологического материала дискутируется в научной литературе, что является отражением сложности таких реконструкций. Но при всем том изучение конкретных этнических процессов на юге Дальнего Востока СССР требует еще методических разработок, картографирования элементов материальной культуры, несущих этногенетическую информацию, комплексности исследований. Со всей остротой встают проблемы выделения археологических культур с точным определением их взаимных связей и различий. Здесь названа лишь часть вопросов, возникающих перед исследователями, вопросов, которые разрабатываются, но еще не имеют однозначных решений.

Поэтому большое значение имеет показ на огромном археологическом материале с территории южной части Дальнего Востока СССР, а также с сопредельных территорий самобытности древних народов и их культуры, в том числе на территории Приморья, местных корней, сложившихся на юге Дальнего Востока СССР раннефеодальных государств в VIII—XII вв. н. э. В этом мы видим одну из основных задач предлагаемого исследования.

Таким образом, в наши задачи входит показать роль появления железа в развитии производительных сил древних обитателей Приморья, динамику развития хозяйственной и производственной деятельности, появление и развитие внутри первобытнообщинного способа производ-

ства элементов, приведших в конце концов к крушению первобытнообщинного строя. Мы попытаемся также показать, что культуры железного века на территории Приморья и сложившееся здесь в конце I тысячелетия н. э. классовое общество имели местные корни. Если предлагаемое исследование в какой-то степени отвечает на поставленные вопросы — автору удалось разрешить часть поставленных перед ним задач.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 163.

² Бибинов С. Н. К 50-летию археологической науки на Украине. — СА, 1967, № 3, с. 61.

³ Достижения археологической науки в РСФСР. — СА, 1967, № 3, с. 27.

⁴ Смирнов А. П. Происхождение рабовладения. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 116.

⁵ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, с. 183—184; Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 265, 266, 269.

⁶ Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968; Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970; и др.

⁷ Семенов Ю. П. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. с. 250—253.

⁸ Захарук Ю. Н. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения, феодализма. М., 1970, с. 7—15.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

- ¹⁰ *Захарук Ю. Н.* Указ. соч., с. 10.
- ¹¹ *Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура. — В кн.: Теоретические основы советской археологии, с. 24—25.
- ¹² *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1, с. 62.
- ¹³ *Массон В. М.* Развитие теоретических основ советской археологии. — В кн.: Теоретические основы советской археологии, с. 26.
- ¹⁴ *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья; *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- ¹⁵ *Бочкарев В. С., Распопова В. П.* Дискуссия о характере ремесленного производства. — СА, 1971, № 4; Домашние промыслы и ремесло (тезисы). Л., 1970; *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытнообщинного строя. — ВП, 1972, № 3.
- ¹⁶ *Колчин Б. А.* Археология и естественные науки. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- ¹⁷ *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Ин-та этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая. Новая серия», 1958, т. XXXVI, с. 187.
- ¹⁸ *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 5; *Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2; *Тумаркин Д. Д.* К вопросу о сущности рода. — СЭ, 1970, № 5; *Хазанов А. М. Ф.* Энгельс и некоторые проблемы классового образования. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972; *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения культурно-хозяйственных типов (в связи с работами М. Г. Левина). — СЭ, 1970, № 6; *Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6 и др.
- ¹⁹ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; и др.; *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1958, т. XXXVI; и др.; *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия». 1963. т. 81.

ГЛАВА 2.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Последние полтора десятка лет особенно активно накапливались археологические данные в Приморье по эпохе железного века. Получен колоссальный вещевой материал, который позволил исследователям выделить этапы развития железного века в Приморье, датировать как отдельные памятники, так и культуры этого периода, определить уровень разви-

тия и те особенности, которые характеризуют отдельные культуры¹. Накопленный археологический материал является не просто большим количеством находок, но представляет собой комплексы, связанные с жилищами, поселениями, культурами.

Основными объектами археологических исследований эпохи желез-

ного века являются поселения. Для многих из них характерен мощный культурный слой с большим числом находок. Какова же степень изученности культур железного века в Приморье?

Известны остатки около 60 поселений янковской культуры раннего железного века, около десятка поселений других культур этого же времени или локальных вариантов янковской культуры, около 20 поселений кроуновской культуры (конечный этап раннего железа) и около 20 поселений ольгинской культуры (начало развитого железа). В целом наиболее изученной является южная часть Приморья, менее изученной — восточная и слабо изученной — северная.

Полностью раскопано многослойное поселение Олений 1, два верхних слоя которого относятся к различным этапам раннего железного века. На другом многослойном поселении, Олений 2, раскопками вскрыто около 500 кв. м. Верхний слой этого поселения относится к янковской культуре. Результаты указанных раскопок систематизированы, обобщены и частично опубликованы².

В своей большей части раскопано поселение янковской культуры на полуострове Посчаном. Памятник однослойный, оставлен в спокойной обстановке. Результаты раскопок полностью опубликованы, являясь пока единственной полной публикацией археологического памятника в Приморье³.

Раскопано более 1000 кв. м на многослойном поселении в долине р. Кроуновка, два верхних слоя которого относятся к различным этапам раннего железного века. Материал частично опубликован⁴.

Вскрыто более 500 кв. м на поселении раннего железного века в бухте

Валентин, более 600 кв. м на двухслойном поселении железного века Малая Подушечка, расположенном в долине р. Суходол, и около 2 тыс. кв. м на поселении начального этапа развитого железа — Синие Скалы в восточном Приморье. Материал систематизирован и частично опубликован⁵.

Раскопки менее широкими площадями произведены на поселениях, относящихся к различным этапам железного века (результаты раскопок частично опубликованы): поселение кроуновской культуры в пади Семипятной около оз. Ханка⁶, многослойное поселение в Сокольчих в долине р. Черная⁷, два многослойных поселения в бухте Киевка⁸, многослойное поселение на острове Петрова⁹, многослойные поселения Сенькина Шапка, Осиновка¹⁰ и др.

Кроме того, имеются обширные материалы разведывательного характера, также частично опубликованные¹¹ и в полевых отчетах, коллекции сборов прошлых лет в музеях Владивостока, Хабаровска, Москвы и Ленинграда. Некоторые материалы опубликованы¹².

Основным источником для написания работы послужили результаты археологических исследований автора на территории Приморья с 1958 по 1973 г. Материал частично опубликован, но большая его часть вводится в научный оборот впервые¹³.

Из трех наиболее изученных поселений раннего железного века янковской культуры одно раскопано автором — поселение Малая Подушечка (двухслойное), где вскрыты остатки жилищ, производственных комплексов, могильника. В Приморье на памятниках раннего железного века пока известно два могильника: на Малой Подушечке и в колхозе им. Чапаева. Оба раскопаны автором и

его сотрудниками (Гарковик А. В., Дьякова О. В.). К числу новых материалов по раннему железному веку могут быть отнесены результаты изучения валептиновской группы памятников (Ж. В. Андреева, А. В. Гарковик). Период развитого железа наиболее полно представлен материалами поселений Синие Скалы и Малая Подушечка. Кроме того, в работе использованы результаты раскопок меньшего объема, а также многочисленные материалы, полученные за все эти годы в результате проведенных разведок.

Все вместе это представляет многие сотни квадратных метров вскрытого культурного слоя с остатками различных сооружений, многие сотни индивидуальных находок и десятки тысяч фрагментов сосудов.

Не менее важным, но гораздо менее подробным источником для изучения древней истории Приморья, особенно с рубежа нашей эры, являются древние китайские хроники «Хоу Хань шу», «Саньго чжи», «Вэй шу», «Цзиь шу»¹⁴. Наиболее ранние данные имеются в «Саньго чжи», составленной во второй половине III в. н. э.¹⁵ Первые переводы древних китайских письменных источников на русский язык были сделаны Н. Я. Бичуриным¹⁶. Впоследствии эти переводы были исправлены и дополнены Н. В. Кюпером¹⁷. Переводы тех разделов хроник, в которых сообщаются сведения о северо-восточных соседях Китая, сделаны Э. В. Шавкуновым¹⁸, В. Е. Ларищевым¹⁹.

Первая попытка как-то классифицировать многочисленные племена, жившие к северу и северо-востоку от Китая, относится к началу династии Чжоу: племена, населявшие восточные районы, назывались «и», на территории Монголии — «ди». Это деле-

ние окончательно закрепилось ко времени Джань-го. Эти термины связывались с частями света, а не с каким-либо народом или этнической группой²⁰. Наряду с очень интересными и ценными сведениями, которые сообщают древние китайские хроники, они дают и определенную интерпретацию этим сведениям. «...китайская историография выполняла правительственный заказ и не могла не быть... тенденциозной... Возвеличение роли Китая, его значения и военных успехов должно было входить в задачу историка...»²¹

История археологического изучения и историография южной части советского Дальнего Востока неоднократно освещались в специальных главах обобщающих исследований, а также в отдельных специальных статьях²².

Если в предлагаемом разделе давать общую историографию железного века юга Дальнего Востока СССР, то это явилось бы многократным повторением ряда справедливых положений, высказанных другими авторами. Поэтому особое внимание будет уделено историографии проблемы: как у различных авторов освещены и оценены явления, связанные с темпами исторического развития, с анализом явлений социального и экономического порядка, с теми проявлениями, которые играли роль в сложении классового общества, прослеженными по археологическим данным.

Понятие «эпоха железного века» для южной части Дальнего Востока СССР появилось недавно, так как только в 50-е годы были найдены первые изделия из железа на поселениях эпохи первобытнообщинного строя. Лишь с этого времени в печати и научных исследованиях появились гипотезы и доказательства,

связанные с различными вопросами истории железного века.

Большой интерес представляет трактовка авторами вопросов, связанных с оценкой роли железных орудий в производственной деятельности древних людей на различных этапах железного века, выявление исследовательских этапов развития земледелия и скотоводства, изучение процесса зарождения и развития ремесленного производства, выявление признаков имущественного неравенства, реконструкция уровня развития производительных сил на различных этапах железного века и т. д. В данной главе будут рассмотрены статьи и монографии, в которых в той или иной степени касаются названных вопросов, и не будут разбираться публикации, содержащие только описание археологического материала.

Издания дореволюционного периода представляют собой отдельные публикации памятников или сводки сведений по археологическим памятникам²³. Уже в тот период были сделаны попытки исторического осмысления археологического материала. Одна из подобных попыток принадлежит В. К. Арсеньеву, который разделил всю историю Приморья до XIX в. на шесть периодов, из которых три первых относил к наиболее ранним. К первому периоду В. К. Арсеньев отнес эпоху первобытного человека, каменный век. Ко второму периоду, который длился по мнению автора до VII в. н. э., — эпоху развития культуры древнейших обитателей края. Третий период он связал с царством Бохай, относя его к VIII—XII вв. н. э.²⁴ Малое количество известного в то время археологического материала, непонимание закономерностей исторического развития общества привели к появлению

приведенной выше периодизации.

С установлением в Приморье Советской власти и до Великой Отечественной войны продолжалось медленное накопление археологического материала в основном по средневековым памятникам и поселениям с раковинными кучами. Для этого времени характерны публикации по отдельным памятникам и частным вопросам²⁵.

Последней работой этого периода является диссертация М. В. Воробьева «Каменный век стран Японского моря»²⁶, значение которой состояло в том, что впервые археологический материал южной части Дальнего Востока СССР был показан на широком фоне синхронных культур Японии, Кореи, Китая.

Организация в 1953 г. Дальневосточной археологической экспедиции явилась началом широкого и регулярного археологического исследования Дальнего Востока СССР. Несколько позже археологические исследования в крае начал проводить Отдел истории Дальневосточного филиала СО АН СССР, а в настоящее время Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР. Еще позже самостоятельные археологические работы были начаты силами Дальневосточного государственного университета. Почти двадцатилетний период интенсивного накопления археологических данных был одновременно и временем попыток восстановления исторического процесса на территории южной части Дальнего Востока СССР в эпоху первобытно-общинного строя и средневековья.

Наибольший объем исследовательских работ проведен Дальневосточной археологической экспеди-

цией под руководством академика А. П. Окладникова. Его перу принадлежит также наибольшее число обобщающих работ, монографий, статей, освещающих те или иные стороны проблем, связанных с эпохой железного века. А. П. Окладниковым были найдены и определены культуры раннего железного века в Приморье. В публикации, посвященной первым находкам изделий из железа в 1956 г. в долине р. Кроуновка и в районе оз. Ханка, он подчеркнул значение их, так как до этого «... было неясно, на какой основе рождается высокая культура позднего железного века, культура бохайцев и чжурчженей. Неизвестно было, когда и как появилось в Приморье железо и существовал ли здесь свой ранний железный век». В статье «Начало железного века в Приморье» был не только введен в научный оборот совершенно новый археологический материал, но и определено его историческое место. На основании стратиграфии многослойного поселения в долине р. Кроуновка и аналогий отдельным находкам было определено в относительной и абсолютной хронологии место кроуновской культуры раннего железного века в Приморье. В этой же публикации была сделана попытка генетически вывести новую культуру из предшествующей по времени янковской²⁷.

Книгой, в которой впервые последовательно изложена древняя история Приморья, является монография А. П. Окладникова «Далекое прошлое Приморья»²⁸. На основании известных в то время археологических материалов и письменных источников он осветил древнюю историю Приморья от палеолита до средневековья. Несмотря на то, что книга написана более пятнадцати лет назад,

ряд содержащихся в ней выводов и положений не потерял своего значения и в наши дни. Среди них — предложенная последовательность отдельных археологических культур, относительная хронология. Во всех возможных случаях А. П. Окладниковым подчеркивается такая важная деталь, как преемственность от более ранних культур к более поздним. Железному веку посвящена пятая глава книги («Переход от камня к металлу») и часть шестой главы («Племена мохэ и Бохайское государство»).

В рассматриваемой книге, как и в ряде последующих своих работ, А. П. Окладников проводит мысль, что для широкого круга культур, в ареал которых входили Приморье и Приамурье, был характерен затянувшийся каменный век, продолжавшийся еще в конце II — начале I тысячелетия до н. э. Поскольку изделия из железа в то время, когда была написана книга, были известны только на памятниках кроуновской культуры, изложение истории Приморья в железном веке начинается с описания ее памятников. Широкое распространение железа в Приморье и на Амуре А. П. Окладников относит к середине I тысячелетия н. э., основываясь на материале таких памятников Приморья, как верхний слой многослойного поселения Осиновка.

Широко привлечены в книге «Далекое прошлое Приморья» данные древних китайских хроник. При этом древние обитатели края, оставившие средний слой на поселении Сенькина Шапка, связываются автором с илоу, а верхний слой поселения Осиновка — с мохэ. В то время, когда писалась книга, было еще очень мало археологического материала, чтобы провести детальное со-

поставление археологических данных с данными китайских хроник. Не было тогда, как нет еще и в настоящее время, общепринятой и доказанной связи данных китайских хроник по северо-восточным племенам с определенными географическими районами и определенными археологическими культурами на территории Приморья. На основании письменных данных А. П. Окладников пишет о том, что племена мохэ знали пашенное земледелие, что у них существовал развитый патриархально-родовой строй. «Мохэские племена достигли, следовательно, к VII в. той высшей ступени в развитии родового строя, на которой при соответствующих условиях закономерно начинается его разложение и переход к классовому обществу, а вместе с ним к государству»²⁹. В целом эти интересные и правильные, как это выясняется на основании теперь уже обширного археологического материала, выводы не имели в то время под собой основы, так как для середины I тысячелетия н. э. в Приморье было известно лишь одно жилище на поселении Осиновка.

Одной из наиболее изученных в Приморье культур является янковская. Больше всего выводов и гипотез связано с изучением ее памятников. В своих исследованиях А. П. Окладников много внимания уделил характеристике быта и хозяйства создателей этой культуры. «Культуре раковинных куч» посвящена самая большая и одна из самых ярких глав в его книге «Далекое прошлое Приморья». Совершенно справедливо автором обращается внимание на роль морепродуктов в жизни древних обитателей Приморья в этот период их истории по сравнению с предшествующим временем. А. П. Окладников указывает также на то, что наряду

с активной добычей морепродуктов обитатели прибрежной полосы занимались также земледелием и скотоводством. «В эпоху раковинных куч в прибрежных районах Приморья возникает специализированная культура морских собирателей, рыболовов и зверобоев»³⁰. Но чем был вызван в это время наряду с определенным развитием земледелия и скотоводства взрыв пассивных форм ведения хозяйства? Автор дает один ответ: для того чтобы мог развиваться рыбный морской промысел, уровень развития должен был достигнуть более высокой ступени.

Археологические раскопки широкими площадями позволили отодвинуть время появления железа в Приморье в глубь веков. Большую роль в этом сыграли исследования на полуострове Песчаном. Достаточно полно этот памятник описан в другой монографии А. П. Окладникова³¹. Здесь дано также большое количество иллюстративного материала. Для Приморья это пока единственная полная публикация археологического памятника. В то же время эта книга не только публикация археологического материала. А. П. Окладников делает ряд выводов, связанных с реконструкцией общественных отношений.

Большое значение для изучения древней истории и ее реконструкции имеют хорошо обоснованные даты. Именно поэтому целая глава разбираемой монографии посвящена выяснению места древнего поселения на полуострове Песчаном в абсолютной и относительной хронологии археологических памятников Приморья. С определением верхней временной границы поселения на Песчаном связан вопрос о времени появления железа в южной части Дальнего Востока СССР. Это время

А. П. Окладников относит к самому началу I тысячелетия до н. э. Для обоснования своего вывода о раннем появлении железа в Приморье он приводит широкий сравнительный материал из сопредельных стран Восточной Азии.

Очень интересны выводы, сделанные А. П. Окладниковым о характере культуры раннего железного века в Приморье. В это время в Китае высокого уровня достигла металлургия бронзы и меди, давно начался бронзовый век в степях Центральной Азии и в сибирской тайге. Прибрежные же районы Восточной Азии и прилегающий к ним островной мир были областью, где скапливались и длительное время сохранялись архаические элементы материальной культуры, в частности каменные орудия. «... На первых порах наличие железа, — пишет А. П. Окладников, — не меняет сколько-нибудь существенно облика всей культуры местного населения и не отражается на его истории как таковой. Культура эта остается в самом существенном прежней, неолитической»³². Своеобразие этого периода состоит в небывалом до этого расцвете техники шлифования, широким распространении изделий из кости.

Большое внимание уделено автором выяснению культурно-исторических и этнографических связей. При определении абсолютного возраста памятников янковской культуры уже в первых публикациях, посвященных разбираемой культуре, А. П. Окладников обращал внимание на близость форм каменных кинжалов и наконечников копий карасукским и тагарским изделиям из бронзы в Сибири и Центральной Азии³³. Эта мысль о связях древнего населения южной части советского Дальнего

Востока с культурами Сибири и Центральной Азии проводится и в монографии, посвященной поселению на полуострове Песчаном. Анализ форм сосудов и орнамента на них, форм каменных орудий, найденных на Песчаном, позволяет А. П. Окладникову генетически увязать янковскую культуру с предшествующей, зайсановской, а характер внутренней планировки жилищ на Песчаном (трехнефность) и расположения поселения на склоне террасами — с более поздними, средневековыми памятниками, что свидетельствует, по его мнению, о местных корнях сложившихся позже средневековых государств³⁴.

В целом об этом периоде автор делает вывод, что это очень важный этап в истории Приморского края, время существенных прогрессивных изменений, которые подготовили переход на более высокую ступень экономики. Раннее появление железа в южной части советского Дальнего Востока оказало влияние на самые отдаленные районы Северо-Восточной Азии, где следы знакомства с железом были найдены на довольно ранних памятниках³⁵.

Для реконструкции хозяйства и общественных отношений А. П. Окладников в своих работах широко привлекает данные этнографии.

Не меньшего объема, чем в Приморье, археологические исследования ведутся Дальневосточной археологической экспедицией, возглавляемой А. П. Окладниковым, в долине р. Амура. Анализ научных публикаций, посвященных археологическим памятникам бассейна Амура, будет вестись нами в той степени, в какой в этих работах будут затронуты проблемы истории Приморья.

Опубликованные работы по этой области можно условно разделить на

две группы. Одна из них посвящена публикации и освещению вопросов и гипотез, связанных с петроглифами южной части Дальнего Востока СССР, другая — результатам археологических раскопок многочисленных памятников бассейна Амура.

В целом исследования, посвященные петроглифам, являются первой интересной попыткой анализа мировоззрения и духовного мира древних обитателей южной части Дальнего Востока СССР, в том числе и в эпоху железного века³⁶.

Анализ одной из групп петроглифов Сикачи-Аляна позволил А. П. Окладникову в одной из статей отнести их к мохэскому времени и сделать вывод о связи мохэских племен бассейна нижнего Амура с тюркскими племенами и раннемонгольскими кочевниками Центральной Азии и Сибири³⁷. Археологические материалы дают возможность проследить исторические связи населения южной части советского Дальнего Востока с древним населением Сибири и Центральной Азии в конце II—первой половине I тысячелетия до н. э. и в середине I тысячелетия н. э. В другой статье исследователь проводит мысль, что на Амуре и в Приморье «...веками развивалась собственная государственность тунгусских по происхождению племен»³⁸.

А. П. Окладников всегда обращает внимание на находки, помогающие решению этногенетических проблем. Так, при раскопках многослойного поселения в районе г. Хабаровска в слое раннего железного века были найдены глиняные модели лодки, колыбели и щитка для защиты руки при стрельбе из лука, которые позволили А. П. Окладникову сделать вывод о наличии тунгусского «культурного комплекса на

Амуре и Уссури еще в I тысячелетии до нашей эры (около IV—III вв. до н. э.)»³⁹.

В статье, посвященной раскопкам первого мохэского могильника в южной части советского Дальнего Востока в пос. Найфельд (бассейн среднего Амура), написанной А. П. Окладниковым совместно с А. П. Деревянко, на основании единообразия погребального ритуала и характера погребального инвентаря они приходят к заключению, что это могильник родовой общины, что ряд погребений принадлежал воинам. Инвентарь могильника позволил им сделать вывод об оседлом образе жизни людей, оставивших кладбище, и о большой роли в их хозяйстве коневодства⁴⁰.

Институтом истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР начата публикация серии выпусков материалов археологических исследований. Первый выпуск посвящен результатам раскопок поселения раннего железного века в бассейне среднего Амура — Кукелево. В кратком введении говорится: «Раскопки этих приамурских «Помпей»... позволяют проследить прогрессивные сдвиги в хозяйстве племен, связанные с распространением железа и влиянием польцевской культуры на Восточную Азию и ее островной мир». Эти материалы дают возможность по-новому решить проблемы происхождения тунгусских племен, «в основе которых лежит северный тунгусский пласт, обогащенный контактом с коренным населением Дальнего Востока (палеоазиатами)»⁴¹.

Начало таких публикаций нельзя переоценить. Они делают возможным при различных построениях не только ориентироваться на мнение того или иного автора, но и сопоставлять

ставлять материалы различных памятников и культур, что несомненно повысит обоснованность и научный уровень построений, касающихся реконструкции исторических процессов в южной части советского Дальнего Востока в ранние периоды истории.

В 1973 г. вышла работа А. П. Окладникова и А. П. Деревянко, посвященная древней истории Приморья и Приамурия⁴². В ней анализируются и обсуждаются результаты исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Книга является большим шагом вперед по сравнению с аналогичным изданием 1959 г. Прежде всего расширена территория изучаемых исторических процессов древности: охватывается вся южная часть Дальнего Востока СССР. При этом большое внимание уделяется тому, что связывало Приморье и бассейн Амура. В книге учтены основные археологические открытия последнего десятилетия, проливающие свет на проблему появления человека на Дальнем Востоке и освоения человеком этого региона. Более широко освещена проблема появления металла на Дальнем Востоке. Поднят и по-новому решается целый ряд вопросов исторического развития древнего населения Дальнего Востока СССР. В частности, для эпохи железного века подчеркивается усиление близости культур, оставленных древним населением Приморья и бассейна Амура. Выдвигается и развивается концепция об особом дальневосточном древнем культурном центре, оказавшем влияние на исторические процессы в Восточной Азии, с ведущей ролью в этих процессах древнего населения бассейна среднего Амура. В развитии культуры раннего железного века отмеча-

ется определенная преемственность от более ранних к более поздним.

Результаты археологических исследований последних лет на территории Приморья и в бассейне Амура позволили авторам по-новому подойти к решению проблемы тунгусского населения⁴³. А. П. Окладников неоднократно в своих исследованиях, посвященных древней истории Восточной Сибири и Дальнего Востока, обращался к вопросу о происхождении тунгусов⁴⁴. Наиболее полно выводы по решению проблемы тунгусского населения были опубликованы в статье, основанной на результатах новейших археологических исследований⁴⁵. А. П. Окладников подчеркивает в указанной статье, что решение этой проблемы имеет не только научное, но и политическое значение: «...здесь сильнее, непосредственнее, чем где-либо в другом разделе исторических изысканий археологов, обнаруживается дыхание идейной борьбы нашего века, прогрессивных и реакционных взглядов на этническую историю и историю культуры. С одной стороны, мы видим при разработке этой проблематики проявление старого европоцентризма, представители которого выражают идеологию империалистов-колонизаторов, мировоззрение агрессивной буржуазии Запада. С другой — не менее, а еще более древний азиоцентризм...»⁴⁶. Отражением этого было раздувание роли древних цивилизаций Европы, а также возвеличивание культур Востока как центров мироздания.

Основываясь на результатах исследований памятников неолитического времени в Восточной Сибири и верховьях Амура, А. П. Окладников и А. П. Деревянко в названной выше монографии делают вывод, что бассейн верхнего Амура

в неолите также входил в область формирования тунгусских народностей⁴⁷. В раннем железном веке в бассейне Амура на памятниках уральской и польцевской культур усиливается пласт, который может быть связан с более северными таежными культурами, созданными предками тунгусов. Происходит процесс слияния земледельческо-скотоводческих культур с более северной таежной культурой и формирование большой этнической общности на территории бассейна Амура, Маньчжурии и Приморья. Особенно интенсивно этот процесс протекал в период существования польцевской культуры в бассейне среднего Амура, ольгинской — в Приморье.

В процессе формирования тунгусских народностей выделяется несколько районов. Три из них привязываются к бассейну Амура: первый — к среднему Амуру и Маньчжурии (долины Сунгари и Нонни), где складывается основной костяк этих народностей; второй — к соседнему району нижнего Амура, где эти процессы протекали менее интенсивно и паряду с тунгусскими элементами в культуре и языке очень сильно сохраняются более древние традиции; третий — к низовьям Амура; этот район включал племена, которые сохранили палеоазиатские традиции; четвертый — к территории Приморья, которая в конце концов также была охвачена процессами сложения тунгусских народностей⁴⁸.

В книгу включены новые очень интересные в научном отношении материалы бассейна среднего Амура, полученные на памятниках железного века I тысячелетия н. э. Они позволяют проследить те изменения, которые происходили накануне сложения Бохайского государства. Про-

слежена связь с более ранними культурами на территории Дальнего Востока СССР, усиление связей в середине I тысячелетия н. э. с тюркским миром Центральной Азии, обращено внимание на сохранение следов этих связей в более поздние исторические периоды⁴⁹.

Среди явлений, которые в I тысячелетии н. э. ставили процессы классообразования на реальную основу у племен, населявших бассейн среднего Амура и Приморья, отмечено широкое распространение изделий из железа, железоделательного производства, развитие пашенного земледелия и коневодства, распространение на поселениях малых домов отдельных семей вместо крупных коллективных жилищ, характерных для более ранних культурно-исторических периодов, появление укрепленных поселений на среднем Амуре⁵⁰.

Выход книги, посвященной древней истории Приморья и Приамурья, несомненно, большое событие в научной жизни историков Дальнего Востока. Книга богата не только новым фактическим материалом, но и интересными научными концепциями, затрагивающими и решающими крупные исторические проблемы древней истории Восточной Азии. В то же время в ней нет разрывного анализа тех сторон археологического материала, которые показывают сложение предпосылок государственности; эти стороны лишь названы. Когда приводятся данные по памятникам ольгинской культуры, то они почему-то связываются лишь с северным Приморьем, хотя многие из этих памятников располагаются в южной части края, в том числе на сопке Булочка, Малой Подушечке, Столовой сопке, Известковой сопке и др. К памятникам мохэской куль-

туры в Приморье причисляется только поселение Осиновка (верхний слой) и совершенно не принимается во внимание для этого периода группа поселений ольгинской культуры, в том числе и Синие Скалы, которые существовали в Приморье вплоть до образования государства Бохай.

К обобщающим исследованиям по археологии Приморья относится диссертационная работа Г. И. Андреева, написанная на основании музейных коллекций и раскопок автора⁵¹. Последняя глава этого исследования посвящена культуре, которая позже определилась как культура раннего железного века. По месту основной локализации памятников этой культуры Г. И. Андреев предложил назвать ее южноприморской⁵².

Большой интерес представляют сделанные им выводы о характере хозяйства. На основании анализа большого количества орудий труда, костей животных, рыб, раковин моллюсков он пришел к заключению, что хозяйство носителей янковской культуры было комплексным и слагалось из скотоводства, земледелия, рыболовства, охоты и морского собирательства. Г. И. Андреев не пытался выяснить, с чем было связано оживление морского собирательства и рыболовства в этот период истории Приморья. В целом же работы этого автора являются чисто археологическими исследованиями, где проводится систематизация и классификация археологического материала. Выводы и обобщения исторического характера занимают в них незначительное место.

К числу монографических исследований, которые в той или иной степени затрагивают вопросы истории эпохи железного века в Приморье,

относится книга Э. В. Шавкунова «Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье». Занимаясь изучением средневековой истории южной части советского Дальнего Востока, он в ряде своих публикаций касается вопросов, связанных с периодом, предшествующим государству, в частности вопросов этногенеза, развития хозяйства, социально-экономических и политических отношений, дипломатических связей с соседними областями, но все это в основном на материалах древних китайских хроник, с очень небольшим привлечением археологического материала в качестве иллюстраций⁵³.

Исследования Э. В. Шавкунова, посвященные непосредственно средневековой археологии, интересны тем, что позволяют определить границу между археологическими памятниками доклассового и классового общества. В нескольких статьях Э. В. Шавкунов касается вопросов датировки и периодизации ранних средневековых памятников Приморья. В публикациях последних лет он неоднократно проводит мысль о местных корнях культуры чжурчженей, о связи материальной культуры раннего средневековья южной части Дальнего Востока СССР с более ранними культурами на этой территории и с материальной культурой малых народностей последующего культурно-исторического периода⁵⁴.

Ряду проблемных вопросов, связанных с историческими процессами в бассейне Амура и на территории Приморья в I тысячелетии н. э., посвящена совместная статья Э. В. Шавкунова и А. П. Деревянко⁵⁵. В своих исследованиях они опирались в основном на письменные источники. В их работе, в частности, говорится о том, что в I—II вв. н. э. в южной части Приморья обитали племена

илоу, а в III в. н. э. в результате распада племенного союза сяньбийцев в южную часть Приморья пропикает пришлое население, оттеснив илоусцев к устью Амура и северо-восточному побережью Приморья. Но если опираться на археологические исследования последних десяти лет, то можно утверждать, что большие этнические перемещения на территории Приморья прослеживаются лишь в конце I тысячелетия до н. э. и что они связаны с какими-то событиями в бассейне Амура.

Авторами приводятся довольно подробные данные о расселении мохэских племен на территории Приморья и бассейна Амура. Интересно положение о появлении у мохэцев пашенного земледелия, которое в предшествующий период было мотыжным, так как для пашенного земледелия не было тягловой силы. Появление пашенного земледелия производит переворот в хозяйстве. Материалы последующих археологических раскопок полностью подтвердили это. Отмечая большое значение коневодства в жизни мохэ, авторы обращают внимание на то, что все летописные источники единодушно подчеркивают, что мохэцы не имели ни коров, ни овец, но зато в их хозяйстве большую роль играло свиноводство. В отношении Приморья эти письменные данные, однако, не соответствуют археологическим. На основании письменных источников авторы указывают также на большую численность войск в племенных объединениях мохэ, появление прослойки богатых людей, пишут о наследственной власти вождей, о наличии рабов.

Много внимания уделяется Э. В. Шавкуновым изучению этногенетических проблем, выяснению корней высокой и яркой культуры эпохи средневековья на территории

Дальнего Востока СССР, связи культуры древнего населения Приморья и бассейна Амура с культурой современных малых народностей⁵⁶. Накопленный в последние годы археологический материал позволяет все более детально проследить истоки культуры чжурчженей от местных более ранних культур железного века. В остро звучащей в политическом отношении статье «Советские ученые о чжурчжэнях» Э. В. Шавкунов детально показывает связи, которые проявляются в сохранении и развитии ряда элементов в материальной культуре чжурчженей, таких, как отопительные сооружения в жилищах — каны, некоторые типы железных наконечников стрел и папцирных пластинок, изделий из бронзы, бус из камня и стекла⁵⁷.

Новый материал по раннему железному веку в Приморье обобщен в серии статей и диссертационной работе Д. Л. Бродянского⁵⁸. Им, вначале совместно с Дальневосточной археологической экспедицией, а впоследствии самостоятельно, был раскопан многослойный памятник Олений 1. Стратиграфия этого поселения позволяет обосновывать последовательность культур в Приморье⁵⁹. Это поселение и еще несколько расположенных неподалеку Д. Л. Бродянский выделяет в особый вариант янковской культуры⁶⁰. Он высказал ряд интересных мыслей, в частности о сооружении укреплений в раннем железном веке⁶¹. В статье, написанной совместно с А. П. Кладниковым, Д. Л. Бродянский развивает ряд положений о дальневосточном очаге древнего земледелия⁶². Не возражая по самой идее раннего появления земледелия в южной части Дальнего Востока СССР, мы не можем согласиться с трактовкой ряда вопросов в этой статье. Без специ-

ального трассеологического исследования к земледельческим орудиям в ней причисляются все обнаруженные при раскопках каменные мотыги, хотя вопрос о назначении каменных мотыг не имеет в археологической литературе однозначного решения⁶³. Трудно согласиться и с выводом Д. Л. Бродянского о существовании в Приморье во II тысячелетии до н. э. пахенного земледелия без каких-либо следов соответственно развитого скотоводства.

Несколько обобщающих работ и серия статей принадлежат перу А. П. Деревянко. Основной темой его исследований являются культуры бассейна Амура. Ряд вопросов решается им с привлечением археологического материала из Приморья. Для эпохи раннего железного века Приморье и бассейн Амура он рассматривает как единую этнокультурную зону.

Раннему железному веку Дальнего Востока, истории его изучения и историографии посвящена первая книга А. П. Деревянко⁶⁴. Во введении к ней подчеркивается влияние появления железа на ход исторического развития в южной части Дальнего Востока СССР. Это, во-первых, сам факт раннего появления железа на рубеже II и I тысячелетий до н. э.; во-вторых, быстрое внедрение изделий из железа во все сферы деятельности человека. Раннее появление железа и быстрое его распространение объясняется автором наличием в Приамурье и Приморье болотных руд⁶⁵. Относительно Приморья можно сказать, что известный материал не подтверждает использования в процессе плавки болотных руд. Этим объясняется и специфика железного века в Приморье, когда древнейшие изделия из железа оказались литыми чугунами⁶⁶.

В первой главе подробно освещаются дореволюционные исследования и работы Дальневосточной археологической экспедиции, возглавляемой А. П. Окладниковым.

Во второй главе рассматривается историография железного века. В настоящее время это наиболее полное исследование в данной области. Подробно разбираются все работы, в той или иной степени касающиеся вопросов железного века. Особый интерес представляют мнения автора, связанные с различными сторонами исторического процесса в эпоху железного века.

Разбирая ранние исследования А. П. Окладникова, где создатели культуры раковинных куч в Приморье отождествлялись с плоу, А. П. Деревянко возражает, считая, что плоу жили не на территории Приморья, а в Северной Корее или северо-восточном Китае⁶⁷. Выше, при разборе работ Э. В. Шавкунова, упоминалось, что он помещал плоу в южной части Приморья. Разногласия между исследователями в данном вопросе свидетельствуют о сложности, возникающей при сопоставлении данных китайских хроник с конкретным археологическим материалом. В целом же, анализируя работы А. П. Окладникова, А. П. Деревянко обращает внимание в основном на типологию и систематизацию археологического материала.

Полемизируя с А. П. Окладниковым и мной по поводу генетической связи между япковской и кроуновской культурами, А. П. Деревянко в качестве аргумента выдвигает факт отсутствия памятников кроуновской культуры в бассейне Амура. Не соглашаясь с датировкой поселения Синие Скалы, он в своих построениях опирается не на стратиграфию памятников железного века в При-

море, а на отсутствие в памятниках пальцевской культуры на Амуре ряда находок, характерных для поселения Синие Скалы⁶⁸. Ставя вопрос таким образом, автор отказывается видеть локальные особенности исторических процессов в двух соседних больших регионах: бассейне Амура и Приморье.

В процессе разбора и анализа монографий и статей, посвященных железному веку юга Дальнего Востока СССР, А. П. Деревянко делает несколько выводов и обобщений. Один из них состоит в том, что «... пока ни в Приамурье, ни в Приморье не выделено памятников раннего железного века, в которых наблюдалась бы какая-то преемственность и связь с мохэской культурой»⁶⁹. Как будет показано нами ниже, в отношении Приморья подобное утверждение не имеет под собой основы. Другой вывод А. П. Деревянко состоит в том, что на территории Приамурья и Приморья в первых веках нашей эры происходит смена населения. В данном случае он повторяет высказывания, сделанные им совместно с Э. В. Шавкуновым в 1964 г. Третий вывод А. П. Деревянко связан с утверждением, что в середине I тысячелетия н. э. население Приамурья и Приморья составляет одно этническое целое⁷⁰.

Ряд вопросов, связанных с проблемами железного века южной части Дальнего Востока СССР, освещены в докторской диссертации А. П. Деревянко⁷¹. Собственно железному веку и предшествующему периоду посвящена вторая часть диссертации. В исследовании отражены результаты многолетних работ Дальневосточной археологической экспедиции в бассейне Амура, благодаря которым собран большой материал, выделены культуры и опреде-

лены их хронология и границы. Постепенно восстанавливаются этапы исторического развития древнего населения бассейна этой великой дальневосточной реки.

А. П. Деревянко выдвигает важный и сложный вопрос об этногенетических процессах в южной части Дальнего Востока СССР на рубеже II и I тысячелетий до нашей эры, а также тезис о том, что в раннем железном веке «в конце II—начале I тысячелетия до н. э. на территории Приамурья и Приморья складывается прочная этническая общность племен с одинаковым бытом и хозяйственным укладом»⁷². Считая ялговскую и урильскую культуры раннего железного века Приамурья и Приморья родственными, он выводит их из одного корня⁷³.

Нам представляется, что решение этого вопроса несколько сложнее. Совершенно верно, что имеются черты сходства в материальной культуре между двумя указанными областями и культурами. Сходство прослеживается и в керамике, и в изделиях из железа и камня, и в конструкциях жилищ. Какова степень этого сходства? Исследования для ответа на этот вопрос не проводились. А между указанными культурами имеется много отличий принципиального характера.

Вопрос о характере связи между древним населением Приморья и Приамурья в эпоху железного века еще ждет своего окончательного решения. Следует также отметить, что большая трудность в решении этногенетических проблем для южной части Дальнего Востока СССР усугубляется отсутствием сопоставимого антропологического материала.

А. П. Деревянко предлагает новое решение вопроса о происхождении кроуновской культуры, считая ее

пришлой в VIII—VII вв. до н. э. в Приморье. Он полагает, что создатели этой культуры ни в какой мере не могут считаться родственными племенам янковской культуры и вступает в полемику по данному вопросу с А. П. Окладниковым и мною⁷⁴.

Им разбирается также вопрос о связи памятников раннего железного века в бассейне Амура с приморскими археологическими памятниками. Урильская культура в Приморье, как известно, генетически связана с последующей там польцевской культурой, начало которой А. П. Деревянко датирует VII—VI вв. до н. э. К этому времени в Приморье он относит поселения на Сивих Скалах, Сенькиной Шапке и другие, предполагая, что в III—II вв. до н. э. племена Приамурья передвигаются в Приморье и вытесняют кроуновцев на юг в соседние районы⁷⁵.

Раскопки многослойных поселений, в том числе на сопке Булочка, в устье р. Партизанской, еще раз подтвердили последовательность культур железного века в Приморье и позволили А. П. Окладникову утверждать, что памятники, близкие польцевской культуре в Приморье, относятся к более позднему времени, чем поселения на Амуре, и следуют за памятниками кроуновской культуры⁷⁶.

В 1973 г. А. П. Деревянко опубликовал еще одну монографию о раннем железном веке Приамурья⁷⁷. Впервые в археологической литературе, посвященной эпохе железного века южной части Дальнего Востока СССР, появилось исследование с подробной характеристикой одной из археологических культур раннего железного века бассейна Амура, урильской культуре. Большой раз-

дел освещает ход исследований древней истории Дальнего Востока.

Несколько слов о полемике со мной по поводу датировки культуры развитого железа в Приморье (ольгипской), а также поселения Сивих Скалы. А. П. Деревянко передвигает время существования этого поселения на тысячу лет, т. е. в середину I тысячелетия до н. э., не учитывая ни особенностей комплекса его материнской культуры, ни датирующего материала, довольно подробно опубликованного в моей монографии «Древнее Приморье». Между тем автор знаком с этой работой, о чем свидетельствуют соответствующие ссылки в конце его книги.

В целом разбираемая монография А. П. Деревянко представляет большой научный интерес. В ней собран и систематизирован богатейший фактический материал, дающий полное представление о характере и особенностях раннего железного века в бассейне Амура. Однако эта книга богата не только интереснейшим научным фактическим материалом, но и интересными историческими концепциями, историческими построениями. В числе узловых проблем, поднимаемых автором, — проблема дальневосточного очага земледелия. Как уже упоминалось, несколько лет назад эта идея была выдвинута А. П. Окладниковым и Д. Л. Бродяжским. А. П. Деревянко развивает ее на более широком историческом и археологическом фоне. Вторая концепция автора — о бассейне Амура как одном из крупнейших культурных центров Восточной Азии, оказавшем влияние на историческое развитие соседних регионов. Третья концепция связана уже непосредственно с урильской культурой, проблемой ее происхождения и дальнейшего развития. Продолжая развивать

далее идею, высказанную им в более ранних публикациях, о формировании большой этнической общности в раннем железном веке в южной части Дальнего Востока СССР, А. П. Деревянко выдвигает тезис о сложении урильско-янковской культуры. Если в книге «Далекое прошлое Приморья и Приамурья» говорится лишь об определенной близости этих культур двух соседних областей раннего железного века, то в разбираемой монографии А. П. Деревянко идет далее, объединяя урильскую и янковскую культуру в одну. При освещении этой проблемы имеется определенная односторонность в суждениях автора, приводятся только элементы сходства и совершенно не разбираются довольно принципиальные различия между этими культурами.

Несколько проблематично звучит тезис о происхождении урильской культуры и затем распространении ее на юг, в Приморье. Совершенно правильно отмечая, что никакую культуру нельзя рассматривать в отрыве от предшествующих и последующих культур, автор, разбирая подробно культуру II тысячелетия до н. э. бассейна Амура и Приморья, даже не упоминает о вознесенской культуре, от которой выводит памятники урильской культуры в заключительной главе монографии⁷⁸.

В своих статьях А. П. Деревянко в основном повторяет выводы и положения, нашедшие свое отражение в разобранных монографиях⁷⁹.

Для понимания исторических процессов на территории Приморья в I тысячелетии н. э. большое значение имеют памятники железного века этого времени в бассейне Амура. Изучением памятников мохэской культуры в бассейне среднего Амура занимается Е. И. Деревянко. Его

собран большой и очень интересный материал, частично опубликованный. Он помогает представить облик культуры, оставленной племенами, обитавшими в бассейне среднего Амура в середине I тысячелетия н. э.

Наиболее полно выводы и положения по этому периоду изложены Е. И. Деревянко в работе, в основу которой положены результаты раскопок могильников⁸⁰. Это представляет тем больший интерес, что могильники наименее изучены и вообще плохо известны в южной части Дальнего Востока СССР. На основании анализа могильников и инвентаря ею исследуется вопрос о происхождении населения этого времени в бассейне среднего Амура. При этом она касается проблемы тунгусских народностей.

Положительной стороной работ Е. И. Деревянко является то, что выводы ею строятся на исследовании конкретного археологического материала. В целом они совпадают с выводами по памятникам ольгинской культуры в Приморье. Культура мохэских племен на Амуре Е. И. Деревянко увязывает с более ранними культурами железного века бассейна Амура, подчеркивая своеобразие материала середины I тысячелетия н. э. и не считая вопрос о происхождении мохэской культуры окончательно решенным. Не менее интересны выводы автора о контактах древнего населения бассейна среднего Амура в середине I тысячелетия н. э. с Восточным Забайкальем и тюркским миром, о связях материальной культуры мохэцев с последующей культурой чжурчженей и с более поздними культурами малых народностей Дальнего Востока.

Несмотря на некоторые особенности погребального инвентаря⁸¹ мо-

гильников середины I тысячелетия н. э. в бассейне среднего Амура и на поселениях ольгинской культуры в Приморье, между ним много общего. Еще большее сходство прослеживается в материале поселений. В этом отношении большой интерес представляет публикация укрепленного поселения на р. Завитой⁸². Вызывает сожаление, что Е. И. Деревянюк не проводит сопоставлений этого поселения с одновременными и очень близкими по облику памятниками ольгинской культуры в Приморье.

Памятники мохэской культуры в бассейне Амура делаются ею на ранние и поздние. Последние датируются VIII—XII вв. н. э.⁸³

О сложности и неполной еще изученности связей мохэ и чжурчжэней на Амуре свидетельствует статья В. Е. Медведева, в которой чжурчжэньский могильник, изучаемый им в бассейне Амура, датируется XI в.⁸⁴

В 1970 г. вышла моя небольшая монография «Древнее Приморье», целиком посвященная эпохе железного века. В ней в научный оборот вводится новый археологический материал, дается его систематизация. Сделаны попытки и исторических построений. Один из наиболее важных выводов в этой работе — о местных корнях культур железного века на территории Приморья, определенной преемственности между ними и их связи с более ранними культурами, о местных корнях складывавшегося в конце I тысячелетия н. э. в Приморье классового общества. Кроме того, мною опубликована серия статей, посвященных различным вопросам железного века Приморья⁸⁵.

Необходимо также отметить несколько работ В. Е. Ларичева, имеющих прямое отношение к разбираемому периоду. Прежде всего это

переводы древних китайских хроник о племенах сушень и плоу⁸⁶. Изложение данных письменных источников содержится в одной из книг этого автора, где описан период, предшествующий сложению империи чжурчжэней⁸⁷. Периодизация археологических памятников и культур, в том числе и железного века в Амурской области, дана Б. С. Салуновым⁸⁸. В целом он повторяет периодизацию, предложенную А. П. Окладниковым и А. П. Деревянюком.

Освещение истории Приморья на уровне археологических знаний прошлого десятилетия дано в сборнике статей по истории Сибири, а затем в первом томе «Истории Сибири»⁸⁹. В «Истории Сибири» далекое прошлое Приморья показано как часть исторических событий в Сибири и на Дальнем Востоке СССР в целом.

Приведенный краткий анализ основных монографий и проблемных статей, написанных по археологическим данным, показывает, как много сделано, особенно за последнее десятилетие, но он же показывает и то, как много предстоит еще сделать. Одной из слабых сторон в археологическом изучении древней истории южной части Дальнего Востока СССР является малое количество опубликованного археологического материала, памятников, в противовес большому числу мелких статей и тезисов, часто вовсе лишенных иллюстративного материала. В результате при анализе культур приходится сопоставлять в ряде случаев не комплексы с комплексами, а археологический материал с мнением того или иного автора. Прав А. П. Деревянюк, считая, что изучение древней истории Дальнего Востока СССР и реконструкцию происходивших в то время процессов необходимо проводить комплексно

совместно с этнографами, антропологами и философами.

В заключение необходимо отметить, что в результате проведения широких археологических исследований на юге Дальнего Востока СССР советскими учеными создана источниковедческая база, являющаяся надежным фундаментом для изучения древней истории. Результаты археологических исследований на Дальнем Востоке СССР относятся к разряду крупных археологических открытий середины XX в. Благодаря этим исследованиям стало возможным выделить особый, самобытный дальневосточный культурный центр. В числе узловых проблем, связанных с древней историей этого региона, стоит проблема формирования классового общества и государств⁹⁰.

- ¹ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; *он же.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112; *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культур южного Приморья III—I тысячелетий до н. э. — МИА, 1960, № 86; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969; и др.
- ² *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.); *он же.* Южное Приморье в эпоху раннего железа. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2; *он же.* Оленийский вариант янковской культуры (по результатам раскопок 1963—1965 гг.). — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в доктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968; и др.
- ³ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока; *он же.* Далекое прошлое Приморья; и др.
- ⁴ *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье. — «Труды Дальне-

- восточного филиала АН СССР». Серия историческая, 1959, т. I; *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у С. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969; и др.
- ⁵ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье; и др.
 - ⁶ *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье.
 - ⁷ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье.
 - ⁸ *Андреев Г. И.* Отчет о работах Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции в 1960 г. — Архив Ин-та археологии, Р—1/2074.
 - ⁹ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.).
 - ¹⁰ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья.
 - ¹¹ *Окладников А. П.* Археологические исследования в Приморье в 1953 году. — «Сообщения Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР», 1955, вып. 8; *он же.* Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке. — КСИИМК, 1958, вып. 71; *Андреев Г. И.* и *Андреева Ж. В.* Работы прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. — КСИИМК, 1962, вып. 88; и др.
 - ¹² *Янковский М.* Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем речки. — «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», 1881, т. XII, № 2-3; *Разин А. И.* Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива — «Советское Приморье», 1926, № 3-4; *Иваньев Л. Н.* Археологические находки в окрестностях Владивостока. — СА, 1952, № XVI; и др.
 - ¹³ *Андреева Ж. В.* и *Андреев Г. И.* Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Лазовском и Хасанском районах Приморского края. 1958. — Архив Ин-та археологии, Р—1/1777; *Андреева Ж. В.* и *Андреев Г. И.* Отчет об археологических исследованиях в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края, произведенных Прибрежным отрядом Дальневосточной археологической экспедиции. 1959. — Архив Ин-та археологии, Р—1/1923; *Андреева Ж. В.* Отчет о разведках в Чугуевском и Кавалеровском районах Приморского края. 1961 г. — Там же, Р—1/

- /2391; она же. Отчет о проведении археологических работ в Восточном Приморье. 1962. — Там же, Р—1/2492; она же. Отчет об археологических работах в Приморье. 1963. — Там же, Р—1/2789; она же. Отчет о раскопках на поселении Малая Подушечка. 1964. — Там же, Р—1/2899; она же. Отчет о раскопках на поселении Сиие Скалы Ольгинского района Приморского края. 1965. — Там же, Р—1/3102; она же. Отчет об археологических работах в Приморье в 1966 г. — Там же, Р—1/3288; она же. Отчет об археологических работах в Приморье. 1967. — Там же, Р—1/3594; она же. Отчет о раскопках в бухте Валентин, Лазовский район, Приморский край. 1968. — Там же, Р—1/3785; она же. Отчет об археологических раскопках на поселении Малая Подушечка в Приморье. 1969. — Там же, Р—1/3949; она же. Отчет об археологических работах в Приморье. 1970. — Там же, Р—1/4167; она же. Отчет о раскопках на поселении Малая Подушечка в Приморье. 1971. — Там же, Р—1/4539; она же. Результаты археологических раскопок на поселении Сиие Скалы в 1972 году. — Там же, Р—1/4968; в работу включены также результаты археологических раскопок на Спих Скалах и в Чапаево в 1973 г.
- ¹⁴ *Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР». Серия историческая, 1959, т. I.
- ¹⁵ *Пак М. Н.* О возникновении и утверждении феодализма в Корее. — В кн.: *Историография стран Востока*. М., 1969, с. 259.
- ¹⁶ *Бичурии П. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950.
- ¹⁷ *Кюпер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- ¹⁸ *Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э.
- ¹⁹ *Ларичев В. Е.* Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах сушень-ялоу. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1964. Серия общественных наук, вып. 3.
- ²⁰ Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В. С. Таскина. М., 1968, с. 7.
- ²¹ *Гумилев Л. П.* Хунну. М., 1960, с. 59—62.
- ²² *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, гл. I; он же. Из истории изучения древнейшего прошлого Приморья. — В кн.: *Археология и этнография Дальнего Востока*. Новосибирск, 1964; *Андреев Г. И.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дисс. М., 1959; гл. I; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970, гл. I; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск, 1970; он же. Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971, Введение; ч. II, гл. I; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, Введение; *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, гл. II, III; и др.
- ²³ *Янковский М.* Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем речки. — «Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества», 1881, т. XII, № 2-3; и др; *Буссе Ф. Ф.* Остатки древности в долинах Илистой, Арсеньевки и Уссури. — «Записки Общества изучения Амурского края», 1888, т. I; *Буссе Ф. Ф.* и *Кропоткин П. А.* Остатки древности в Амурском крае. — «Записки Общества изучения Амурского края», 1908, т. XII.
- ²⁴ *Арсеньев В. К.* Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. — Соч., т. 4. Владивосток, 1947.
- ²⁵ *Разин А. П.* Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. — «Советское Приморье», 1925, № 8; он же. Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива; *Иваньев Л. Н.* Археологические находки в окрестностях Владивостока. — СА, 1952, XVI; *Иваньев Л. П.* Раковинные кучи Приморского края. — КСИИМК, 1952, вып. XLVII; и др.
- ²⁶ Канд. дисс. Л., 1953. Архив Ленинградского отделения Ин-та археологии.
- ²⁷ *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье, с. 13, 29, 35.
- ²⁸ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья.
- ²⁹ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 185—186.

- ³⁰ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 128.
- ³¹ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.
- ³² *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 182, 167.
- ³³ *Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры. — СА, 1956, XXVI, с. 90.
- ³⁴ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 162—169, 173—176.
- ³⁵ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 183—184.
- ³⁶ *Окладников А. П.* Петроглифы нижнего Амура. Л., 1971; *он же.* Олень золотые рога. М., 1964; и др.
- ³⁷ *Окладников А. П.* Петроглифы Сикачи-Аляна. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока (Тезисы докладов на пленарном заседании IV Дальневосточной научной конференции по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии). Владивосток, 1965, с. 21.
- ³⁸ *Окладников А. П.* Из предистории искусства амурских народов (Петроглифы на р. Кия, Уссури). — СА, 1968, № 4, с. 46.
- ³⁹ *Окладников А. П.* Археологические раскопки в районе Хабаровска. — В кн.: Вопросы географии Дальнего Востока, сб. 6. Хабаровск, 1963, с. 281—282.
- ⁴⁰ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской Автономной области. — В кн.: Сибирский археологический сборник, вып. 2. Новосибирск, 1966, с. 257—258.
- ⁴¹ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. — В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. 1. Новосибирск, 1970, с. 3.
- ⁴² *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- ⁴³ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья.
- ⁴⁴ *Окладников А. П.* Неолитические памятники как источник по этногенезу Сибири и Дальнего Востока. — КСНМГ, 1941, IX; *он же.* Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. — «Вестник древней истории», 1938, № 1-2; *он же.* Ленские древно-
- сти, вып. 2. Якутск, 1946; *он же.* Неолитические находки в пизовьях р. Ангара. К итогам работ 1937 г. — «Вестник древней истории», 1938; № 4; *он же.* (рецензия). М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — СА, 1961, № 1; и др.
- ⁴⁵ *Окладников А. П.* Тунгусо-маньчжурская проблема и археология. — «История СССР», 1968, № 6.
- ⁴⁶ Там же, с. 25.
- ⁴⁷ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 287.
- ⁴⁸ Там же, с. 291—301.
- ⁴⁹ Глава «Племена мохэ IV—VII веков н. э. и Бохайское государство».
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Андреев Г. И.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Канд. дисс. М., 1959. — Архив Ин-та археологии.
- ⁵² *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культур южного Приморья III—I тысячелетий до н. э. — МИА, 1960, № 86; *он же.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4; *он же.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дисс. М., 1959. В настоящее время по месту первой находки культура названа янковской.
- ⁵³ *Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. до н. э.; *он же.* Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VII—XII вв. — В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- ⁵⁴ *Шавкунов Э. В.* К вопросу о периодизации и классификации средневековых памятников Приморья. — «Вопросы истории советского Дальнего Востока» (Тезисы докладов и сообщений на IV Дальневосточной научной конференции. Секция археологии, истории дооктябрьского периода, этнографии и филологии), вып. II. Владивосток, 1965; *он же.* Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг. — МИА, 1960, № 86; *он же.* О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968; *Семенченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой сопке. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972; и др.

- ⁵⁵ *Шавкунов Э. В. и Деревянко А. П.* Народы советского Дальнего Востока во второй половине I тысячелетия н. э. (до образования государства Бохай). — В кн.: *Материалы по древней истории Сибири*. Улан-Удэ, 1964.
- ⁵⁶ *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг. — В кн.: *История, археология и этнография Дальнего Востока*. Владивосток, 1967.
- ⁵⁷ «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.
- ⁵⁸ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969.
- ⁵⁹ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье. — В кн.: *Археологические открытия 1967 года*. М., 1968.
- ⁶⁰ *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янговской культуры. — В кн.: *Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР*. Владивосток, 1968.
- ⁶¹ *Бродянский Д. Л.* Укрепленное поселение культуры раковинных куч на острове Петрова. — В кн.: *Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока*. Владивосток, 1965.
- ⁶² *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2.
- ⁶³ *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной зоне Восточной Европы. — СА, 1967, № 1.
- ⁶⁴ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Дальнего Востока (Курс лекций). Новосибирск, 1970.
- ⁶⁵ Там же, с. 4.
- ⁶⁶ *Богданова-Березовская И. В., Гинцбург Б. Б., Наумов Д. В.* Железные кельты из поселения на полуострове Песчаном. Приложение. — В кн.: *А. П. Окладников. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока*.
- ⁶⁷ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Дальнего Востока, с. 105—106.
- ⁶⁸ Там же, с. 142—143.
- ⁶⁹ Там же, с. 161.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Деревянко А. П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.
- ⁷² Там же, с. 51.
- ⁷³ Там же, с. 56, 53.
- ⁷⁴ Там же, с. 56.
- ⁷⁵ Там же, с. 59.
- ⁷⁶ *Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е.* Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1972, № 6. Серия общественных наук, вып. 2, с. 72.
- ⁷⁷ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья.
- ⁷⁸ Там же, с. 102—128, 265.
- ⁷⁹ *Деревянко А. П.* Раскопки поселений раннего железного века у с. Кукелево. — В кн.: *Археологические открытия 1968 года*. М., 1969; *он же*. История среднего Амура в железном веке. — В кн.: *Сибирский археологический сборник*, вып. 2. Новосибирск, 1966; *он же*. В стране трех солнц. Хабаровск, 1970; и др.
- ⁸⁰ *Деревянко Е. И.* Мохэские могильники Среднего Приамурья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1974.
- ⁸¹ *Деревянко Е. И.* Материалы раскопок могильника у с. Троицкого. — В кн.: *Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока*, ч. II. Новосибирск, 1973.
- ⁸² *Деревянко Е. И.* Городище на реке Завитой. — В кн.: *Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока*, ч. I. Новосибирск, 1972.
- ⁸³ *Деревянко Е. И.* К изучению памятников мохэской культуры на Среднем Амуре. — В кн.: *Вопросы истории, социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока*, вып. I. Новосибирск, 1968; *она же*. Раскопки мохэского городища у с. Михайловка. — В кн.: *Археологические открытия 1968 года*. М., 1969; *она же*. Мохэский могильник у с. Троицкого. — В кн.: *Археологические открытия 1970 года*. М., 1971.
- ⁸⁴ *Медведев В. Е.* Раскопки чжурчженских могильников. — В кн.: *Археологические открытия 1970 года*. М., 1971.
- ⁸⁵ *Андреева Ж. В.* Основные итоги изучения жилых комплексов поселения «Синие Скалы» (по материалам раскопок 1958—1965 гг.). — В кн.: *История, археология и этнография Дальнего Востока*. Владивосток, 1967; *она же*. К вопросу о стратиграфии и датировке поселения Синие Скалы. — В кн.: *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 1973; *она же*. Земледелие и скотоводство в эпоху железного века в Приморье. — В кн.: *История и культура народов Дальнего Востока*. Южно-Сахалинск, 1973; *она же*. Древний могильник на сопке Малая Подушечка. —

В кн.: Рефераты докладов и сообщений, вып. I. Владивосток, 1973; и др.

- ⁸⁶ Ларичев В. Е. Китайские известия о племенах плу и сунь. — В кн.: Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, вып. II. Владивосток, 1962; *оп. же.* Летописные сведения о древних тунгусо-маньчжурских племенах сунь-плу. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1964, 9. Серия общественных наук, вып. 3.
- ⁸⁷ Ларичев В. Е. Тайпа каменной чере-

пахи. Западносибирское книжное издательство, 1966, с. 149—157.

- ⁸⁸ Сапунов Б. С. Археология Амурской области. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1971.
- ⁸⁹ Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; История Сибири, т. I. Л., 1968.
- ⁹⁰ Массон В. М. Дальневосточный центр древних культур и его исследователи. — В кн.: Окладникова А. П., Деревяшко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.

ГЛАВА 3.

ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНИХ ПЛЕМЕН ПРИМОРЬЯ В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

(относительная и абсолютная хронология)

Проблема датировок — одна из самых сложных дискуссионных в археологии Дальнего Востока. При выяснении хронологии и периодизации памятников и культур железного века в Приморье применялись методы относительной хронологии, метод аналогий и метод абсолютной датировки. Сопоставление комплексов из различных слоев в многослойных памятниках и условий их залегания позволяет установить определенную последовательность этапов железного века в Приморье, а также соотношения этих этапов с предшествующими и последующими культурно-историческими периодами (табл. 1).

На некоторых памятниках слои, содержащие материалы начального этапа развитого железного века (ольгинской культуры), перекрываются культурным слоем со средневековым материалом: Сенькина Шапка¹, Известковая сопка² и некоторые другие. Подобное сочетание слоев помогает определить верхнюю границу

железного века в Приморье эпохи первобытнообщинного строя.

Исследования раннесредневековых памятников в Приморье, проводимые в последние годы под руководством Э. В. Шавкунова, позволяют утверждать, что культура раннего средневековья в Приморье представляет собой дальнейшее развитие ольгинской культуры. В этом отношении особенно большой интерес представляют результаты раскопок многослойного средневекового памятника на Круглой сопке, расположенного в долине р. Арсеньевки, одного из притоков Уссури, в центральной части Приморья. Нижний культурный слой на Круглой сопке по найденной там тюркской поясной бляшке датируется VIII—IX вв., средний — X—XI вв., верхний — чжурчжэньским временем, XII в., что подтверждается нумизматическим материалом³. Имеется там и почти полностью разрушенный слой кроуновской культуры.

Таблица 1
Относительная хронология этапов железного века

Время		Зайсановка 1	Олений 2	Олений 1	Киевка 3	Кроуновка	О-в Петрова	Малая Подушка	Сопка Булочка	Селькива Шапка	Осшовка	Киевка 5	Соколычи	Синие Скалы	Известковая сопка	Круглая сопка
Развитое железо	Раннее средневековье									+					+	+
	Ольгинская культура							+	+	+	+	+	+	+	+	
Раннее железо	Конечный этап (кроуновская культура)			+		+	+		+					+	+	+
	Начальный этап (янковская и другие культуры)	+	+	+	+	+	+	+				+				
Культуры III—II тысячелетий до н. э.		+	+	+	+	+	+		+	+	+		+			
Мезолит, палеолит			+	+							+					

Не меньший интерес для выяснения верхней границы железного века эпохи первобытнообщинного строя и последовательности культур в железном веке вообще представляет Известковая сопка, расположенная в южном Приморье, в долине р. Артемовки. Верхний культурный слой этого интересного памятника относится к раннему средневековью⁴. На этом памятнике были обнаружены находки, типичные для кроуновской культуры⁵ (конечный этап раннего железа в Приморье) и для начального этапа ольгинской культуры⁶.

Не меньший интерес представляет чередование слоев в более ранних многослойных памятниках. На многослойном поселении на сопке Булочка, находящемся в южном При-

морье, недалеко от г. Находки, верхний культурный слой содержит материал ольгинской культуры, средний — кроуновской (конечный этап раннего железного века), нижний — неолитический⁷. Точно такое же чередование культурных слоев отмечено в многослойном поселении восточного Приморья Соколычи, расположенном в долине р. Черной⁸.

Другие многослойные поселения позволяют проследить чередование более ранних этапов железного века. Многослойный памятник Олений I, расположенный в южной части Приморья, содержит в двух верхних горизонтах культурного слоя материал двух этапов раннего железного века: кроуновской культуры и янковской⁹. Такое же чередование культурных

слоев прослеживается в многослойном поселении в центральном Приморье, в долине р. Кроуновки¹⁰, и в восточном Приморье, на о-ве Петрова¹¹.

В ряде случаев культурный слой, содержащий остатки жилищ и предметы, характерные для начального этапа раннего железного века, подстилается культурным слоем зайсановской культуры. В качестве примеров могут быть упомянуты поселения Зайсановка 1¹², Олений 1 и Олений 2¹³ в южном Приморье, Кроуновка¹⁴ — в центральном Приморье и поселения Киевка 3¹⁵ и на острове Петрова¹⁶ — в восточном Приморье.

Таким образом, стратиграфия многослойных памятников в южной и центральной части Приморья помогает довольно четко установить последовательность культур железного века: наиболее ранней является янковская культура, за ней следует кроуновская, а затем ольгинская, вплоть до раннего средневековья.

Гораздо сложнее решить вопрос с датировкой каждого этапа, установить точно их верхние и нижние границы. Вся прежняя система датировок памятников эпохи первобытнообщинного строя Восточной Азии была основана на датировках по аналогиям и опиралась на китайскую хронологию. При этом довлело предубеждение, что страны Восточной Азии развивались с известным отставанием от стран Запада, а области Дальнего Востока СССР, Маньчжурии, Кореи и других соседних стран Восточной Азии, в свою очередь, отставали в развитии от районов центрального Китая.

Хронология первобытных памятников Китая была основана на предположениях Дж. Андерсона, который был убежден, что китайская крашевая керамика заимствована из Запад-

ной Азии и, следовательно, должна быть более поздней. Эти предположения оказались неверными, а хронология, предложенная Андерсоном, — не имеющей под собой основы. В результате накопления серии абсолютных дат в последние десятилетия выяснилось, что Японские острова, например, являются одним из древнейших в мире центров керамического производства и керамика — один из основных определяющих моментов неолитической культуры — восходит там к 8000 г. до н. э. Выяснилось, что в Юго-Восточной Азии земледелие возникло около 11 тыс. лет назад. Более древними, чем было принято считать, оказались, судя по серии радиоуглеродных дат, неолитические культуры в Корее. Совершенно особым самобытным культурным центром с ранним появлением железа оказался советский Дальний Восток¹⁷.

Шаткость датировок неолитических китайских памятников подчеркивалась и советскими археологами. Уже давно было ясно, что в этом вопросе необходим принципиально новый подход к хронологии культур¹⁸.

В 1972 г. в Китае после шестилетнего перерыва вновь начал выходить археологический журнал «Каогу». В 1-м и 5-м номерах этого журнала за 1972 г. было опубликовано 29 радиоуглеродных дат. Часть из них значительно удревает традиционные датировки. В частности, одна из основных стоянок культуры яншао датируется IV тысячелетием до н. э. Американский журнал в комментарии к этому материалу подвергает сомнению обоснованность предложенных дат¹⁹.

Хорошо поставлена разработка абсолютных дат для Японских островов. Имеется большое количество ра-

диокарбонатовых и обсидиановых дат со стоянок различного времени. За последние 16 лет японские образцы обрабатывались в 14 лабораториях разных стран. Весь этот материал собран и проанализирован в статье Морлан²⁰.

Большая работа ведется советскими учеными над получением серий абсолютных дат с использованием новейших методов и учетом различных вариаций и изменений исследуемого изотопа (C^{14})²¹. На Дальнем Востоке СССР большая работа по обоснованию датировки выделенных культур проведена Н. Н. Диковым на Камчатке и Ю. А. Мочановым в Якутии²². Появляется серия абсолютных дат и по памятникам различных периодов южной части Дальнего Востока СССР²³, что заставляет в ряде случаев пересматривать установившиеся традиционные датировки по аналогиям.

Судя по данным относительной хронологии, культуре раннего железного века в Приморье, янковской, предшествуют зайсановская, маргаритовская культуры и культура поздней бронзы, представленная поселением в долине Харинской. Памятники маргаритовской культуры в восточном Приморье датируются по каменным кинжалам, имитирующим карасукские образцы, концом II тысячелетия до н. э. Имеется радиокарбонная дата, полученная на одном из поселений маргаритовской культуры в бухте Морьяк-Рыболов, — 2210 ± 60 лет до н. э.²⁴, а также с поселения в Кировском²⁵. Большой интерес для датировки этапа, предшествующего раннему железному веку в Приморье, имеют памятники в районе оз. Хапка: в долине Харинской и около с. Синий Гай. Видимо, эта культура относится к несколько более позднему времени, чем зайсановская. На поселении Си-

ний Гай найдены бронзовые пуговицы, украшения и пожи, близкие карасукским образцам²⁶. Д. Л. Бродянский относит ножи к поздним карасукским образцам²⁷.

Хронология янковской культуры и валептиновской группы памятников в Приморье определяется следующим образом: янковская культура датируется по аналогиям каменным изделиям, характерным для памятников данной культуры, имитирующим бронзовые кинжалы и пакопечники коний, хорошо известные на широкой территории в карасукскую и тагарскую эпохи от Южной и Восточной Сибири до Центральной Азии. Насколько сибирская бронза может являться проверенным аргументом в вопросах датировки, служит хотя бы такой факт, как тщательный анализ ордосских бронз, проведенный Истмаром, при сопоставлении с хорошо документированными находками на территории СССР, который был специально сделан для датировки китайской юаньской бронзы²⁸. Но характер и количество каменных имитаций не позволяют установить точное время их появления. Поэтому вопрос о верхней хронологической границе янковской культуры является предметом постоянных споров и уточнений²⁹. При всем том ни у кого не возникает сомнения, что население, оставившее памятники янковской культуры, обитало в южной части Приморья в первой половине I тысячелетия до н. э. Время от времени делаются попытки расчленить янковскую культуру хронологически на несколько периодов. Но ни одно из предложенных членений не является общепризнанным, так как сделано или на основании результатов раскопок разведывательного характера³⁰, или на основании изучения одного³¹ либо двух-трех па-

мятников³² и не применимо ко всей культуре в целом.

При определении времени конечного этапа раннего железного века в Приморье, представленного памятниками кроуновской культуры, использованы результаты радиоуглеродового анализа угля из однослойного поселения в пади Семипятной, расположенного в районе оз. Ханка³³, и метод аналогий. Вопрос о датировке этой культуры также постоянно дискутируется³⁴. Одной из причин дискуссий является большой хронологический разрыв между датами, полученными методом аналогий и в результате радиоуглеродового анализа: последний дал X—XI вв. до н. э., а метод аналогий — VI—III вв. до н. э. Определение нижней границы кроуновской культуры усложняется также предложенной Д. Л. Бродянский датировкой верхнего слоя поселения Синий Гай. Напомню, что поселение Синий Гай (верхний слой) предшествует памятникам кроуновской культуры. Более того, Д. Л. Бродянский выводит генетически памятники кроуновской культуры от культуры бронзы типа Харинской и верхнего слоя Синий Гай. Радиоуглеродовая дата поселения в Семипятной — X в. до н. э. Дата верхнего слоя Синего Гая (по Бродянскому) — VIII в. до н. э.³⁵ В южных, а также в центральных районах Приморья памятники кроуновской культуры следуют за памятниками янковской.

Разногласия в установлении точных верхних и нижних хронологических границ памятников янковской и кроуновской культур свидетельствуют о недостаточной еще разработанности вопросов датировки в южной части Дальнего Востока СССР, о необходимости более подробной разработки абсолютных дат для этой области и разбираемого периода.

Если принять во внимание стратиграфию многослойных памятников южного Приморья, то для южных районов края датировка кроуновской культуры, полученная методом аналогий, представляется более обоснованной. Д. Л. Бродянский сделал попытку выделить три этапа в кроуновской культуре³⁶.

Период развитого железа включает в себя памятники, относящиеся к эпохе первобытнообщинного строя, такие, как Синие Скалы, Сенькина Шапка (средний слой), и памятники раннего средневековья, такие, как Круглая Сопка, Марьяновское городище. Для удобства обозначения назовем культуру развитого железа эпохи первобытнообщинного строя, памятники которой на территории Приморья дают довольно единообразный материал, ольгинской культурой по наиболее изученному поселению этой культуры Синие Скалы, расположенному недалеко от поселка Ольга.

Среди памятников ольгинской культуры, характеризующих собой начальный этап развитого железа, выделяются более ранние и более поздние. Ранняя группа поселений (Малая Подушечка — верхний слой, Киевка 3 — верхний слой) методом аналогий и нумизматическими находками датируется последними веками до нашей эры — первыми веками нашей эры.

Начало ольгинской культуры в Приморье может коррелироваться сопоставлениями с культурами сопредельных областей. Некоторые элементы, которые впоследствии будут характеризовать материал ольгинской культуры, появляются в памятниках раннего железного века бассейна Амура, урильской культуры. Радиоуглеродовых дат памятники урильской культуры не имеют³⁷. Еще

более черты сходства прослеживаются с памятниками последующей культуры раннего железного века на Амуре — польцевской. Имеется радиоуглеродная дата с одного из основных поселений этой культуры, датированная X в. до н. э.³⁸ В середине—второй половине I тысячелетия до н. э. на Японские острова проникает большая волна пришлого населения с материка, создавшая там культуру яси. Памятники этой культуры имеют хорошо обоснованные даты³⁹. Некоторые элементы культуры яси увязываются с памятниками польцевской культуры бассейна Амура⁴⁰ и ранними памятниками ольгинской культуры в Приморье⁴¹. Если учитывать названные факты, а также то, что ольгинская культура следует в Приморье за кроуновской, то ее начало может быть отнесено к последним векам до нашей эры — рубежу нашей эры. Поздняя группа поселений ольгинской культуры датируется серединой I тысячелетия н. э. по аналогиям, по нумизматическому материалу и на основании радиоуглеродного анализа⁴². Этим же и несколько более поздним временем датируются близкие по материалу к ольгинской культуре памятники мохэской культуры также в бассейне среднего Амура⁴³.

Дальнейшее развитие ольгинской культуры происходит в эпоху раннего средневековья и изучается по комплексам, представленным находками нижнего слоя многослойного средневекового памятника Круглая Сопка, датированного VIII—IX вв. н. э. методом аналогий, по нумизматическому материалу и тюркским бляшкам и другим предметам⁴⁴.

Заканчивая краткий обзор вопросов хронологии культур железного века Приморья эпохи первобытно-общинного строя, мы можем отме-

тить, что наиболее обоснована хронология ольгинской культуры. В то же время нет еще основ для четкого определения нижней хронологической границы этой культуры в Приморье. Еще меньше данных для определения четких хронологических границ культур раннего железного века. Наиболее отработанной в настоящее время является относительная хронология, последовательность археологических культур.

Необходимо отметить, что в последние годы в южной части Дальнего Востока СССР ведется изучение четвертичной стратиграфии, в том числе и всего голоценового периода. Возможно, в ближайшем будущем получат более четкое решение проблемы хронологии археологических культур южной части Дальнего Востока СССР.

- 1 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 158—159.
- 2 Результаты разведки сотрудника Сектора археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР Галактионова О. С.
- 3 *Семенченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой сопке. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- 4 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 145, 282—283.
- 5 *Окладников А. П., Шавкунов Э. В.* Погребения с бронзовыми кинжалами (Приморье). — СА, 1960, № 3.
- 6 Сборы О. С. Галактионова в 1970 г.
- 7 *Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е.* Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1972, № 6. Серия общественных наук, вып. 2.
- 8 *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970, с. 15.
- 9 *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1

- в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968.
- 10 *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- 11 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Новосибирск, 1969, с. 5.
- 12 *Андреев Г. И.* Поселение Зайсановка 1 в Приморье. — СА, 1957, № 2.
- 13 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла.
- 14 *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- 15 *Андреев Г. И.* Отчет о работах в Приморье Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции в 1960 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2074.
- 16 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла.
- 17 *Честер С. Чард.* Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии. — СЭ, 1967, № 2.
- 18 *Массон В. М., Мерперт Н. Я.* Вопросы относительной хронологии Старого Света. — СА, 1958, № 1, с. 275.
- 19 «American Antiquity», 1973, vol. 38, N 3, p. 361.
- 20 *Morlan R. E.* Chronometric dating in Japan. — «Arctic anthropology», 1967, vol. IV, N 2.
- 21 *Колчин Б. А., Шер А. Я.* Абсолютное датирование в археологии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- 22 *Диков Н. Н.* Древние культуры Камчатки и Чукотки. Докт. дисс. Новосибирск, 1971; *Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В.* Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. — В кн.: История и культура народов севера Дальнего Востока. М., 1967; *Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи 1 и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; и др.
- 23 *Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (По данным радиоуглеродного метода). — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии, с. 69; *Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М., Романова Е. Н.* Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). — СА, 1961, № 2, с. 11; *Семенов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. — СА, 1969, № 1; *Семенов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. Н.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969). — СА, 1972, № 3.
- 24 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 197—199; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 128.
- 25 *Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М., Романова Е. Н.* Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}), с. 11.
- 26 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 195.
- 27 *Бродянский Д. Л.* Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- 28 «American Antiquity», 1973, vol. 38, N 3, p. 362.
- 29 *Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры. — СА, 1956, XXVI, с. 90; *он же.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, с. 173—176; см. также другие работы данного автора; *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4, с. 17—18; *он же.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дисс. М., 1959, с. 13—14; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 46—50; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 13—16.
- 30 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч.
- 31 *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 174—176.
- 32 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 14.
- 33 *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 173—176.
- 34 *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР». Серия историческая, 1959, т. I, с. 35; *он же.* Далекое прошлое Приморья, с. 158; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 78—80; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 16—19.

- ³⁵ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 18—19.
- ³⁶ Там же, с. 16—17.
- ³⁷ См. книгу А. П. Деревянко «Ранний железный век Приамурья».
- ³⁸ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 276—277.
- ³⁹ Morlan R. E. Chronometric dating in Japan, p. 195—198, 207.
- ⁴⁰ Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 277.
- ⁴¹ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья, с. 178; Андреева Ж. В. Древнее Приморье, с. 134—135.
- ⁴² Андреева Ж. В. Древнее Приморье, с. 134—137.
- ⁴³ Деревянко Е. И. Мохэские могильники Среднего Приамурья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1974, с. 3; Семенов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. Н. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА (1968—1969).
- ⁴⁴ Семенченко Л. Е., Шавкунов Э. В. Раскопки на Круглой Сопке.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ГЛАВА 1.

ЯНКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Ранний железный век в Приморье представлен археологическими памятниками нескольких культур. Наиболее изученной является янковская. Ее памятники расположены в южной части края и тяготеют к морскому побережью. Область распространения этой культуры — от Хасанского района на юго-западе края до устья р. Киевки на юго-востоке.

Коротко ознакомимся с географическими условиями, в которых формировалась эта культура. Привлекаются данные современной географической среды. Но насколько правомерно их использование и перенесение в прошлое, отстоящее от современности на две с лишним тысячи лет? Что касается рельефа, береговых линий, залежей полезных ископаемых, то использование этих данных вполне правомерно. Но как быть с климатом, изменения которого оказывают большое влияние на растительный и животный мир? Проведение пыльцевого анализа погребенной почвы из нижнего слоя многослойного поселения в долине р. Кроуновки, относящегося к культурно-историческому периоду, предшествующему времени, разбираемому в данной главе, показало близость древней и современной раститель-

ности, что свидетельствует об относительной стабильности климата в Приморье на протяжении последних 4 тыс. лет¹. Следовательно, вполне правомерно использование современных данных по географической среде при восстановлении исторических процессов на территории Приморья в I тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.

Приморский край в большей своей части представляет горную страну. Горы здесь занимают $\frac{4}{5}$ территории. В основном это хребты Сихотэ-Алиня, общее простираение которых совпадает с направлением береговой линии Японского моря. Юго-восточные склоны Сихотэ-Алиня круто спускаются к морю.

Берега Приморского края омывают воды Японского моря, одного из самых глубоких окраинных морей. Подводная материковая отмель развита слабо. Приливы имеют незначительную высоту. Вдоль побережья в южном направлении проходит холодное приморское течение.

Для Приморья характерно большое число рек. Это горные неглубокие реки с быстрым течением и каменистым дном². Они характеризуются резкими изменениями уровня в засушливые и дождливые месяцы. Про-

тяженность их обычно не превышает 100—120 км. Наиболее крупные реки южной части Сихотэ-Алиня — Артемовка, Суходол, Партизанская и Киевка³.

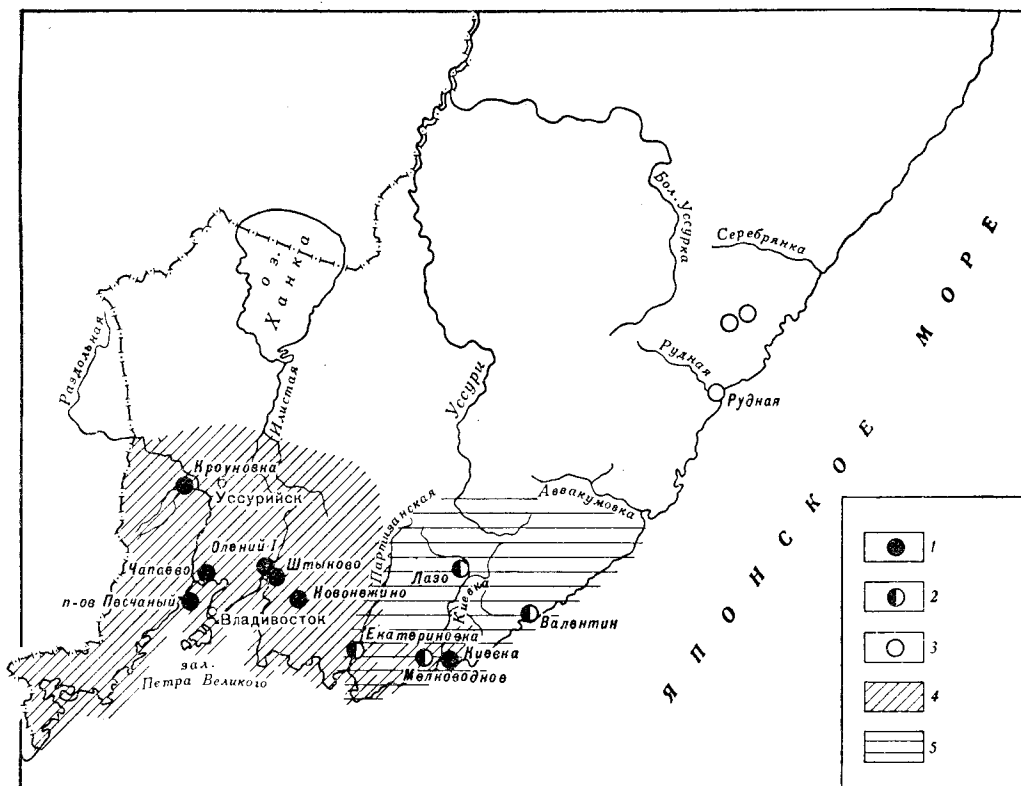
В северную часть Амурского залива впадает р. Раздольная. Ее низовья заболочены и пересечены многочисленными протоками. В залив Петра Великого впадают небольшие реки (от 20 до 40 км), берущие свое начало с восточных склонов Черных гор⁴.

Карта распространения памятников раннего железного века в Приморье

1 — поселения янковской культуры; 2 — поселения валентиновской группы; 3 — поселения северо-восточного Приморья; 4 — ареал памятников янковской культуры; 5 — ареал валентиновской группы памятников

Для Приморья характерен типично муссонный климат с малоснежной относительно холодной и солнечной зимой, прохладной затяжной весной, теплым влажным летом и теплой солнечной сухой осенью⁵. В южном Приморье среднегодовая температура равна +5,7 градусов. В январе, самом холодном месяце, средняя температура на побережье достигает —12—13 градусов. В самом теплом месяце, августе, средняя месячная температура на побережье составляет +18—20 градусов.

Дожди идут главным образом летом, особенно во второй его половине, и начале осени. В этот период за сутки может выпасть до 250 мм осадков. В зимне-весенний период осадков выпадает мало, высота снеж-

ного покрова невелика: на южном побережье — от 5 до 20 см⁶.

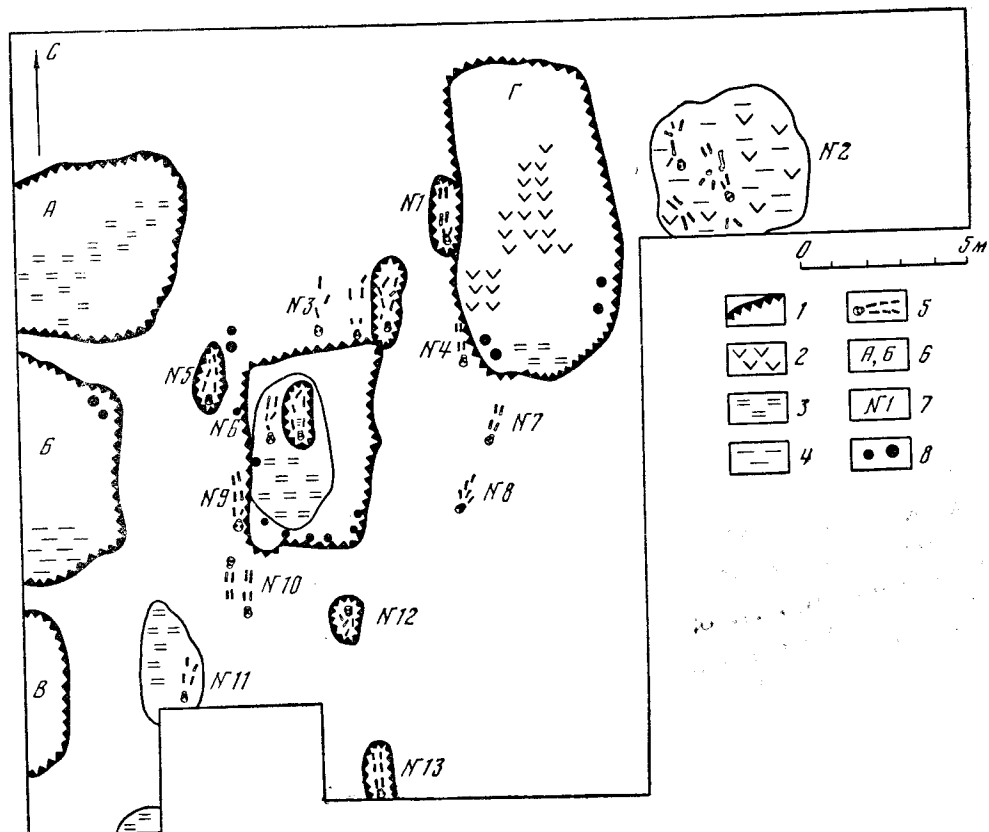
На сравнительно ограниченной территории южного Приморья локализуется большое число поселений янковской культуры. В настоящее время их известно около 60. Ни для какой другой археологической культуры в Приморье в эпоху первобытнообщинного строя не известно такого же количества памятников.

План поселения Малая Подушечка (нижний слой)

1 — границы углублений; 2 — углистые скопления; 3 — жженая глиняная обмазка; 4 — глина; 5 — захоронения; 6 — жилища; 7 — номера захоронений; 8 — ямки от столбов

Поселения янковской культуры располагаются на террасах или сопках, на высоте от 8 до 20 м и выше над уровнем моря или реки. Поселения, расположенные ниже, немногочисленны.

В ряде случаев поселения янковской культуры группируются на довольно близком расстоянии друг от друга. Интересная мысль о взаимной их связи была высказана в свое время А. И. Разиным. Он считал, что они находились в пределах взаимной видимости на господствующих в данной местности высотах и могли быть связаны сигнализацией. В частности, им упомянута группа поселений в районе устья р. Артемовки⁷. Но это

интересное предположение и сейчас относится к области гипотез, так как только проведение широких раскопок группы близко расположенных памятников с анализом и сопоставлением комплексов с них позволят установить их взаимосвязь.

Поселения янковской культуры тяготеют к морскому побережью. При этом в их расположении наблюдаются некоторые особенности. Некоторые поселения находятся непосредственно на морской береговой полосе и на островах, другие же в долинах рек или в приустьевой их области на террасах.

Представление о памятниках янковской культуры в долинах рек дает поселение на сопке Малая Подушечка. Последняя находится в долине р. Суходол, впадающей в Уссурийский залив. Малая Подушечка расположена к северо-западу от с. Новонежино, в пойме левого берега р. Суходол, и представляет собой небольшую гору, вытянутую с севера на юг, с обрывистыми склонами, особенно с южной и восточной сторон. К западному, более пологому склону сопки примыкает вторая надпойменная речная терраса. Здесь на склоне и террасе располагалось поселение. Оно двухслойное: нижний слой относится к янковской культуре, верхний — к ольгинской.

Хотя раскопками здесь вскрыто всего около 600 кв. м, характер расположения культурных остатков достаточно ясен. Материал янковской культуры концентрируется в нижней части склона и на террасе, в то время как верхняя часть склона занята остатками жилищ и культурными напластованиями ольгинской культуры.

Если учесть ширину зоны с остатками жилищ и других сооружений янковской культуры, то площадь поселения не превышает 1000 кв. м.

Поселение не имеет оборонительных сооружений. Раскопано немного более половины поселка, однако внутренняя планировка памятника ясна. Западной границей его является край террасы с обрывистым склоном, вдоль которой обнаружены остатки небольших полуземлянок, площадью около 20 кв. м, имеющих в плане очертания, близкие к четырехугольнику. Частично раскопаны остатки трех таких жилищ. Западные части их разрушены.

На северо-восточной окраине поселка располагалось жилище площадью около 50 кв. м. В центре жилища отмечено сильно прокаленное очажное пятно. На западной окраине пятна найден обломок бронзовой пластинки. В юго-западной части жилища, на полу, обнаружен углестый слой, содержащий скопление жженой глиняной обмазки и следы выплеска металла.

Вдоль стен котлованов от жилищ с интервалом примерно через 1 м шли ямки от столбов. Следовательно, полуземлянки имели каркасную конструкцию.

Все жилища однокамерные и располагались по кругу.

Нераскопанная площадь и характер склона позволяют предполагать в юго-западной части поселка наличие еще не более двух-трех жилищ. Таким образом, поселение янковской культуры в нижнем горизонте Малой Подушечки оказалось небольшим, состоящим, по всей видимости, из четырех-пяти небольших жилищ площадью около 20 кв. м каждое, и одного-двух более крупных — площадью около 50 кв. м.

В центральной части поселка найдены остатки мастерской. В конструктивном отношении она не отличалась от жилищ. Это была четырехугольная в плане полуземлянка,

ориентированная по странам света. Вдоль стен котлована прослеживались ямки от столбов, составлявших некогда основу конструкции стен. Внутри котлована найдены развалы двух печей для обжига посуды. Каркас этих печей состоял из прутьев и травы. Снаружи и внутри он был покрыт толстым слоем глины: в кусках глиняной обмазки из развалов хорошо видны пустоты, сохранившие форму прутьев и травы. В одном из развалов было найдено шесть горшков, в другом — светильники на высоком цилиндрическом поддоне. Керамика по форме и оформлению типична для янковской культуры. Обжиг горшков, видимо, не был доведен до конца, судя по слабому тесту, которое распалось при мытье находок.

Остатки еще двух печей были найдены за пределами мастерской, к югу от нее. Эти печи находились на естественном склоне. Около них не было никаких следов навесов или каких-либо иных сооружений. Одна из печей оказалась пустой, во второй были сосуды. В нижней части одной из печей под 40-сантиметровым слоем глиняной обмазки удалось проследить горизонтальную площадку, покрытую тонким слоем обожженной глины. Ниже шел углистый слой.

В одном из жилищ, расположенном недалеко от печей, на полу у южной стенки было найдено скопление чистой светлой глины. Рядом с этим скоплением, а также около развалов печей найдены каменные плиты для растирания и каменные шлифованные ножи.

Полностью раскопано поселение янковской культуры Олений 1 в районе устья р. Артемовки.

Олений 1 — многослойный памятник, содержащий четыре культурных горизонта: мезолит, зайсановскую

культуру, янковскую культуру и кроуновскую культуру. Горизонт, содержащий материал янковской культуры, — третий снизу. В нем обнаружены остатки 18 жилищ-полуземлянок, площадь поселения не превышала 2000 кв. м. Вокруг поселения не было признаков оборонительных сооружений⁸. Поселение расположено на мысу, возвышающемся над болотистой поймой реки на 20 м. Остатки жилищ прослежены на уплощенном гребне мыса и на северном его склоне в виде террас. Для внутренней планировки поселения характерна тесная группировка жилищ⁹. Все жилища имели четырехугольную в плане форму и были ориентированы выходом в сторону реки¹⁰.

Основную группу составляли жилища площадью от 17 до 34 кв. м¹¹. Глубина котлованов была от 40 до 90 см. Ямки от столбов шли вдоль стен котлованов и в центре. Очаг в виде небольшого углубления или горелого пятна располагался в центре или северо-западном углу¹². У входа была ступенька и каменная плита¹³. Во вторую группу Д. Л. Бродянский выделяет жилища площадью от 11 до 14 кв. м с одной-двумя ямками для опорных столбов и небольшим очагом в центре¹⁴. Площадь жилищ третьей группы достигала 80 кв. м. Их кровля покоилась на нескольких рядах столбов, отстоящих друг от друга на 1,4—2,4 м. В южной части одного из крупных жилищ найдены следы трех очагов. Крупные сооружения располагались в центральной части поселения¹⁵.

На межжилищном пространстве найдены следы производственной деятельности в виде скопления наконечников стрел и отщепов, а в одном из жилищ, в ямке, обмазанной глиной, — 11 наконечников и 19 за-

готовок¹⁶. В этом же помещении обнаружено два скопления мелких камней¹⁷.

Д. Л. Бродянский пишет о существовании на поселении наземных пристроек к жилищам и хозяйственных ям за пределами жилищ¹⁸. Он указывает также на существование на поселении Олений 1 многокамерных помещений¹⁹.

Поселение Олений 1 — одно из нескольких, расположенных неподалеку одно от другого. На многослойном памятнике этой группы Олений 2 вскрыто около 500 кв. м. К янковской культуре относится верхний его слой. Олений 2 расположен на мысовидной сопке, возвышающейся над долиной р. Артемовки на 40—45 м. Гребень сопки дугообразно выгнут в восточном направлении. Жилища располагались как по гребню, так и по юго-западному склону, идущему амфитеатром. На склонах они расположены как бы на террасах²⁰.

На поселении Олений 2 Д. Л. Бродянский выделяет многокамерные помещения, связывая воедино три близко расположенных жилища: два на верхней террасе, а третья под ними, на нижней²¹. Положения, высказанные Д. Л. Бродянским, несомненно интересны, но требуют тщательных доказательств, тем более в отношении жилищ на многослойных памятниках при расположении террасами.

Интересна еще одна деталь, отмеченная на поселении Олений 2: вдоль бортов котлована жилища 1 прослеживались насыпные валики шириной до 50—70 см²².

На этом же поселении были найдены остатки хранилища для запасов пищи: вдоль стен одного из помещений было 14 ям, в которых стояли крупные глиняные сосуды²³. Воз-

можно, это было общественное хранилище.

В пойме р. Артемовки на мысовидных сопках расположено еще два поселения янковской культуры. Одно из них, Олений 5, состояло из жилищ-полуземлянок. Прослежено более 20 углублений от них диаметром от 5×6 до 8×10 м²⁴.

Памятники янковской культуры, кроме поселений, расположенных в долине рек, известны в большом количестве непосредственно на морском берегу. Лишь на некоторых из них на поверхности прослеживаются углубления от полуземлянок.

Поселения янковской культуры имелись на полуострове Песчаном. Оно расположено на западном побережье Амурского залива и, имея в плане очертания, приближающиеся к треугольнику, соединяется с материком узким длинным перешейком.

Поселение, которое было раскопано, условно названо поселение 1. Оно располагалось в восточной гористой части полуострова на террасе высотой около 25 м и было удалено от береговой полосы примерно на 150 м. На поверхности поселение прослеживалось в виде тесного скопления углублений от 19 жилищ. Площадь его не превышала 3000 кв. м. Поверхность террасы в центральной части поселения сравнительно горизонтальная, в северной — поднимается вверх и жилища располагались здесь как бы ступенями²⁵.

Особенностью поселения 1 является его однослойность. На протяжении всего периода функционирования оно не претерпело никаких катастроф. Поселок состоял из однокамерных жилищ, представлявших собой полуземлянки, углубленные основанием в грунт до 90 см от современной поверхности. Форма жилищ в той или иной степени приближа-

лась к удлиненному прямоугольнику. Некогда вдоль стенок котлованов или столбы на некотором расстоянии друг от друга, составляя несущую конструкцию стен. В нескольких случаях отмечены камни, некогда подпиравшие стены.

Внутри трех наиболее крупных жилищ (1, 3 и 5) сохранились ямки от столбов, несших на себе кровлю. Четырехугольная форма котлованов и характер расположения опорных столбов позволяют предполагать, что кровли у жилищ поселка были двускатные.

Таблица 2

Соотношение размеров ямок от столбов с их взаимным расположением и площадью жилищ *

№ жилища	Диаметры ямок, м	Расстояния между ямками, м	Площадь жилища, кв. м
1	0,05—0,1	1,5—2	115—120
2	нет св.	1—1,5	120—140
3	» »	1	160—170
4	» »	нет св.	70—80
5	0,18—0,2	1,5—2	270
6	0,17—0,25	нет св.	70
7	нет св.	» »	108
8	0,15—0,2	» »	50
9	0,05—?	» »	70
10	0,12—0,2	0,4	35
11	нет св.	нет св.	70
12	0,2	» »	70
13	нет св.	» »	55
14	» »	» »	60—70

* Данные для таблицы взяты из книги А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока», гл. II.

Проведен анализ некоторых особенностей заполнения жилищ, их конструктивной специфики, в частности прослежена взаимосвязь между расположением ямок от опорных столбов, размерами ямок и размерами жилищ (табл. 2).

Обращает на себя внимание, что ямки от столбов имеют небольшой диаметр. В значительном по площади жилище 1 — 5—10 см, в жилище 5 — 18—20 см. Глубина ямок в большинстве случаев составляет 10—15 см. Если учесть, что диаметр ямок несколько больше диаметра столбов, то ясно, что в большинстве случаев каркас стен составляли жерди или нетолстые стволы деревьев. Определенная закономерность прослеживается и в интервалах между столбами: от 1 до 1,5—2 м. Анализ конструкций жилищ поселения 1 на полуострове Песчаном позволяет предполагать, что это были легкие каркасные постройки.

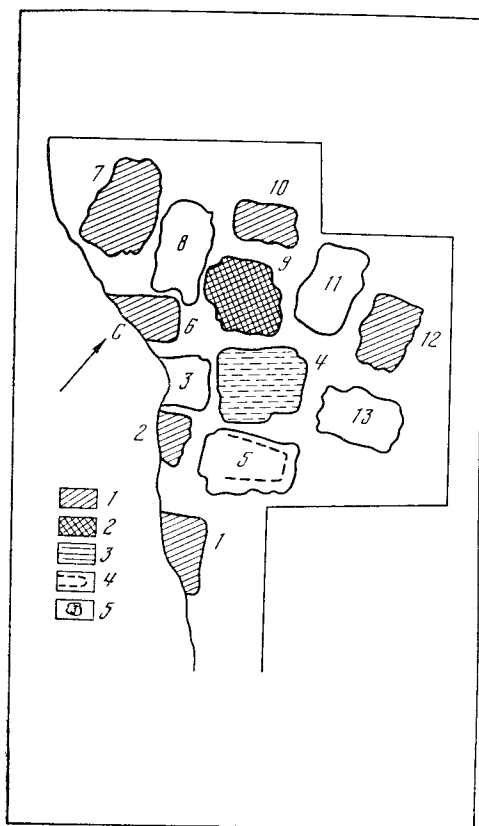
В этой связи интересно проследить характер остатков очагов в жилищах. Очаги в большинстве случаев располагались в центре помещений, в каждом — по одному очагу, исключая жилища 4 и 5, где очажные пятна найдены не только в центре помещений, но и у стен. Однако оба этих случая спорные, поскольку у автора раскопок возникло предположение о наслаивании в указанных жилищах разновременных котлованов. Всюду примечателен очень слабый по мощности очажный слой.

Если сравнить жилища на поселениях Малая Подушечка, Олений 1 и Олений 2 с жилищами поселения 1 на полуострове Песчаном, то ясно видна разница в их размерах. На полуострове Песчаном самые маленькие жилища имели площадь 35—50 кв. м, в то время как на Малой Подушечке — около 20 кв м, а самое крупное — 50 кв. м. В последнем имелись следы двух очагов. На поселении Олений 1 площадь основной массы жилищ колебалась от 11 до 34 кв. м. Лишь два-три самых крупных имели около 80 кв м. На Песчаном же средняя величина площади

жилища — около 100 кв. м. Жилища поселений Малая Подушечка, Олений 1, Олений 2 отличаются от жилищ поселения 1 не только размерами, но и хорошей утепленностью. В самом большом жилище поселения Олений 1 было три очага, а в гораздо больших помещениях на Песчаном — только по одному. Очажные напла-

План расположения жилищ на поселении 1 на полуострове Песчаном (из кн. А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока»)

1 — котлованы жилищ, засыпанные раковинами; 2 — древнейшее жилище поселения; 3 — наиболее древнее жилище из поздней группы жилищ; 4 — совмещение котлованов двух жилищ; 5 — поздняя группа жилищ

ствования на поселении Малая Подушечка носили следы длительности сильного огня. Отсутствие мощных напластований в очагах, легкие каркасные постройки заставляют видеть в поселении 1 на полуострове Песчаном сезонный поселок, который ежегодно посещался, но лишь в теплое время.

В процессе раскопок было обращено внимание на характер расположения находок в культурном слое. А. П. Окладников сделал вывод, что жилища покидались в спокойной обстановке, так как основная масса находок была связана с заполнением, которое появилось после того, как жилище было оставлено²⁶.

Анализ характера заполнения жилищ дал интересные результаты. Среди отбросов, оставленных жителями поселка, более всего найдено створок раковин моллюсков. Было принято предположение, что створки сбрасывались в котлованы заброшенных жилищ. Когда с этой точки зрения анализировались культурные напластования, то выяснилось, что скопления раковин имелись лишь в жилищах 1, 2, 6, 7, 9, 10, 12. Интересным в связи с указанным фактом оказалось и количественное распределение костей животных по жилищам. Более всего костей находилось в жилище 9. В целом же большое число костей собрано в жилищах, в которых отмечались и напластования раковин: 1, 2, 6, 10. Сравнительно много костей животных было собрано также в жилищах 8 и 14²⁷.

Таким образом, по характеру культурных напластований стало возможным выделить более ранние жилища, заполненные напластованиями створок моллюсков, и более поздние, в заполнении которых не оказалось раковин.

Особенности залегания культурного слоя позволили А. П. Окладникову сделать вывод о разновременности некоторых близко расположенных друг к другу жилищ. Им было отмечено, что жилище 6 моложе жилища 9, жилище 8 моложе жилища 6, жилища 3 и 5 моложе жилища 4. Результаты наблюдений А. П. Окладникова представляют для нас большой интерес, так как жилища 6 и 9 вошли в группу более древних сооружений поселка и, следовательно, жилища этой более древней группы сооружений разновременны. Жилище 8 относится к группе более поздних, и то, что оно моложе жилища 6, еще раз подтверждает правильность нашего вывода. Но более поздние сооружения также оказались разновременными. Более того, котлован жилища 5 дважды использовался для постройки. Следовательно, вывод о двух хронологических периодах в существовании поселения, сделанный А. П. Окладниковым²⁸, не подтверждается, таких хронологических этапов для данного памятника было не два, а гораздо больше.

Можно предположить, что на поселении одновременно функционировало четыре-пять, а может быть, и меньше жилищ. Соответственно и площадь поселка была меньше, чем это представлялось на основании всех остатков жилищ. Если принять во внимание только поздние жилища, а именно — 3, 5, 8, 11 и 13, то получается, что эти сооружения располагаются как бы по кругу. Это тем более интересно, что планировка жилищ на поселении 1 на полуострове Песчаном совпала по характеру с планировкой поселения Малая Подушечка. Впечатление же о компоновке жилищ «гнездом» сложилось в результате того, что новые

сооружения возводились рядом со старыми, заброшенными, вплотную к ним.

А. П. Окладников определяет поселение 1 как общинный поселок, состоящий из коллективных жилищ²⁹. Различия в размерах жилищ не связаны с какой-либо имущественной дифференциацией. Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует характер археологических находок. Но на поселениях Олений 1 и Малая Подушечка наряду с большими жилищами есть и малые, причем в количественном отношении они преобладают. Д. Л. Бродянский не мог не заметить различий между поселением Олений 1 и поселением на Песчаном. Он объяснил эти различия разницей во времени, выделив особый вариант культуры типа Олений 1³⁰.

Д. Л. Бродянский предположил, что на заре существования янковской культуры поселения состояли преимущественно из маленьких жилищ, а в более позднее время из больших коллективных. Если же принять предположение, что поселение на Песчаном являлось сезонным поселком, а Олений 1 и Малая Подушечка — постоянными, то появляется другая возможность объяснить различия в размерах жилищ. Малые жилища на постоянных поселениях могли служить убежищем парным семьям. В постоянном поселке было возможно членение общины на какие-то мелкие единицы, отражением чего и явились малые жилища. В сезонных же поселках, куда приходили на короткие промежутки времени, группировка жителей поселка шла по каким-то иным принципам и поэтому возводились только большие коллективные жилища.

Наиболее крупные сооружения в поселках А. П. Окладников и

Д. Л. Бродянский выделяют в качестве общественных зданий³¹.

Жилища на поселениях янковской культуры относятся к каркасно-столбовым. Этот тип построек в течение нескольких последних тысячелетий был характерен для многих районов Восточной Азии³². В то же время жилые постройки отдельных больших регионов в различные культурно-исторические периоды имели свои особенности. На Корейском полуострове каркасные жилища этого времени, так же как и в Приморье и на Амуре, — полуземлянки, но в плане они были не только прямоугольными, но и округлыми. Пол части жилищ выстилался каменными плитками, очаги окопировались плитами и имели четырехугольную форму³³. В Японии каркасные жилища-полуземлянки также были не только четырехугольной, но и округлой формы³⁴. В долине р. Хуанхэ в это время были наземные жилища, четырехугольные, однокамерные. Под опорные столбы в этих жилищах подкладывались каменные базы³⁵.

Что касается выявленной внутренней планировки поселков, видимо, это особенность приморских памятников. В близлежащих соседних районах подобная планировка для первой половины I тысячелетия до н. э. пока неизвестна.

На протяжении многих веков металлургия определяла общий уровень развития. Именно эта область человеческой деятельности оказывала революционизирующее влияние на все сферы хозяйственной жизни человеческих коллективов. В этой связи большое значение имеет выяснение вопроса о появлении и развитии местной металлургии в Приморье.

Первые следы знакомства с металлом и металлургией в Приморье связаны с памятниками II тысячелетия

до н. э. На поселении этого времени, на восточном побережье Приморья, в бухте Валентин, Г. И. Андреевым было найдено большое число каменных мотыг, терок, терочников. С. А. Семепов, проведя трассиологический анализ находок этого поселения, пришел к выводу, что мотыги служили для добывания рудного тела, а дальнейшие обработка и дробление руды производились на плитах из морских галек курантами яйцевидной формы. По мнению С. А. Семенова, не дифференцированность форм мотыг, плит для растирания и курантов с поселения в бухте Валентин свидетельствует о начальной стадии металлургического производства³⁶. Г. И. Андреевым на этом поселении были найдены две глиняные ошлакованные льячки. Анализ показал, что шлак был железным³⁷.

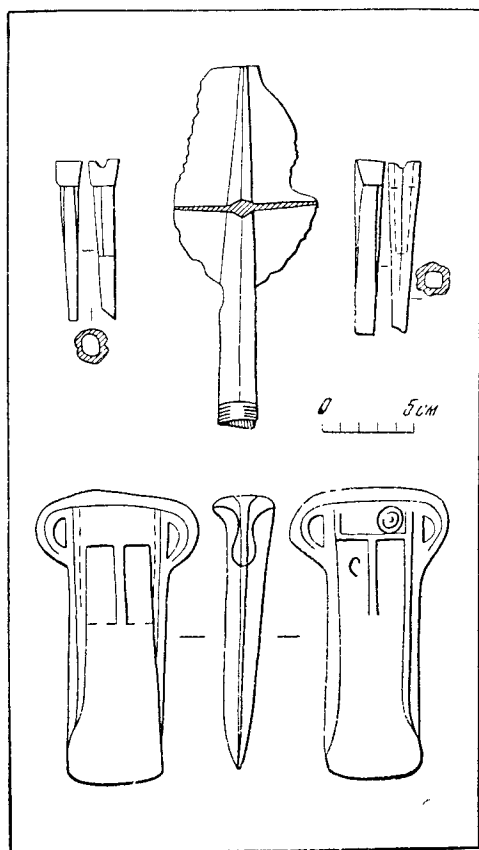
На памятниках второй половины II тысячелетия до н. э. появляются изделия из камня, имитирующие литые бронзовые предметы. На поселении в пади Харинской найдены каменный наконечник копья и бляшка, имитирующие бронзовые предметы³⁸. На поселениях маргаритовской культуры конца II тысячелетия до н. э., расположенных в Ольгинском районе, обнаружены каменные киялки и наконечники копий, служащие подражанием бронзовым (в бухте Морьяк Рыболов³⁹ в с. Пермском, в пещере у подножья Синих Скал, в нижнем слое поселения Синие Скалы)⁴⁰. Имеются доказательства, что обитатели поселения Синие Скалы в конце II тысячелетия до н. э. не только знали металл, но и сами отливали металлические предметы. При раскопках остатков литейной мастерской середины I тысячелетия н. э. из верхнего культурного горизонта данного поселения были обнаружены каменные литейные формы

со следами вторичного употребления⁴¹.

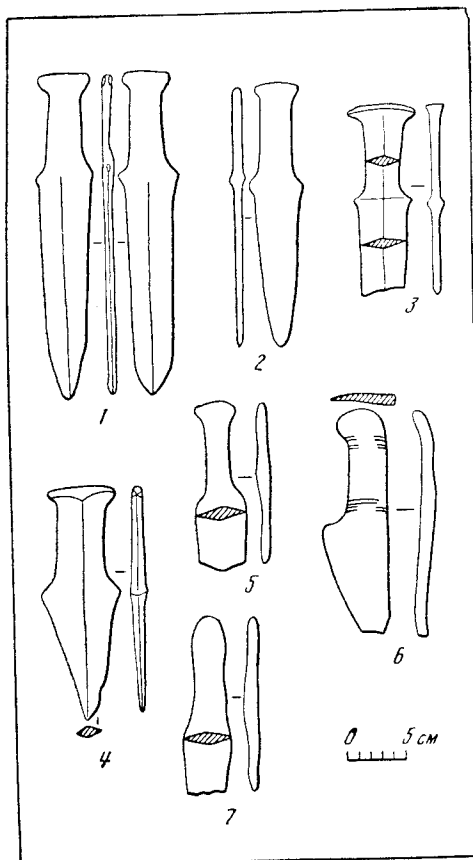
При строительстве жилищ и мастерских в поздний период функционирования поселения Синие Скалы, т. е. в середине I тысячелетия до н. э., а также при рытье котлованов под различные сооружения разрушался культурный слой более раннего поселения. Видимо, тогда и были найдены и использованы древние каменные формы для литья. Предметы, которые первоначально

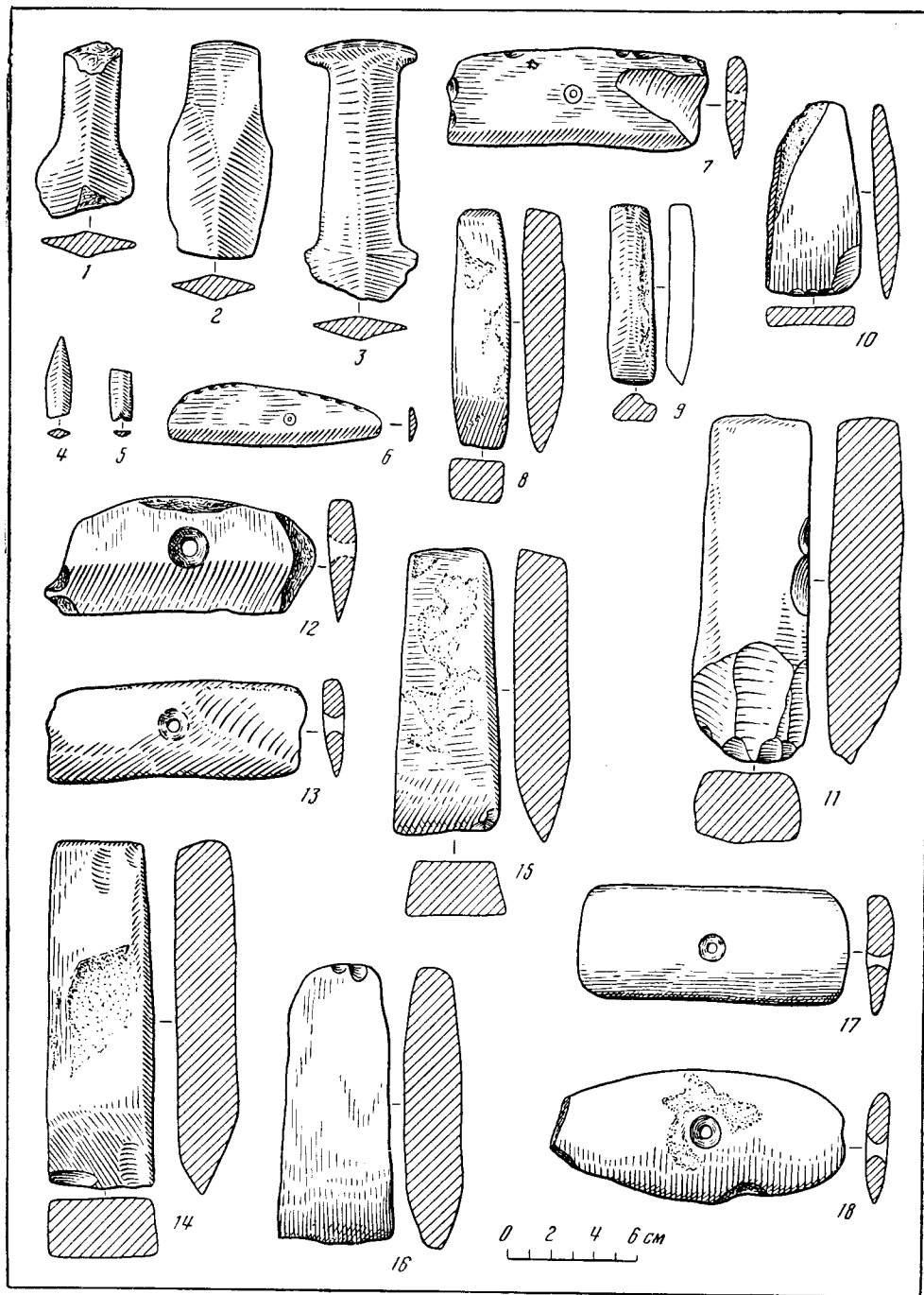
отливались в формах, очень напоминают каменные имитации бронзовых предметов, находимых в памятниках маргаритовской культуры. Наконечники копий в типологическом отношении увязываются с наконечниками сейминско-турбинского типа, встречающимися на обширной территории не только в европейской части нашей страны, но и в Поволжье, Западной Сибири, Южной Сибири и Забайкалье⁴². Находки, сделанные на поселении Синие Скалы, позволяют

Изделия из бронзы (случайные находки)

Каменные кинжалы с поселений яковской культуры (1—7)

утверждать, что обитатели Приморья во второй половине II тысячелетия до н. э. не просто знали изделия из бронзы, но и умели их изготавливать.

Изделия из бронзы известны с поселения Синий Гай, расположенного в районе оз. Ханка. Типологически они близки к позднекарасукским образцам⁴³.

Изделия из бронзы известны и на поселениях янковской культуры, но они крайне немногочисленны: небольшая бронзовая пластинка с поселения Олений 1⁴⁴, обломки тонкой бронзовой пластинки с поселения Малая Подушечка и некоторые другие. Изделия из бронзы известны также из сборов прошлых лет. Например, бронзовый кельт из окрестностей Барабаша, обломок бронзового зеркала из окрестностей Тавричанки⁴⁵. На поселении Малая Подушечка обнаружены следы бронзолитейного производства.

Несмотря на то, что на поселениях янковской культуры изделия из бронзы немногочисленны, ряд фактов свидетельствует о хорошем знакомстве древних обитателей края с этим металлом. Для периода раннего железного века в Приморье вообще и для поселений янковской культуры в частности характерны многочисленные поделки из камня, имитирующие бронзовые. Необходимо отметить при этом, что копируются чаще всего совершенно определенные предметы: ножи, кинжалы, наконечники копий. Эти шлифованные изделия из сланцевых пород образуют целые серии. Часть из них лишь отдаленно напоминает металлические оригиналы,

часть же воспроизводит их достаточно точно. Сходство наиболее ярких имитаций с бронзовыми оригиналами позволило исследователям использовать указанную особенность описываемой категории находок для датировки янковской культуры. Отдельные находки, как, например, нож с острова Попова, напоминают карасукские ножи. Но гораздо больше кинжалов, являющихся подражанием более поздним тагарским образцам. Это находки на поселении 1 на полуострове Песчаном, Малой Подушечке и в других местах⁴⁶.

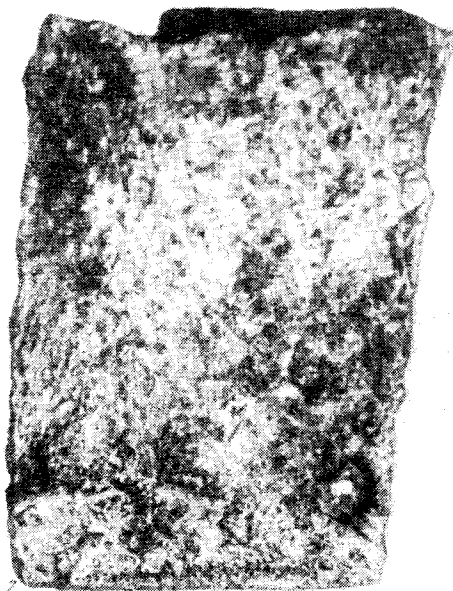
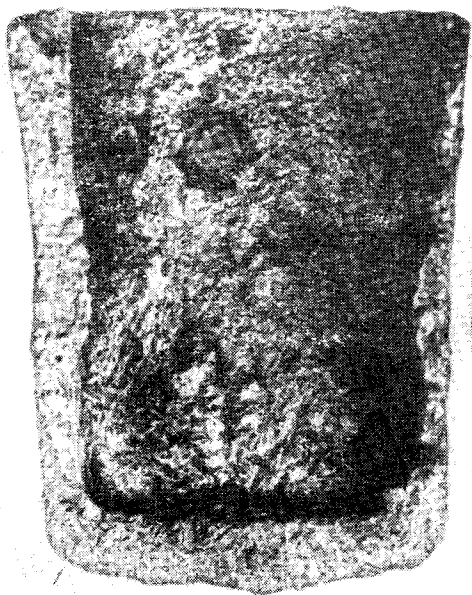
Область распространения каменных кинжалов и наконечников копий, имитирующих бронзовые, гораздо шире ареала распространения памятников янковской культуры. Подобные находки известны на поселении раннего железного века в бухте Валентин⁴⁷, на поселениях раннего железного века континентальных и северных районов края: в среднем слое поселения в окрестностях Кроуновки⁴⁸, в районе бухты Рудной. Подобное же явление отмечено для памятников долины Амура, а также для территории Восточной Азии, в том числе Корейского полуострова и Японских островов⁴⁹, и отражает своеобразие процесса знакомства древнего населения Дальнего Востока с бронзой. В начальном этапе раннего железного века в Приморье происходит сохранение и дальнейшее развитие традиций, которые складываются в металлургии Приморья во II тысячелетии до н. э.

Каков характер изделий из бронзы на памятниках Приморья конца II и первой половины I тысячелетия до н. э.? Какова их типологическая принадлежность? С какими культурными центрами может быть связано развитие этой области деятельности древних обитателей края?

←

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—3 — кинжалы; 4, 5 — наконечники стрел; 6, 7, 12, 13, 17, 18 — ножи, 8, 9 — долота; 10, 11, 14—16 — тесла

Анализ литейных форм с поселения Синие Скалы, изделий из бронзы с поселения Синий Гай, кинжалов и наконечников копий с поселений маргаритовской и янковской культур позволил выявить типологическое сходство с карасукскими и тагарскими образцами — сходство очень стабильное.

В течение многих веков существовали устойчивые связи между древними обитателями Приморья и Восточного Забайкалья через бассейн Амура и, возможно, степные районы Центральной Азии⁵⁰. Результаты археологических исследований позволяют сделать вывод о наличии исторических контактов во второй половине II тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия до н. э. между населением Приморья, Восточного Забайкалья и Южной Сибири.

Ранний железный век — это время появления и распространения изделий из железа. Первоначально они немногочисленны, но их появление и распространение оказало огромное революционизирующее влияние на весь ход исторического развития древних обитателей Приморья. Железо явилось тем металлом, появление и распространение которого привело к коренным изменениям в производственной и общественной жизни обитателей края. Собранный археологический материал позволяет проследить прогресс как в самих изделиях из железа на протяжении I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э., так и в хозяйственной и общественной жизни. Результаты археологических раскопок последнего десятилетия дают возможность рас-

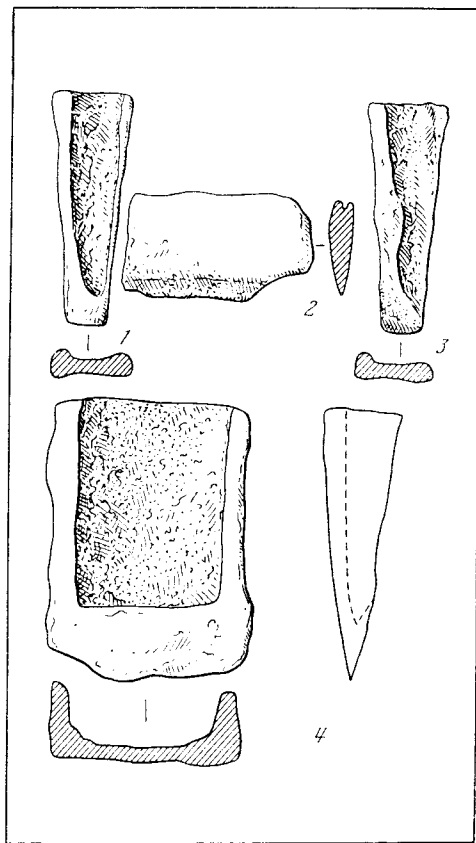
Железные кельты с поселения Малая Псдушечка (нижний слой) (1, 2)

смагивать не единичные находки, а комплексы железных вещей, найденных на поселениях.

Ведущее место среди изделий из железа в комплексе нижнего слоя поселения Малая Подушечка занимают кельты (7 экз.). Они четырехугольные в сечении, размерами около $9 \times 6 \times 3$ см. Ширина щек на протяжении всей длины орудия не меняется. Боковые стенки к рабочей части суживаются. Все кельты одного типа. Иногда внутри них за-

Изделия из железа с поселения Малая Подушечка (нижний слой)

1, 3 — насады на сельскохозяйственные орудия; 2, 4 — обломки кельтов

метны следы истлевшего дерева — остатки рукояти. Кроме кельтов, найдены два железных насада удлиненно-трапециевидной формы с невысокими бортиками-закраинами (ширина насадов 2,5 см, длина 8—9 см); наконечник для ремня и три обломка предметов, первоначальная форма которых не восстанавливается.

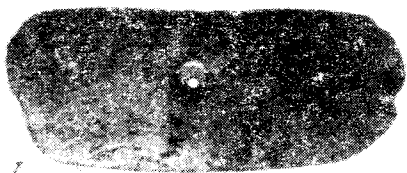
На поселении Олений 1 в слое янковской культуры найдено шесть железных орудий, которые А. П. Окладников и Д. Л. Бродянский считают насадами на деревянные сельскохозяйственные орудия. Форма этих предметов довольно устойчива, так же как и их размеры. Они представляют собой удлиненные трапециевидные пластины с закраинами⁵¹.

На поселении 1 на полуострове Песчаном найдено шесть железных предметов: два кельта и четыре обломка небольших железных стерженьков⁵².

Нигде на поселениях янковской культуры не обнаружено явных следов железной металлургии в виде шлаков, руды и других проявлений этого процесса.

Два кельта с полуострова Песчаного были подвергнуты спектральному анализу, который показал, что примесей в металле немного. Металлографический анализ помог выяснить, что оба кельта были литые, чугунные. Один был отлит из серого чугуна в земляной форме, другой — из белого чугуна в металлической форме. Оба кельта обладали высокой твердостью и, видимо, дополнительной обработке не подвергались⁵³.

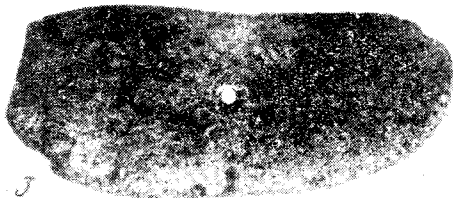
Можно ли с уверенностью отрицать наличие местного металлургического производства в раннем железном веке в Приморье? Видимо, нет. Несмотря на то, что янковская культура изучена лучше других культур раннего железного века

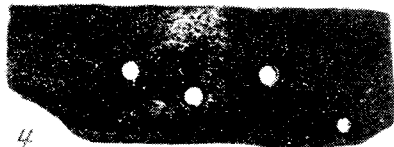
1

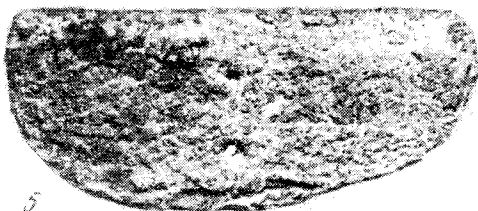
2

3

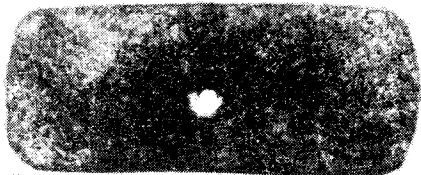
4

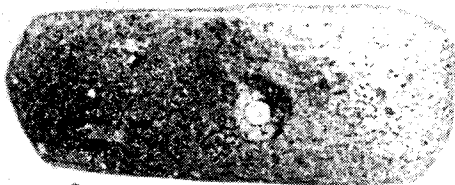
5

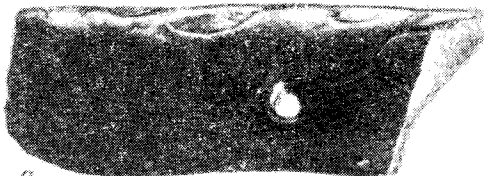
6

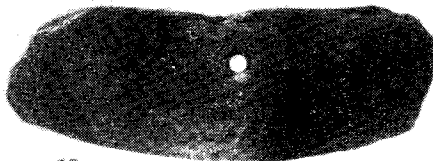
7

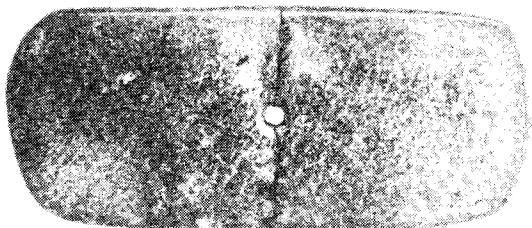
8

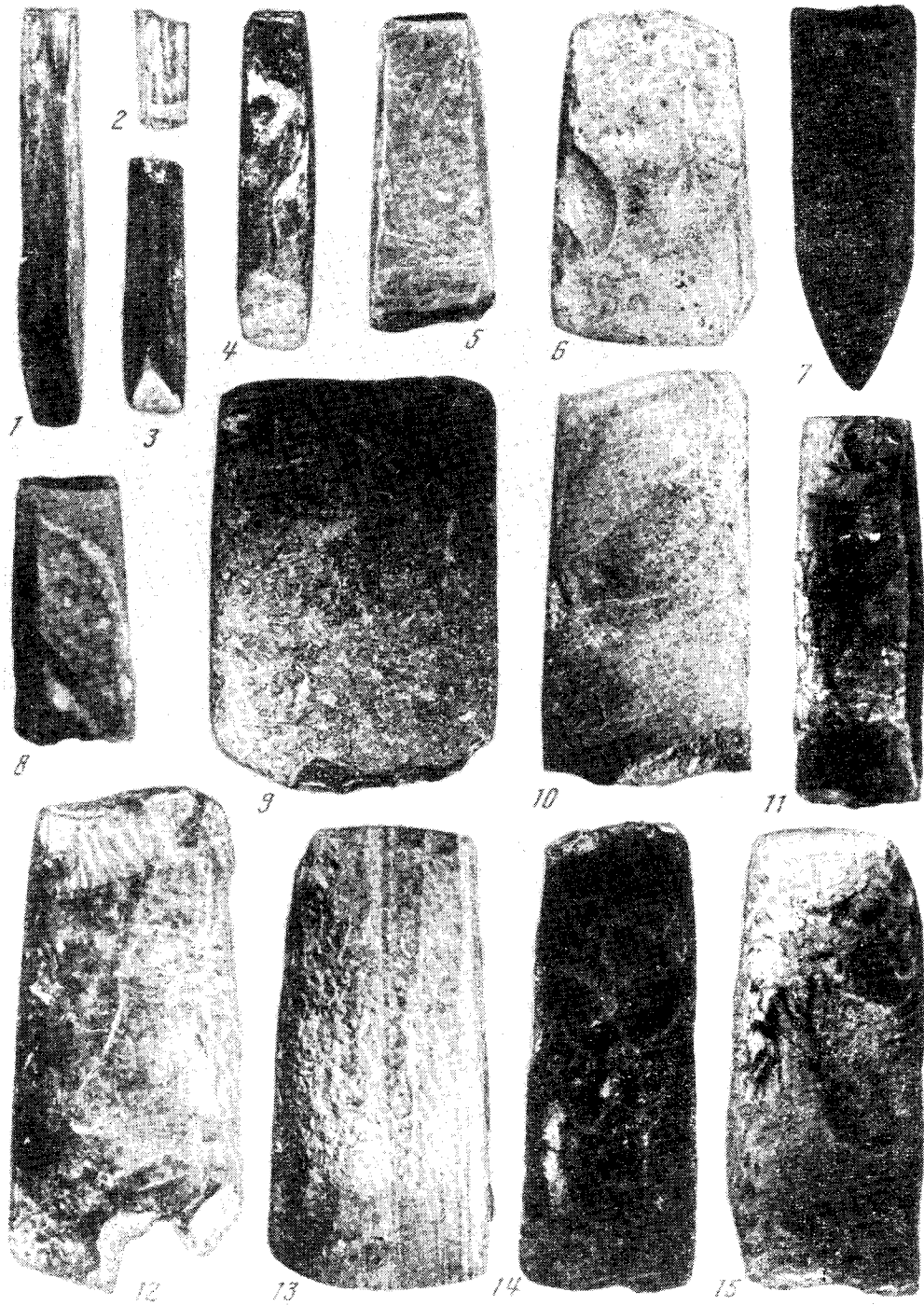
9

10

11

жанности определенных традиций производства.

Как правило, культурный слой поселений янковской культуры очень насыщен находками. Не является исключением и поселение Малая Подушечка. Но этот памятник двухслойный. Большая часть нижнего слоя, относящегося к янковской культуре, разрушена. Анализ находок ведется только из непотревоженной части нижнего культурного слоя — это заполнения котлованов жилищ и погребения. Типологическое выделение вещей из верхнего культурного слоя не всегда возможно, так как он носит смешанный характер (результат строительной деятельности в поздний период функционирования поселка). Кроме того, целый ряд типов вещей сохраняется длительное время, доживая почти до средневековья: железные кельты, насады, каменные шлифованные ножи, тесла, некоторые формы украшений, пряслиц.

Из 171 предмета из камня, найденного в нижнем слое поселения Малая Подушечка, 46 обработаны шлифованием и полировкой.

Ведущее место среди орудий, обработанных шлифованием и полировкой, занимают ножи (22 экз.). Все они имеют вытянутую форму — сегментовидные, полулунные или четырехугольные со скругленными углами. У большинства из них прямая или слегка выпуклая спинка и слегка закругленный рабочий край. У некоторых ножей и спинка и рабочий край прямые или рабочий край слегка вогнут. Как правило, ножи имеют небольшое отверстие, про-

сверленное ближе к спинке. Размеры ножей колеблются от $12 \times 4,5 \times 0,7$ до $16,5 \times 5 \times 1$ см.

Меньшую группу составляют рубящие орудия. Тесла (13 экз.) имеют вытянутую форму. Они прямоугольные в сечении и несколько суживаются к обушку. Размеры их $14 \times 5 \times 2$, $13,5 \times 5$, 5×3 см. Есть прекрасно полированные долота (4 экз.). Все эти предметы несут на себе следы употребления, часть из них основательно разбита.

Другие шлифованные и полированные орудия немногочисленны. Это обломки полированных кинжалов, напоминающих тагарские бронзовые кинжалы (3 экз.), и наконечники стрел (3 экз.) узкой вытянутой формы с прямым основанием. Один из наконечников имеет перо треугольных очертаний, короткий и широкий черешок, отделенный от пера боковыми выемками. Кроме перечисленных, в процессе раскопок собраны мелкие обломки шлифованных орудий, определить назначение и восстановить первоначальную форму которых невозможно.

Высокое мастерство полировки проявилось в изготовлении украшений из камня — белого, прозрачного с желтыми прожилками халцедона, светлого и черного глинистого сланца, голубовато-зеленоватой яшмы. Украшения представлены прежде всего бусами цилиндрической формы, иногда довольно крупными, кольцами и привесками овальной формы или в форме клыка из халцедона.

Кроме разобранных, существовала группа орудий, предназначенных для обработки камня, металла, глины, а также предметы хозяйственного назначения. Довольно многие из них представляли собой гальки, приспособленные для различных целей. В нижнем слое Малой Поду-

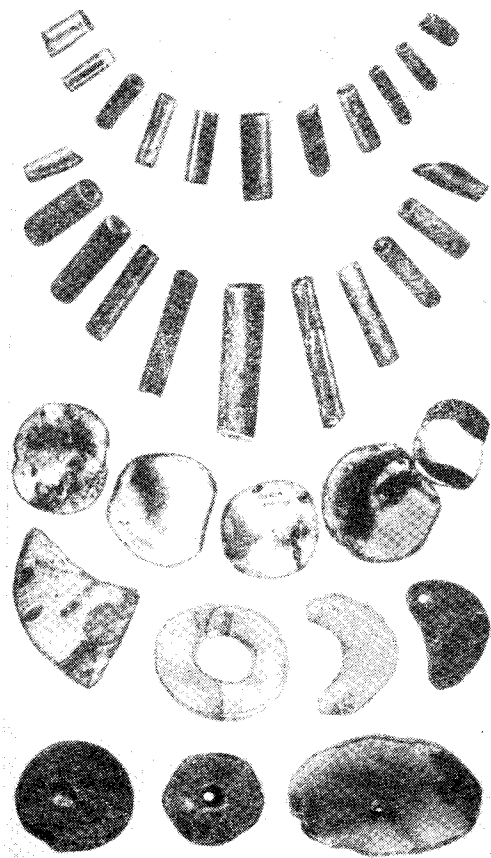
Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—4 — долота; 5—15 — топоры и тесла

печки было найдено 24 орудия разбираемой категории, т. е. менее трети каменных орудий, найденных в нижнем слое данного поселения. Ведущее место принадлежало плитам для растирания и курантам (12 экз.). Остальные находки единичны: три точила, три лощила, три отбойника, два грузила.

Находки из нижнего слоя поселения Малая Подушечка характерны для памятников янковской куль-

Украшения из камня и глины с поселения Малая Подушечка

туры. Формы тесел, ножей, наконечников стрел, кинжалов, наконечников копий типичны для многочисленных памятников янковской культуры⁵⁷. То же самое можно сказать об украшениях⁵⁸. Своеобразие памятника проявляется лишь в большем, чем в других местах, обилии украшений, что объясняется наличием на поселении одновременного могильника⁵⁹.

Любопытную картину дают результаты сопоставления каменных орудий с поселения Малая Подушечка, расположенного вдали от морского берега, с комплексом аналогичных находок прибрежного поселения 1 на полуострове Песчаном.

Всего на поселении 1 найдено около 1400 изделий из камня⁶⁰. Шлифованные и полированные изделия составляют чуть менее половины всех каменных предметов. Ведущее место среди них принадлежит оружию, которое составляет $\frac{2}{3}$ изделий из камня, обработанных шлифованием и полировкой. В подавляющем большинстве это наконечники стрел иволостой формы, узкие, длинные. Шлифованных и полированных кинжалов, наконечников, копий и клинков около 20. Около $\frac{1}{3}$ находок (около 200 экз.) составляют топоры и тесла. Характерно, что рубящие орудия и наконечники стрел носят следы активного использования, многие из них основательно разбиты. Каменные шлифованные ножи оказались на этом поселении одной из самых малочисленных категорий орудий, обработанных шлифованием (менее 10 экз.).

Других изделий из камня найдено около 750. Среди них более всего грузил для рыболовных сетей из небольших плоских галек (563 экз.). Это, видимо, результат хозяйственных требований. Следующая боль-

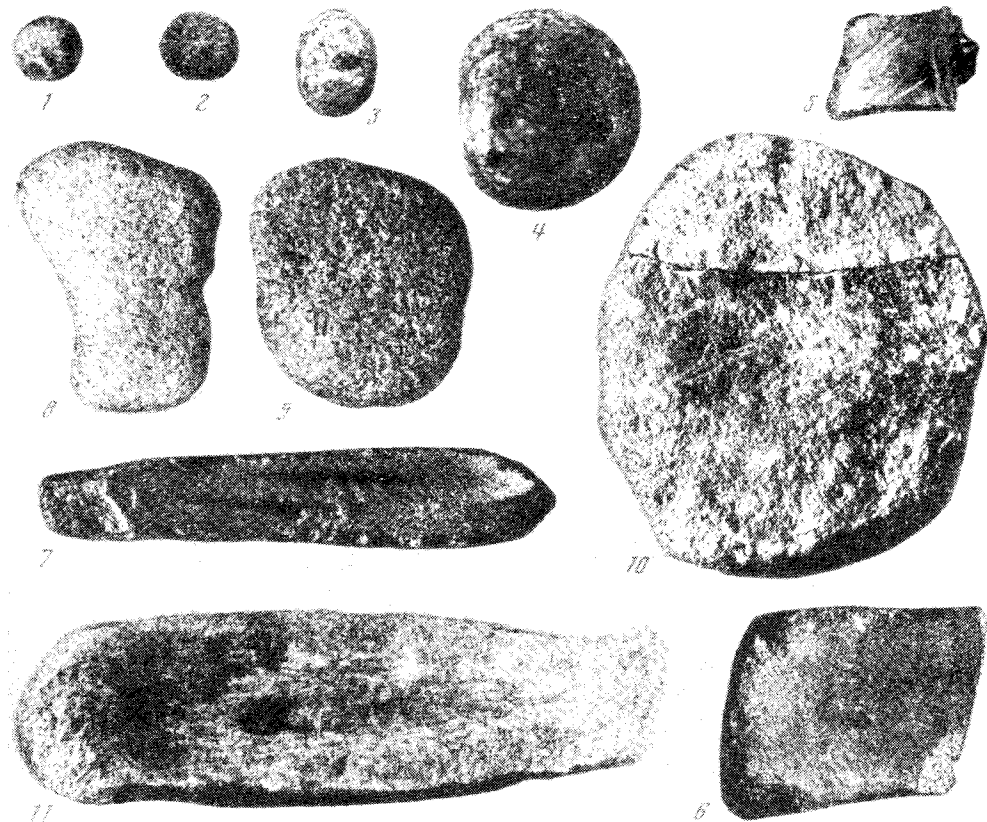
шная группа находок связана с операциями трения (более 120 экз.). Прежде всего, это плиты для растирания, куранты, терочники. Этих предметов более 100. Многие плиты для растирания найдены во фрагментарном состоянии. 23 находки (точила и шлифовальные плиты) использовались для заточки и обработки орудий. Найдены две каменные пилки для распила камня. Отдельную группу находок составляют

отбойники (42 экз.), в качестве которых чаще всего использовались гальки. На поселении было найдено также немного незаконченных орудий и их заготовок. Единичными были находки орудий, обработанных техникой оббивки или ретуши.

Анализ соотношения различных категорий орудий труда и оружия с поселения 1 на полуострове Песчаном показывает, что первое место в количественном отношении принадлежало грузилам для рыболовных сетей, второе — наконечникам стрел, третье — рубящим орудиям, четвертое — различным трупам. Все вместе взятое представляет собой комп-

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—4 — отбойники; 5—7 — точила; 8, 9 — грузила; 10 — зернотерка; 11 — курант

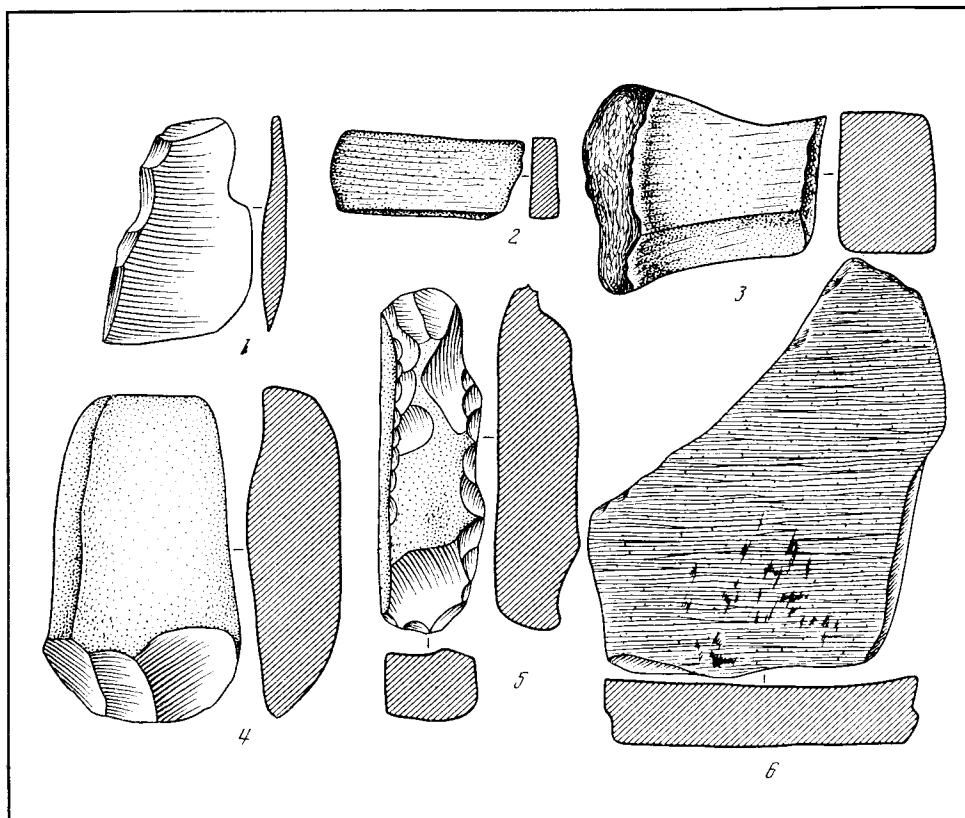
лексе, характерный для хозяйства, где ведущую роль должны играть рыбная ловля и охота.

При сравнении количественного соотношения находок из поселений на Песчаном и Малой Подушечке обращает на себя внимание более высокий удельный вес шлифованных и полированных орудий на Малой Подушечке ($\frac{2}{3}$ всех изделий из камня). Второе отличие в том, что на Малой Подушечке почти половину всех шлифованных предметов

составляют ножи, в то время как их роль на Песчаном довольно скромная. Но в обоих случаях высоким остается удельный вес рубящих орудий. Что касается оружия, то на Песчаном оно составляет основную часть шлифованных и полированных изделий, а на Малой Подушечке — самую незначительную. На Малой Подушечке первое место в количественном отношении принадлежит ножам, второе — рубящим орудиям, третье — трезцам и последнее — грузилам для рыболовных сетей. Большая разница в соотношении и удельном весе в комплексе предметов различного назначения свидетельствует о различии в хозяйственной дея-

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1, 4, 5 — заготовки орудий; 2, 3 — точила, 6 — обломок зернотерки

тельности обитателей этих двух поселений.

Подводя некоторые итоги в выяснении роли и удельного веса орудий труда и оружия из камня, можно сказать, что на памятниках раннего железного века янковской культуры изделиям из камня принадлежит ведущее место во всех сферах производственной и хозяйственной деятельности.

Изучение пород камня, использовавшихся для различных поделок на поселении 1, показало, что для изготовления орудий использовались мелкозернистые породы, достаточно прочные и вязкие, хорошо поддающиеся шлифовке. Сырьем для топоров служили пепловый туф почти черного цвета, туфолава, перекристаллизованная вулканическая порода, актинолитовый сланец зелено-черного цвета. Для изготовления ножей и наконечников стрел использовался шиферный сланец черного цвета и различные разновидности аргиллитов.

Для шлифования каменных орудий использовались естественные абразивные материалы, например светлоокрашенный пепловый туф. Для грузил и плит для растирания использовался базальт. Из последнего сложены возвышенности полуострова Песчаного. Особенности геологического строения Приморья позволяли древним людям находить сырье для своих орудий недалеко от мест поселений⁶¹.

На поселении Малая Подушечка ножи изготавливались преимущественно из песчаника и глинистого сланца, реже — порфирита и диабазы.

Рубящие орудия делали из глинистого сланца, роговика, песчаника и базальта, наконечники стрел — из шифера и глинистого сланца, терки

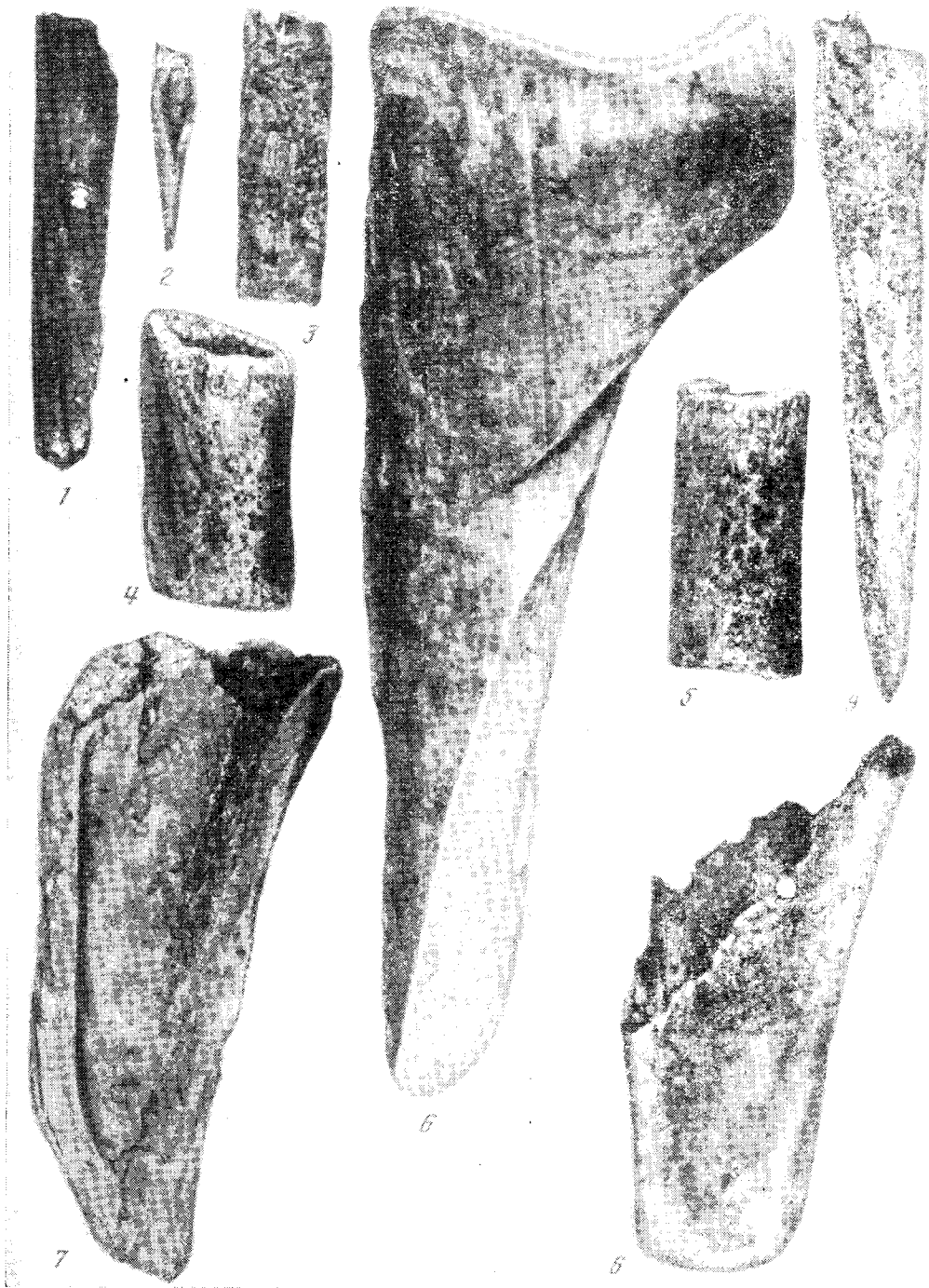
и терочки — из базальта, песчаника и гранита⁶².

Изучение пород, использованных в качестве сырья для изготовления различных орудий, позволяет сделать вывод, что древние мастера были хорошо знакомы со свойствами камня и использовали эти знания в своей работе. Различия в выборе пород для изготовления орудий на Песчаном и Малой Подушечке еще раз подтверждают вывод Г. М. Ковнурко о том, что для изготовления орудий использовалось сырье, расположенное недалеко от поселений.

Наряду с орудиями, полученными путем обработки камня, широко использовались естественные гальки. Небольшие гальки уплощенно-овальной формы шли на изготовление грузил для сетей. Гальки использовали как лопила, отбойники, терочки. Эти орудия не подвергались предварительной подправке, а только подбирались с учетом формы и размеров. Крупная галька соответствующей формы и размеров без какой-либо подправки могла использоваться в качестве куранта или плиты для растирания. Из галек же с минимальной обработкой изготавливались мотыжки.

Техника обработки камня практически не менялась на протяжении всего железного века. Но если ранний железный век являлся временем расцвета шлифовальной каменной индустрии, то в дальнейшем наблюдается сохранение старых традиций с постепенным падением удельного веса каменных орудий во всех сферах производственной деятельности.

Хотя янковская культура изучена лучше, чем остальные культуры железного века, многие проблемы, связанные с ней, еще ждут своего разрешения. Среди них — выяснение функций отдельных категорий нахо-

док. Необходимость проведения исследований в указанном направлении ясна, особенно в отношении самой многочисленной категории находок — изделий из камня. Накопленный обширный археологический материал не позволяет далее делать выводы, связанные с восстановлением хозяйственной жизни и общего развития в тот или иной культурно-исторический период, на основании лишь типологического определения форм вещей.

Изделия из кости встречаются на поселениях всех этапов железного века в Приморье, но чаще всего — на поселениях янковской культуры раннего железного века.

На поселении Малая Подушечка было найдено около 20 костяных предметов. Это различного рода проколки, две мотыги, две рукояти из трубчатых костей, привеска из клыка, две костяные пластинки, которыми, видимо, наносили узор на стенки сосудов.

Довольно полное представление об изделиях из кости дает знакомство с материалом поселения 1 на Песчаном⁶³. Он составляет комплекс более чем из 150 находок. Свыше 50 из них представляют собой заостренные предметы, которые А. П. Окладников назвал «остриями». Это проколки, шилья, около 20 игл и т. п. Иглы, как правило, тонкие, острые, с ушком. Область применения этих изделий связана с шитьем. Другая группа костяных предметов связана с рыбной ловлей. Более 20 из них являются составными частями рыболовных крючков. Обращает на себя внимание небольшое число орудий для индивидуального лова рыбы по

сравнению с множеством грузил для сетей. Около 20 предметов А. П. Окладников выделяет как паконечники гарпунов. Это небольшие предметы вытянутых восьмеркообразных очертаний. Среди остальных немногочисленных предметов из кости можно отметить мотыги из кости или рога (6 экз.), ложила, два ножа, несколько рукоятей для орудий, три украшенных костяных предмета, бусы из трубчатых птичьих костей, бусину из позвонка рыбы, различные заготовки из кости и рога. Исходным материалом для изготовления описанных предметов служили кости домашних и диких животных, кости рыб и птиц.

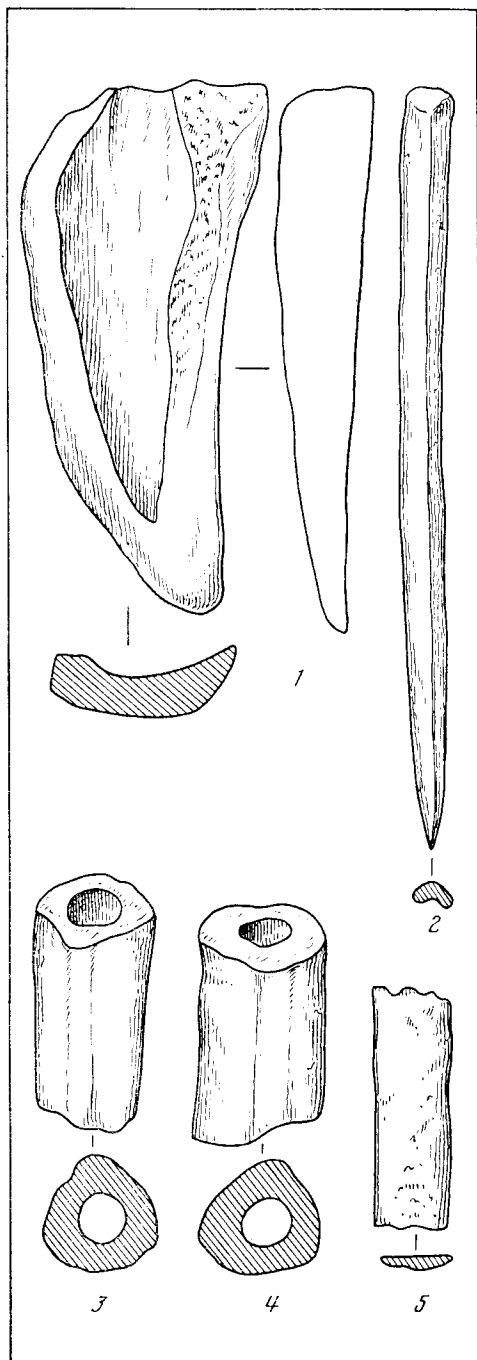
В период янковской культуры происходит как бы расцвет костяной индустрии. При всем том изделия из кости не играют ведущей роли. В последующие же культурно-исторические периоды роль изделий из кости незначительна.

Со времен неолита изделия из глины являются самой многочисленной категорией находок на древних поселениях Приморья. Это относится и к железному веку. Это посуда, пряслица, диски из стенок сосудов, украшения и некоторые другие поделки. Обилие керамического материала на поселениях объясняется важным значением посуды в быту.

Керамика янковской культуры отличается своеобразием. Это лепные сосуды, преимущественно топкостенные, с хорошо лощеной поверхностью, окрашенной иногда в яркомалиновый или черный цвет. Изредка их стенки покрыты полосами темной краски. Гораздо чаще сосуды украшены техникой прочерчивания или палёпа.

Ниже приводится краткий анализ керамического материала из нижнего слоя поселения Малая Подушечка⁶⁴.

Изделия из кости с поселения Малая Подушечка (1—9)

По формам сосуда из нижнего слоя Малой Подушечки можно разделить на несколько типов.

Первый тип включает в себя горшки, которые составляют половину всей найденной керамики. Они слегка вытянуты, имеют более или менее отогнутый венчик, невысокое горло и слабо выпуклое тулово. Почти в половине случаев край венчика резко отогнут в горизонтальном направлении или под углом, образуя невысокое воронкообразно расширяющееся горло. Примерно четвертая часть сосудов этой формы имеет по краю венчика насечки. Меньшее место занимают горшки с внешним краем венчика, оформленным в виде остроредерного валика. Единичны находки сосудов с валиком по внешней стороне венчика или горла и сосудов с невысоким прямым горлом и выпуклым туловом. Сосуды этих форм имеют небольшие налпные ручки с отверстием для шнура.

Ко второму типу относятся миски со слегка загнутым внутрь краем венчика. Все сосуды двух первых типов плоскодонны.

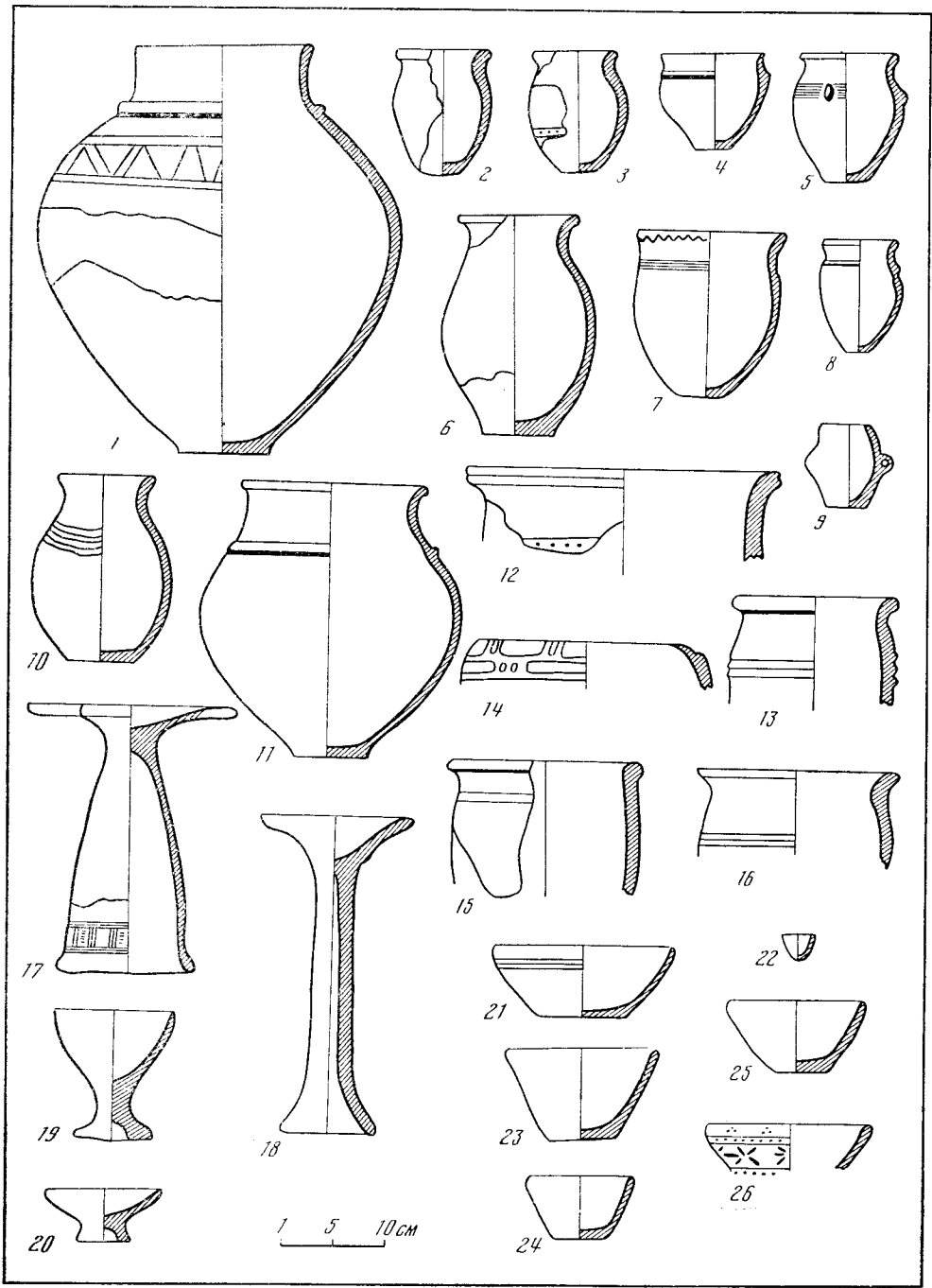
Третий тип включает в себя чаши на колоколовидном или высоком цилиндрическом поддоне. Чаще всего это светильники.

Стенки сосудов первого типа украшены почти всеми видами орнаментов, стенки мисок орнаментировались редко, почти совсем лишены орнамента сосуды третьего типа. Как правило, узор наносился неширокой горизонтальной полосой на плечики сосуда, если это был горшок, верх-

Изделия из кости с поселения Малая Подушечка (1—5)

Сосуды с поселения Малая Подушечка (нижний слой) (1—8)

утверждать, что обитатели Приморья во второй половине II тысячелетия до н. э. не просто знали изделия из бронзы, но и умели их изготавливать.

Изделия из бронзы известны с поселения Спий Гай, расположенного в районе оз. Ханка. Типологически они близки к позднекарасукским образцам⁴³.

Изделия из бронзы известны и на поселениях янковской культуры, но они крайне немногочисленны: небольшая бронзовая пластинка с поселения Олений 1⁴⁴, обломки тонкой бронзовой пластинки с поселения Малая Подушечка и некоторые другие. Изделия из бронзы известны также из сборов прошлых лет. Например, бронзовый кельт из окрестностей Барабаша, обломок бронзового зеркала из окрестностей Тавричанки⁴⁵. На поселении Малая Подушечка обнаружены следы бронзолитейного производства.

Несмотря на то, что на поселениях янковской культуры изделия из бронзы немногочисленны, ряд фактов свидетельствует о хорошем знакомстве древних обитателей края с этим металлом. Для периода раннего железного века в Приморье вообще и для поселений янковской культуры в частности характерны многочисленные поделки из камня, имитирующие бронзовые. Необходимо отметить при этом, что копируются чаще всего совершенно определенные предметы: ножи, кинжалы, наконечники копий. Эти шлифованные изделия из сланцевых пород образуют целые серии. Часть из них лишь отдаленно напоминает металлические оригиналы,

часть же воспроизводит их достаточно точно. Сходство наиболее ярких имитаций с бронзовыми оригиналами позволило исследователям использовать указанную особенность описываемой категории находок для датировки янковской культуры. Отдельные находки, как, например, нож с острова Попова, напоминают карасукские ножи. Но гораздо больше кинжалов, являющихся подражанием более поздним тагарским образцам. Это находки на поселении 1 на полуострове Песчаном, Малой Подушечке и в других местах⁴⁶.

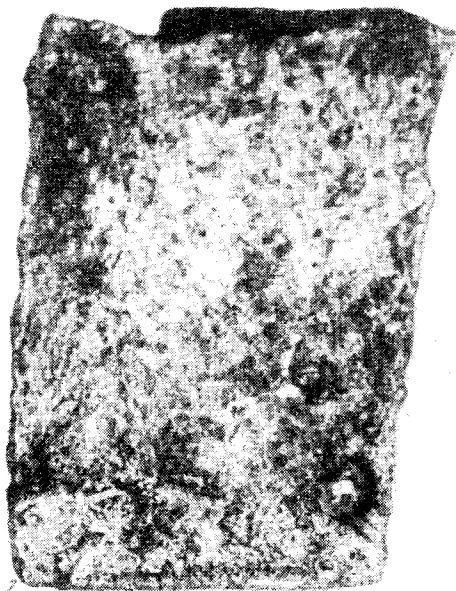
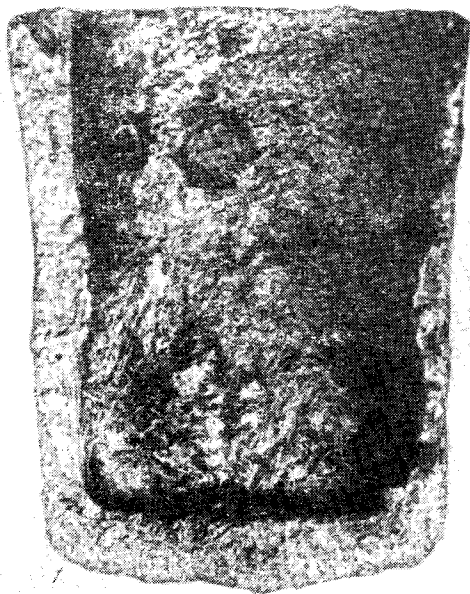
Область распространения каменных кинжалов и наконечников копий, имитирующих бронзовые, гораздо шире ареала распространения памятников янковской культуры. Подобные находки известны на поселении раннего железного века в бухте Валентин⁴⁷, на поселениях раннего железного века континентальных и северных районов края: в среднем слое поселения в окрестностях Кроуновки⁴⁸, в районе бухты Рудной. Подобное же явление отмечено для памятников долины Амура, а также для территории Восточной Азии, в том числе Корейского полуострова и Японских островов⁴⁹, и отражает своеобразие процесса знакомства древнего населения Дальнего Востока с бронзой. В начальном этапе раннего железного века в Приморье происходит сохранение и дальнейшее развитие традиций, которые складываются в металлургии Приморья во II тысячелетии до н. э.

Каков характер изделий из бронзы на памятниках Приморья конца II и первой половины I тысячелетия до н. э.? Какова их типологическая принадлежность? С какими культурными центрами может быть связано развитие этой области деятельности древних обитателей края?

←

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—3 — кинжалы; 4, 5 — наконечники стрел; 6, 7, 12, 13, 17, 18 — ножи, 8, 9 — долота; 10, 11, 14—16 — тесла

Анализ литейных форм с поселения Синие Скалы, изделий из бронзы с поселения Синий Гай, кинжалов и наконечников копий с поселений маргаритовской и янковской культур позволил выявить типологическое сходство с карасукскими и тагарскими образцами — сходство очень стабильное.

В течение многих веков существовали устойчивые связи между древними обитателями Приморья и Восточного Забайкалья через бассейн Амура и, возможно, степные районы Центральной Азии⁵⁰. Результаты археологических исследований позволяют сделать вывод о наличии исторических контактов во второй половине II тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия до н. э. между населением Приморья, Восточного Забайкалья и Южной Сибири.

Ранний железный век — это время появления и распространения изделий из железа. Первоначально они немногочисленны, но их появление и распространение оказало огромное революционизирующее влияние на весь ход исторического развития древних обитателей Приморья. Железо явилось тем металлом, появление и распространение которого привело к коренным изменениям в производственной и общественной жизни обитателей края. Собранный археологический материал позволяет проследить прогресс как в самих изделиях из железа на протяжении I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э., так и в хозяйственной и общественной жизни. Результаты археологических раскопок последнего десятилетия дают возможность рас-

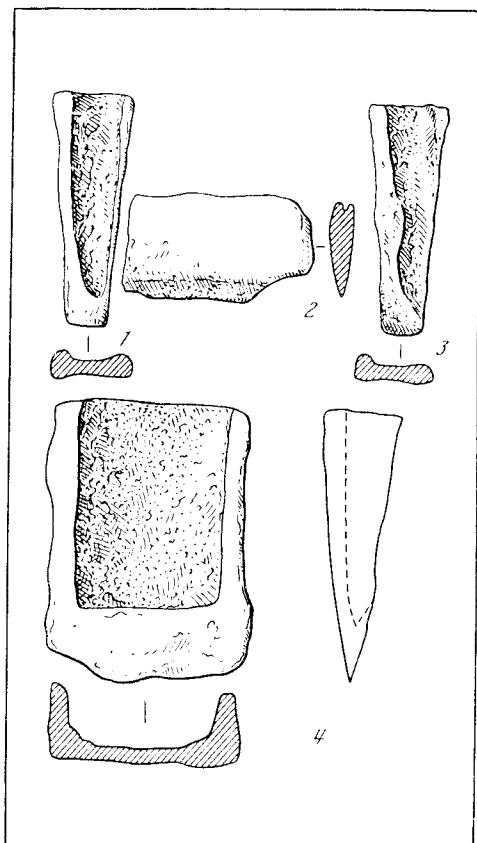
Железные кельты с поселения Малая Псудушечка (нижний слой) (1, 2)

смагивать не единичные находки, а комплексы железных вещей, найденных на поселениях.

Ведущее место среди изделий из железа в комплексе нижнего слоя поселения Малая Подушечка занимают кельты (7 экз.). Они четырехугольные в сечении, размерами около $9 \times 6 \times 3$ см. Ширина щек на протяжении всей длины орудия не меняется. Боковые стенки к рабочей части суживаются. Все кельты одного типа. Иногда внутри них за-

Изделия из железа с поселения Малая Подушечка (нижний слой)

1, 3 — насады на земледельческие орудия; 2, 4 — обломки кельтов

метны следы истлевшего дерева — остатки рукояти. Кроме кельтов, найдены два железных насада удлиненно-трапециевидной формы с невысокими бортиками-закрайками (ширина насадов 2,5 см, длина 8—9 см); наконечник для ремня и три обломка предметов, первоначальная форма которых не восстанавливается.

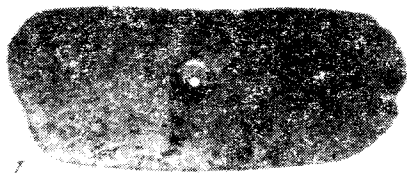
На поселении Олений 1 в слое янковской культуры найдено шесть железных орудий, которые А. П. Окладников и Д. Л. Бродянский считают насадами на деревянные земледельческие орудия. Форма этих предметов довольно устойчива, так же как и их размеры. Они представляют собой удлиненные трапециевидные пластины с закрайками⁵¹.

На поселении 1 на полуострове Песчаном найдено шесть железных предметов: два кельта и четыре обломка небольших железных стерженьков⁵².

Нигде на поселениях янковской культуры не обнаружено явных следов железной металлургии в виде шлаков, руды и других проявлений этого процесса.

Два кельта с полуострова Песчаного были подвергнуты спектральному анализу, который показал, что примесей в металле немного. Металлографический анализ помог выяснить, что оба кельта были литые, чугунные. Один был отлит из серого чугуна в земляной форме, другой — из белого чугуна в металлической форме. Оба кельта обладали высокой твердостью и, видимо, дополнительной обработке не подвергались⁵³.

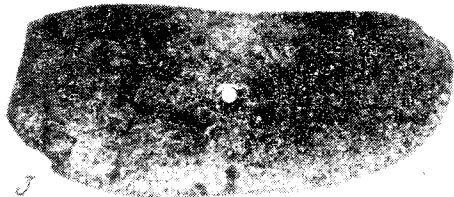
Можно ли с уверенностью отрицать наличие местного металлургического производства в раннем железном веке в Приморье? Видимо, нет. Несмотря на то, что янковская культура изучена лучше других культур раннего железного века

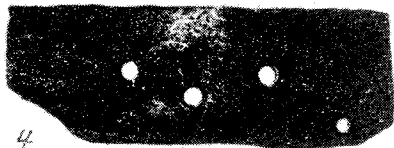
1

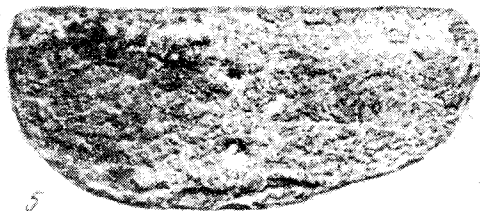
2

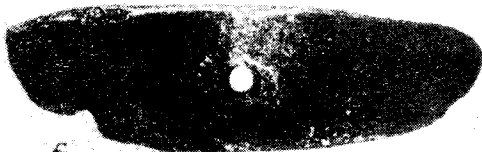
3

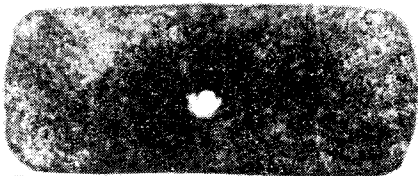
4

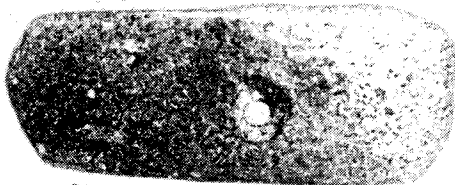
5

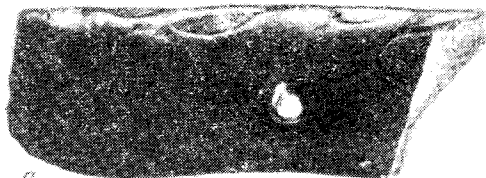
6

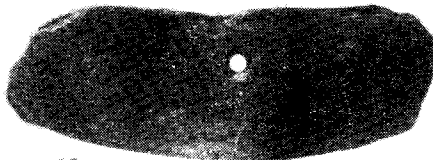
7

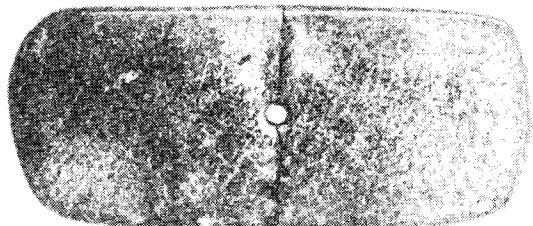
8

9

10

11

в Приморье, исследованию подверглась лишь незначительная часть памятников. Но если изделия из железа были покупными, то где они могли покупаться? Ни Китай, ни Центральная Азия, ни Корея, ни Япония не были в начале I тысячелетия до н. э. центрами железоделательного производства. В то же время длительное сохранение традиций в технике изготовления и формах железных предметов в Приморье позволяет предполагать, что все это — результат местной металлургии, и будущие археологические исследования откроют следы местного металлургического производства.

Первое, что бросается в глаза даже при простом перечислении найденных железных предметов, — это их небольшое число. Второе — определенная выдержанность форм: в основном изделия из железа представлены кельтами и насадами, т. е. орудиями. Факт очень любопытный: появляется бронза и из нее делают прежде всего украшения, зеркала, оружие и менее всего орудия труда. Железо с самого начала своего распространения сразу же проникает в жизненно важные сферы хозяйственной жизни. Несмотря на то, что изделия из него немногочисленны, их набор очень определенен, что очевидно, выдвигалось требованиями жизни. Не менее интересно и другое: на поселении на полуострове Песчаном орудия представлены лишь кельтами, на поселениях же Малая Подушечка и Олений 1, кроме кельтов, найдены и насады. Помимо того, на Малой Подушечке раскопанная площадь в три раза меньше, чем на полуострове Песчаном, а изделий из

железа найдено больше. Немногочисленность и единообразие изделий из железа на памятниках янковской культуры свидетельствуют о довольно ограниченных еще возможностях древних металлургов.

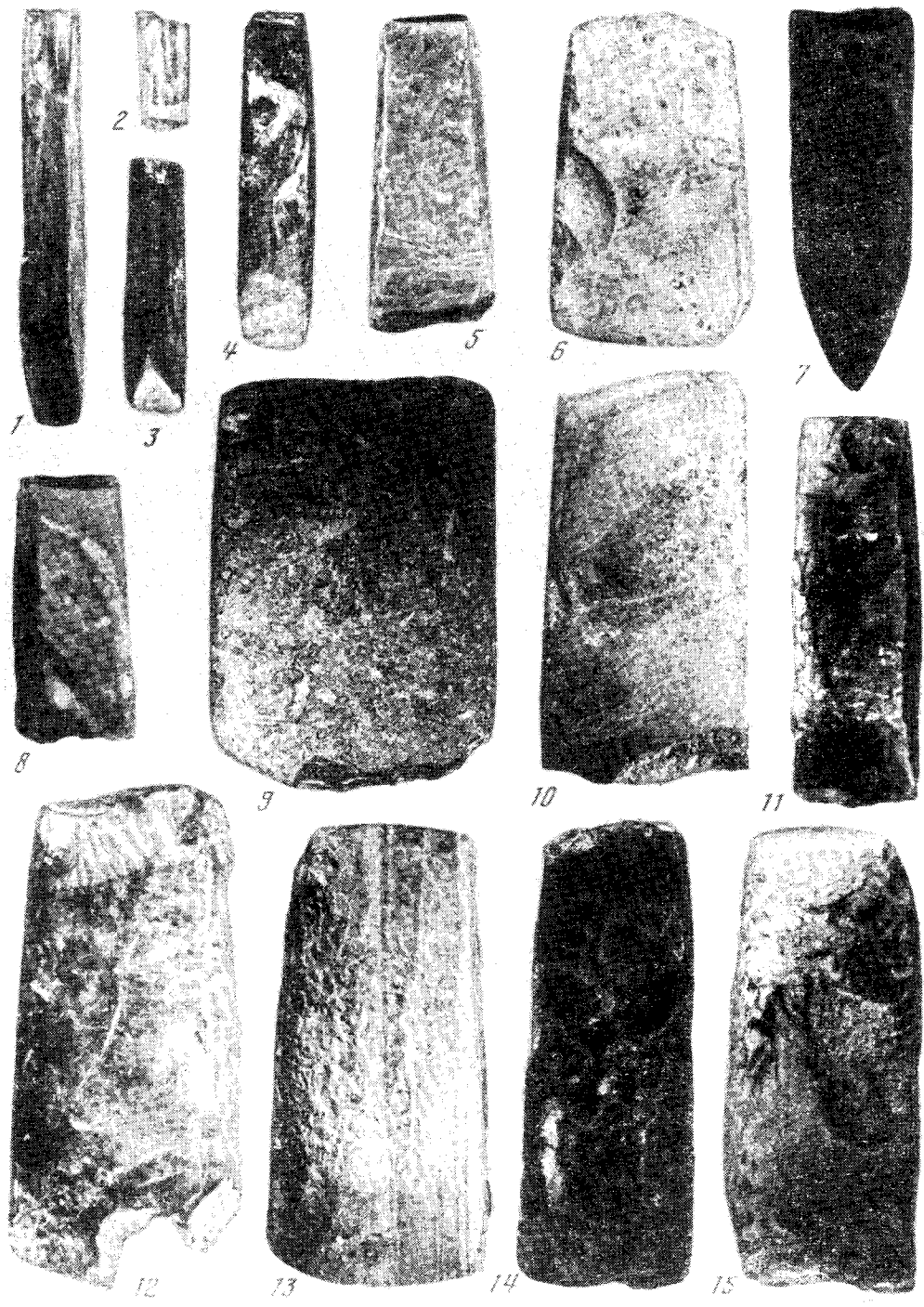
Результаты археологических исследований показали, что железо появляется в Приморье достаточно рано. Так же рано оно появляется в бассейне Амура — на рубеже II—I тысячелетий до н. э. — начале I тысячелетия до н. э.⁵⁴ На Корейском полуострове железо появляется в первой половине I тысячелетия до н. э.⁵⁵ Знакомство с железом в Китае происходит также в первой половине I тысячелетия до н. э.⁵⁶

Первоначально памятники янковской культуры относили к каменному веку, пока не были найдены железные предметы. Они теперь известны на всех поселениях, где проводились достаточно широкие раскопки.

Для культур раннего железного века в Приморье характерно почти полное исчезновение орудий, обработанных техникой отжимной ретуши. Но именно в этот период достигает невиданного ранее расцвета техника полирования и шлифования камня. Не случайно наряду с большим числом шлифованных и полированных орудий на поселениях янковской культуры встречается много шлифовальных плит. Для этой культуры характерна немногочисленность типов каменных орудий, большая четкость их форм и определенная стандартизация. Находки на поселениях представлены большими сериями близких по форме и размерам ножей, тесел, наконечников стрел и т. д. Это, с одной стороны, свидетельствует о высоком техническом уровне обработки камня, а с другой — о сохранении и выдер-

←

Каменные ножи с поселения Малая Подушечка (I—II)

жанности определенных традиций производства.

Как правило, культурный слой поселений янковской культуры очень насыщен находками. Не является исключением и поселение Малая Подушечка. Но этот памятник двухслойный. Большая часть нижнего слоя, относящегося к янковской культуре, разрушена. Анализ находок ведется только из непо потревоженной части нижнего культурного слоя — это заполнения котлованов жилищ и погребения. Типологическое выделение вещей из верхнего культурного слоя не всегда возможно, так как он носит смешанный характер (результат строительной деятельности в поздний период функционирования поселка). Кроме того, целый ряд типов вещей сохраняется длительное время, доживая почти до средневековья: железные кельты, насады, каменные шлифованные ножи, тесла, некоторые формы украшений, пряслиц.

Из 171 предмета из камня, найденного в нижнем слое поселения Малая Подушечка, 46 обработаны шлифованием и полировкой.

Ведущее место среди орудий, обработанных шлифованием и полировкой, занимают ножи (22 экз.). Все они имеют вытянутую форму — сегментовидные, полудунные или четырехугольные со скругленными углами. У большинства из них прямая или слегка выпуклая спинка и слегка закругленный рабочий край. У некоторых ножей и спинка и рабочий край прямые или рабочий край слегка вогнут. Как правило, ножи имеют небольшое отверстие, про-

сверленное ближе к спинке. Размеры ножей колеблются от $12 \times 4,5 \times 0,7$ до $16,5 \times 5 \times 1$ см.

Меньшую группу составляют рубящие орудия. Тесла (13 экз.) имеют вытянутую форму. Они прямоугольные в сечении и несколько суживаются к обушку. Размеры их $14 \times 5 \times 2$, $13,5 \times 5$, 5×3 см. Есть прекрасно полированные долота (4 экз.). Все эти предметы несут на себе следы употребления, часть из них основательно разбита.

Другие шлифованные и полированные орудия немногочисленны. Это обломки полированных кинжалов, напоминающих тагарские бронзовые кинжалы (3 экз.), и наконечники стрел (3 экз.) узкой вытянутой формы с прямым основанием. Один из наконечников имеет перо треугольных очертаний, короткий и широкий черешок, отделенный от пера боковыми выемками. Кроме перечисленных, в процессе раскопок собраны мелкие обломки шлифованных орудий, определить назначение и восстановить первоначальную форму которых невозможно.

Высокое мастерство полировки проявилось в изготовлении украшений из камня — белого, прозрачного с желтыми прожилками халцедона, светлого и черного глинистого сланца, голубовато-зеленоватой яшмы. Украшения представлены прежде всего бусами цилиндрической формы, иногда довольно крупными, кольцами и привесками овальной формы или в форме клыка из халцедона.

Кроме разобранных, существовала группа орудий, предназначенных для обработки камня, металла, глины, а также предметы хозяйственного назначения. Довольно многие из них представляли собой гальки, приспособленные для различных целей. В нижнем слое Малой Поду-

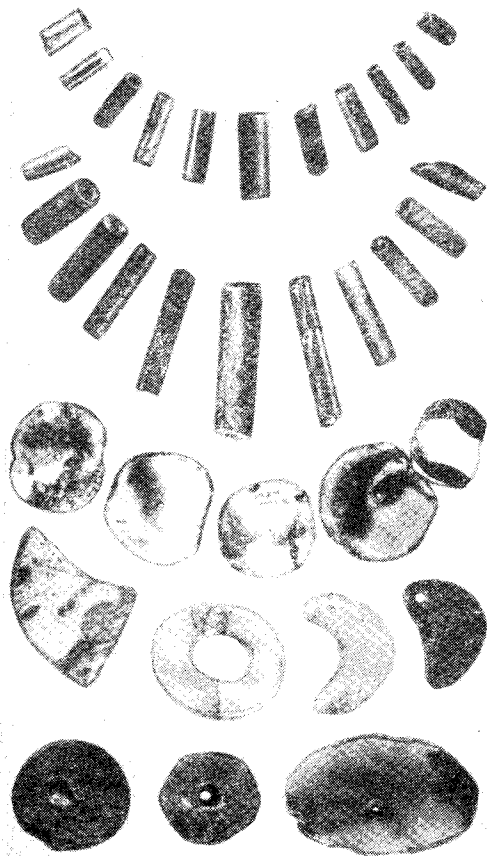
Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—4 — долота; 5—15 — топоры и тесла

пешки было найдено 24 орудия раз-
бираемой категории, т. е. менее тре-
ти каменных орудий, найденных
в нижнем слое данного поселения.
Ведущее место принадлежало плит-
там для растирания и курантам
(12 экз.). Остальные находки еди-
ничны: три точила, три лощила, три
отбойника, два грузила.

Находки из нижнего слоя поселе-
ния Малая Подушечка характерны
для памятников янковской куль-

*Украшения из камня и глины с поселения
Малая Подушечка*

туры. Формы тесел, ножей, наконеч-
ников стрел, кинжалов, наконечни-
ков копий типичны для многочислен-
ных памятников янковской куль-
туры⁵⁷. То же самое можно сказать
об украшениях⁵⁸. Своеобразие па-
мятника проявляется лишь в боль-
шем, чем в других местах, обилии
украшений, что объясняется нали-
чием на поселении одновременного
могильника⁵⁹.

Любопытную картину дают ре-
зультаты сопоставления каменных
орудий с поселения Малая Поду-
шечка, расположенного вдали от
морского берега, с комплексом ана-
логичных находок прибрежного по-
селения 1 на полуострове Песчаном.

Всего на поселении 1 найдено
около 1400 изделий из камня⁶⁰.
Шлифованные и полированные изде-
лия составляют чуть менее поло-
вины всех каменных предметов. Ве-
дущее место среди них принадле-
жит оружию, которое составляет
 $\frac{2}{3}$ изделий из камня, обработанных
шлифованием и полировкой. В по-
давляющем большинстве это нако-
нечники стрел иволостой формы, уз-
кие, длинные. Шлифованных и
полированных кинжалов, наконечни-
ков, копий и клинков около 20. Око-
ло $\frac{1}{3}$ находок (около 200 экз.) со-
ставляют топоры и тесла. Харак-
терно, что рубящие орудия и нако-
нечники стрел носят следы активного
использования, многие из них осно-
вательно разбиты. Каменные шли-
фованные ножи оказались на этом
поселении одной из самых малочис-
ленных категорий орудий, обработан-
ных шлифованием (менее 10 экз.).

Других изделий из камня найдено
около 750. Среди них более всего
грузил для рыболовных сетей из не-
больших плоских галек (563 экз.).
Это, видимо, результат хозяйствен-
ных требований. Следующая боль-

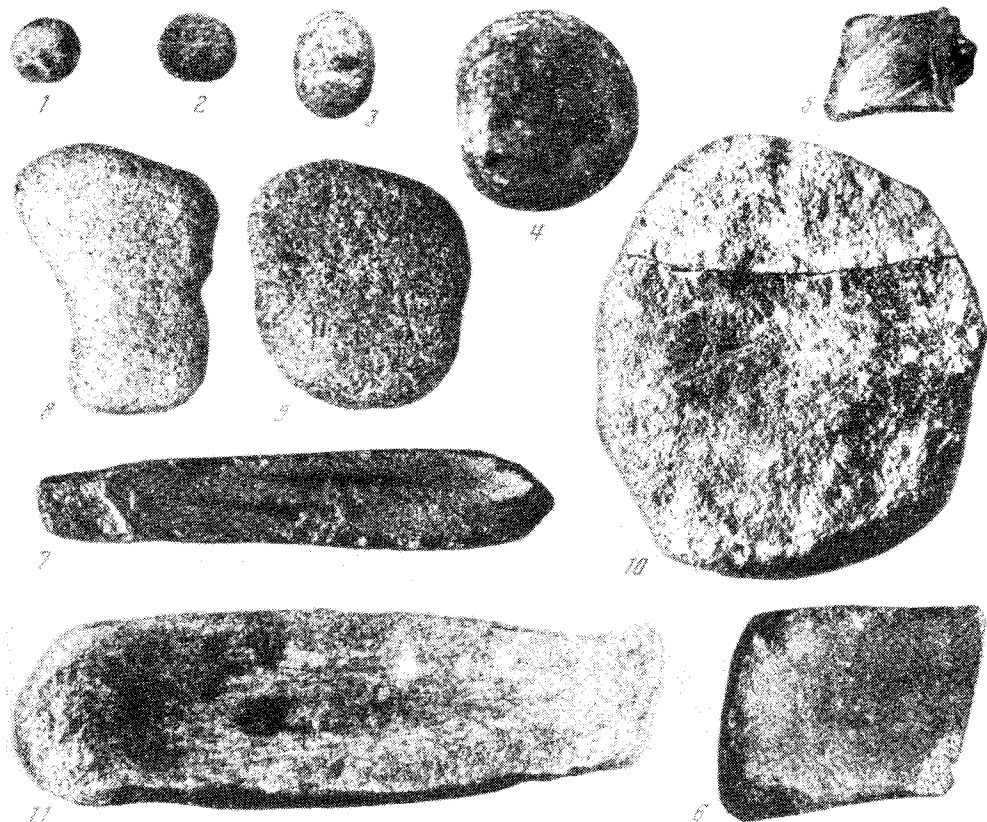
шная группа находок связана с операциями трения (более 120 экз.). Прежде всего, это плиты для растирания, куранты, терочки. Этим предметов более 100. Многие плиты для растирания найдены во фрагментарном состоянии. 23 находки (точила и шлифовальные плиты) использовались для заточки и обработки орудий. Найдены две каменные пилки для распила камня. Отдельную группу находок составляют

отбойники (42 экз.), в качестве которых чаще всего использовались гальки. На поселении было найдено также немного незаконченных орудий и их заготовок. Единичными были находки орудий, обработанных техникой оббивки или ретуши.

Анализ соотношения различных категорий орудий труда и оружия с поселения 1 на полуострове Песчаном показывает, что первое место в количественном отношении принадлежало грузинам для рыболовных сетей, второе — наконечникам стрел, третье — рубящим орудиям, четвертое — различным трупам. Все вместе взятое представляет собой комп-

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1—4 — отбойники; 5—7 — точила; 8, 9 — грузила; 10 — зернотерка; 11 — курант

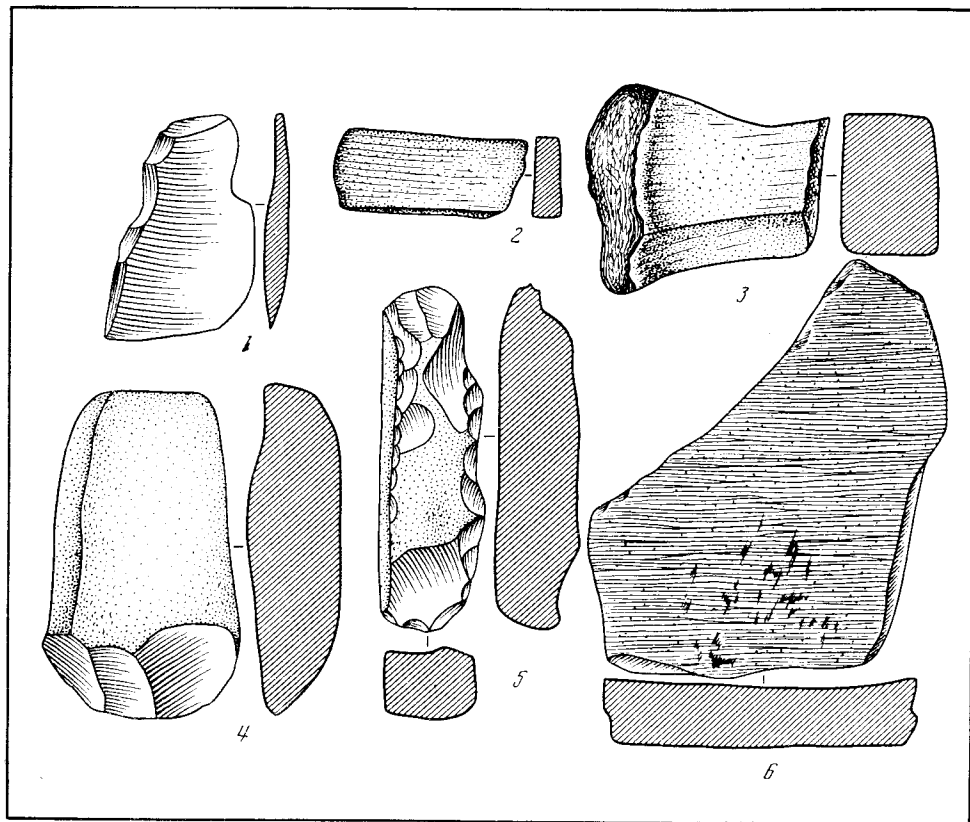
лекс, характерный для хозяйства, где ведущую роль должны играть рыбная ловля и охота.

При сравнении количественного соотношения находок из поселений на Песчаном и Малой Подушечке обращает на себя внимание более высокий удельный вес шлифованных и полированных орудий на Малой Подушечке ($\frac{2}{3}$ всех изделий из камня). Второе отличие в том, что на Малой Подушечке почти половину всех шлифованных предметов

составляют ножи, в то время как их роль на Песчаном довольно скромная. Но в обоих случаях высоким остается удельный вес рубящих орудий. Что касается оружия, то на Песчаном оно составляет основную часть шлифованных и полированных изделий, а на Малой Подушечке — самую незначительную. На Малой Подушечке первое место в количественном отношении принадлежит ножам, второе — рубящим орудиям, третье — трезцам и последнее — грузилам для рыболовных сетей. Большая разница в соотношении и удельном весе в комплексе предметов различного назначения свидетельствует о различии в хозяйственной дея-

Изделия из камня с поселения Малая Подушечка

1, 4, 5 — заготовки орудий; 2, 3 — точила, 6 — обломок зернотерки

тельности обитателей этих двух поселений.

Подводя некоторые итоги в выяснении роли и удельного веса орудий труда и оружия из камня, можно сказать, что на памятниках раннего железного века янковской культуры изделиям из камня принадлежит ведущее место во всех сферах производственной и хозяйственной деятельности.

Изучение пород камня, использованных для различных поделок на поселении 1, показало, что для изготовления орудий использовались мелкозернистые породы, достаточно прочные и вязкие, хорошо поддающиеся шлифовке. Сырьем для топоров служили пепловый туф почти черного цвета, туфолава, перекристаллизованная вулканическая порода, актинолитовый сланец зелено-черного цвета. Для изготовления ножей и наконечников стрел использовался шиферный сланец черного цвета и различные разновидности аргиллитов.

Для шлифования каменных орудий использовались естественные абразивные материалы, например светлоокрашенный пепловый туф. Для грузил и плит для растирания использовался базальт. Из последнего сложены возвышенности полуострова Песчаного. Особенности геологического строения Приморья позволяли древним людям находить сырье для своих орудий недалеко от мест поселений⁶¹.

На поселении Малая Подушечка ножи изготавливались преимущественно из песчаника и глинистого сланца, реже — порфирита и диабазы.

Рубящие орудия делали из глинистого сланца, роговика, песчаника и базальта, наконечники стрел — из шифера и глинистого сланца, терки

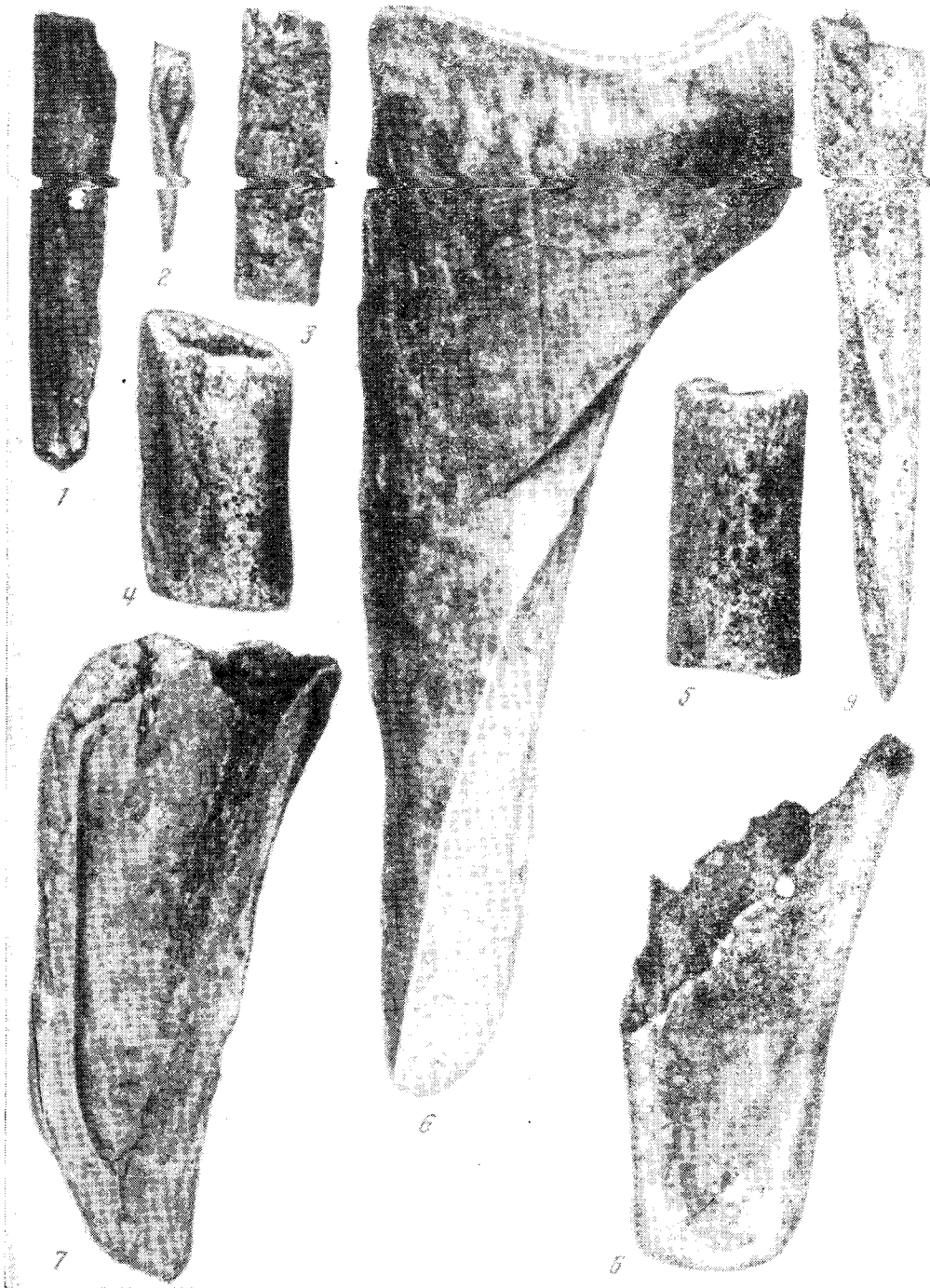
и терочки — из базальта, песчаника и гранита⁶².

Изучение пород, использованных в качестве сырья для изготовления различных орудий, позволяет сделать вывод, что древние мастера были хорошо знакомы со свойствами камня и использовали эти знания в своей работе. Различия в выборе пород для изготовления орудий на Песчаном и Малой Подушечке еще раз подтверждают вывод Г. М. Ковнурко о том, что для изготовления орудий использовалось сырье, расположенное недалеко от поселений.

Наряду с орудиями, полученными путем обработки камня, широко использовались естественные гальки. Небольшие гальки уплощенно-овальной формы шли на изготовление грузил для сетей. Гальки использовали как лоцила, отбойники, терочки. Эти орудия не подвергались предварительной подправке, а только подбирались с учетом формы и размеров. Крупная галька соответствующей формы и размеров без какой-либо подправки могла использоваться в качестве куранта или плиты для растирания. Из галек же с минимальной обработкой изготавливались мотыжки.

Техника обработки камня практически не менялась на протяжении всего железного века. Но если ранний железный век являлся временем расцвета шлифовальной каменной индустрии, то в дальнейшем наблюдается сохранение старых традиций с постепенным падением удельного веса каменных орудий во всех сферах производственной деятельности.

Хотя янковская культура изучена лучше, чем остальные культуры железного века, многие проблемы, связанные с ней, еще ждут своего разрешения. Среди них — выяснение функций отдельных категорий нахо-

док. Необходимость проведения исследований в указанном направлении ясна, особенно в отношении самой многочисленной категории находок — изделий из камня. Накопленный обширный археологический материал не позволяет далее делать выводы, связанные с восстановлением хозяйственной жизни и общего развития в тот или иной культурно-исторический период, на основании лишь типологического определения форм вещей.

Изделия из кости встречаются на поселениях всех этапов железного века в Приморье, но чаще всего — на поселениях янковской культуры раннего железного века.

На поселении Малая Подушечка было найдено около 20 костяных предметов. Это различного рода проколки, две мотыги, две рукояти из трубчатых костей, привеска из клыка, две костяные пластинки, которыми, видимо, наносили узор на стенки сосудов.

Довольно полное представление об изделиях из кости дает знакомство с материалом поселения 1 на Песчаном⁶³. Он составляет комплекс более чем из 150 находок. Свыше 50 из них представляют собой заостренные предметы, которые А. П. Окладников назвал «остриями». Это проколки, шилья, около 20 игл и т. п. Иглы, как правило, тонкие, острые, с ушком. Область применения этих изделий связана с шитьем. Другая группа костяных предметов связана с рыбной ловлей. Более 20 из них являются составными частями рыболовных крючков. Обращает на себя внимание небольшое число орудий для индивидуального лова рыбы по

сравнению с множеством грузил для сетей. Около 20 предметов А. П. Окладников выделяет как пакопечники гарпунов. Это небольшие предметы вытянутых восьмеркообразных очертаний. Среди остальных немногочисленных предметов из кости нужно отметить мотыги из кости или рога (6 экз.), лоцила, два ножа, несколько рукоятей для орудий, три орнаментированных костяных предмета, бусы из трубчатых птичьих костей, бусину из позвонка рыбы, различные заготовки из кости и рога. Исходным материалом для изготовления описанных предметов служили кости домашних и диких животных, кости рыб и птиц.

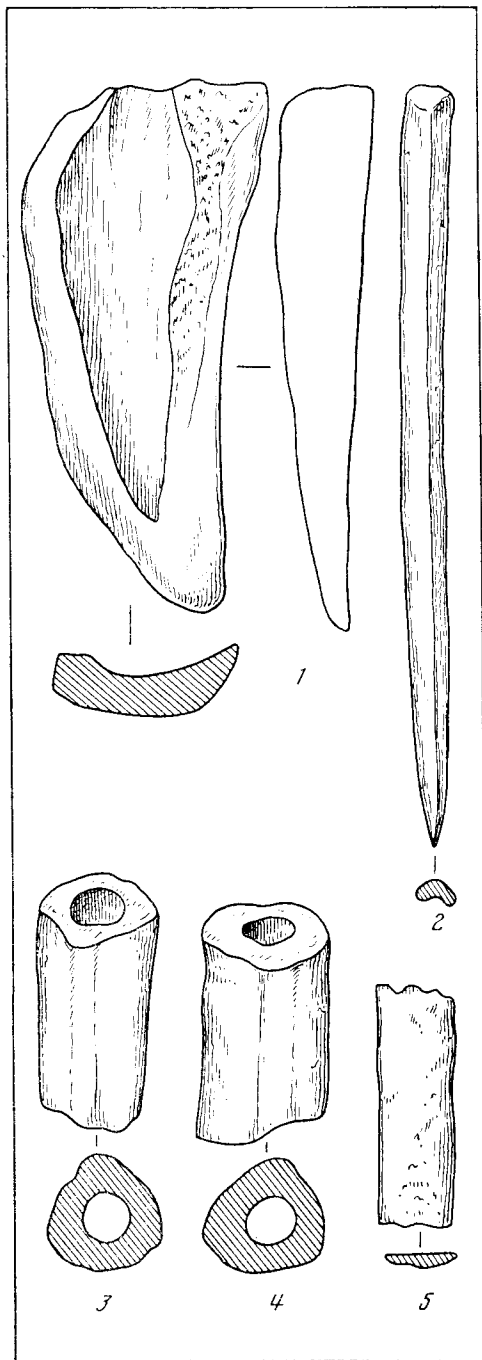
В период янковской культуры происходит как бы расцвет костяной индустрии. При всем том изделия из кости не играют ведущей роли. В последующие же культурно-исторические периоды роль изделий из кости незначительна.

Со времен неолита изделия из глины являются самой многочисленной категорией находок на древних поселениях Приморья. Это относится и к железному веку. Это посуда, пряслица, диски из стенок сосудов, украшения и некоторые другие поделки. Обилие керамического материала на поселениях объясняется важным значением посуды в быту.

Керамика янковской культуры отличается своеобразием. Это лепные сосуды, преимущественно тонкостенные, с хорошо лощеной поверхностью, окрашенной иногда в яркомалиновый или черный цвет. Изредка их стенки покрыты полосами темной краски. Гораздо чаще сосуды орнаментированы техникой прочерчивания или налеса.

Ниже приводится краткий анализ керамического материала из нижнего слоя поселения Малая Подушечка⁶⁴.

Изделия из кости с поселения Малая Подушечка (1—9)

По формам сосуда из нижнего слоя Малой Подушечки можно разделить на несколько типов.

Первый тип включает в себя горшки, которые составляют половину всей найденной керамики. Они слегка вытянуты, имеют более или менее отогнутый венчик, невысокое горло и слабо выпуклое тулово. Почти в половине случаев край венчика резко отогнут в горизонтальном направлении или под углом, образуя невысокое воронкообразно расширяющееся горло. Примерно четвертая часть сосудов этой формы имеет по краю венчика насечки. Меньшее место занимают горшки с внешним краем венчика, оформленным в виде остросереберного валика. Единичны находки сосудов с валиком по внешней стороне венчика или горла и сосудов с невысоким прямым горлом и выпуклым туловом. Сосуды этих форм имеют небольшие наклепные ручки с отверстием для шнура.

Ко второму типу относятся миски со слегка загнутым внутрь краем венчика. Все сосуды двух первых типов плоскодонны.

Третий тип включает в себя чаши на колоколовидном или высоком цилиндрическом поддоне. Чаще всего это светильники.

Стенки сосудов первого типа украшены почти всеми видами орнаментов, стенки мисок орнаментировались редко, почти совсем лишены орнамента сосуды третьего типа. Как правило, узор наносился неширокой горизонтальной полосой на плечики сосуда, если это был горшок, верх-

Изделия из кости с поселения Малая Подушечка (1—5)

Сосуды с поселения Малая Подушечка (нижний слой) (1—8)

3

1

2

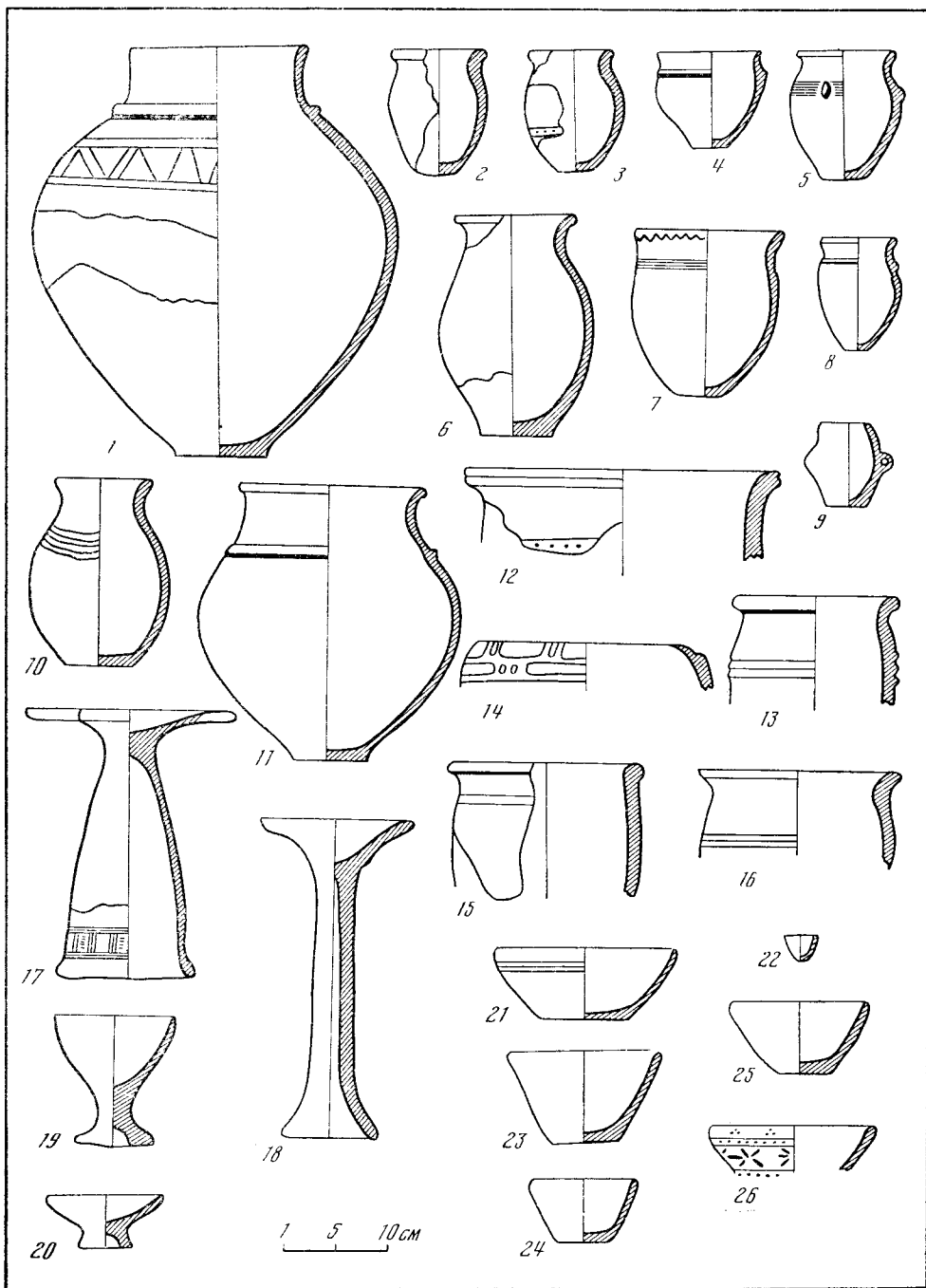
4

5

6

7

8

нюю часть сосуда, если это была миска, и нижнюю часть сосуда, если это был светильник на высоком колоковидном поддоне.

Орнаменты по технике нанесения делятся на несколько групп. Немногим менее половины всех узоров составляют рельефные: паленные валики, желобки. Чаще всего это неширокий горизонтальный пояс из одного, реже — двух, трех рядов напеленных валиков. Валики большей частью невысокие, закругленные или остроруберные. Если орнаментальный пояс состоит из нескольких горизонтально палепленных валиков, то они могут располагаться близко один от другого или отстоять друг от друга на 2—4 см. Изредка валик усложняется небольшим утолщением-приливчиком. Иногда паленные валики несут на себе мелкие частые насечки. В единичных случаях паленные валики создают геометрический узор. Некоторые сосуды украшены небольшими палепными шишечками.

Примерно пятую часть рельефных узоров составляет желобчатый орнамент. Обычно он состоит из неширокого горизонтального пояса, чаще все в три желобка.

Несколько меньшее в количественном отношении место занимают узоры, выполненные прочерчиванием. Три четверти прочерченных узоров падает на пояски из горизонтальных линий. Орнаментальные пояски, как правило, состоят из нескольких (от 2 до 5) горизонтально прочерченных линий, расположенных недалеко друг от друга. Четвертую часть прочерченных узоров составляет прямолинейный геометрический орнамент. Он занимает большую площадь на стенках сосудов, чем

←

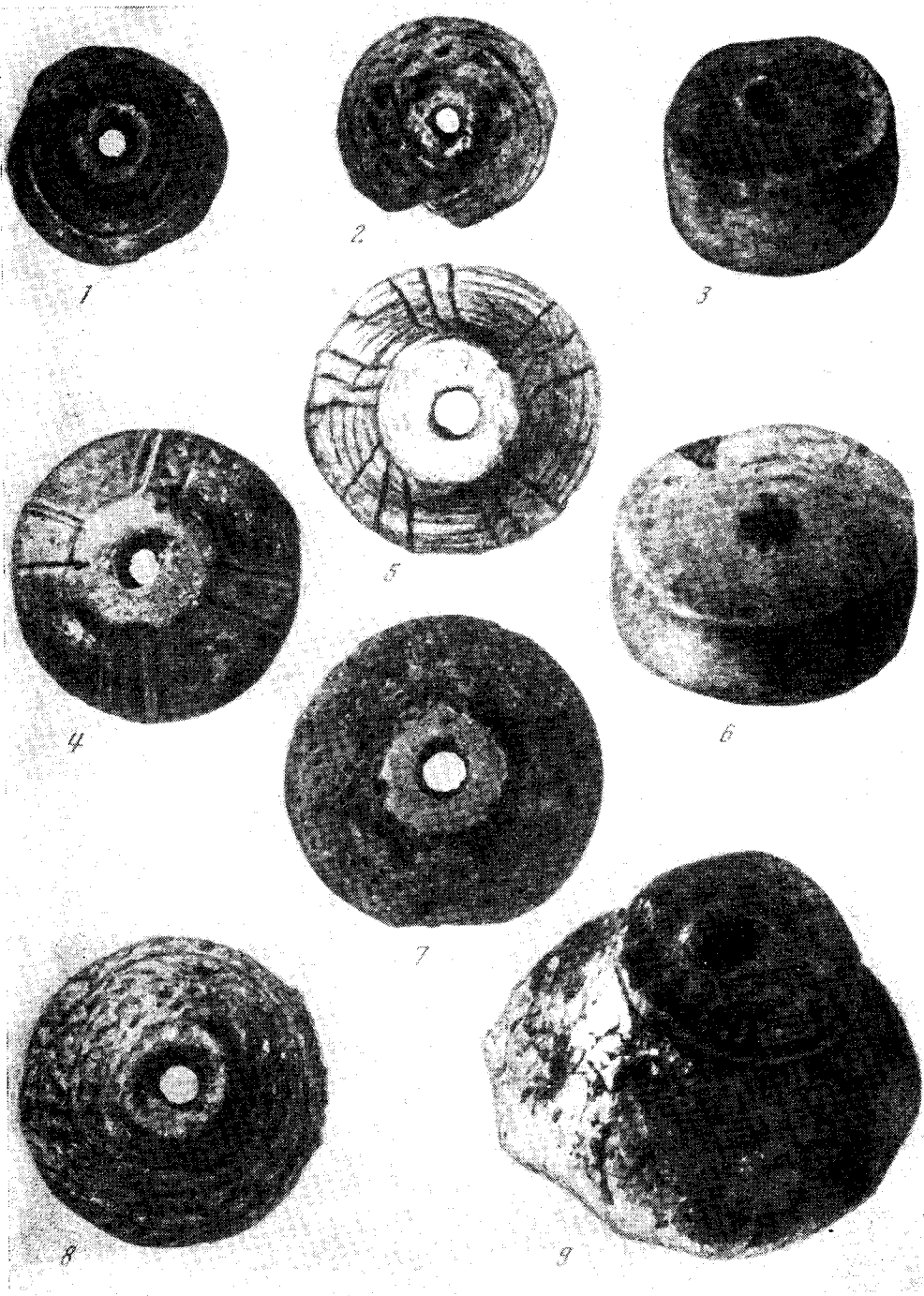
Сосуды с поселения Малая Подушечка (нижний слой) (1—26)

другие орнаментальные композиции. Геометрический орнамент представлен следующими композициями: пояски из двух-трех горизонтально прочерченных линий, соединенных короткими вертикально прочерченными линиями; решетки из горизонтально и вертикально прочерченных линий; углы, обращенные вершинами вверх и вниз, со сторонами, состоящими из трех-четырех близко расположенных параллельных линий, заключенные между поясками горизонтальных бороздок; комбинации из прямых коротких линий, встречающихся под различными углами, и все это между поясков из двух-трех горизонтально прочерченных линий; двойные косые кресты; пояски из четырех горизонтально прочерченных линий, перекрещенных крестом; элементы простейшего прямолинейного меандра и вертикального зигзага и т. д.

В единичных случаях встречен узор из комбинаций точек или коротких насечек, образующих горизонтальные цепочки или простейшие прямолинейные геометрические фигуры.

Части сочетания различных видов узоров. Ведущая роль здесь принадлежит сочетанию горизонтально прочерченных линий с точками или короткими насечками, причем последние могут окаймлять пояс горизонтально прочерченных линий или перемежаться с ними. Реже встречается сочетание прочерченного геометрического узора с точками или насечками, которые могут окаймлять геометрические фигуры или вкрапываться между ними. В единичных случаях геометрический прочерченный узор сочетается с палепным валиком.

Иногда пояски из нескольких горизонтально прочерченных линий

прерываются небольшими налепными шишечками или наленными ручками с отверстием.

В нижнем слое поселения Малая Подушечка найдены остатки печей для обжига посуды. В каждую печь загружали до шести-семи сосудов какой-нибудь одной формы. В мастерской в одной из печей были заложены горшки, в другой — светильники. Возле печей отмечены скопления чистой глины, плиты для растирания, каменные шлифованные ножи. Следовательно, в районе печей для обжига концентрировалось все необходимое для производственного процесса.

Анализы керамики с данного поселения позволяют восстановить процесс изготовления посуды. При подготовке глины из нее выбирали крупные частицы. Глиняное тесто месили недолго и делали это руками, свидетельством чему является неравномерное распределение зерен скелета, хорошо видимое в плитках. Петрографический анализ керамики показал, что посуду формовали двумя способами: лепкой, судя по нормам круглой формы, и раскаткой, судя по сплюснутым, вытянутым нормам. Тесто состояло из 30—40% глины и 40—70% зерен кварца. Прослеживается небольшое количество зерен полевого шпата, фельзита, полевошпатового порфира. Некоторые образцы содержали много примеси горной пыли⁶⁵.

Стенки сосудов лепились из лент шириной до 4—6 см. Особенно хорошо техника лепки сосудов видна на внутренней поверхности поддонов, где заходящие друг на друга края лент не заглажены. На внутренней

поверхности поддонов видны также и отпечатки пальцев.

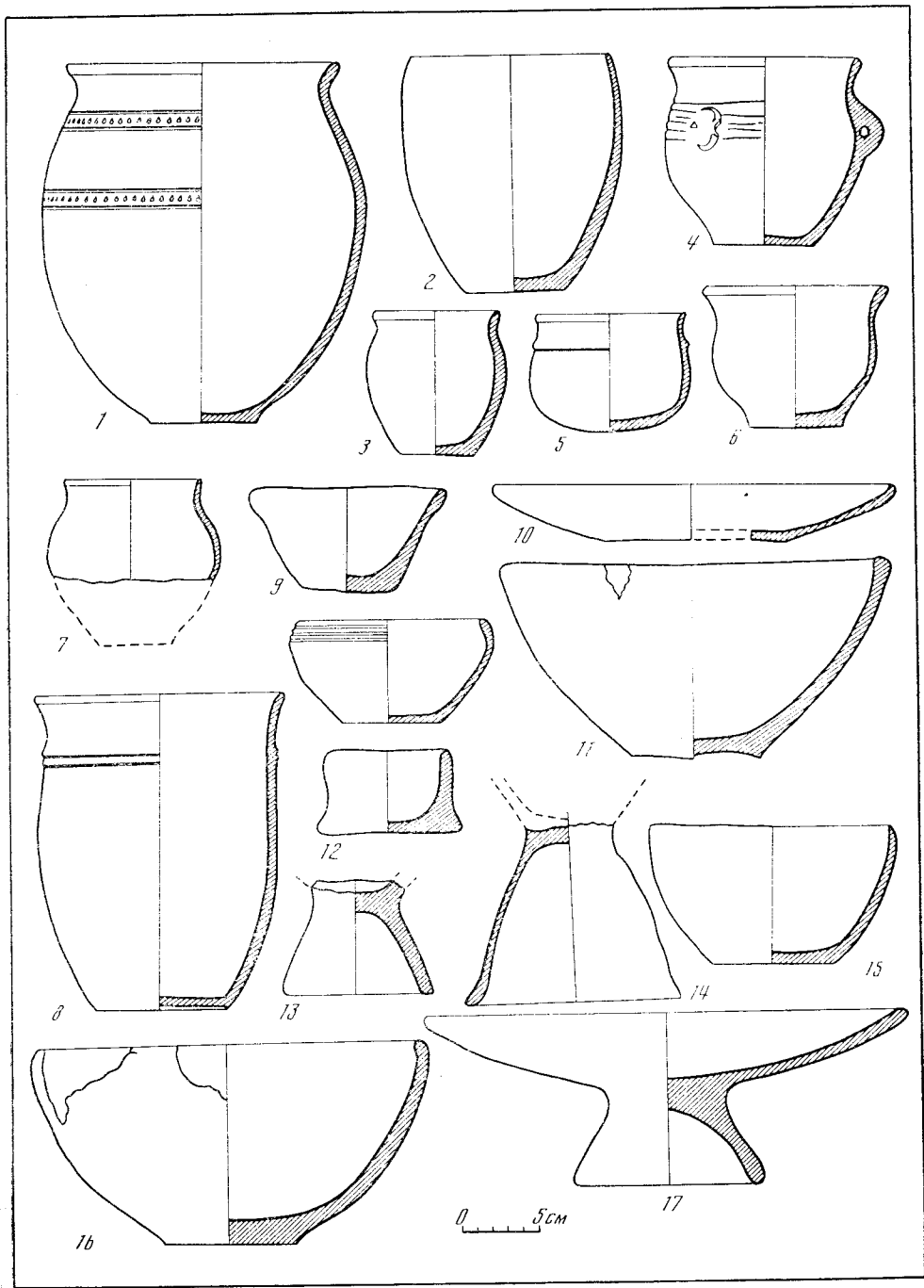
В дальнейшем процессе изготовления сосудов внешнюю и внутреннюю их поверхности, исключая внутреннюю поверхность поддонов светильников или чаш, покрывали тонким слоем глины без примесей. Часто этот слой был окрашен в черный, малиновый или желтый цвет. В том случае, если верхний слой глины специально не окрашивали, сосуд имел бурый или оранжевый цвет.

Орнамент наносили по сырой еще глине прочерчиванием или продавливанием концом палочки. В некоторых случаях оттиски наносили концом полой трубочки. На Малой Подушечке был найден костяной штамп для нанесения орнаментального пояса из трех борозд. Налепные валики делали из тонких жгутиков, вкладывая их в прочерченный желобок. После нанесения орнамента поверхность сосудов лощили. Для керамики янковской культуры характерно высокое качество лощения.

Прослежены некоторые особенности в технике изготовления светильников. Отдельно лепились чаша, цилиндрическая часть поддона и нижняя часть поддона. Во внутренней, цилиндрической части поддона в некоторых случаях сохраняются следы деревянного стерженька, на который накатывали эту часть поддона. На цилиндрических же поддонах видны иногда вертикальные насечки, помогавшие закреплять верхний слой тонко отмученной глины.

Термический анализ показал, что обжиг посуды производился при температуре около 900 градусов⁶⁶. Видимо, температура в печах не везде была одинаковой, так как керамика нередко имеет пятнисто окрашенную поверхность. Например, верхняя

Глиняные пряслица с поселения Малая Подушечка (1—9)

часть одного из светильников желтовато-красноватого цвета, а нижняя — темно-бурого. В некоторых случаях цвет внутренней поверхности сосуда отличается от цвета внешней.

Несмотря на то, что на поселениях янковской культуры было очень много керамики, посудой дорожили. В нескольких случаях отмечены следы почпки сосудов: трещины на мисках и светильниках замазаны черной смолой.

На дне одного из сосудов из нижнего слоя Малой Подушечки имелась грубая прорисовка листа.

В нижнем слое поселения Малая Подушечка было найдено 20 пряслиц, преимущественно прямоугольных в сечении, реже — усеченно-копической формы.

Керамику с поселения 1 на полуострове Песчаном А. П. Окладников делит на несколько групп по назначению. К одной из групп им отнесена посуда, служившая для приготовления пищи, — многочисленные горшки небольших размеров со следами нагара, напоминающие кривки. К другой, также многочисленной, — миски и чаши на невысоких колоколовидных поддонах. В отдельную небольшую группу выделены чашечки. Следующая группа объединила крупные широкогорлые или узкогорлые сосуды для хранения пищи⁶⁷.

В слое янковской культуры поселения Олений 2 в полу одного из сооружений были обнаружены ямы с крупными сосудами с высокой суженной шейкой и горизонтально отогнутым краем венчика, с хорошо залощенными и окрашенными в красный цвет стенками⁶⁸.

←

Сосуды с поселения на полуострове Песчаном (из кн. А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока») (1—17)

На поселениях раннего железного века в Приморье появляются и существуют до средневековья глиняные светильники на высоком поддоне. Обилием светильников керамический материал нижнего слоя Малой Подушечки отличается от керамики поселения 1 на полуострове Песчаном. Но если принять предположение, что на Песчаном жили только летом, когда световая часть суток довольно продолжительна, а на Малой Подушечке и зимой, когда световое время суток значительно короче, то различия в количестве светильников на этих двух поселениях находит объяснение. Сосуды янковской культуры в большинстве случаев плоскодонные.

В посуде для запасов пищи, возможно, хранили жир, мясо и т. д. Большое количество посуды для приготовления пищи свидетельствует о том, что ее предпочитали употреблять в вареном виде, а обилие посуды для приема пищи в виде мисок, чаще всего глубоких, свидетельствует о том, что она была жидкой или полужидкой. Это противоречит данным китайских хроник, описывающих северо-восточных варваров, правда в более позднее время, как людей, не знающих посуду и отогревающих своим теплом зимой замерзшее мясо перед приемом.⁶⁹

Обилие и разнообразие глиняных сосудов, тщательность их отделки — одно из свидетельств высокого уровня культуры в раннем железном веке в Приморье. Стремление украсить посуду является выражением определенного уровня эстетического развития. Устойчивость форм сосудов и орнаментов на них свидетельствуют о большой силе сложившихся традиций. Керамика янковской культуры настолько характерна своими формами, окраской,

приемами орнаментации, что ее трудно спутать с керамикой иной культуры или иного культурно-исторического периода.

Анализируя керамику с поселения 1 на Песчаном, А. П. Окладников увязывает ее с керамикой предшествующей, зайсановской культуры. При этом он опирается на сходство как между отдельными формами сосудов, так и между отдельными орнаментальными композициями: элементами прочерченного вертикального зигзага и прямолинейного меандра⁷⁰.

Необходимо остановиться еще на одном элементе, характеризующем материальную и духовную культуру создателей янковской культуры, на могильниках и погребальных обрядах, которые мало известны и слабо изучены в Приморье.

Несколько лет назад был открыт первый могильник янковской культуры на поселении Малая Подушечка. Выявлено 20 погребений. Большая их часть находилась в центральной части поселения на межжилищном пространстве, иногда около жилищ. Большинство захоронений было совершенно на небольших горизонтальных площадках или в ямах овальной или четырехугольной формы, впущенных на 0,3—0,4 м в материковый грунт. 14 погребений представляли собой трупоположения: скелеты лежали на спине, в 13 случаях головой на юг, в одном — головой на север.

Почти во всех захоронениях встречены украшения: цилиндрические крупные бусы, часто из зеленой яшмы, и халцедоновые привески овальной формы или в виде изогнутого клыка или кольца. Чаще всего украшения немногочисленны: одна-две бусины, одна-две привески. Почти во всех случаях их находят

около головы. Этнографические параллели позволяют восстановить общий вид и назначение этих украшений. Видимо, это остатки серег. Серьги с цилиндрической бусиной, за которой шла привеска, известны у малых народностей бассейна Амура, в частности у гилижков⁷¹. Это одна из тех находок, которые позволяют найти нити, связывающие малые народности Дальнего Востока наших дней с древними обитателями этих областей. Кроме украшений, в нескольких случаях у головы погребенного были найдены каменные шлифованные тесла. Один раз около скелета обнаружены глиняные пряслица, в одном погребении в изголовье — глиняный сосуд.

Необходимо подчеркнуть некоторые детали. Несколько захоронений найдено под печами для обжига посуды. Так, в гончарной мастерской под печью находилась погребальная яма овальных очертаний, впущенная в материк на 0,2 м. Сверху ее покрывала тонкая глиняная корка, а края были выложены небольшими обломками скалы. Возле головы с юго-восточной стороны лежали овальная привеска из желтоватого халцедона и цилиндрическая бусина из зеленого с белыми прожилками камня. Рядом располагалось детское захоронение, в котором около черепа обнаружено плоское полированное кольцо-привеска из прозрачного халцедона и две цилиндрические бусины из зеленой яшмы.

Одно из погребений вплотную примыкало к центральной части западной границы самого крупного северо-восточного жилища. Погребальная яма, выложенная по краям камнями, была засыпана обломками скалы. В ней найден скелет очень плохой сохранности. Около черепа лежали цилиндрическая бусина из

зеленой яшмы и каменный шлифованный топор.

В нескольких случаях погребения располагались как бы группами: детского и взрослого под печью для обжига керамики, к северу от них — группа из трех костяков, южнее — два захоронения, одно из которых ориентировано головой на юг, а другое — на север.

Некоторыми особенностями выделяется погребение у юго-западной границы большого жилища. В яме овальных очертаний на спине лежал скелет. В целом положение и ориентация костяка были обычными для данного могильника, однако череп лежал в области таза. Выпадает также из общей картины погребального обряда, который вырисовывается на основании описанных выше 14 погребений, захоронение, расположенное в нескольких метрах южнее гончарной мастерской: на небольшой горизонтальной площадке, врезанной в склон солонки, лежала грудка костей, на которой находился череп. Вокруг черепа обнаружено несколько крупных цилиндрических бус.

Еще более сложная картина выявилась на северо-восточной окраине поселения, примерно в 2 м к востоку от крупного жилища. Здесь было найдено скопление костяков. Под культурными напластованиями типично темного цвета, оставленными в поздний период обитания поселения, шла углистая прослойка и скопление зеленоватой глинистой массы. Ниже, в засыпке из мелких обломков скалы, лежали кости скелетов людей. Почти все кости были перебиты. Кости от пяти скелетов не лежали в анатомическом порядке. Например, в юго-западной части скопления у погребенного, лежавшего на спине головой на юг, руки

располагались не вдоль костяка, а на черепе, в районе же таза находились три бедренные кости. Почти рядом с ним, восточнее, лежал один череп.

Еще один могильник янковской культуры найден недалеко от устья р. Раздольной⁷². Он расположен на окраине поселения янковской культуры в южной части усадьбы колхоза имени Чапаева. Местоположение поселения самое обычное для памятников этой культуры, находящийся на морском берегу. Памятник однослойный. В обрыве берега, поднимающегося более чем на 10 м над пляжной полосой, хорошо видны напластования раковин. С восточной стороны поселения — долина небольшой речушки, с северной — овраг.

Погребения обнаружены в северо-западной части поселения. Могильник не имел никаких внешних признаков и был обнаружен при строительных работах. Он представлял собой скопление захоронений в котловане заброшенного жилища. Раскопом была вскрыта восточная часть котлована, где найдены кости более чем от 10 скелетов. Глубина залегания костяков от 0,4 до 0,6 м от современной поверхности. Лишь в одном случае в северо-западной части раскопа скелет лежал в анатомическом порядке, на спине, головой на юго-восток. Под погребениями примерно в центральной части котлована имелось кострище с общей мощностью углистого слоя и прокаленного грунта до 16 см. Часть костей скелетов залегала в углистом слое и непосредственно над ним. Складывается впечатление, что кости испытывали воздействие огня.

Рядом с костями найдены разрозненные фрагменты сосудов, типичных для янковской культуры, изделия из кости (иглы, проколки, острия, бусы из птичьих трубчатых ко-

стей, обоймицы, предметы с резным геометрическим орнаментом), шлифованные наконечники стрел иволжской формы, ножи, тесла, бусы⁷³.

Таким образом, на поселениях янговской культуры, расположенных как в материковой части края, так и на морском побережье, найдены могильники. Выяснилось, что захоронения представляют собой труположения, часть из них носит вторичный характер.

В этой связи интересны данные, полученные в результате раскопок могильника первой половины I тысячелетия н. э. около пос. Найфельд в долине среднего Амура⁷⁴. Сорок захоронений оказались вторичными погребениями в неглубоких ямах, до 55 см от современной поверхности, с небольшим количеством вещей (украшений, наконечников стрел, пожей, ланцирных пластинок) и костей лошади. По времени этот могильник отстоит от могильников янговской культуры на тысячу лет. По этой причине не может быть проведено никакого сопоставления, кроме самого общего. В данном случае важен факт, что на обширной территории южной части советского Дальнего Востока в далеком прошлом в течение длительного времени существовал обряд вторичного захоронения, что это какая-то местная черта культуры.

В районах к западу и юго-западу от Приморья в предшествующий, этот и более поздний периоды погребения носят иной характер. Так, на территории Внутренней Монголии и Маньчжурии в первой половине I тысячелетия до н. э. и позже были очень распространены погребения в каменных ящиках. Это были небольшие могилы из каменных плит различных размеров (четыре стенки и покрытие), достаточные, чтобы по-

местилось тело. В них клали несколько каменных предметов и глиняных сосудов. Широко был распространен и другой тип погребений — дольмены, но уже несколько позже⁷⁵.

На территории Кореи в предшествующий период известны погребения в жилищах. Костяки лежат на спине, головой на юг, у некоторых под голову положена каменная подушка. В первой половине I тысячелетия до н. э. и позже на территории Кореи известно несколько типов погребений. Наиболее распространенными были погребения в яме, вырытой в земле или слое ракушек. В ряде случаев узкую погребальную яму-траншею прикрывали сверху каменными плитами. Внешних признаков эти могильники не имеют. Распространяются погребения в двойных глиняных урнах. Широкое распространение получают погребения в каменных ящиках. Изредка встречаются курганные пасыки из камней. Несколько позже, особенно в I тысячелетии до н. э., широкое распространение получают дольмены⁷⁶.

Краткий анализ погребальных сооружений I тысячелетия до н. э. в сопредельных с Приморьем областях выявил своеобразие погребального обряда древних обитателей Приморья в первой половине I тысячелетия до н. э. Антропологический анализ материала из могильника на Малой Подушечке показал, что обитатели поселения янговской культуры принадлежали к байкальскому антропологическому типу (определения сделаны И. И. Гохманом).

Для довольно длительного периода древней истории Приморья, начиная с неолита и эпохи бронзы, была характерна устойчивая оседлость поселений, о чем убедительно свидетель-

ствуют результаты археологических исследований. Хозяйство в эпоху железного века в Приморье было комплексным. На протяжении почти 2 тыс. лет оно складывалось из нескольких компонентов: земледелия, скотоводства, охоты, рыбной ловли и собирательства. Но на различных этапах железного века роль каждого из этих компонентов изменялась.

Земледелие было известно в Приморье, судя по находкам обгоревших зерен культурных злаков, в эпоху бронзы⁷⁷. В железном веке происходит дальнейшее его развитие. На ряде поселений янковской культуры найдены обгорелые зерна культурных злаков. Зерна чумизы были обнаружены в слое янковской культуры поселения Олений 1 и на поселении этой же культуры около с. Екатерининского в долине р. Партизанской⁷⁸. Зерна ячменя были найдены в слое янковской культуры поселения Малая Подушечка⁷⁹.

Чумиза с очень отдаленных времен возделывалась в восточной и северо-восточной частях Азии в горных и равнинных районах, лежащих между 30 и 50° с. ш.⁸⁰ Что касается ячменя, то эта культура обязана своим происхождением Средней Азии, где в зоне гор и холмов и в наши дни встречаются заросли дикого ячменя⁸¹.

Находка зерен культурных злаков на памятниках Приморья закономерна, так как выращивание зерновых культур является одной из характерных особенностей сельского хозяйства умеренных в климатическом отношении зон. Зерновые выдерживают длительное хранение, что дает возможность создавать из них запасы пищи⁸².

Находки зерен помогают восстановить направленность земледелия в раннем железном веке, изучение же

орудий для обработки земли и урожая — понять характер и роль земледелия в то время. Для ранних форм земледелия на обширных территориях были характерны различной формы палки для копания, лопатообразные и царапающие орудия. Наконечниками для таких орудий служили крупные втульчатые кости и рога животных с заточенным прямым или косым треугольным рабочим краем, железные орудия с несомкнутой втулкой и заостренной рабочей частью, а также конусообразные (типа пешней) и кельты. Эти орудия применялись для обработки сильно задернованной земли⁸³.

Видимо, к земледельческим орудиям могут быть отнесены некоторые изделия из кости на поселении раннего железного века на полуострове Песчаном⁸⁴, а также в слое этой же культуры на Малой Подушечке. Это несколько мотыг из крупных трубчатых костей. Для предшествующего культурно-исторического периода А. П. Окладников и Д. Л. Бродянский основными орудиями для обработки земли считают каменные мотыги⁸⁵. Но этнографические данные свидетельствуют о том, что мотыги служили чаще всего вспомогательными орудиями для разрыхления земли после первичной ее обработки другими орудиями⁸⁶. Доказательным представляется толкование А. П. Окладниковым и Д. Л. Бродянским изделий из железа на поселениях янковской культуры трапецевидных удлиненных очертаний с бортиками-закраинами как земледельческих орудий⁸⁷. В качестве земледельческих орудий могли иногда служить и железные кельты. Дальнейшее же рыхление земли могло вестись мотыгами, молотами, деревянными

молотками⁸⁸. Характер изделий из железа на поселениях янковской культуры свидетельствует об известном значении земледелия в жизни древних насельников края.

Ареал памятников янковской культуры входит в восточноазиатскую геоботаническую область, для которой характерны кедровые, чернопихтовые и широколиственные леса, средне- и низкогорный рельеф⁸⁹. Одной из характерных особенностей климата в Приморье является сочетание большой влажности с теплом и светом, что создает почти парниковые условия для растительности, которая буйно развивается⁹⁰. Почвы преобладают с гумусовым горизонтом не более 8—12 см. Увлажнение их чаще всего атмосферное⁹¹. О богатстве и большой жизненной силе приморской растительности писал в свое время известный исследователь края В. К. Арсеньев: «Кто не бывал в тайге Южно-Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя видеть... Производительная сила земли чрезвычайно велика. Травы достигают выше роста человека... Едва успевает человек отвоевать себе клочок земли и очистить его от зарослей, как он тотчас же снова начинает зарастать травой»⁹².

Приморье является лесным краем. А для лесных районов была характерна подсечно-огневая система земледелия. Археологическими исследованиями доказано, что эта система земледелия могла существовать в лесных областях еще со времен неолита. Одним из доказательств существования подсечно-огневого земледелия служит обилие в таких земледельческих культурах топоров. Возможно, что большое число топо-

ров на поселениях раннего железного века в Приморье объясняется необходимостью подготовки лесных участков под посев.

При подсечно-огневой системе земледелия возделанные участки должны были часто сменяться, что в свою очередь приводило к частой смене мест поселений. Там, где подсечно земледелие сочеталось с постоянным возделыванием полей, были характерны постоянные поселения. В первый год использования подсеки орудий для обработки земли практически не требовалось, они были необходимы лишь при повторном ее использовании под посев⁹³. Наличие на поселениях янковской культуры земледельческих орудий из железа и кости, оседлый, постоянный характер поселений свидетельствуют о многократной обработке жителями этих поселений полей.

В настоящее время в руках археологов нет данных о знакомстве обитателей Приморья в раннем железном веке с огородными культурами. Для возделывания же чумизы и ячменя необходимо было обрабатывать поля. Наличие среди находок лишь ручных земледельческих орудий свидетельствует о том, что поля обрабатывались вручную; это позволяет предполагать коллективный характер проведения полевых работ. Вместе с тем обращает на себя внимание немногочисленность земледельческих орудий на поселениях янковской культуры. С одной стороны, это можно объяснить существованием деревянных орудий без костяных или железных наконечников, с другой — небольшим удельным весом земледелия в хозяйстве. При наличии только ручных орудий для обработки земли число возделанных полей и их площадь были ограничены, поэтому земледелие не могло стать основой

хозяйства и сочеталось со скотоводством, охотой и рыболовством⁹⁴.

Орудиями для сбора урожая служили, видимо, шлифованные и полированные каменные похи полукруглой формы или четырехугольных очертаний. В течение длительного времени они были распространены на обширной территории Восточной Азии и считались жатвенными похи⁹⁵. Такие похи очень характерны для поселений янковской культуры. В слое этой культуры на поселении Малая Подушечка они являются самой большой группой изделий. Опыты, проведенные с шлифованными серпами С. А. Семеновым, показали, что ими можно срезать стебли злаков, зеленый камыш, траву, а также ветки кустарника.

Собранный урожай зерна подвергался на поселениях дальнейшей обработке. Здесь при раскопках находят много терок, терочников, плит для растирания. Часть этих предметов служила для обработки и заточки орудий. Но часть плит несет явные следы «пикетирования». Пикетировались же зернотерки для улучшения рабочих качеств⁹⁶.

Хотя земледелие и было известно в Приморье в культурно-исторический период, предшествующий железному веку, только памятники раннего железного века дали неоднократные доказательства существования этой отрасли хозяйства, что свидетельствует о возрастании роли земледелия. Нет сомнения в том, что появление и все более широкое распространение орудий труда из железа было одной из причин повышения удельного веса земледелия.

Вторым направлением хозяйственной деятельности обитателей Приморья в железном веке было скотоводство. Момент зарождения скотоводства в Приморье выходит за хро-

нологические рамки данной работы. Кости домашних животных известны, например, на поселении конца II тысячелетия до н. э., расположенном у подножья Синих Скал в Ольгинском районе. Имеющиеся в настоящее время данные остеологического анализа позволяют проследить те изменения, которые происходили в скотоводстве на протяжении железного века. Обилие остеологического материала с поселений янковской культуры является одной из отличительных черт этого культурно-исторического периода при сравнении его с предшествующими. Другой особенностью, уже остеологического материала, является высокий процент костей домашних животных. На поселении 1 полуострова Песчаного кости домашних животных составили около 88% всех найденных здесь костей. В числе домашних животных были свинья, собака, корова⁹⁷. Высокий процент костей домашних животных (свинья, собака) получен и при раскопках других поселений янковской культуры⁹⁸.

Определение состава стада домашних животных позволяет установить уровень развития скотоводства в раннем железном веке в Приморье. На поселении на Песчаном кости свиньи составили 51,65% всех костей и принадлежали 76 особям, из которых 65 было забито в возрасте до 2 лет. Кости собаки составили 35,36% от всех костей и принадлежали 74 особям, многие из которых были убиты в возрасте до года. Следовательно, мясо собак также использовалось в пищу. Кости коровы составили 0,36% от всех найденных костей⁹⁹. В нижнем слое поселения Малая Подушечка, кроме костей свиньи, собаки и крупного рогатого скота, были найдены кости лошади и мелкого рогатого скота¹⁰⁰.

Какое место в пищевом рационе составляло мясо домашних животных? Ответ на этот вопрос дают результаты раскопок на поселении 1 полуострова Песчаного. Здесь было раскопано 14 жилищ. Площадь жилищ колебалась от 40 до 200 с лишним кв. м. Наиболее характерны были жилища площадью около 100 кв. м. Следовательно, это были коллективные жилища, где одновременно проживало много людей. Мощные культурные напластования на поселении свидетельствуют о длительности его функционирования¹⁰¹. Если провести условное деление числа особей свиньи, кости которых были найдены при раскопках (76), на количество жилищ, то на каждое жилище приходится примерно пять животных. Та же картина получается, если разделить число собак (74) на количество жилищ. Небольшое число животных, которое приходится на обитателей каждого жилища, свидетельствует о том, что мясная пища составляла лишь часть рациона древних обитателей поселения и скотоводство, следовательно, являлось лишь одним из компонентов хозяйства.

Процентный состав стада на поселениях янковской культуры, судя по наиболее изученным памятникам, свидетельствует о ведущей роли свиноводства, о большом значении собак, которые также использовались в пищу, и низком удельном весе крупного рогатого скота и лошадей. Таким образом, в раннем железном веке в Приморье еще не сложилась база для пшеничного земледелия.

Большая численность свиней и собак среди домашних животных вообще характерна для ранних форм скотоводства, так как этим животным не нужно было особого корма. Свинья и собака выступали в роли

санитаров, очищающих поселения от отходов. Материалы раскопок поселений янковской культуры показывают, что таких отходов было много. Кроме того, в силу особенностей природных условий Приморья в окрестностях поселков были большие естественные запасы природного корма для свиней. Для той геоботанической области, на территории которой расположены памятники янковской культуры, одной из характерных форм древесной растительности является дуб, служащий и в наши дни источником съедобного подспорья в корме (желуди) домашних, а также многих диких животных¹⁰².

Скотоводство, где стадо состояло из таких мелких животных, как свинья и собака, кормовая база которого была связана с пищевыми отходами и природными ресурсами, расположенными вблизи жилища человека, было сферой деятельности женщин и подростков, поскольку оно теснейшим образом было связано с домашним хозяйством. В таких условиях не могло существовать каких-либо исключительных прав мужчин на скот¹⁰³. Следовательно, в раннем железном веке в Приморье не было еще предпосылок для появления частной собственности и связанного с ней имущественного неравенства. И отсутствие каких-либо признаков имущественного неравенства подтверждается результатами археологических раскопок. Анализ археологического материала с поселения 1 на Песчаном привел А. П. Орладникова к выводу, что это был общинный поселок¹⁰⁴. Не отмечает каких-либо признаков имущественного неравенства на полностью раскопанном поселении Олений 1 и Д. Л. Бродянский¹⁰⁵. Эти выводы подтверждаются также результа-

тами раскопок жилищ и могильника на поселении Малая Подушечка.

Приморье в силу климатических и географических особенностей было и является краем с богатейшей фауной и флорой. Охота, рыболовство и собирательство даже с появлением земледелия и скотоводства в течение длительного времени продолжали быть составными компонентами хозяйственной деятельности, лишь постепенно отступая на второстепенные позиции.

О роли и направленности охоты в раннем железном веке в Приморье помогают судить результаты анализа костей животных, найденных при раскопках на поселениях. В нижнем слое Малой Подушечки найдены кости изюбра, косули, оленя¹⁰⁶. Более полное представление о роли этой отрасли хозяйства дают результаты остеологического анализа, проведенного по материалам поселения 1 на полуострове Песчаном. Кости диких животных составили 7% всех найденных там костей; 6% из них принадлежали изюбру, косуле, лосю. Кости изюбра представлены в основном рогами от 16 особей. Кроме того, жители этого поселения охотились на кабана, медведя, кабаргу и барсука. Но их кости немногочисленны. Единичны кости пушных зверей: колонка, лисы, зайца¹⁰⁷.

Представляется интересным факт наличия на Песчаном только рогов изюбра. Последние служили сырьем для различных поделок. Это может служить еще одним подтверждением гипотезы о том, что поселение 1 на полуострове Песчаном являлось сезонным. С настоящего поселения, в котором жили и зимой, были припесены на берег моря в сезонный поселок рога для поделок.

Г. И. Андреев в своих исследованиях отмечал наличие в раковинных

кучах костей изюбра, косули, медведя, кабана и лисицы¹⁰⁸. Несколько дополняют эти сведения данные остеологического анализа из небольших раскопок на побережье Уссурийского залива. Кости диких животных составили там 16% всех найденных костей. Подавляющее большинство их принадлежало косуле. Кости изюбра, кабана, лисицы и волка были единичны¹⁰⁹.

И в наши дни животный мир Приморья отличается большим своеобразием. Для него характерны такие представители, как благородный олень — изюбр, вес которого достигает 320 кг, а вкусное мясо и панты очень ценятся, косуля, кабарга (раньше была очень широко распространена), кабан (особенно много было раньше кабанов в бассейне Усури и по морскому побережью, где их стада доходили до 100 голов и более), медведь, тигр, рысь, соболь, выдра, колонок и многие другие животные¹¹⁰.

Подсчеты костей животных, служивших объектами охоты, на поселениях янковской культуры показывают, что охота не была ведущим видом хозяйственной деятельности, поскольку кости диких животных составляют лишь около 10% с небольшим колебанием в сторону уменьшения или увеличения от количества всех костей, обнаруженных при раскопках. В то же время охота имела очень определенную направленность: основным ее объектом были копытные. Следовательно, главной задачей охоты было пополнение пищевых запасов. Малое количество костей пушных зверей свидетельствует об отсутствии специализированной охоты на них.

Еще одним объектом охоты создателей янковской культуры были птицы. Определены кости птиц

только в материалах раскопок Г. И. Андреева. При этом он подчеркивает, что костей птиц найдено немного. Дичь представлена в основном водоплавающими: гусь-гуменник, утка, кряква, серая утка, широконоск, свиязь, гагара, морянка, морская чернеть, черношея поганка, большая поганка, краснолицый баклан, чайка, дикуша; боровая дичь — фазаном и большеклювой вороной¹¹¹. В публикации материалов с поселения 1 на полуострове Песчаном лишь указывается, что кости птиц составляли 3% от всех найденных. Там же отмечено наличие костей птиц в сборах В. П. Маргаритова и М. Янковского с поселений янковской культуры¹¹².

Среди представителей фауны морского побережья и в наше время особенно много птиц. Кайры, топорки, чайки и некоторые другие птицы образуют птичьи базары. Осенью и весной вдоль морского побережья идет массовый лет птиц, гнездящихся на Чукотке, Камчатке, берегах Охотского моря. Это разнообразные виды уток, гусей, куликов. Местная дичь представлена фазаном, серым и черным рябчиком, каменным глухарем, тетеревом¹¹³. Очень трудно перечислить все виды птиц, которые могли бы быть объектами охоты. Поэтому одним из труднообъяснимых фактов является малое количество костей птиц на поселениях янковской культуры.

Анализ каменного инвентаря с поселения 1 на Песчаном показал, что ведущей формой шлифованных изделий были наконечники стрел, которых здесь найдено около 400. Многие из них разбиты, т. е. несут следы использования. Если это результат воинственности древнего населения, то это должно быть подтверждено другими находками. Но

таковых нет. Если это оружие для охоты, то удельный вес данной категории находок среди других в инвентаре поселения на Песчаном должен был бы свидетельствовать о большой роли охоты. Osteологический материал не позволяет сделать такого вывода. На Песчаном не было и мастерской по изготовлению наконечников стрел. Налицо явное несоответствие: богатство различных видов дичи, ведущая роль в инвентаре оружия, которое могло быть использовано в охоте, и незначительное количество костей животных и птиц, на которых охотились. Это одна из загадок, которую предстоит разрешить.

Создатели янковской культуры были знакомы еще с одним видом промысла — охотой на морских животных. Однако находки костей морских млекопитающих на поселениях единичны, что позволяет согласиться с выводом, сделанным в свое время Г. И. Андреевым, а несколько позже Н. М. Ермоловой, что охота на морских млекопитающих в раннем железном веке носила эпизодический характер.

Начиная с неолита и вплоть до средневековья рыболовство было одной из сфер хозяйственной деятельности древних обитателей края, о чем убедительно свидетельствуют результаты археологических раскопок. Наиболее обильные материалы, свидетельствующие об этом виде деятельности, известны с поселений раннего железного века, особенно янковской культуры. На полуострове Песчаном пол некоторых жилищ был буквально выстлан слоем костей рыб¹¹⁴. Основная их масса принадлежала японской скумбрии. Остальные виды (дальневосточная красноперка, дальневосточная навага, морской еж, собака-рыба, подкаменьщики) пред-

ставлены единичными находками рыбьих костей¹¹⁵.

Имеются определения костей рыб из разведочных раскопок, проведенных Г. И. Андреевым и мной на поселениях янковской культуры на мысе Шелехова, в Посьете, на поселении Зайсановка 2, близ устья р. Гладкой, на полуострове Янковского, близ устья р. Раздольной и около пос. Южного в Уссурийском заливе. Определено около 2 тыс. костей, выделено 25 видов рыб¹¹⁶. Как и на полуострове Песчаном, большой процент составили здесь кости южных видов рыб: скумбрии дальневосточной — 16%, тунцов — немногим более 2%, собаки-рыбы — 13%, саргановых — около 9%. Остальные виды представлены костями камбалы — 23%, тихоокеанской сельди — немного более 8%, карповых — более 9% (в основном восточная красноперка), морского окуня — 6%, тресковых — более 6% (в основном треска тихоокеанская), бычков — более 5%. Кости остальных видов рыб единичны: кости лососевых составляют менее 1%; найдены кости сома амурского, японского морского судака, сабли-рыбы, продолговатого серебряного карася.

В Японском море насчитывается более 600 видов рыб. В заливе Петра Великого, по побережью которого располагается основная масса поселений янковской культуры, обитает 19 видов камбалы, тихоокеанская сельдь, прибрежная навага. Летом в воды Приморья заходят южные виды рыб: скумбрия, тунец и др. В приморских реках в определенные времена года появляются проходные рыбы, лососевые: кета, сима, горбуша. Около 100 видов рыб насчитывается в приморских реках и озерах: сазан, карась, красноперка, щука, осетровые и др.¹¹⁷

Результаты определения костей рыб из прибрежных поселений янковской культуры оказались очень интересными. Одной из особенностей явился высокий процент южных видов. На полуострове Песчаном преобладали кости скумбрии, на других поселениях кости южных видов составляли до 40%. Это явление Л. Н. Беседнов объясняет возможностью более теплого, чем в наши дни, климатического режима в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э.¹¹⁸ Но высокий процент костей южных видов рыб на поселениях янковской культуры может иметь и иное объяснение. Если эти поселения, расположенные на морском побережье, сезонные-летние, то и наиболее интенсивный вылов рыбы шел летом, в том числе и в те периоды, когда близко к побережью подходили южные виды рыб.

Другой особенностью было абсолютное преобладание костей морских видов. Анализируя видовой состав рыб, Л. Н. Беседнов сделал вывод, что все эти виды, в определенное для каждого из них время года, подходили к берегам и держались на небольших глубинах, где могли вылавливаться ставными и закидными неводами, в том числе и такие крупные рыбы, как тунцы¹¹⁹. Таким образом, основу рыболовства янковцев составлял морской прибрежный лов. Последнее подтверждается и почти полным отсутствием костей речных рыб.

Третьей особенностью явилось малое количество костей проходных рыб — лососевых. Это Л. Н. Беседнов объясняет большой мягкостью костей у этих видов, в результате чего они могли стать добычей собак и свиней. Предложенное объяснение представляет определенный интерес.

На многих поселениях янковской

культуры, расположенных по морскому побережью, имеются наслоения раковин моллюсков. Эти напластования хорошо видны в береговых обрывах. Одно из первоначальных наименований янковской культуры было «культура раковиных куч»¹²⁰. О величине напластований створок моллюсков может свидетельствовать хотя бы полуостров Песчаный, где мощные напластования раковин, содержащие обломки керамики, изделия из камня, кости рыб и животных, прослеживаются почти на протяжении километра к северу от мыса Песчаного вдоль обрывистого берега¹²¹.

На поселении Малая Подушечка, расположенном в долине реки, было найдено небольшое количество раковин гастроподы¹²². Видимо, эти брюхоногие использовались в пищу. Что касается морского побережья, обследование всех раковин не проводилось ни на одном поселении ввиду чрезвычайной объемности материала. Приблизительные подсчеты, проведенные на поселении 1 на полуострове Песчаном, показали, что в одном жилище могли быть сконцентрированы створки от 6—7 тыс. моллюсков с чистым весом съедобной части до 20 кг. В одном из жилищ (№ 10) основная масса створок принадлежала устрицам и единицы — рапанам, мактрам, гребешкам, мидиям, глицимерисам; в другом (№ 9) раковин устриц было меньше, но зато больше раковин рапанов, глицимерисов, петушков. В прочих местах этого поселения преобладали створки мидий и меньше было створок гребешков¹²³. Определение раковин поселения около полуострова Южный показало, что они принадлежали 17 видам моллюсков с преобладанием устриц и мидий¹²⁴. Определение раковин с других поселений

по побережью залива Петра Великого выявило 23 вида моллюсков, в ловом которых занимались янковцы¹²⁵.

Основными объектами лова были устрицы (обитают в прибрежной зоне до глубины 5—7 м) и мидии (обитают на глубине от 1 до 60 м). Остальные виды добывались в небольшом количестве¹²⁶. В свое время Г. И. Андреев обратил внимание на преобладание в раковинных кучах видов моллюсков, обитавших в прибрежной зоне, и сделал вывод о прибрежном характере морского собирательства¹²⁷.

Видимо, широко в раннем железном веке собирались и вылавливались и другие морские животные, а также растения: разнообразные крабы и креветки, кальмар и осьминог, трепанг, морская капуста, некоторые виды которой достигают в длину 10—15 м при ширине листа до 35 см. Эти представители фауны и флоры, во множестве обитающие в прибрежной зоне и в наши дни, видимо, с древнейших времен употреблялись человеком в пищу¹²⁸. Однако от большинства из них на поселениях не осталось следов. Г. И. Андреевым при раскопках почти во всех раковинных кучах были найдены лишь клешни крабов¹²⁹.

Областью догадок является вопрос о собирательстве и его направленности на протяжении железного века в Приморье. Растений, которые могли быть источником собирательства, в Приморье много: виноград, актинидии, жимолость съедобная, голубика, малина, земляника, папоротники, грибы. Обильные урожаи дают корейский кедр, маньчжурский орех и лещины, дикие вишни, черемуха, яблони¹³⁰. Количество растений, которые могли быть использованы

в пищу очень велико¹³¹. Но, видимо, уже в эпоху бронзы этих природных запасов не хватало древним обитателям края, так как именно к этому периоду относятся первые следы земледелия в Приморье.

Закачивая характеристику янковской культуры, необходимо подчеркнуть некоторые ее особенности. А. П. Окладников оценил период существования этой культуры в древней истории Приморья как время больших прогрессивных изменений, подготовивших почву для перехода к более высокой экономике¹³². Действительно, на памятниках янковской культуры прослежено наличие изделий из железа, в основном орудий для обработки земли, усиление роли земледелия и скотоводства по сравнению с предшествующим культурно-историческим периодом. В свое время Г. И. Андреев определил хозяйство янковской культуры как комплексное, включающее земледелие, скотоводство, охоту, рыболовство и морской прибрежный промысел¹³³. Выше было показано, почему земледелие и скотоводство были лишь составными частями, компонентами хозяйства создателей янковской культуры. В своей первой обобщающей работе по истории Приморья А. П. Окладников обратил внимание на особенности хозяйства: «В эпоху раковинных куч в прибрежных районах Приморья возникает специализированная культура морских собирателей, рыболовов и зверобоев»¹³⁴. Исследования последующих лет показали, что янковская культура не была культурой зверобоев, но верно А. П. Окладниковым показана большая роль в хозяйственной деятельности морского промысла, такая большая, что наложила отпечаток на весь облик культуры. В последующих публикациях А. П.

Окладников, повторяя суть своих более ранних выводов, еще более конкретизирует их. Активизацию морского промысла он расценивает как шаг вперед¹³⁵.

Является ли активизация прибрежного морского промысла действительно шагом вперед? Ответ на этот вопрос может быть получен лишь при сопоставлении янковской культуры с другими культурами, соседними, находящимися в районе Японского моря.

Для неолитического времени на Корейском полуострове выделяется несколько культур (Кунсан, Амсари, Хамгён). Для всех них характерны раковинные кучи. Напластования раковин продолжают до периода развитого железа. В неолите на Корейском полуострове было уже известно земледелие¹³⁶. В I тысячелетии до н. э. в ряде районов наряду с земледелием имело скотоводство¹³⁷. Знакомство с бронзой на Корейском полуострове относится к концу II тысячелетия до н. э., а с железом — к первой половине I тысячелетия до н. э.¹³⁸

На поселениях Японских островов наслоения раковин появляются с раннего неолита и сохраняются в течение нескольких тысячелетий¹³⁹. В последние века до нашей эры с формированием культуры яей сбор моллюсков перестает играть прежнюю роль, хотя рыболовство продолжало сохранять большое значение. Делаются попытки доказать существование земледелия в Японии в среднем дземоне, но неопровержимые доказательства существования земледелия имеются только на памятниках, начиная с эпохи яей¹⁴⁰.

Таким образом, на Корейском полуострове раковинные кучи сопровождали прибрежные поселения начиная с неолита и почти до образования

государства, т. е. до эпохи развитого железа. В Японии они также существовали длительное время и исчезли с появлением металла, широким развитием земледелия и скотоводства. Все это отражает особенности хозяйства прибрежных приморских народов.

Но почему же древнее население нашего Приморья только в раннем железном веке в прибрежных районах приступило к активному прибрежному морскому промыслу, включающему прибрежное морское рыболовство и собирательство?

А. П. Окладников, А. П. Деревянко, Д. Л. Бродянский доказывают в своих работах раннее появление земледелия в Приморье и бассейне Амура, относя это событие к III—II тысячелетиям до н. э.¹⁴¹ Еще не имеют однозначного решения вопросы, связанные с точным определением времени появления земледелия в южной части Дальнего Востока СССР, формой и характером земледелия, однако сам факт того, что земледелие было известно в этой зоне до появления железа, не вызывает сомнения. Но появление производящих видов хозяйства влечет за собой ряд важных изменений, одним из которых является рост численности населения в данной области или зоне; «...возрастание плотности населения влечет за собой интенсификацию производства, освоение новых его отраслей»¹⁴². Возрастание плотности населения могло в определенных моменты привести к относительно перенаселению, когда часть населения должна была переселиться в новые места, «...чтобы они...могли существовать в привычных условиях первобытнообщинного способа производства»¹⁴³. Но это было возможно при условии наличия в соседних районах незаселенных мест.

Активизация прибрежного морского промысла могла произойти с приходом в южную часть Приморья нового населения, принесшего с собой свои формы ведения хозяйства. Но археологический материал не позволяет сделать такого вывода. Янковская культура складывается на местной основе. Большую роль в ее сложении сыграла зайсановская культура¹⁴⁴. Памятники этой и близких ей культур имеют широкий ареал распространения на территории Приморья. За пределами Приморья близкая к зайсановской культура отмечена в северо-восточной Корее, на памятниках которой заметно влияние приморских культур¹⁴⁵.

Как отмечалось выше, на поселениях этого периода на Корейском полуострове имеются наслоения раковин. В Приморье на поселениях зайсановской культуры наслоений раковин нет. Раковинные кучи исчезают в Приморье в последующий за янковской культурой культурно-исторический период, в то время как на Корейском полуострове они еще длительное время сохраняются¹⁴⁶.

Как было показано выше, янковская культура по уровню развития — шаг вперед по сравнению с предшествующими культурно-историческими периодами. Было отмечено и возрастание в этой культуре роли земледелия и скотоводства. В то же время янковская культура как никакая другая в Приморье дает большое количество остатков поселений, только по побережью залива Петра Великого их известно около 50. Древняя история Приморья не знает ни одного периода, когда поселений одной культуры было бы так много, чтобы они располагались целыми группами, гнездами. Можно предположить, что это явилось результатом возросшей численности населения.

Анализ уровня развития земледелия и скотоводства позволил сделать вывод, что земледелие у создателей янковской культуры не могло играть ведущей роли в хозяйстве, но было лишь составной частью комплексного хозяйства. Быстрый рост населения при сравнительно низком уровне земледелия и скотоводства, а именно в силу этих причин хозяйство имело комплексный характер, могло вызывать усиленную добычу морепродуктов. Именно такое предположение помогает понять, почему наряду с явным развитием земледелия и скотоводства, т. е. прогрессивных форм хозяйства, происходит бурное развитие морского прибрежного промысла, связанного с прибрежным рыболовством и собирательством, в том числе и морских моллюсков. Именно в этом свете находит объяснение факт существования прибрежных сезонных поселков и постоянных в долинах рек, на некотором удалении от морского побережья. Ранней весной и летом, в самое голодное время, когда только засеивались поля, часть населения уходила из постоянных поселков к морю, уводя с собой стадо свиней, и там активно промышленяла. Существование сезонных и постоянных поселков известно и по этнографическим данным у нивхов. Сезонные поселения были связаны с рыболовством¹⁴⁷. В данном случае важен факт, что сезонные поселения были хорошо известны на Дальнем Востоке.

Активизация прибрежного морского промысла в раннем железном веке на юге Приморья явилась выходом из затруднений, возникших при быстром росте населения и сравнительно медленном развитии производительных сил. Но выход этот был найден на уровне пассивных форм ведения хозяйства. Море с его гро-

мадными пищевыми ресурсами явилось той отдушиной, которая не только помогла выжить, но и на длительное время сохранить старые традиции, в том числе в форме и уровне ведения хозяйства, общественные отношения.

- 1 *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2, с. 13.
- 2 Приморский край. Владивосток, 1958, с. 3—4, 15—16.
- 3 *Куренцова Г. Э.* Растительность Приморского края. Владивосток, 1968, с. 16.
- 4 Приморский край, с. 16—17.
- 5 *Куренцова Г. Э.* Указ. соч., с. 21.
- 6 Приморский край, с. 31—33.
- 7 *Разиц А. И.* Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. — «Советское Приморье», 1926, № 3-4.
- 8 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969, с. 13; *он же.* Южное Приморье в эпоху раннего железа. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2, с. 98.
- 9 *Окладников А. П.* Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1960 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2120, лл. 140—141.
- 10 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа, с. 98.
- 11 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 14.
- 12 *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры (по результатам раскопок 1963—1965 гг.). — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968, с. 173.
- 13 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 14.
- 14 *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 173.
- 15 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 13; *он же.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 173.
- 16 *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 173—174.

- ¹⁷ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968, с. 156.
- ¹⁸ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 13.
- ¹⁹ *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 176.
- ²⁰ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 14; *он же.* Южное Приморье в эпоху раннего железа, с. 98; *он же.* Оленийский вариант культуры сидеи, с. 176.
- ²¹ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа, с. 98—99.
- ²² *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 176.
- ²³ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа, с. 98—99.
- ²⁴ *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 176.
- ²⁵ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, с. 7—9, 20—21, 157—158, 164.
- ²⁶ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 160, 162.
- ²⁷ *Ермолова Н. М.* Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного. Приложения. — МИА, 1963, № 112, с. 345.
- ²⁸ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 158, 175, 176.
- ²⁹ Там же, с. 163.
- ³⁰ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 14.
- ³¹ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 158—159; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 13.
- ³² Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965, с. 247.
- ³³ *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, с. 18, 46.
- ³⁴ *Kidder J. E.* Japan before Buddhism. London, 1959, fig. 3.
- ³⁵ Народы Восточной Азии, с. 247.
- ³⁶ *Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов. — СА, 1969, № 2, с. 5, 6, 8, 9, рис. 1, 2 (а, б).
- ³⁷ *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин. — КСИА, 1964, вып. 97.
- ³⁸ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2, с. 6.
- ³⁹ *Окладников А. П.* Древнее поселение в бухте Моряк Рыболов. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
- ⁴⁰ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970, с. 126—127.
- ⁴¹ *Андреева Ж. В.* Раскопки на поселении Синие Скалы в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- ⁴² *Кривцова-Гракова О. А.* Бессарабский клад. М., 1949, табл. I, II, с. 19—24, 28.
- ⁴³ *Бродянский Д. Л.* Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- ⁴⁴ *Бродянский Д. Л.* Оленийский вариант янковской культуры, с. 174.
- ⁴⁵ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 113—115.
- ⁴⁶ См., например: *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 111—113, *он же.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры. — СА, 1956, XXVI, с. 78, 80, 81, 83; *Андреев Г. И.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дисс. М., 1959, с. 11—12; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 46—50; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 15—16.
- ⁴⁷ *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин.
- ⁴⁸ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, с. 209.
- ⁴⁹ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 100, 146—147.
- ⁵⁰ Там же, с. 112—115.
- ⁵¹ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2, с. 8.
- ⁵² *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, табл. 53 з. 84 13. 98 з. 108 з, 4, 125 з.
- ⁵³ *Богданова-Березовская П. В., Гинцбург Б. Б., Наумов Д. В.* Железные вефты из поселения на полуострове Песчаном. — МИА, 1963, № 112.
- ⁵⁴ История Сибири, т. I, Л., 1968, с. 261.
- ⁵⁵ *Хван Ги Дек.* О начале железного века на бассейне реки Туманган. — «Кого минсок», 1963, № 4 (перевод В. С. Ким); *Henthorn W. E.* Recent Archaeological Activity in North Korea. — «Asian Perspectives», 1966, vol. IX. Printed in Japan, 1968, p. 78.
- ⁵⁶ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 180—181; *Ch'eng Tê-k'un.* Ar-

- chaeology in China, vol. three. Cambridge, 1963, p. 246—249.
- ⁵⁷ *Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры. — СА, 1966, № XXVI, рис. 14, 15 5, 8, 9, 16 2, 17.
- ⁵⁸ *Окладников А. П.* У истоков культур народов Дальнего Востока. По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). М., 1954, таблица на с. 248.
- ⁵⁹ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, рис. 6, с. 30—33.
- ⁶⁰ Источником для подсчетов послужили данные из книги А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока».
- ⁶¹ *Ковнушко Г. М.* О горных породах, использованных древними обитателями полуострова Песчаного для изготовления орудий труда. — МИА, 1963, № 112.
- ⁶² Определения пород камня произведены Г. Н. Старковым.
- ⁶³ Данные взяты из книги А. П. Окладникова «Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока».
- ⁶⁴ *Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры; *он же.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.
- ⁶⁵ Петрографический анализ проведен в Лаборатории неметаллических полезных ископаемых Дальневосточного политехнического института им. В. В. Куйбышева зав. лабораторией Н. В. Овсянниковым.
- ⁶⁶ Термический анализ проведен там же.
- ⁶⁷ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 160—162.
- ⁶⁸ *Бродянский Д. Л.* Оленнинский вариант янковской культуры, с. 176—177.
- ⁶⁹ *Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I, с. 70.
- ⁷⁰ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 168—169.
- ⁷¹ *Шренк Л.* Об инородцах Амурского края, т. 2. СПб., 1899, табл. XXIX, 6.
- ⁷² *Андреева Ж. В., Гарковик А. В.* Исследования в Приморском крае. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- ⁷³ *Андреева Ж. В., Гарковик А. В., Дьякова О. В.* Новый могильник янковской культуры в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
- ⁷⁴ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Мохацкий могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь, вып. 2. Новосибирск, 1966.
- ⁷⁵ *Chéng Tê-kun.* Archaeology in China, vol. III. Hefter, Cambridge, 1963, p. 136—137, 140—141.
- ⁷⁶ *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, с. 12, 47—48.
- ⁷⁷ *Окладников А. П.* Возникновение земледелия на Дальнем Востоке. — В кн.: Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений). Владивосток, 1960, с. 7.
- ⁷⁸ *Лысов В. Н.* Чумиза и просо в условиях Приморского края. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь, вып. 2. Новосибирск, 1966, с. 148.
- ⁷⁹ Определения произведены В. Г. Рейфманом.
- ⁸⁰ *Лысов В. Н.* Указ. соч.
- ⁸¹ Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 13.
- ⁸² *Бутинов П. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 135.
- ⁸³ *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы. — СА, 1967, № 1, с. 4, 7—9.
- ⁸⁴ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, табл. 11 1, 14 4, 63 1, 98 1.
- ⁸⁵ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2, с. 5—6.
- ⁸⁶ *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы, с. 4; *он же.* Возникновение и развитие земледелия» (рецепция). — СА, 1969, № 1, с. 189.
- ⁸⁷ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия, с. 8.
- ⁸⁸ *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы, с. 11, 13—14.
- ⁸⁹ *Куренцова Г. Э.* Указ. соч., с. 176—178.
- ⁹⁰ Приморский край, с. 31—32.
- ⁹¹ *Куренцова Г. Э.* Указ. соч., с. 26—27.
- ⁹² *Арсеньев В. К.* Краткий географический очерк Уссурийского края. — Соч. т. 5. Владивосток, 1948, с. 26.

- 93 *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы, с. 13, 16—18.
- 94 *Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы, с. 21.
- 95 *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия, с. 10.
- 96 *Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов. — СА, 1969, № 2, с. 13.
- 97 *Ермолова Н. М.* Остатки млекопитающих из раковинных куч полуострова Песчаного. — МИА, 1963, № 112, табл. 2.
- 98 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4, с. 19—20.
- 99 *Ермолова Н. М.* Указ. соч., табл. 2, с. 346—347.
- 100 Определения костей произведены В. И. Цалкиным.
- 101 *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.
- 102 Приморский край, с. 39—42.
- 103 *Гольмстен В. В.* К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. — В кн.: Проблема происхождения домашних животных, вып. 1. Л., 1933, с. 92—93, 95.
- 104 *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 163.
- 105 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла.
- 106 Определения костей произведены В. И. Цалкиным.
- 107 *Ермолова Н. М.* Указ. соч.
- 108 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4, с. 19.
- 109 *Андреева Ж. В.* Раскопки между мысом Седловинным и поселком Южным. — «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I, с. 125.
- 110 *Арсеньев В. К.* Краткий географический очерк Уссурийского края, с. 26, 36.
- 111 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч, с. 19.
- 112 *Ермолова Н. М.* Указ. соч., с. 346.
- 113 Приморский край, с. 50, 52.
- 114 *Ермолова Н. М.* Указ. соч., с. 344.
- 115 *Целкин Е. А.* Остатки рыб из археологических раскопок на полуострове Песчаном. — МИА, 1963, № 112, с. 336.
- 116 *Беседнов Л. Н.* Материалы по ихтиофауне эпохи бронзы побережья залива Петра Великого. — «Труды Ин-та океанологии», 1963, т. LXII.
- 117 Приморский край, с. 18—21, 24—28.
- 118 *Беседнов Л. Н.* Указ. соч., с. 204—205.
- 119 Там же.
- 120 *Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до нашей эры (По материалам поселений с раковинными кучами). — СА, 1956, XXVI, с. 57; *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч.
- 121 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 87.
- 122 Определения проведены Т. А. Денисовой.
- 123 *Мещерякова И. М.* Предварительные данные о результатах обследования раковинных куч на полуострове Песчаном. — МИА, 1963, № 112, с. 340—341.
- 124 *Андреева Ж. В.* Раскопки между мысом Седловинным и поселком Южным в Уссурийском заливе в 1955 году. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I, с. 124, табл. I.
- 125 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч, с. 18.
- 126 *Мещерякова И. М.* Указ. соч., с. 339, табл. I.
- 127 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч, с. 18—19.
- 128 Приморский край, с. 24—28.
- 129 *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч, с. 18.
- 130 Приморский край, с. 39—42.
- 131 *Скрипка М. А.* Дикорастущие пищевые растения Приморья. — В кн.: О работе школ Приморского края в дни Великой Отечественной войны. Методический сборник 2. Владивосток, 1941, с. 153—154.
- 132 *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 182—183.
- 133 *Андреев Г. И.* Побережье южного Приморья в III—I тысячелетиях до нашей эры. Автореф. канд. дисс., М., 1959, с. 13.
- 134 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 128.
- 135 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 227.
- 136 *Won Yong Kim.* New lights on Korean archaeology. — «Asian perspectives», 1967, vol. X.
- 137 История Кореи. М., 1960, с. 31, 34.
- 138 *Henthorn W. E.* The cave at Misong-ni. — «Asian perspectives», 1968, vol. IX.
- 139 *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958, с. 29.
- 140 *Kidder J. E.* Japan before Buddhism. London, 1959, p. 90—96, 97—104; *idem.* Ag-

riculture and Ritual in the Middle Jomon Period. — «Asian perspectives», 1968, vol. XI; Akira Kamikawana. Sites in Yamanashi Prefecture and Middle Jomon Agriculture. — «Asian perspectives», 1968, vol. XI.

¹⁴¹ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 221—242.

¹⁴² *Хлопин И. Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? (Исходный вопрос арийской проблемы). — «Вопросы истории», 1970, № 10, с. 94.

¹⁴³ Там же, с. 95.

¹⁴⁴ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 168—169.

¹⁴⁵ *Won Yong Kim.* New lights on Korean archaeology, p. 48.

¹⁴⁶ *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье. — «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 68—76; Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина. Пхеньян, 1956; *Хван Ги Дек.* Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. — «Мунхва юсан», 1957, № 2; *Ки Ен Чан.* Очерк первобытной стоянки Конгвири вблизи города Канге. Пхеньян, 1959.

¹⁴⁷ *Таксами Ч. М.* Нивхи. — «Вопросы истории», 1972, № 10, с. 213.

ГЛАВА 2.

ВАЛЕНТИНОВСКАЯ ГРУППА ПАМЯТНИКОВ

Другие памятники, относящиеся к начальному этапу раннего железного века в Приморье, изучены гораздо слабее. Они составляют несколько групп. Одна из них представлена памятниками валентиновской группы в восточном Приморье. Памятники этой группы встречаются в долине р. Клевки от верховьев до устья и несколько юго-восточнее, в бухте Мелководной и на северо-востоке до долины р. Милоградовки. На юго-западе валентиновская группа памятников граничит с памятниками янковской культуры.

Наиболее изученным является поселение в бухте Валентин, где раскопками вскрыто около 600 кв. м. Культурный слой гораздо менее насыщен, чем на поселениях янковской культуры. Он прослеживается по всей долине небольшой горной реки на протяжении нескольких километров вплоть до прибойно-намывных валов на морском побе-

режье. Культурный слой отмечен и на высокой пойме, и на первой надпойменной террасе. Во многих местах он разрушен современными постройками, кладбищем, пашней.

На высокой пойме левого берега реки, в полутора-двух километрах выше устья, на поверхности заметны очень оплывшие углубления. Одно из них было раскопано. Это оказались остатки полуземлянки удлиненно-четырехугольной формы (4×7 м), ориентированной длинными сторонами с юга на север. Горизонтальный пол был погружен в грунт на 0,4—0,5 м ниже уровня погребенной почвы. У северной стенки отмечены слабые углистые скопления, на восточном бортике котлована жилища — скопление камней. Следов опорных столбов в полу жилища проследить не удалось. Судя по характеру культурного слоя, жилище было покинуто в спокойной обстановке.

В долине описываемой реки, вверх по течению, начиная от остатков жилищ, на речной террасе прослежены очень оплывшие камешные насыпи диаметром от нескольких метров до 10 м, располагающиеся без какой-либо системы. Когда была раскопана первая насыпь, находившаяся примерно в 1 км от описанного жилища, выяснилось, что она состояла из мелких и больших обломков скалы, валунов, гальки, пересыпанных небольшим количеством гумусированной земли. Диаметр насыпи достигал 8—9 м, вершина поднималась над современным уровнем почвы на 0,6—0,7 м. Во всей толще насыпи встречались разрозненные окатанные фрагменты глиняных сосудов, типичных для этого поселения, сделаны единичные находки грузил для сетей, обнаружен терочник на гальке и молот. В центре в нижней части насыпи были найдены следы небольшого костра и вокруг него привеска из халцедона, шлифованный наконечник стрелы, нож-«сапожок» и небольшой раздавленный глиняный сосуд. На глубине 0,3—0,4 м от современной поверхности гумусный слой сменился рыжеватым крупным песком с большим количеством гальки. С окончанием гумусного слоя находки исчезли. Выяснилось также, что перед насыпкой «кургана» не делалось специальной площадки, не проводилось выравнивания грунта.

К настоящему времени раскопано 10 насыпей. Во всех случаях насыпи состояли в основном из обломков скалы, валунов, иногда довольно крупных, гальки, пересыпанных небольшим количеством земли. Засыпка насыпей содержала разрозненные фрагменты керамики и отдельные предметы. Культурный слой продолжался под насыпями на всю

глубину гумусного слоя. Характерной особенностью культурного слоя этого поселения являлось то, что он лежал на русловых отложениях террасы. Предполагалось, что насыпи были погребальными сооружениями, но ни в насыпях, ни под ними не обнаружено захоронений. В то же время насыпи являются результатом деятельности человека. Находки в них и под ними типичны для валентиновского поселения и все относятся к одному времени. Следовательно, насыпи одновременны с поселением.

В 3 км к северо-востоку от райцентра Лазо, в верховьях р. Киевки, на первой надпойменной террасе правого берега реки имеются следы еще одного поселения валентиновской группы. Часть поселения разрушена более поздним укреплением. При шурфовке одного из валов укрепления в насыпке были обнаружены фрагменты керамики, аналогичной керамике валентиновского поселения.

Примерно в 1 км к северо-западу от укрепления, на склоне массива сопок, в нижней и средней части склопа, было обнаружено несколько невысоких насыпей из обломков скалы. Две из них раскопаны. Диаметр насыпи в средней части склопа приближался к 15 м, высота около 1,5 м. Центральная часть насыпи была потревожена раскопками школьников. Там обнаружено небольшое количество древесных угольков. В этом же месте найден шлифованный нож-«сапожок». Выяснилось, что насыпь была сделана на горизонтальной площадке, на которой были найдены фрагменты глиняных сосудов. По форме, орнаментам, а также минералогическому составу теста керамика аналогична валентиновской.

Метрах в 20 вниз по склону от только что описанной насыпи была раскопана еще одна очень оплывшая насыпь диаметром около 8 м. Вокруг имелись россыпи камней, несколько напоминающие каменные выкладки. Их расчистка показала полное отсутствие в данном месте культурного слоя. Что касается насыпи, то при ее разработке, в северо-восточной части, в гумусном слое, между камнями найдено около 30 фрагментов лепного глиняного светильника на высоком цилиндрическом поддоне. Никаких других находок ни в насыпи, ни под ней не обнаружено. Не было также и выровненной площадки под насыпью.

Керамика валентиновского типа и грузила из плоских галек для рыболовных сетей были обнаружены при проведении археологических разведок в центральной и восточной частях поселка, расположенного на побережье бухты Мелководной. Это крайний памятник валентиновской группы на юго-западе ее ареала. Крайним северо-восточным памятником является поселение на Красной скале, недалеко от устья р. Милоградовки, на морском побережье. Здесь на поверхности и при шурфовке собрана керамика валентиновского типа.

Ни на одном поселении валентиновской группы не найдено изделий из железа. В то же время описание и анализ материала помещены в данном разделе, так как эта группа памятников одновременна янковской культуре¹.

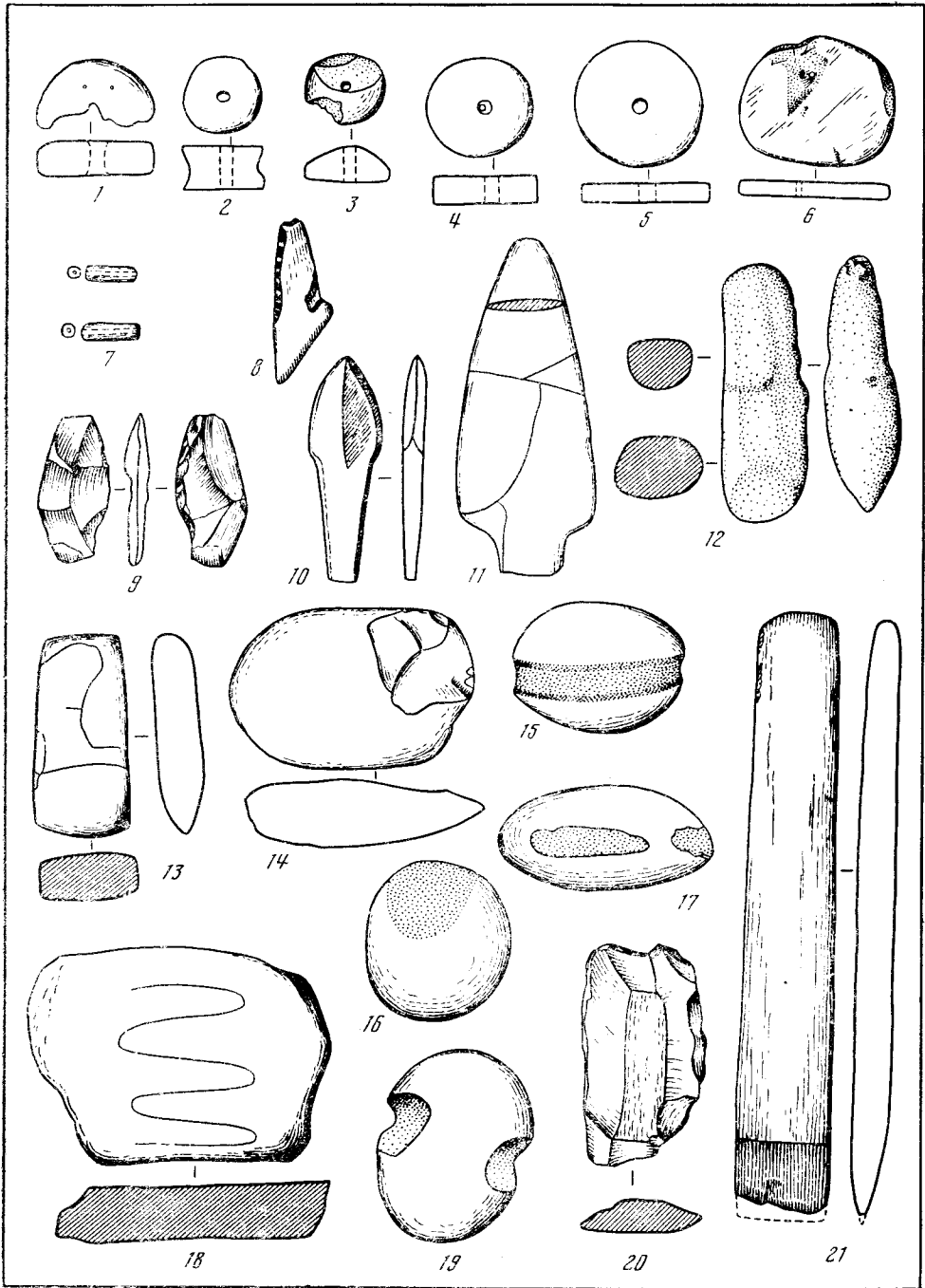
Если для памятников янковской культуры характерно обилие и разнообразие изделий из камня, то на поселениях валентиновской группы они немногочисленны. В наиболее изученном поселении Валентин найдено при раскопках и собрано с по-

верхности менее 100 изделий из камня. Четвертая часть из них обработана техникой шлифовки или полировки, экземпляры с высоким качеством обработки единичны.

Шлифованный черешковый накопечник копьа с пером удлинненно-треугольных очертаний из серого сланца довольно значительных размеров был найден на крутом склоне сопки в приустьевой части долины реки. Длина сохранившейся части наконечника копьа (обломан черешок) — 19,3 см². Другой наконечник копьа, также из серого сланца, но гораздо меньших размеров, был найден в одной из насыпей вдали от побережья. Общая с черешком длина наконечника — 13 см, перо короткое, листовидных очертаний, черешок широкий, длинный, в верхней части лишь немного уже пера. Если и не точные копии, то близкие по форме изделия известны на памятниках янковской культуры³.

Немногочисленны и каменные шлифованные ножи (4 экз.). Но при сравнении их с шлифованными ножами, находимыми на поселениях янковской культуры, выявляется интересная деталь. Лишь один нож, найденный в жилище, близок по форме ножам, характерным для янковской культуры, удлинненно-четырехугольных очертаний⁴. Остальные имеют короткое прямое или слегка округленное лезвие и короткую рукоять-черешок, направленную под углом к рабочей части (ножи-«сапожки»). На поселениях янковской культуры они единичны. На поселении же Валентин при малом количестве ножей вообще почти все они представлены этой редкой для янковской культуры формой.

Наконечник стрелы известен в единственном экземпляре: шлифо-

ванный, удлиненноромбовидных очертаний, с небольшой выемкой в основании.

Ведущее место среди шлифованных орудий принадлежит рубящим (13 экз.). В их числе есть прекрасно полированное тесло из серого с темными прожилками сланца длиной 33 см, четырехугольное в сечении (подъемный материал с территории поселения). Но тщательно обработанные орудия этого типа единичны. Наиболее сохранившиеся экземпляры несколько расширяются к рабочей части и в сечении представляют собой вытянутый четырехугольник⁵. Большая часть их лишь слегка подшлифована, имеет грубо обработанное крупными сколами лезвие. Почти все тесла основательно разбиты в результате употребления.

Два топора, найденные на поселении, выделяются типологически среди остальных. Рабочая их часть, овальная в сечении, отделяется от почти круглого в сечении обушка небольшими плечиками. Почти вся поверхность орудия обработана точечной ретушью и лишь лезвие слегка подшлифовано. Тесла первой группы, найденные на валентиновском поселении, имеют многочисленные аналогии на памятниках янковской культуры⁶. Топор, подобный второму типу валентиновских топоров, был обнаружен А. П. Окладниковым в верхних слоях поселения в долине р. Кроуновки⁷.

Заканчивая краткую характеристику шлифованных изделий из

камня с поселения Валентин, необходимо упомянуть еще несколько полированных предметов. Это плоская привеска овальных очертаний из светло-желтого с белым халцедона (7×7, 5×0,8 см), имеющая небольшое просверленное отверстие. Украшения такого же типа известны в погребениях янковской культуры на поселении Малая Подушечка⁸. Бусы из зеленовато-голубоватого камня цилиндрической формы, найденные вместе с наконечником копья, двумя теслами и некоторыми другими предметами в приустьевой части долины реки. Г. И. Андреев, нашедший их, подчеркнул их сходство с аналогичными предметами с памятников янковской культуры⁹.

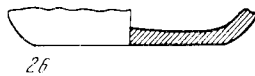
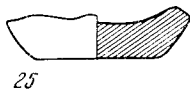
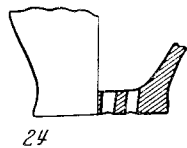
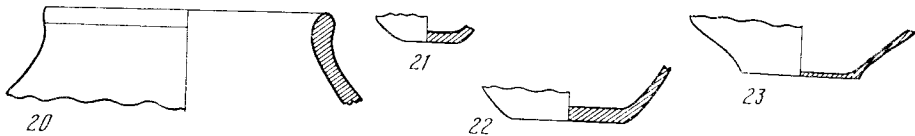
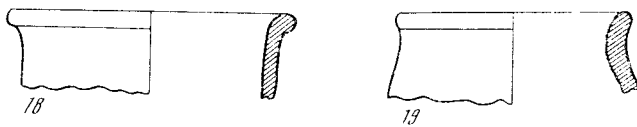
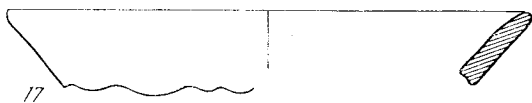
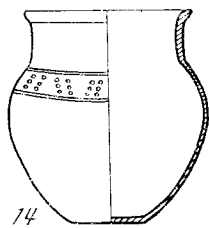
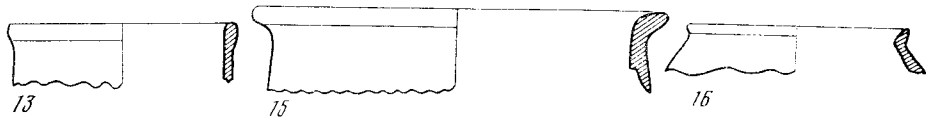
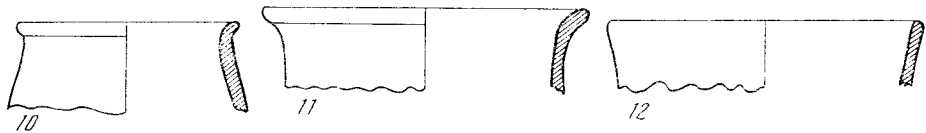
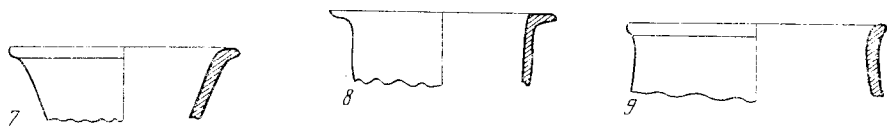
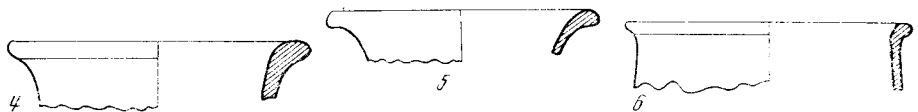
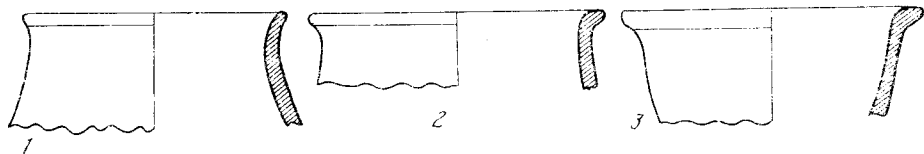
14 находок связано с техникой обработки камня грубыми сколами. В некоторых случаях это просто крупные грубые отщепы (5 экз.), в других — крупные сколы, отбитые с гальки и подправленные по краю серией ударов (1 экз.), или заготовки орудий на гальках, или довольно грубые орудия, например типа топора (4 экз.), когда несколькими крупными сколами заострена одна из сторон удлиненной уплощенной гальки. Одно из орудий на гальке представляет собой скребло с обработанным грубыми сколами закругленным лезвием. Орудия, подобные этому, имеются на более раннем поселении, расположенном на побережье этой же бухты, на перешейке, соединяющем мыс Титова с материком. Имеется несколько орудий, обработанных с двух сторон сколами или крупной ретушью (3 экз.), два из них, видимо, ножи.

Если предположить, что рассмотренные орудия попали в долину с более раннего поселения, то их должна была бы сопровождать, хотя бы в малом количестве, керамика этого

←

Поселение Валентин

1—5 — глиняные пряслица; 6 — привеска из халцедона; 7 — каменные бусины; 8 — нож; 9, 20 — орудия, обработанные оббивкой; 10, 11 — наконечники копий; 12, 13, 21 — топоры; 14, 16, 17 — отбойники; 15 — молот; 18 — обломок плиты для растирания; 19 — грузило

0 5 CM

раннего памятника, которая и по форме, и по орнаментам отличается от керамики анализируемого поселения. Однако ранняя керамика здесь отсутствует. На однослойном поселении янковской культуры на полуострове Песчаном найдено небольшое число отщепов и ретушированных орудий¹⁰, но их так мало, что они совершенно теряются в массе других изделий из камня. На поселении же Валентин при малом числе предметов из камня эта группа изделий выглядит более заметно.

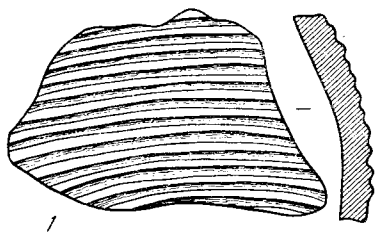
Большую группу предметов составляют орудия на гальках (53 экз.). Среди них более всего грузил для рыболовных сетей из небольших плоских овальных галек с выбоинами по длинным сторонам для крепления (32 экз.). Эта форма грузил длительное время бытовала в Приморье, в том числе и на всем протяжении железного века. К грузилам относят еще одну категорию изделий: гальки овально-шаровидной формы с выбитым вокруг по длинной оси желобком. Иногда два желобка пересекают друг друга под прямым углом. На этих предметах передки многочисленные вмятины — следы ударов. Всего их найдено на поселении 10. Процент этих находок выше, чем на памятниках янковской культуры: на поселении 1 на полуострове Песчаном, где раскопками вскрыто около 2000 кв. м, найдено пять таких предметов¹¹. Остальные орудия представлены в Валентине отбойниками (9 экз.) и терочниками (2 экз.).

Трущие орудия немногочисленны: точила (3 экз.), плиты для растирания, обычно в очень фрагментарном состоянии (3 экз.).

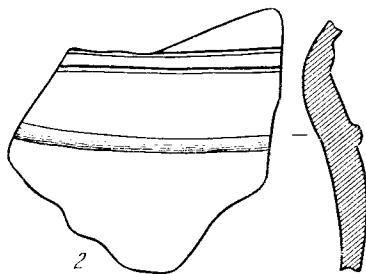
На других поселениях валентиновской группы собран немногочисленный материал. В целом он не противоречит находкам с поселения Валентин. В бухте Мелководной, кроме грузил для рыболовных сетей, был обнаружен обломок орудия из серого сланца, обработанный крупными сколами. Около райцентра Лазо были найдены нож-«сапожок», обломок орудия из серого сланца, также обработанный крупными сколами, и небольшое полированное тесло.

В процессе раскопок на поселении Валентин найдено около 9 тыс. фрагментов лепных сосудов. Следует отметить, что случаи, когда по фрагментам возможно реконструировать форму сосуда, единичны. Преобладают обломки толстостенных сосудов со слабым лощением или без лощения, с большим количеством примесей в тесте. Цвет посуды бурый, с красноватым или желтоватым оттенком. Небольшую группу составляют тонкостенные сосуды с хорошо измельченными в тесте примесями, хорошо лощеные и ангобированные. Цвет этих сосудов красновато-бурый, красный и желтоватый.

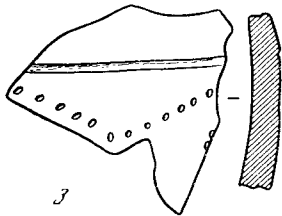
Два реконструированных сосуда относятся к одному типу. Один сосуд был найден Г. И. Андреевым в приустьевой части долины вместе с теслами, наконечником копья и бусами¹². Он имеет резко отогнутый в горизонтальном направлении край венчика, высокое почти прямое горло, выпуклое тулово. По плечикам широкой полосой идет желобчато-валиковый узор. Второй сосуд был найден во время раскопок одной из каменных насыпей. Он небольшой (высота 13 см), тонкостенный. Узкий край венчика резко выгнут наружу, шейка сравнительно высокая и почти прямая, тулово вы-

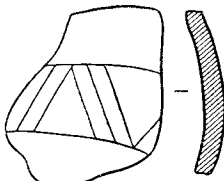
1

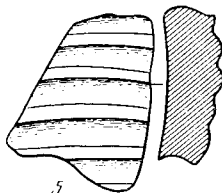
2

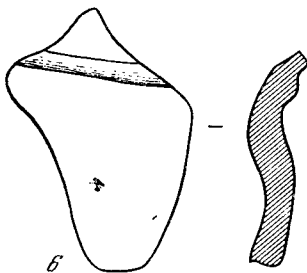
3

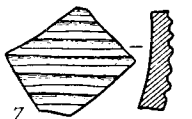
4

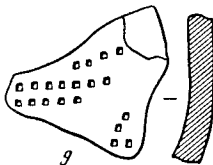
5

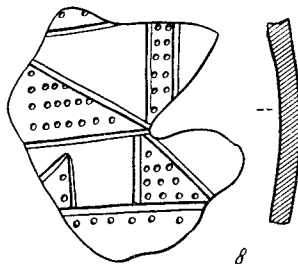
6

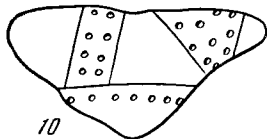
7

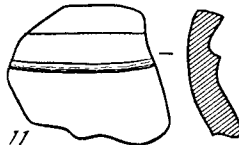
9

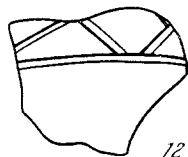
8

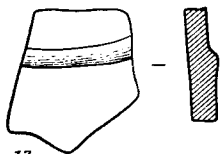
10

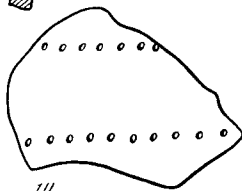
11

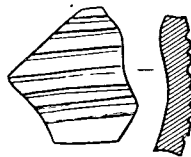
12

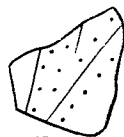
13

14

15

16

0 5cm

пуклое. В верхней части плечиков орнаментальный пояс: между двумя горизонтальными бороздками — углы из двойных рядов точечных вдавлений, обращенные вершинами вверх и вниз. Сосуды такой формы не характерны для памятников янковской культуры¹³, но зато становятся характерными в памятниках ольгинской культуры, в период развитого железа.

Судя по фрагментам подобных венчиков с поселения Валентин, составляющих пятую часть всех фрагментов венчиков, сосуды такой формы были здесь довольно распространены. Для посуды описываемого поселения вообще характерны сосуды с резко отогнутым краем венчика. Более всего сосудов с резко отогнутым краем и прямыми или слегка суживающимися стенками (более трети всех венчиков). Несколько меньше сосудов с резко отогнутым краем венчика в горизонтальном направлении или несколько приподнятым, короткой шейкой-перехватом и слегка выпуклым туловом. Еще меньше сосудов с плавно отогнутым венчиком. В большинстве случаев — это горшки, в единичных случаях — неглубокие чаши. Единичны находки обломков сосудов с невысоким прямым горлом и выпуклым туловом и мисок с почти прямыми стенками. Мисок со слегка загнутыми внутрь краями, столь характерных для памятников янковской культуры, здесь нет. В целом, если судить по графическим реконструкциям, посуда на поселении Валентин представлена низкими формами.

←

Орнаменты на керамике. Поселение Валентин (1—16)

Что касается орнаментов, то фрагменты стенок сосудов с узорами составляют менее 6% от всех найденных. Ведущим среди орнаментов является узор из налепных валиков — $\frac{2}{3}$ от орнаментированных черепков. Из-за большой фрагментарности материала трудно судить о композиции в целом. Видимо, в ряде случаев это был горизонтальный валик в верхней части плечиков сосуда, в других случаях — несколько валиков, опоясывавших тулово в 4—5 см друг от друга. Валики могли быть остроресберные или иметь скругленную вершину. Техника их нанесения та же, что и на керамике янковской культуры: вначале по сырой глине проводилась бороздка, а затем в нее вкладывался глиняный жгутик.

Единичны фрагменты с геометрическим прямолинейным узором из налепных горизонтальных валиков, усложненных короткими валиками-фестонами, идущими к основному валику под прямым углом. В одном случае это была миска, по верхнему бортику которой шел такой налепной валик с фестонами. Один раз под налепным валиком шла цепочка точечных вдавлений. Примерно седьмая часть фрагментов имеет желобчатоваляиковый узор, который покрывал стенки сосудов широким поясом. Фрагменты стенок с налепными продолговатыми или круглыми шишечками единичны.

Примерно седьмую часть составляли узоры, выполненные прочерчиванием. Половина из них — широкие орнаментальные пояса из тонких горизонтальных бороздок. В некоторых случаях в этих поясах имелись вертикальные узкие неорнаментированные поля. Небольшую группу ($\frac{1}{5}$ от узоров, выполненных прочерчиванием) составляют пояски из трех горизонтальных бороздок.

Фрагментарность материала не позволяет восстановить остальные композиции. Находки фрагментов стенок сосудов с прямолинейным прочерченным геометрическим узором единичны.

Небольшая группа (шесть фрагментов) обломков стенок украшена цепочками точечных вдавлений. Несколько больше (23 экз.) фрагментов с сочетанием прочерченного и точечного узора. Более половины из них — пояски из нескольких горизонтальных бороздок, перемежающихся с цепочками точек или окаймленные точками. Третью часть этой группы орнаментов составляют геометрические прочерченные узоры, сплошь заполненные точечными вдавлениями. Единичны геометрические фигуры (например, углы), выполненные точками и окаймленные горизонтальными бороздками.

В целом керамика поселения Валентин представляет довольно выдержанный комплекс в отношении форм сосудов и орнаментов на них.

Керамика с других поселений валентиновской группы памятников и по качеству, и по формам, и по орнаментам аналогична керамике с поселения Валентин. Структурный анализ керамики, найденной близ пос. Лазо, показал близость между ними и по составу теста¹⁴. Но около Лазо был найден единственный пока для этой группы памятников светильник на высоком цилиндрическом поддоне.

Данная краткая характеристика керамики валентиновской группы памятников несколько отличается от той, которая была дана на основании раскопок в 1959 г.¹⁵ Объем вновь собранного материала с поселения Валентин позволил дать более полную классификацию.

Сопоставление керамики поселения Валентин с керамикой янковской культуры, в данном случае с керамикой нижнего слоя поселения Малая Подушечка, позволяет сделать следующие выводы.

Глиняная посуда валентиновской группы памятников гораздо грубее посуды янковской культуры: если керамику янковской культуры отличает хорошее в целом качество лощения, то на валентиновском поселении многие сосуды совсем не имели лощения, многие были плохо лощены. Но в то же время на тех и других памятниках имеется хорошо лощеная посуда, покрытая ангобом.

Наблюдаются различия и в соотношении форм сосудов и орнаментов на них. Горшки с плавно отогнутым венчиком, невысоким суженым горлом и выпуклым туловом, характерные для янковской культуры, довольно малочисленны на валентиновском поселении. То же самое можно сказать и о мисках с несколько загнутыми внутрь краями. Кроме отличий имеется и сходство: на тех и других поселениях есть сосуды с резко отогнутым венчиком, горлом-перехватом и слабо выпуклым туловом; сосуды с невысоким прямым горлом и выпуклым туловом.

Что касается орнаментов, то рельефные узоры являются ведущими и в памятниках янковской культуры, и на поселении Валентин, однако на поселении Валентин это не только ведущий орнамент, но и значительно преобладающий над остальными. Кроме того, желобчато-валиковый узор, покрывающий широким поясом некоторые сосуды с поселения Валентин, не встречается на керамике янковской культуры. Более скромное место, чем на керамике янковской культуры, занимают про-

черченные узоры. К тому же половину прочерченных узоров на поселениях Валентин составляют широкие пояса тонких горизонтальных бороздок. Эта композиция совсем не характерна для янковской керамики. Что касается геометрического прочерченного орнамента, то различия заключаются лишь в том, что на валентиновской керамике сплошь заполнена точечными вдавлениями внутренняя часть геометрических фигур, в то время как на янковской точечные вдавления только оконтуривают геометрические прочерченные узоры.

Кроме посуды, на поселении Валентин найдено два глиняных пряслица: прямоугольное в сечении и сегментовидное.

Очень затруднительно дать характеристику хозяйственной жизни обитателей поселения Валентин. На поселениях валентиновской группы не обнаружено костей животных. Следовательно, лишь областью предположений может быть вопрос о скотоводстве в данном районе Приморья в это время. С большим основанием можно предполагать наличие охоты, хотя оружие, которое могло использоваться при охоте, найдено в небольшом количестве.

Большое число грузил для рыболовных сетей свидетельствует о значительной роли в хозяйственной деятельности рыболовства. Это могло быть и прибрежное морское рыболовство, и вылов проходной рыбы, когда последняя шла на нерест.

Можно предположить, что жители поселения Валентин занимались подсечно-огневым земледелием. Принятие такого предположения объясняет некоторые особенности поселения.

Первая из них — сравнительно высокий процент рубящих орудий. На ранних стадиях земледелие в лесных

районах было подсечно-огневым. А каменные топоры и тесла могли использоваться не только при различных строительных и поделочных работах, но и при подготовке участка леса к пожогу. Многочисленные примеры, в том числе и этнографические, свидетельствуют о том, что каменные топоры играли большую роль в древнем земледелии¹⁶.

При ведении подсечно-огневого земледелия поля использовались один-два года, затем их забрасывали и расчищали новые участки. При этом поселения могли часто менять свое место или паряду с основным постоянным поселком существовали временные¹⁷. Если принять предположение, что древние обитатели поселения Валентин занимались подсечно-огневым земледелием и вынуждены были время от времени переносить свои жилища ближе к полям, то находит объяснение большая площадь поселения, охватывающая много гектаров, сравнительно слабо насыщенный культурный слой. В поселениях янковской культуры гораздо четче обозначаются границы поселений, очень небольших по площади, как это было показано выше.

Но среди находок с поселения Валентин нет таких, которые можно было бы связать с обработкой земли. Этот факт можно предположительно объяснить тем, что все орудия для обработки полей были из дерева. Возможность этого достаточно убедительно доказана Ю. А. Красновым, который подробно разобрал вопрос раннего земледелия в лесной зоне европейской части нашей страны¹⁸.

Принятие предположения о земледелии, как одной из важных отраслей хозяйства древних обитателей поселения, объясняет вторую особенность валентиновского поселения:

наличие каменных насыпей. Они могли возникнуть при расчистке полей и обработке земли, очень насыщенной камнями. Кучи камней по краям древних полей в Приморье были в свое время отмечены В. К. Арсеньевым¹⁹. Это же объясняет, почему под каменными насыпями не было выровненных площадок, почему насыпи являются продолжением культурного слоя, лишь в большей степени состоят из камней и в меньшей — из гумусированной земли. Следует отметить, что в наши дни на месте древнего поселения располагаются современные пашни и огороды. Следовательно, эти участки, пригодные для обработки, были выбраны древними людьми не случайно. Окончательное решение вопросов, поднятых здесь, дело будущих исследований.

Выше были показаны при характеристике материала поселений валентиновской группы черты сходства и различий с памятниками соседней, янковской культуры. Определенное сходство доказывает одновременность существования тех и других памятников. Но имеется и вторая сторона вопроса: чем является валентиновская группа поселений — следы ли это деятельности группы населения, отличной от яковцев, или это один из вариантов янковской культуры, так сказать ее периферия.

На территории Приморья, преимущественно в ее южной части, известно еще несколько поселений, одновременно памятникам янковской культуры. Первоначально А. П. Окладников, открывший и исследовавший их, приписал их племенам центральной и северной части Приморья²⁰. Позже он назвал их континентальными памятниками янковской культуры²¹. К сожалению,

материал этих поселений не опубликован, дано лишь краткое его описание.

Одно из поселений находится в долине р. Артемовки, на Голубиной, или Известковой, сопке. При описании находок с этого поселения А. П. Окладников подчеркивает не только их сходство с материалом поселения янковской культуры, но и различия, считая, что в это время «во внутренней части Приморья... жили различные племена...» (?)²². Другой памятник находится в долине р. Партизанской, около с. Екатериновки. Так же как на сопке Известковой, здесь были найдены отщепы из обсидиана, но кроме них и орудия. Особенностью этого поселения было наличие среди находок изделий из галек, обработанных грубыми сколами, — чопперовидных предметов и скребел. Керамика также имеет и черты сходства, и черты различия с керамикой янковской культуры. На поселении около с. Екатериновки были найдены обгорелые зерна проса и кости диких и домашних животных²³.

Интересно, что ряд элементов в материале этих поселений совпадает с некоторыми сторонами материала поселения Валентин. В частности, на всех этих поселениях присутствуют каменные орудия, обработанные крупной ретушью и грубыми сколами, особенно орудия из галек. При описании керамики с поселения около Екатериновки А. П. Окладников подчеркивает слабое ее лощение и большое количество примесей, которые заметны даже на поверхности сосудов. Тесла с этого поселения также близки к валентиновским — они имеют трапециевидные очертания.

Поселение около Екатериновки представляет большой интерес еще

и потому, что находится в районе, соседнем с поселениями валентиновской группы.

А. П. Окладников при описании изделий из камня, найденных на этом поселении, обращает внимание на грубые орудия, пытаясь выяснить пути их появления на памятнике конца II—начала I тысячелетия до н. э. Сравнительно хорошо эта связь прослеживается с материалом памятников валентиновской группы. В восточных районах Приморья имеется несколько поселений, относящихся к концу неолита и к эпохе бронзы, для которых наряду с прекрасно ретушированными орудиями характерны крупные орудия палеолитоидного облика; это поселение 1 в бухте Евстафия и поселение в бухте Валентин на перешейке, соединяющем мыс Титова с материком²⁴. В этих же районах известна группа памятников, которые занимают как бы переходную ступень между поселениями типа Евстафий 1 и Валентин-перешеек — это поселение в бухте Тихой (рядом с бухтой Валентин), поселение на территории райцентра Лазо и некоторые другие²⁵.

На основании сопоставления материала с поселений на Известковой сопке и у с. Екатериновки с материалом поселений янковской культуры А. П. Окладников делает вывод, что в данном случае имеет место наследование элементов янковской культуры на местные более ранние культуры²⁶. В материале валентиновского поселения также чувствуется очень близкое знакомство с янковской культурой, но уже не такое тесное, как на скатертинском поселении.

Имеется еще несколько поселений

этого времени в северо-восточных и центральных районах Приморья, по их материал практически не опубликован, что не позволяет провести сопоставления. Но и то, что известно, раскрывает сложность исторических процессов в раннем железном веке в Приморье.

В более ранние культурно-исторические периоды на территории Приморья известно несколько типов памятников, которые складываются в отдельные культуры, имеющие яркие особенности. Что же происходит в раннем железном веке? Видимо, полной картины представить пока невозможно, так как очень слабо изучены многие районы Приморья. Но изучение только южных и восточных районов позволило выявить некоторые процессы, которые протекали между двумя группами населения: одна из них оставила поселения янковской культуры, другая — валентиновскую группу поселений, к которой, судя по всему, относится и скатертинское. Эти две культуры имеют и разные истоки: янковская культура связывается с более ранней зайсановской, валентиновская группа памятников — с поселениями более раннего времени восточных районов Приморья типа Валентин-перешеек и Евстафий 1.

Следствием чего являются черты сходства между материалом поселений янковской культуры и валентиновской группы памятников: результат ли это контактов или проникновения янковцев в соседние районы, расширения территории? Дальнейшее исследование памятников раннего железного века на территории Приморья поможет решить эту проблему.

- ¹ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970, с. 59—62.
- ² *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин. — КСИИ, 1963, вып. 97, с. 102, рис. 35, 4.
- ³ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, рис. 15; *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4, рис. 3, 3; *Окладников А. П., Деревяшко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1972, с. 216.
- ⁴ *Андреев Г. И.* и *Андреева Ж. В.* Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. — КСИИ, 1962, вып. 88, с. 98.
- ⁵ *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин, рис. 35, 3, 5.
- ⁶ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, табл. 6, 53, 66, 11, 12 и др.; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, рис. 13.
- ⁷ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 155.
- ⁸ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, рис. 8.
- ⁹ *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин, рис. 35, 1, 2, с. 102—103.
- ¹⁰ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, табл. 3, 6, 7, 10, 44, 8, 20, 21, 64, 5, 79, 6.
- ¹¹ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.
- ¹² *Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин, рис. 34, 5, с. 102.
- ¹³ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, табл. 13, 15, 28, 31, 33, 41, 49, 137; *Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4, рис. 1, 4; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, рис. 4, 18.
- ¹⁴ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 59.
- ¹⁵ Там же, с. 54—56.
- ¹⁶ *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971, с. 54—56.
- ¹⁷ Там же, с. 56.
- ¹⁸ Там же, гл. «Техника обработки почвы».
- ¹⁹ *Арсеньев В. К.* Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. — Соч., т. 4. Владивосток, 1947, с. 317.
- ²⁰ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 144—148.
- ²¹ *Окладников А. П., Деревяшко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 238—240.
- ²² *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 145.
- ²³ *Окладников А. П.* Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатерининского. — В кн.: Сибирский археологический сборник, вып. 2. Новосибирск, 1966.
- ²⁴ *Андреев Г. И., Андреева Ж. В.* Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. — КСИИИ, 1962, вып. 88, с. 97.
- ²⁵ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 59—62.
- ²⁶ *Окладников А. П.* Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатерининского, с. 147; *Окладников А. П., Деревяшко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 240.

ГЛАВА 3.

КРОУНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Конечный этап раннего железного века, вторая половина I тысячелетия до н. э., представлен памятниками кроуновской культуры. Они располагаются не только на морском побережье, но и далеко от него, вплоть до окрестностей оз. Ханка. В южных районах Приморья в не-

скольких случаях поселения кроуновской культуры находятся в тех же географических точках, где имеются следы поселений предшествующего времени.

В многослойных поселениях Олений 1 и на о-ве Петрова слой кроуновской культуры подстилается

слоем янковской¹, в поселении в долине р. Кроуновки слой кроуновской культуры залегает над слоем, находки из которого А. П. Окладников относит к континентальному варианту янковской культуры². В бухте Клевка одностойное поселение кроуновской культуры расположено неподалеку от группы поселений янковской. Поселения кроуновской культуры располагаются как на довольно низких речных террасах (например, в с. Сокольчи, восточное Приморье), так и на возвышенных местах (поселение на берегу моря близ устья р. Кневки, поселение Олений 1 и некоторые другие). Хотя кроуновские поселения известны на широкой территории, число открытых памятников невелико, не более 20³.

Полностью раскопанное поселение Олений 1 (верхний слой) состояло из девяти жилищ⁴. Сократилась не только площадь поселения по сравнению с предшествующим временем, янковской культурой, но и площадь жилищ. Д. Л. Бродянский обращает внимание на то, что в окрестностях поселения Олений 1 число памятников кроуновской культуры меньше, чем янковской. Площадь жилищ составляла 2×3 и 4×4 м⁵.

Широкие раскопки проведены в долине р. Кроуновки, где вскрыто более 1000 кв. м⁶. К кроуновской культуре относится верхний слой поселения. Если на других поселениях этой культуры вскрыты остатки лишь полуподземных жилищ, то на данном поселении, кроме крупных полуподземных жилищ удивительно-четырёхугольных очертаний, обнаружены остатки наземных жилищ и следы свайных амбаров. Площадь жилищ колебалась от 50 до 100 кв. м. Раскопана часть поселения, общая площадь которого предполагается 12 тыс. кв. м. Поселение располо-

жено в суживающейся части долины реки, на 4-метровой речной террасе. Так же в долине реки, но на невысокой речной террасе р. Черной (с. Сокольчи) находится еще одно поселение кроуновской культуры. Раскопки небольшой площадью, проведенные там, позволяют сделать заключение, что поселок состоял из близко расположенных друг к другу полуподземных жилищ четырехугольной в плане формы. Площадь поселения не восстанавливается. Сокольчи, как и многие памятники Приморья, многослойное поселение, к кроуновской культуре относится его нижний слой⁷.

Остальные поселения конечного этапа раннего железного века в Приморье изучены гораздо слабее, чем Олений 1 и кроуновское поселение, но описания некоторых из них дополняют общую характеристику памятников этой культуры.

В этой связи интересно самое северное поселение этой культуры недалеко от оз. Ханка в пади Семипятной на высоком мысообразном холме. Сохранились углубления более чем от 20 жилищ-полуземлянок, часть из которых вплотную располагалась друг к другу. Остатки одного из жилищ на этом поселении позволяют проследить конструктивные их особенности⁸.

На о-ве Петрова частичным раскопкам подверглось многослойное поселение, верхний слой которого относится к кроуновской культуре. Между поселением и береговой полосой находится вал. В связи с этой находкой Д. Л. Бродянский поднял вопрос об оборонительных сооружениях в раннем железном веке в Приморье. Первоначально он связал вал с культурным слоем янковской культуры, затем — кроуновской⁹. Но четких доказательств принадлежности

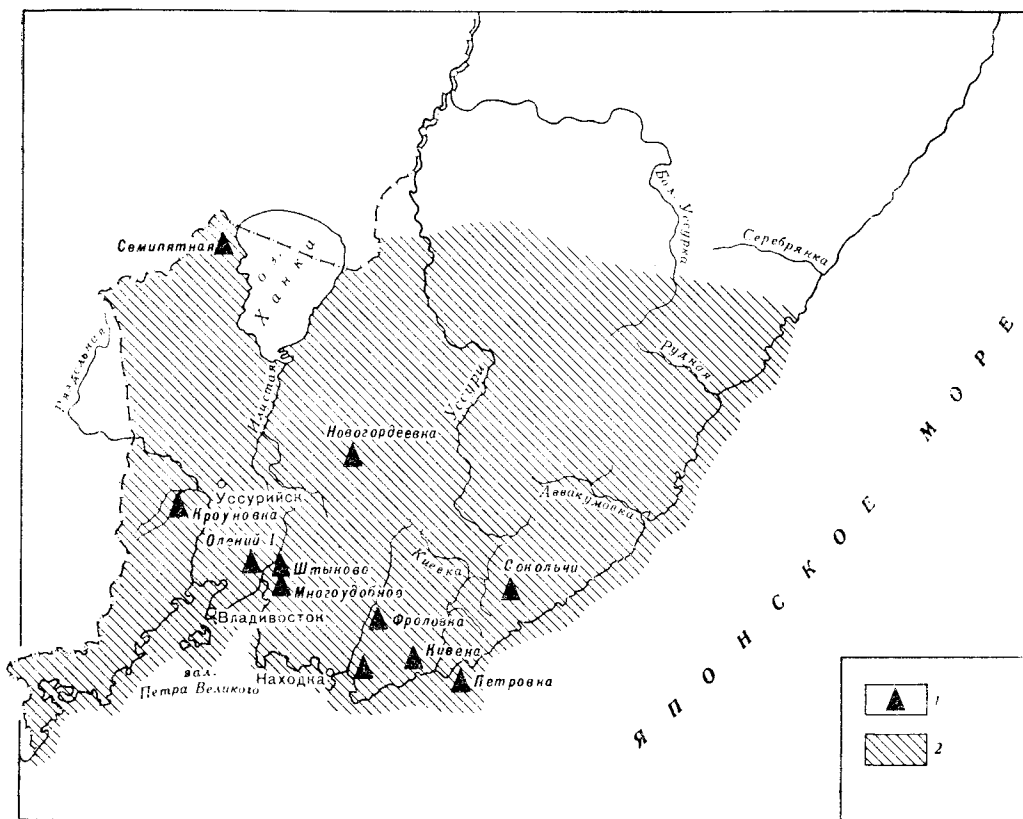
вала к той или другой культуре нет, что и отмечено справедливо в одной из работ А. П. Деревянко¹⁰. Вал, который упоминает Д. Л. Бродянский, перегораживающий перешеек, соединяющий полуостров Песчаный с материком¹¹, не приходится принимать во внимание, так как он слишком удален от поселений янковской культуры; работы на валу не производились, и к какому времени он относится — неизвестно. Что касается упоминания Д. Л. Бродянским вала у поселения около с. Екатери-

нинского, то в публикации А. П. Обладникова, посвященной этому поселению, нет никаких упоминаний о валах¹².

Обращают на себя внимание большие различия между поселениями по площади в долине р. Кроуновки (верхний слой) и Олений 1 (верхний слой). Прослеживаются большие различия и в площади жилищ: на поселении Олений 1 не более 16 кв. м, на поселении Кроуновка — до 100 кв. м. В конструктивном отношении жилища сохраняют традиции предшествующей, янковской культуры. Это четырехугольные в плане каркасные полуподземные сооружения. Крупное жилище в кроуновском поселении имело столбы не только

Карта распространения памятников кроуновской культуры

1 — поселения; 2 — область распространения культуры

вдоль котлована, но и по осевой линии. Здесь найдены остатки трех очагов в виде мощных напластований прокаленной глины¹³.

Новое в кроуновских жилищах — очаги из каменных плит. А. П. Окладниковым и Д. Л. Бродягинским прослежено развитие этих каменных очагов и превращение их в каны¹⁴.

Связь между янковской и кроуновской культурами, сохранение определенных традиций прослеживаются в характере расположения на поселениях производственных комплексов. В слое кроуновской культуры на поселении Олений 1 были найдены рабочие площадки: на одной из них изготавливали светильники, другая служила для выламывания каменных плит, шедших на сооружение очагов¹⁵. В слое этой же культуры на о-ве Петрова обнаружены следы бронзолитейной мастерской¹⁶. Производственные площадки на поселениях раннего железного века как янковской культуры, так и кроуновской свидетельствуют об отсутствии еще четкой дифференциации занятий среди обитателей поселка, связанных с ремесленным производством. Появление же жилищ-мастерских (во всех случаях это жилища литейщиков) на поселениях обоих этапов раннего железного века показывает, что этот процесс уже начался.

Известно одно погребение этого времени, найденное случайно при строительных работах на многослойном памятнике на Известковой сопке. Оно было совершенно в ящике, сложенном из плитняка. Вместе с костями скелета обнаружены бронзовые кинжалы, зеркало и другие предметы¹⁷.

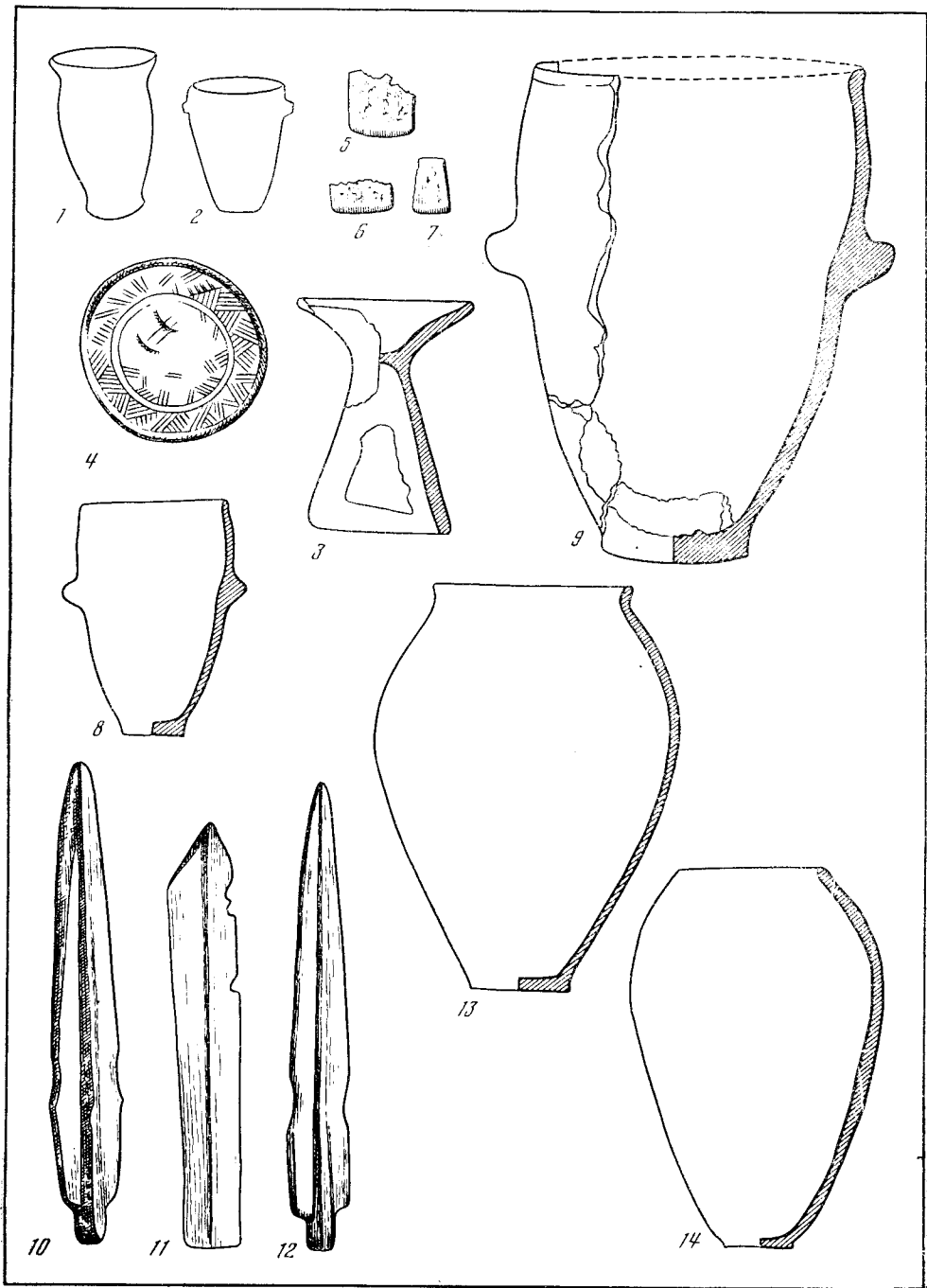
На памятниках кроуновской культуры изделия из бронзы почти так же малочисленны, как и в предшествую-

щий период. На поселении Олений 1 были найдены два обломка бронзового сосуда и четыре обломка наконечника копьей¹⁸. На о-ве Петрова в слое этой же культуры обнаружен обломок бронзового котла¹⁹. В погребении на Известковой сопке, кроме двух уже упомянутых бронзовых кинжалов и зеркала, найдены втульчатый наконечник копьей и стамеска²⁰.

Хотя число изделий из бронзы на поселениях кроуновской культуры немногочисленно, но оно все же несколько увеличивается по сравнению с предшествующим временем. Меняется характер поделок из бронзы: появляется оружие, посуда. Имеется и вторая сторона этого процесса, исчезает каменное шлифованное оружие, имитирующее бронзовое²¹. Можно предположить, что исчезновение каменных предметов, имитирующих бронзовые, с одной стороны, связано с развитием местной бронзолитейной металлургии, а с другой — с более широким распространением железа и изделий из него.

Изделия из железа продолжают оставаться немногочисленными. В верхнем слое поселения Олений 1 было найдено всего два железных пожа, по форме восходящих к каменным шлифованным прототипам²². В верхнем слое поселения в долине р. Кроуновки изделия из железа были представлены кельтами, пожами двух типов и небольшими теслами²³. В жилище на Семипятной был найден один железный пож²⁴. Несколько мелких обломков железных предметов, форма и назначение которых не восстанавливаются, были найдены в слое кроуновской культуры поселения в Сокольчах²⁵.

Однако даже краткий перечень изделий из железа, найденных на памятниках кроуновской культуры,

позволяет отметить черты прогресса. На поселениях янковской культуры изделия из железа обнаружены лишь там, где производились раскопки широкой площадью. На поселениях же кроуновской культуры даже при незначительных площадях раскопок, как в яди Семипятной, в Сокольчах, найдены железные предметы. Это позволяет делать вывод об увеличении числа изделий из железа, большем их разнообразии. При этом прослеживается сохранение традиций предшествующего этапа: кельты такого же типа, что и на поселениях янковской культуры; часть железных ножей, появившихся в это время, близка по форме шлифованным ножам предшествующего времени. Сохранение более ранних традиций прослеживается и в том, что из железа изготавливались в основном орудия труда.

Некоторое представление о каменных орудиях и их роли дают материалы поселения в Сокольчах. Поселение это трехслойное: нижний слой относится к кроуновской культуре, верхний — к ольгинской. При строительстве жилищ кроуновской культуры был потревожен культурный слой неолитического поселения.

Прежде всего нужно отметить, что при большой насыщенности культурного слоя в Сокольчах изделий из камня было немного. Это несколько шлифованных ножей полукруглой формы или подпрямоугольных очертаний, несколько прямоугольных в сечении топоров, суживающихся к обуху, несколько миниатюрных полированных тесел, плоская изогнутая в виде полукольца привеска из белого халцедона и две небольшие

←

Кроуновская культура

1—3, 8, 9, 13, 14 — посуда; 4, 10—12 — изделия из бронзы; 5—7 — изделия из железа

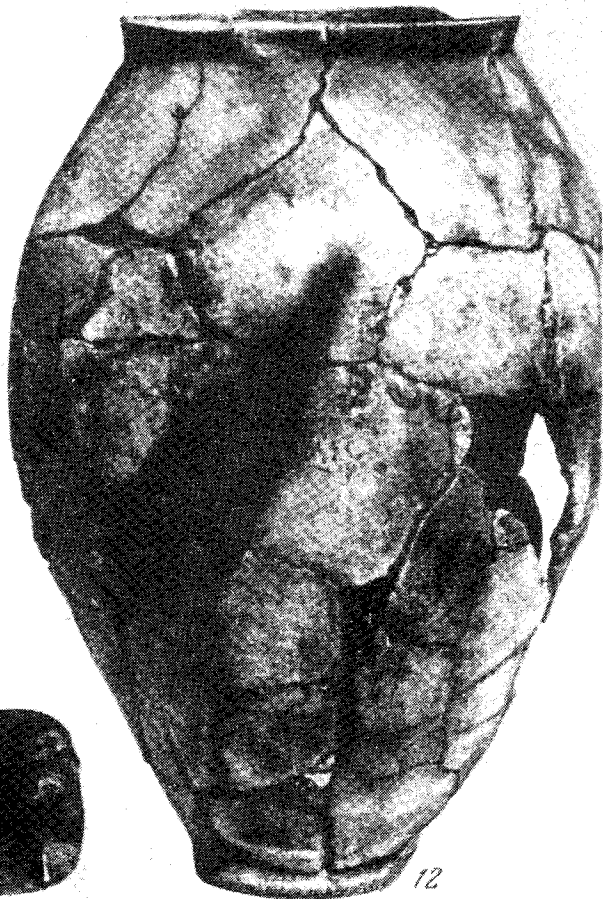
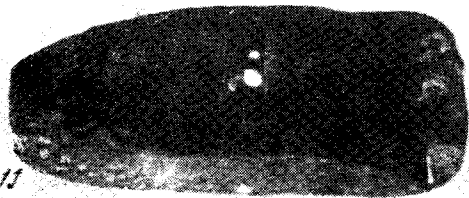
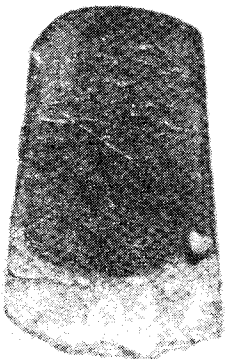
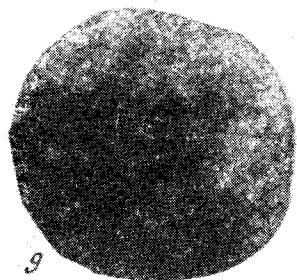
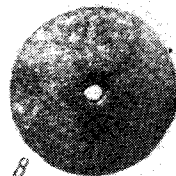
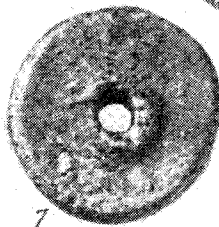
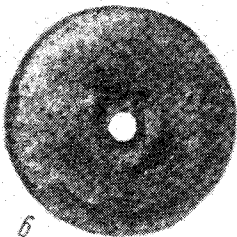
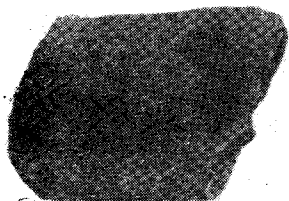
шаровидные бусины из желтого и красноватого халцедона. Кроме того, на поселении были найдены обломки шлифовальных плиток. В период существования кроуновской культуры не только уменьшается количество шлифованных изделий из камня, исчезают целые категории каменных предметов, особенно связанных с вооружением: каменные наконечники, кпшжалы²⁶.

С одной стороны, в памятниках кроуновской культуры найдены каменные орудия, сходные в типологическом отношении с орудиями предшествующего этапа (топоры, ножи), с другой стороны, появляются новые предметы — небольшие шаровидные бусины из красного или желтоватого халцедона.

В поселениях кроуновской культуры встречены разнообразные топчила и грузила²⁷. Интересно отметить, что на поселении кроуновской культуры, расположенном на высоком обрывистом берегу моря недалеко от устья р. Кневки, кроме большого количества фрагментов глиняных сосудов были найдены многочисленные грузила для рыболовных сетей из небольших плоских галек.

Что касается изделий из кости, то они известны только в одном месте, в долине р. Кроуновки: кпшжал, игла, шилья, украшения из клыков кабана и резцов оленя²⁸.

Некоторое представление о керамике кроуновской культуры дает материал поселения в Сокольчах. Характерны толстостенные сосуды красноватого, желтоватого или бурого цвета со слегка подтощенной поверхностью. В их тесте содержится большое количество крупных частиц кварца и кремня²⁹. Вся посуда лепная: крупные сосуды яйцевидной формы с узким плоским дном, сосуды баночной формы с крупными нален-

ными шишками-ручками, миски, чаши на поддоне. Имеются горшки с налепным валиком под венчиком. В целом характерны сосуды вытянутых очертаний, в том числе вазы с плавно или резко отогнутым венчиком. Орнаментированные сосуды редки. Узоры представлены узкими поясками горизонтально прочерченных линий или налепным валиком.

Некоторые сосуды, такие, как миски, светильники на высококолоколовидном поддоне, имеют аналогии в памятниках янковской культуры. Правда, светильники на высоком колоколовидном поддоне для поселений янковской культуры не столь характерны, как для кроуновской, и известны в единичных экземплярах на поселении на полуострове Песчаном³⁰ и в нижнем слое поселения Малая Подушечка. Посуда кроуновской культуры не имеет такого прекрасного лощения, как керамика янковской культуры, нет крашенных сосудов, нет такого разнообразия орнаментов, как в предшествующее время.

На поселениях кроуновской культуры появляются круглые диски из стенок сосудов. Они различаются между собой размерами и, возможно, назначением. Часть из них А. П. Окладников связывает с игрой, следы которой прослеживаются в Приморье с эпохи поздней бронзы, — каменные предметы, напоминающие шашки в памятниках маргаритовской культуры³¹. Часть этих дисков могла использоваться в качестве привесок-украшений; в этом случае в центре

диска просверливалось отверстие. Иногда диски, особенно из доньев сосудов, довольно массивны.

Известны и украшения из глины. В верхнем слое поселения в долине р. Кроуновки были найдены керамические бусы и кольца³².

Хозяйство создателей кроуновской культуры реконструируется в очень предположительной форме. Таких ярких доказательств наличия земледелия, как на памятниках янковской культуры, в кроуновской культуре нет. В то же время по некоторым признакам существование данной отрасли хозяйства может предполагаться. В этой связи интересно расположение поселений кроуновской культуры, таких как Олений 1, где в предшествующий период располагался поселок, для обитателей которого земледелие являлось одной из отраслей хозяйства: поселение в Сокольчах на речной террасе с плодородной почвой, где и сейчас находятся поля и огороды; поселение в долине р. Кроуновки. С земледелием могут быть связаны и некоторые орудия: каменные илифованные ножи и близкие им по форме железные, возможно также железные кельты³³.

Имеются свидетельства о существовании на кроуновских поселениях скотоводства. В верхнем слое поселения в долине р. Кроуновки был найден обильный остеологический материал, в том числе и кости домашних животных: лошади, коровы, свиньи, собаки³⁴. Кости коровы и свиньи были найдены и в Сокольчах³⁵.

Судя по найденным костям кабана, пнюбра³⁶, олепя³⁷ в это время существовала и охота. Даже такие краткие сведения в этой области позволяют видеть ту же направленность в охоте, что и на памятниках янковской культуры: охота на круп-

<

Сокольчи (слой кроуновской культуры)

7—4 — изделия из железа; 5, 11 — каменные ножи, 6—8 — глиняные пряслица, 9 — диск из стенки сосуда; 10 — каменный топор; 12 — сосуд

ных копытных животных как один из источников пищи.

Заметную роль в хозяйстве продолжала играть рыбная ловля. Об этом свидетельствует множество каменных грузил для рыболовных сетей, найденных на однослойном поселении кроуновской культуры на берегу моря в приустьевой части р. Киевки. Учитывая необыкновенное богатство растительного мира Приморья, можно предполагать об определенном значении в хозяйстве собирательства.

Заканчивая краткую характеристику материальной культуры кроуновских памятников, следует отметить некоторые ее особенности. Примечательно обнаружение на двух из них следов бронзолитейного производства (на поселении Олений 1 и на о-ве Петрова³⁸), что может быть результатом более широкого его распространения, чем раньше. Но так же, как и на памятниках предшествующего времени, следов железодельного производства не обнаружено.

В отношении керамического производства можно отметить, что техника изготовления посуды остается той же, что и на поселениях янковской культуры: способ ленточного налепа. Это хорошо прослеживается в местах разлома черепков, которые часто проходят в точках соединения лент³⁹. Сохраняются традиции и в технологии обжига посуды. На ряде сосудов отмечен неравномерный цвет поверхности, т. е. такое явление, как и на керамике янковской культуры. В то же время отмечены и новые явления: на нескольких светильниках были найдены тамгообразные знаки (Олений 1)⁴⁰.

Д. Л. Бродянский предлагает хронологическое членение памятников кроуновской культуры на три этапа,

кладя в основу деления некоторые признаки в керамике и отопительных сооружениях⁴¹.

К наиболее ранним он относит поселение в пади Семпятиной, где раскопано лишь одно жилище. Это поселение пока единственное в Приморье, имеющее радиоуглеродную дату (из памятников кроуновской культуры)⁴².

К следующему этапу Д. Л. Бродянский относит верхний слой поселения в долине р. Кроуновки и верхний слой поселения Олений 1. Поселение Олений 1 раскопано полностью, и здесь прослеживаются все варианты развивающихся отопительных сооружений⁴³. Поселение Кроуновка раскопано лишь частично, и там прослежены только два варианта предшественников канов⁴⁴. Д. Л. Бродянский не принимает во внимание большие различия между этими двумя памятниками, которые проявляются в разнице занимаемой им площади; в том, что поселение Олений 1 состоит лишь из очень небольших жилищ, а поселение Кроуновка — из крупных; что на кроуновском поселении имеются наземные сооружения и следы амбаров, а на полностью раскопанном поселении Олений 1 ничего этого нет. Д. Л. Бродянский учитывает только сходство и объединяет их в одном хронологическом этапе.

На поселении выделяемого Д. Л. Бродяским последнего этапа кроуновской культуры, на о-ве Петрова, в жилищах найден уже вполне развитый кан (?).

Не менее любопытную картину дает выделение трех этапов кроуновской культуры по керамике. Так, появление полых высоких поддонов у чаш Д. Л. Бродянский относит ко второму этапу кроуновской культуры, а сосуды с массивными налеп-

ными ручками-шишками⁴⁵ — к третьему этапу. Выше упоминалось, что чаши на высоком колоколовидном поддоне были известны уже в памятниках янковской культуры. Указанные противоречия в предложенном Д. Л. Бродяньским членении кроуновской культуры свидетельствуют о слабой еще изученности данного вопроса.

Спорным является вопрос и о происхождении кроуновской культуры. В свое время А. П. Окладниковым, а затем и мною с учетом всех черт сходства было высказано мнение, что кроуновская культура происходит от янковской⁴⁶. Действительно, между этими культурами имеются сходные черты, и почти все они были названы в данной главе.

Иную точку зрения предлагает Д. Л. Бродянский, связывая происхождение кроуновской культуры с памятниками поздней бронзы типа Харинской и считая местом происхождения этой культуры окрестности оз. Ханка. Сходные черты между янковской и кроуновской культурами Д. Л. Бродянский объясняет «... принадлежностью одной культурной провинции и последующим взаимодействием»⁴⁷ (?).

Третья точка зрения предложена А. П. Деревянко, который считает, что создатели кроуновской культуры являются пришлым населением в Приморье, которое проникло сюда в VIII—VII вв. до н. э.⁴⁸ Почему именно в VIII—VII вв. происходит это событие, неясно. Если принимать дату самого северного памятника этой культуры в пади Семипятной по радиоуглероду, то это XI—X вв. до н. э., а если принимать даты только по аналогии, то VI—II вв. до н. э.⁴⁹ Доказывая родство двух культур раннего железного века (урильской и янковской), А. П. Деревянко

взяко в качестве основных берет три признака материальной культуры, ставя на первое место одинаковую планировку и конструкцию жилищ⁵⁰. Доказывая, что янковская и кроуновская культуры имеют разное этническое происхождение, А. П. Деревянко объясняет черты сходства между ними «... длительным близким соседством...»⁵¹, совершенно не указывая на сходство жилищ.

Как уже упоминалось, Д. Л. Бродянский связывает происхождение кроуновской культуры с поселениями поздней бронзы типа найденного в пади Харинской, в окрестностях оз. Ханка. На поселении раскопано пять жилищ, и все они имеют округлые в плане очертания. Некогда это были полуподземные каркасные сооружения. В центре жилищ сохранились остатки прямоугольных очагов. Здесь найдены многочисленные и разнообразные изделия из камня. Техника шлифования камня развита хорошо. Характерны слабопрофилированные сосуды, сосуды с плавно отогнутым краем венчика, невысокой суженной шейкой и выпуклым туловом, сосуды баночной формы⁵². Но если А. П. Окладников, проводивший раскопки в пади Харинской, пишет, что жилища имели там в плане округлые очертания, то Д. Л. Бродянский, доказывая свою точку зрения, утверждает, что они были прямоугольной в плане формы. Не соглашаясь с тем, что кроуновская культура генетически связана с янковской, он указывает на различия, которые существуют в их керамике. И эти различия в формах, орнаментах действительно имеются. Однако точно так же различия имеются между керамикой поселений кроуновской культуры и керамикой поселения в пади Харинской⁵³.

Таким образом, в руках Д. Л. Бро-

дьянского остается лишь одно доказательство: наличие в жилищах в пади Харипской прямоугольных очагов, выложенных камешными плитами⁵⁴. При этом не учитывается, в какой части жилища находятся эти очаги: в пади Харипской они располагались в центре жилища⁵⁵, в поселениях же крупновской культуры могли располагаться у стен жилищ⁵⁶. Выяснилось, что очаги прямоугольной формы были известны и в более раннее время в Приморье. Это показали раскопки в пещере Чертовы ворота⁵⁷.

Видимо, проблему происхождения той или иной культуры, в том числе и крупновской, можно решить лишь сопоставляя одну культуру с другой, учитывая если не все, то хотя бы основные, ведущие признаки в материальной культуре и хозяйстве, а не ограничиваясь одним-двумя признаками. Окончательное решение проблемы происхождения крупновской культуры затруднено тем, что плохо изучены в археологическом отношении континентальные районы центрального и восточного Приморья, отсутствуют хорошо аргументированные датировки верхних и нижних границ япковской и крупновской культур, нет сопоставимых антропологических материалов.

Необходимо отметить сложность и спорность решаемой проблемы. Д. Л. Бродянский, указывая на близость памятников раннего железного века к памятникам предшествующего времени, которая проявилась в сходстве жилищ, керамики, орудий труда, наличии земледелия, связывает это с «преемственностью, традиционностью», принадлежностью к одной культурно-исторической области⁵⁸ (?).

В археологической литературе нет общепринятых определений той

суммы признаков в материальной культуре, на которые может опираться археолог при этногенетических построениях. Один из крупнейших советских археологов, Е. И. Крупнов, считал, что важнейшими этническими признаками в археологическом материале могут служить те, которые связаны с погребальными обрядами: вещевой материал, орнаментика, специфика домашних производств⁵⁹. В принципе к этому близко определение, предложенное Л. Р. Кызласовым, который рекомендует выделять устойчивый комплекс материальной и духовной культуры, присущий определенной этнической группе. Этот комплекс должен включать консервативные особенности в обычаях и обрядах (погребальных), специфические особенности материальной культуры: устойчивость форм некоторых предметов, конструкций и планировки жилищ, хозяйственных и погребальных сооружений, в стиле орнаментов, тамг. При этом имеется в виду такой комплекс уже известной этнической группы и последующее прослеживание этого комплекса ретроспективно в глубь веков⁶⁰. Таким образом, Л. Р. Кызласов берет уже не просто найденные вещи, а определенные группы предметов с наиболее устойчивыми признаками. Но в выделении таких групп кроется своя трудность, так как в разбираемую эпоху ареалы распространения орудий труда, оружия, украшений выходят за рамки определенных археологических культур⁶¹. К числу этнических признаков в материальной культуре Л. Р. Кызласов относит и конструктивные особенности в планировке жилищ, хозяйственных построек и погребальных сооружений.

П. М. Кожин предлагает при решении проблемы преемственности

культур к числу этнических признаков в материальной культуре отнести «способ производства» определенных коллективов, понимая под этим особенностями технологии производства⁶². В. И. Мошиская считает, что постановка этногенетических вопросов в археологических исследованиях возможна лишь в редчайших случаях и лишь ретроспективным методом от современных этнических групп при большой тщательности исследования «устойчивого комплекса традиционных культурных черт» в археологическом материале с многократным картированием⁶³.

Одним из условий выделения группы археологических памятников, принадлежащих одной этнической группе древнего населения, считается нанесение памятников с определенными чертами в материальной культуре на карту, для выяснения границы их распространения⁶⁴. Ссылаясь на характер распространения поселений крупновской культуры, Д. Л. Бродянский называет местом сложения этой культуры район оз. Ханка, утверждая, что в континентальной части Приморья поселения этого типа расположены гуще, чем на побережье, и площадь их больше⁶⁵. Но если посмотреть на карту распространения поселений крупновской культуры, то становится явным неправомотность такого заявления; только в северной части Уссурийского залива недалеко от побережья паходится три местонахождения крупновской культуры, не говоря о других поселениях этой культуры, расположенных восточнее на побережье и недалеко от него (на сопке Булочка, на о-ве Петрова, в бухте Киевка, в Сокольчах). Но даже если отбросить крайности у различных авторов в том, что считать в археологическом материале песущим

этнические признаки, то совершенно очевидно, что эти признаки должны быть выделены и аргументировано, почему именно они в данном случае отражают этнические процессы в определенном историческом периоде и на определенной территории. Такая работа по памятникам крупновской культуры еще не проведена и в результате — сколько исследователей, столько же гипотез, связанных с проблемой происхождения крупновской культуры. Разноречивость мнений отражает также сложность проблемы и недостаточность материала для окончательного ее решения.

¹ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969, с. 4—5.

² Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Раскопки многослойного поселения у с. Крупновка в Приморье. — Археологические открытия 1968 года. М., 1969.

³ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху раннего металла. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2, с. 101; Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1972, № 6. Серия общественных наук, вып. 2.

⁴ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 18.

⁵ Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху раннего железа. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2, с. 101.

⁶ Окладников А. П. Начало железного века в Приморье. — «Труды Сибирского отделения Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I, с. 13—20; Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Раскопки многослойного поселения у с. Крупновки в Приморье.

⁷ Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 68—69, 74—75.

⁸ Окладников А. П. Начало железного века в Приморье, с. 21, 25—29.

- ⁹ Бродянский Д. Л. Укрепленное поселение культуры раковинных куч на острове Петрова. — В кн.: *Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока* (секция общественных наук). Владивосток, 1965; *он же*. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969, с. 19.
- ¹⁰ Деревяшко А. И. Ранний железный век Дальнего Востока. Новосибирск, 1970, с. 155—156.
- ¹¹ Бродянский Д. Л. Укрепленное поселение культуры раковинных куч на острове Петрова. — В кн.: *Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока*. Владивосток, 1965, с. 58.
- ¹² См.: *Окладников А. И. Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатерининского*. — В кн.: *Сибирский археологический сборник*, вып. 2. Новосибирск, 1966.
- ¹³ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ¹⁴ Там же; *Окладников А. И.* Начало железного века в Приморье, с. 25—29; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа, с. 103; *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье. — В кн.: *Археологические открытия 1967 года*. М., 1968, с. 155; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 16—17.
- ¹⁵ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье, с. 155, 156.
- ¹⁶ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ¹⁷ *Окладников А. И., Шавкунов Э. В.* Погребение с бронзовыми книжками (Приморье). — СА, 1960, № 3.
- ¹⁸ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье, с. 155; *Окладников А. И.* Отчет о работе Дальневосточной экспедиции в 1960 г. — Архив Ин-та археологии, Р—1/2120, л. 154.
- ¹⁹ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ²⁰ *Окладников А. И., Шавкунов Э. В.* Погребение с бронзовыми книжками (Приморье).
- ²¹ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ²² Там же.
- ²³ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ²⁴ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ²⁵ *Андреева Ж. В. Древнее Приморье*, с. 89.
- ²⁶ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.), с. 17.
- ²⁷ Там же, с. 17.
- ²⁸ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ²⁹ Структурный анализ керамики произведен О. Ю. Круг.
- ³⁰ *Окладников А. И.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, табл. 137, б.
- ³¹ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ³² Там же, с. 209.
- ³³ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ³⁴ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ³⁵ Определения костей произведены В. И. Цалкшным.
- ³⁶ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ³⁷ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 75.
- ³⁸ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье, с. 155; *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ³⁹ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ⁴⁰ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье, с. 155—156.
- ⁴¹ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 16—17.
- ⁴² *Артемьев В. В., Бугото С. В., Дрожжин В. М., Романова Е. Н.* Результаты определения абсолютного возраста археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14}). — СА, 1961, № 2.
- ⁴³ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.
- ⁴⁴ *Окладников А. И., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 209.
- ⁴⁵ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 17.

- ⁴⁶ *Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье, с. 29—36; *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 80—82.
- ⁴⁷ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 18.
- ⁴⁸ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 270.
- ⁴⁹ *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, с. 10, рис. X, 5—8; Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина. Пхеньян, 1956, табл. XI, XVI, XXII, XXIII, XXX—XXXII и др.; *Хван Ги Дек.* Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. — «Мулхва Юсан», 1957, № 2, с. 38; *Ки Ен Чан.* Очерк первобытной стоянки Конгвири вблизи города Канге. Нхеньян, 1959, с. 79—81, табл. V, XVI—XIX, XX—XXIII, XXX, XXXI, XXXIX и др.; *Archaeologia Orientalis. Pi-tzu-wo.* Prehistoric sites by the rives Pi lui-ho-South Manchuria, vol. I. Tokyo, 1929; *Archaeologia Orientalis. My Yang-Cheng.* Nan and pre-Han sites at foot of mount Lao-t'en in South Manchuria, vol. II. Tokyo, 1931.
- ⁵⁰ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 246.
- ⁵¹ Там же, с. 270.
- ⁵² *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 189—193.
- ⁵³ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 18.
- ⁵⁴ Там же, с. 18.
- ⁵⁵ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 190—191.
- ⁵⁶ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье, с. 208—209.
- ⁵⁷ *Андреева Ж. В., Татарников В. А.* Пещера «Чертовы ворота» в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974, с. 180.
- ⁵⁸ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 19.
- ⁵⁹ *Крупнов Е. И.* Об историческом аспекте в изучении материальной культуры. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 18—19.
- ⁶⁰ *Кызласов Л. Р.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 14—15.
- ⁶¹ *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4, с. 5.
- ⁶² *Кожин П. М.* О формах преемственности археологических культур (Археологические данные и этногенез). — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972, с. 357—358.
- ⁶³ *Мошинская В. И.* Возможна ли этническая интерпретация археологических материалов. — Там же, с. 352—353.
- ⁶⁴ *Кызласов Л. Р.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири, с. 13.
- ⁶⁵ *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 18.

ГЛАВА 4.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ (I тысячелетие до н. э.)

Для того чтобы проследить исторические процессы в южной части Дальнего Востока СССР, в частности на территории Приморья, в раннем железном веке, т. е. в I тысячелетии до н. э., необходимо весь известный

в настоящее время археологический материал рассматривать комплексами, которые являются историческими категориями в истории конкретного общества. «Понятие археологической культуры наиболее полно

отражает в овеществленной форме субъект истории, конкретное общество прошлого»¹.

Все, что связано с определением понятия «археологическая культура», относится к области теории археологической науки наших дней. Различными исследователями предлагаются варианты определения археологической культуры, возникают дискуссии о том, что понимать под археологической культурой, какие категории археологического материала являются ведущими при выделении археологических культур. «Некоторые исследователи видят в археологических культурах историко-этнографические области и хозяйственно-культурные типы, другие — конкретные этнические образования прошлого, третьи — социально-экономические области»². Большая сложность вызывает отсутствие унифицированной археологической терминологии и понятийного аппарата, отсутствие общепринятых принципов и методов при решении проблем³. К каким расхождениям принципиального характера это приводит при трактовке одной и той же культуры, убедительно показано Ю. Н. Захаруком на примере археологических культур на территории европейской части нашей страны⁴.

Не собираясь вносить ничего нового в вопросы теории, связанные с определением понятия «археологическая культура», позволю себе перечислить ряд положений, предложенных А. П. Смирновым и И. С. Каменецким для выделения и определения археологической культуры, которые, как мне представляется, являются наиболее обоснованными.

Необходимым условием для выделения культуры является большой объем материала, полученного при

раскопках памятников, охватывающих значительную территорию. Определить своеобразие археологической культуры более всего помогает анализ лепной керамики. Здесь требуется тщательное выделение основных типов с подсчетами не только форм сосудов, но и орнаментов. Большой интерес представляет также изучение украшений, имеющих узкий ареал⁵. Большое значение для выделения культур имеют погребальные памятники, но при учете всех деталей их устройства. Среди археологов остро дискутируется вопрос, необходимо ли при характеристике культуры учитывать признаки, только характерные для данной культуры и не встречаемые в других, или все элементы, из которых состоит данная культура? Думается, что для характеристики культуры необходимо использовать весь комплекс находок при обязательном выяснении процентного соотношения признаков⁶. Такой подсчет позволяет выделить ведущие типы вещей и определить характерные черты культуры.

При характеристике культуры должен учитываться уровень развития производительных сил. Сумма признаков, характеризующих данную культуру, должна наноситься на карту для выяснения границ распространения культуры⁷.

Определенную сложность представляет сопоставление остатков жилищ, так как перед археологами они предстают в чрезвычайно разрушенном состоянии, и поэтому трудно бывает уловить особенности их конструкций, невозможно выявить декор жилищца. Далее, начиная с эпохи появления металла, «...такие вещи, как металлические изделия, бусы, стекло и т. д., не могут быть привлечены для решения вопроса о своеобразии культуры», поскольку их ареал часто го-

раздо шире территории какой-то определенной культуры⁸.

При разграничении археологических культур необходимо обратить особое внимание на отличительные черты. Относительная ценность конкретных разграничительных признаков определяется их массовостью. Для решения вопросов, связанных с сопоставлением культур, необходима разработка критериев сходства. Разработка метода сопоставления с применением математической статистики. Особенно сложно сопоставление памятников в зоне контакта культур⁹.

Еще одним острым дискуссионным вопросом является вопрос соотношения археологической культуры и этноса. «Большинство археологов думают, что культура соответствует этносу», что «...вероятность соответствия между археологической культурой и этносом повышается с древностью культур», а в период разложения первобытнообщинного строя — понижается¹⁰. В предыдущей главе приводились мнения ряда археологов о роли археологического материала в изучении этногенетических процессов и была показана сложность решения этих проблем.

Все трудности, связанные с интерпретацией археологического материала, характерны и для археологии южной части Дальнего Востока СССР. При этом степень сложности возрастает ввиду слабой еще изученности в целом названной большой зоны, что обуславливается малым количеством полностью раскопанных археологических памятников и почти полным отсутствием подробных их публикаций. Имеется лишь одна работа, посвященная различным вопросам, связанным с характеристикой определенной археологической культуры, а именно культуры раннего

железного века, урильской, в бассейне Амура¹¹. Отсутствие сплошной археологической изученности зоны не позволяет дать полную картину распространения тех или иных типов памятников. Решения этногенетических проблем предлагаются при полном отсутствии анализа палеоантропологического материала, что связано со слабой изученностью могильников, а сопоставления культур проводятся без проведения глубокого статистического анализа. Существуют большие разногласия в трактовке археологических культур в южной части Дальнего Востока СССР вообще, и культур железного века Приморья в частности (табл. 3).

В принципе нет разночтений в названиях культур раннего железного века в Приморье, что было достигнуто при взаимной договоренности на заседании Главной редакции Истории Дальнего Востока во Владивостоке в 1973 г.

В табл. 3 наглядно видны большие расхождения в датировках культур раннего железного века: XII—VIII вв. до н. э. для янковской культуры у А. И. Окладникова и А. П. Деревянко; IX—VI вв. до н. э. у Д. Л. Бродянского. Это объясняется отсутствием серпий надежных абсолютных дат: имеется несколько дат по C^{14} для памятников железного века юга Дальнего Востока СССР. В основу датировки янковской культуры положена относительная хронология и аналогии по типам наконечников коний и книжалов близких к карасукским и тагарским образцам.

Есть расхождения в пещерной дате кроуновской культуры: Окладников А. И., Андреева Ж. В. — VI—II вв. до н. э.; Деревянко А. П., Бродянский Д. Л. — VIII—II вв. до н. э.¹²

Еще более значительны расхождения в предлагаемых трактовках этно-

Таблица 3

Культуры конца I I—I тысячелетия до н. э. Приморья и бассейна Амура

Исследователь	II тысячелетие до н. э.	XII в. до н. э.	XI в. до н. э.	X в. до н. э.	IX в. до н. э.	VIII в. до н. э.	VII в. до н. э.	VI в. до н. э.	V в. до н. э.	IV в. до н. э.	III в. до н. э.	II в. до н. э.
Окладников А. П.	Культура типа Гладкая 1	Янковская (Прибрежный и континентальный варианты)										
Андреева Ж. В.	Зайсановская Маргаритовская Группа поселений типа Тихой (восточное Приморье)	Янковская Континентальная группа памятников (?) Валентиновская группа памятников										
Бродянский Д. Л.	Культура типа Гладкая 1 (зайсановская) Культура поздней бронзы типа Харицкой (окрестности оз. Ханка)	Янковская Кроуновская										
Дервянко А. П.	Вознесенская (нижний Амур)	Урило-янковская Кроуновская (пришлая)										

генетических процессов. Если при этом учитывать расхождения в датировках, предлагаемых различными исследователями, то некоторые из решений взаимно исключают друг друга. Так, если принять датировку Д. Л. Бродянского янковской культуры, утверждаемую им одновременно существования янковской и первой стадии кроуновской культур, а также различные их генетические истоки, то становится очевидным, что даваемая Д. Л. Бродяским сумма выводов (или гипотез) полностью отрицает концепции А. П. Деревянко. Последний выдвинул тезис о сложении в раннем железном веке на юге Дальнего Востока СССР урило-янковской культуры, которую и датировал XII—VIII вв. до н. э. В то время как по А. П. Деревянко в бассейне Амура и Приморье существовала урило-янковская культура, согласно Д. Л. Бродянскому в Приморье в это время был период поздней бронзы, представленный памятниками Спный Гай, Харинская, Кировское. Что касается кроуновской культуры, то оба исследователя относят ее появление к VIII в. до н. э., но А. П. Деревянко считает кроуновскую культуру пришедшей в Приморье, а Д. Л. Бродянский выводит ее от памятников поздней бронзы типа Харинской. У А. П. Деревянко урило-янковская культура в VIII в. заканчивает свое существование, у Д. Л. Бродянского именно к этому времени относится сложение и янковской и ранней стадии кроуновской культур¹³. Дискуссионным является вопрос и о количестве археологических культур в раннем железном веке на территории Приморья.

Затронуты далеко не все вопросы, связанные с оценкой и интерпретацией археологического материала по

раннему железному веку Приморья. Очевидно, что на современном уровне изученности археологического материала многие вопросы не могут еще получить окончательного решения, но могут быть намечены пути к решению некоторых из них.

Итак, существование янковской культуры не вызывает сомнения, ибо она выделена на большом числе археологических памятников, характеризующихся очень устойчивыми и яркими признаками. Этот вопрос не вызывает дискуссий. Давая краткую характеристику янковской культуре, следует оговориться, что при сопоставлении ее с другими культурами невозможно выполнить некоторые основные требования, предъявляемые к исследованиям подобного рода, когда в основу выделения ведущих типов находок на поселениях или в культуре в целом должна быть положена статистическая обработка материала, поскольку выделение типов на основании подсчетов проведено лишь по нескольким памятникам. Но даже общие сопоставления на основании перечисления главных признаков, характеризующих материал поселения и культуры в целом, дают интересные результаты.

Изделия из железа немногочисленны (шесть—девять находок на поселение), ведущие формы — кельты, пасады на землеройные орудия. Следы железодельного производства не обнаружены. Изделия из бронзы единичны. Предполагается местное бронзолитейное производство.

Налицо абсолютное господство техники шлифовки и полировки камня. Ретушированные и оббитые орудия единичны. Ведущие формы шлифованных каменных орудий — прямоугольные в поперечном сечении тесла, полутушны или четырехугольных

очертаний ножи, иволистные наконечники стрел. Количество тесел и наконечников стрел исчисляется на поселениях сотнями, ножей — десятками. Шлифованные кинжалы, наконечники копий, клинки, имитирующие бронзовые, исчисляются на поселениях десятками, образуя хорошо выраженные типологические ряды.

Характерны прекрасно полированные каменные украшения: крупные цилиндрические бусы, часто из зеленокаменных пород, привески из халцедона, плоские овальные, в виде колец или имитаций клыка.

Многочисленны, особенно на прибрежных поселениях, грузила для рыболовных сетей из плоских овальных галек, плиты для шлифовки и растирания, точила, отбойники.

Одна из особенностей инвентаря янковской культуры — сравнительно многочисленные изделия из кости. Преобладают проколки, гораздо менее многочисленны иглы, составные рыболовные крючки, мотыги, обоймицы, муфты. Отдельные предметы покрыты резным орнаментом, близким в композиционном отношении к орнаментам на керамике. На прибрежных поселениях имеются костяные предметы вытянутых восьмеркообразных очертаний, хорошо выделяющиеся типологически, которые А. П. Окладчиков трактует как наконечники гарпунов.

Керамика была подробно охарактеризована выше, поэтому перечислю кратко основные ее особенности: посуда лепная, характерны ангобирование и хорошее дощипание поверхности. Формы представлены широкогорлыми сосудами плавных, слегка вытянутых очертаний: горшки, сосуды со сравнительно высоким широким горлом и выпуклым туловом, миски, чаши на колоколовидном и светильники на высоком цилиндрическом поддоне.

Орнаменты выполнялись налепными валиками (ведущий узор), прочерчиванием, точечными вдавлениями, небольшими налепными шишечками. Орнаментальные пояса неширокие и, как правило, располагались по плечикам сосудов, в верхней части мисок и в нижней части высоких колоколовидных поддонов. Орнаментальные пояса состояли из нескольких горизонтальных валиков, иногда покрытых мелкими насечками (геометрический орнамент из налепных валиков редок); нескольких горизонтальных бороздок, часто в сочетании с цепочками точечных вдавлений; нескольких горизонтальных желобков; композиций геометрического прямолинейного прочерченного узора (углы, крест, решетка, элементы зигзага, меандра) часто в сочетании с поясками горизонтальных бороздок, налепными валиками, точечными вдавлениями. Редок узор, нанесенный темным цветом по красному или желтому фону (композиционно не восстанавливается).

Техника изготовления керамики — ручная лепка, лепочный налеп. Температура обжига — около 860°.

Поселения состояли из полуземлянок четырехугольной в плане формы каркасного типа. Размеры большей части жилищ колеблются от 11 до 120 кв. м. Встречаются сооружения, превышающие по площади 200 кв. м. Жилща внутри поселка, как это видно на основании изучения Малой Подушечки и поселения 1 на Песчаном располагались по кругу. Поселения в южной части Приморья делились на сезонные (на морском побережье) и постоянные (в долинах рек).

Погребения, судя по могильникам на Малой Подушечке и на территории колхоза им. Чапаева, были двух типов: труположения (на спине на

площадке или в неглубокой яме, выложенной камнями) и вторичные захоронения. Все погребения грунтовые и расположены в пределах поселка. Население относилось к байкальскому антропологическому типу.

Хозяйство комплексное: ручное земледелие, скотоводство с абсолютным преобладанием разведения свиней и собак, прибрежный морской промысел, включающий рыболовство, эпизодический морской зверобойный промысел, сбор морских моллюсков; второстепенное значение имела охота на копытных и собирательство.

Поселения не имели оборонительных сооружений, площадь наиболее изученных из них достигала 1000—3000 кв. м.

Большой интерес представляет выявленное расположение домов по кругу. Такой характер планировки поселка является очень древней строительной традицией, характерной для обширных территорий. Это могло быть вызвано необходимостью защиты от внешних опасностей, а также хозяйственными нуждами: для лучшей организации загонов для скота¹⁴.

Очень сложно проводить сопоставление археологического материала для его интерпретации с современными этнографическими данными из-за большого хронологического разрыва и отсутствия специальных исследований, которые позволили бы увязать древнее население южной части Дальнего Востока СССР начала I тысячелетия до н. э. с современными малыми народами. В то же время некоторые сопоставления могут быть проведены для понимания исторических процессов прошлого, но с учетом большого отрезка времени, разделяющего их.

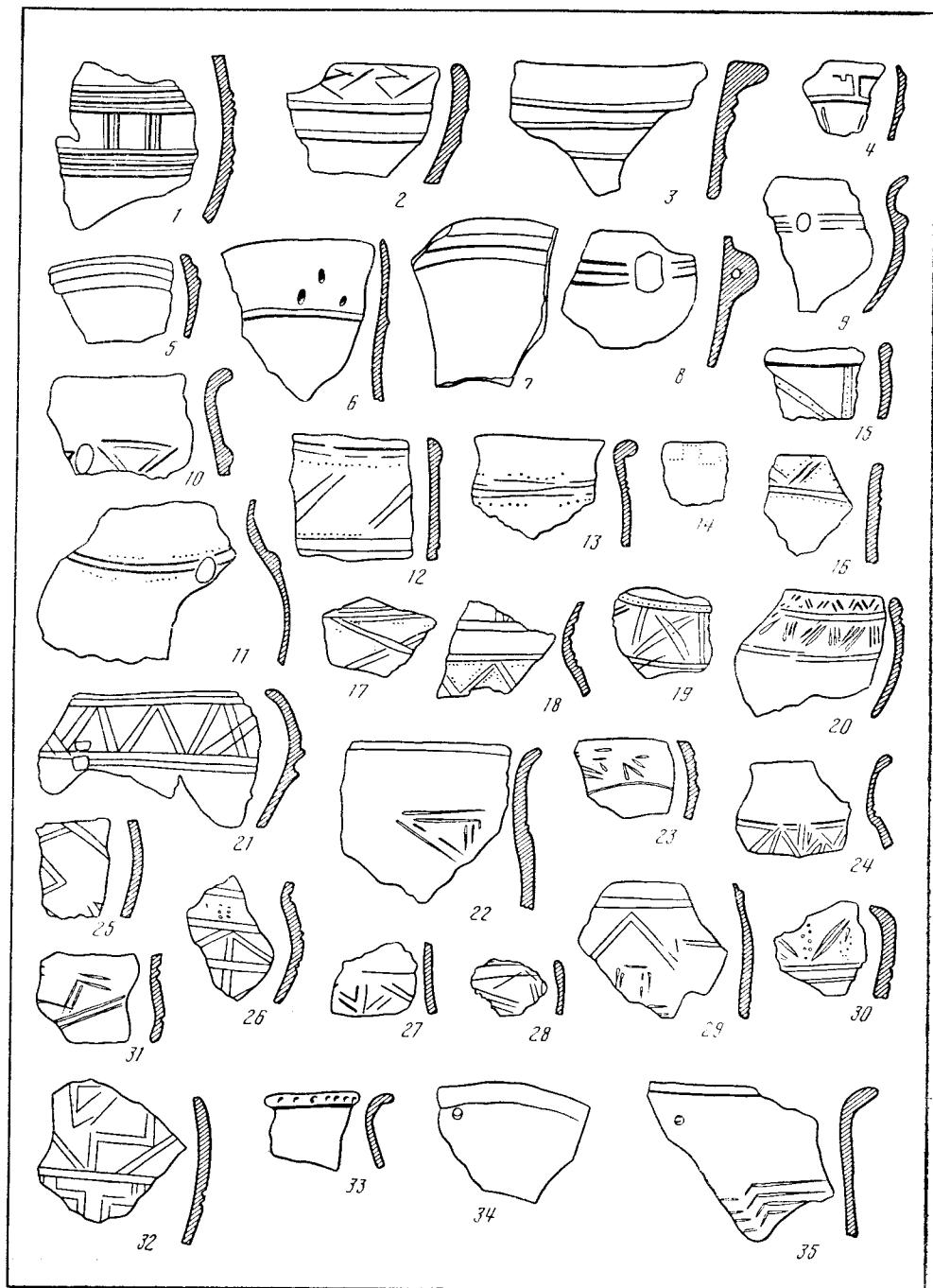
Интересны данные о размерах поселков малых народов низовьев

Амура и Сахалина в конце XIX в. Поселки нивхов, например, состояли всего из двух—пяти домов с общим числом жителей от 10 до 80 человек¹⁵. Поселки айнов на Сахалине обычно состояли из двух—четырёх жилищ, в каждом из которых обитало до шести человек¹⁶. Известны были и крупные поселки, но они единичны. Анализ поселений янковской культуры приводит к выводу, что они были также невелики по размерам. Это хорошо видно по поселению Малая Подушечка. О том же самом свидетельствует и поселение 1 на полуострове Песчаном, где одновременно функционировало лишь несколько жилищ.

Видимо, еще не достаёт данных, чтобы ответить на вопрос о существовании материнского или отцовского рода у янковцев. Решения могут быть предложены лишь в самой предположительной форме. Данные этнографии показывают, что патрилокальные отношения в некоторых местах складываются на более ранней ступени хозяйственного развития, чем у янковцев, например у охотников и собирателей Австралии и Суматры¹⁷. У янковцев в это время вполне могли уже существовать патрилокальные формы брака.

Сопоставление жилищ и различных категорий находок с поселений Малая Подушечка и Олений 1, с одной стороны, с аналогичными объектами с поселения 1 на Песчаном позволило сделать вывод, что поселения янковской культуры делились на постоянные и сезонные. Такое деление поселков хорошо было известно у нивхов. В данном случае важно, что подобное членение известно практически в одной и той же географической зоне.

Нивхи, жившие в XIX в. в приустьевой части Амура и на Охотском

побережье, имели летние и зимние поселки. Последние располагались обычно в лесу, в месте, закрытом от сильных ветров и метелей. Летние поселки находились на берегу, на открытом месте. Переселение в летние поселки происходило в апреле, когда кончались продукты и корм для собак. Летние поселки находились в местах, удобных для промысла рыбы и морского зверя. Добычу после обработки складывали в амбары, построенные здесь же. Возвращались в зимние поселки поздней осенью. Здесь, кроме жилищ, были помосты для хранения юколы и орудий промысла, другие хозяйственные постройки, родовые и ритуальные сооружения, кладбища на окраине поселка¹⁸.

Данные по нивхским поселениям конца XIX—начала XX в. представляют большой интерес, так как в какой-то степени приближают нас к пониманию образа жизни янковцев. К сожалению, сопоставления можно проводить лишь в самом общем плане, потому что кроме элементов сходства между поселениями и хозяйством нивхов и янковцев существуют большие различия. Обитатели янковских поселений были земледельцами, скотоводами, занимались прибрежным морским промыслом, охотой и собирательством, нивхи же из домашних животных разводили только собак, морской промысел у них включал активную охоту на морских животных. Большую роль в их хозяйстве играл лов лососевых.

Отличалась и планировка поселков: у нивхов жилища располагались в один-два ряда вдоль берега. Были иными и сами жилища нивхов, имев-

шие входной коридор в полуземлянку и четырехскатную крышу, опиравшуюся нижними концами жердей или плах на землю¹⁹. Прослеживаются также другие конструктивные различия в устройстве жилищ: довольно крупные жилища у нивхов (каркасные полуземлянки), площадью до 8,5×8,5 м, имели в центре только четыре столба, на которые опиралась четырехскатная крыша²⁰. Продольные ряды столбов, как это отмечено в крупных жилищах янковской культуры, у нивхов неизвестны.

Нивхи — народность, в хозяйстве которой ведущую роль играло рыболовство и морской промысел. Выход на сезонные поселки к морю происходил в самое голодное для них время года, и море с его ресурсами помогало им пережить это трудное время, дотянуть до периода хода лососевых на нерест.

Янковцы, как было показано выше, занимались земледелием, разведением свиней и собак. Но, видимо, уровень развития данных отраслей хозяйства еще не позволял им создавать достаточных запасов пищи. Это заставляло их ранней весной и летом уходить в сезонные поселки, расположенные на морском побережье, и заниматься там ловлей рыбы, очень активным сбором морских моллюсков. Возможно, что тогда же создавались и некоторые запасы из морепродуктов на зиму. Осенью, после сбора урожая, все обитатели поселка собирались на постоянных поселениях в долинах рек.

В главе, посвященной янковской культуре, обращалось внимание на то, что сезонный поселок на полуострове Песчапом состоял в основном из крупных жилищ, в то время как поселения Олений 1 и Малая Подушечка — из малых жилищ, а боль-

←

Орнаменты на глиняных сосудах. Янковская культура (1—35)

шие жилища были там единичны. Это явление можно объяснить, если принять некоторые предположения.

Первым таким предположением является признание малых строений жилищами малых семей (но не многоамных).

Малая семья должна была быть самым мелким подразделением «...первобытного общества, из которой формировались более значительные структуры». Судя по данным этнографии, такой более крупной структурной единицей в первобытном обществе уже в обществе охотников, рыболовов и собирателей были локальные группы. Число членов такой группы определялось сезоном хозяйственного цикла. Родственные связи внутри группы были необязательны²¹. Если принять предположение, что на сезонных летних поселениях члены поселка-общины объединялись по таким группам, определяемым требованиями ведшегося в то время промысла на морском побережье, это объяснит, как мне представляется, наличие на сезонном поселке только крупных жилищ с одним очагом в каждом и наличие на постоянных поселениях этой же культуры малых жилищ как ведущей формы и, напротив, малое количество более крупных жилищ с несколькими уже очагами.

По уровню развития хозяйства яковцы близки папуасам и меланезийцам. Здесь каждая община делилась на несколько частей. Это субкланы, члены которых совместно обрабатывали огороды, строили жилища, хозяйственные постройки. Основным видом хозяйственной деятельности было земледелие, которое в прибрежных районах дополнялось рыболовством, во внутренних — охотой²².

Работа, требовавшая большой физической силы и дальних передвиже-

ний, выполнялась мужчинами: расчистка участка и первичная обработка земли, постройка дома, лодки, посещение соседей с целью ведения обмена. «...Женщины сажают растения, делают прополку... посят дрова, воду... готовят пищу, кормят свиней, собак, плетут сети, циновки, сумки, корзины... В рыболовстве обычно принимают участие и мужчины, и женщины»²³. Можно предположить, что подобное разделение труда существовало и в поселках яковцев.

Для нас очень интересно наблюдение о разграничении хозяйственной направленности отдельных папуасских и меланезийских поселков — прибрежных и расположенных в глубине островов. Не менее интересно и другое наблюдение — относительно производства посуды, изготовлением которой занималось население всего двух или трех общин²⁴.

Следы производства глиняной посуды имеются пока лишь на одном поселении яковской культуры — Малая Подушечка. Интересным представляется расположение печей для обжига посуды, во-первых, на постоянном поселении и, во-вторых, в центральной его части. Печи для обжига находились не только в специальном помещении или под навесом, но и под открытым небом, на склоне сопки. На другом постоянном поселении яковской культуры, Олений I, были найдены следы изготовления орудий: рабочая площадка на межжилищном пространстве и следы производства орудий в одном из жилищ. Эти факты свидетельствуют о специализации отдельных поселков яковской культуры.

Обнаружение на поселениях яковской культуры упомянутых производственных комплексов позволяет если не решить, то хотя бы поста-

вить вопрос о путях и уровне развития ремесленного производства в раннем железном веке в Приморье.

Вопрос о путях развития и формах первобытнообщинного строя является предметом изучения и дискуссий. Появление общин, специализирующихся на изготовлении каких-то определенных изделий, не говорит еще о выделении ремесла. Для трипольского общества, например, С. Н. Бибиков выделяет два типа ремесленного производства: домашний промысел и общинное ремесло. О домашних промыслах свидетельствуют грузики для ткацких станков, пряслица, кочедыки, скребки, сверла. Общинное же ремесло качественно отличается от домашнего. Общинный характер носят сезонные ремесла: гончарное, кремнедобывающее, кремнеобрабатывающее, строительное. В. М. Массон выделяет особый «... период общинного ремесла ...», который особенно ярко прослеживается в раннеземледельческих культурах. Б. Б. Пиотровский предлагает рассматривать керамические мастерские на поселениях эпохи первобытнообщинного строя как помещения для «... сезонных собраний опытных мастериц-керамисток, выполняющих в общине и другие обязанности. Труд их был коллективным и распределение продуктов труда также было коллективным». С. Н. Бибиков считает, что общинное ремесло характеризуется использованием примитивных орудий и почти полным отсутствием разделения труда²⁵.

Малая Подушечка (нижний слой — янковская культура) выделяется среди хорошо изученных поселений янковской культуры как специализированное поселение по производству глиняной посуды. Судя по составу глиняного теста, сырье для из-

готовления посуды добывалось здесь же, на территории поселка и в его окрестностях. В заготовленной глиняной массе и около развалов печей для обжига посуды обнаружены каменные плиты для растирания и шлифованные каменные ножи, т. е. предметы, которые могли использоваться для различных целей, в том числе и в процессе подготовки сырья для изготовления посуды. Расположение производственных комплексов в центре поселка, без привязки их к какому-то определенному жилищу, позволяет видеть в них объект для коллективного труда членов данного поселка-общины. Отсутствие следов гончарного производства на других поселениях (имеются в виду поселения с достаточно большой вскрытой раскопками площадью) позволяет предположить наличие обмена между поселениями изделиями общинных ремесленников. Характер же ремесленного производства на поселении Малая Подушечка можно, видимо, назвать общинным ремеслом.

В результате изучения поселений янковской культуры выяснилось, что на них отсутствуют следы ведения хозяйства малыми семьями: нет хозяйственных дворишков около каждого жилища и индивидуальных хранилищ запасов пищи. В то же время в слое янковской культуры на поселении Олений 2 были найдены остатки общественного хранилища для запасов пищи в виде помещения с большими сосудами в специальных ямах в полу²⁶. Уровень развития материальной культуры янковцев позволяет предполагать существование у них коллективной обработки полей, коллективной охоты на копытных, коллективного морского промысла. В главе, посвященной янковской культуре, подчеркивалось мнение исследователей о поселениях ян-

ковской культуры как общинных, без каких-либо признаков имущественного неравенства.

О формах собственности этого времени можно сделать только предположение на основании некоторых этнографических параллелей. «Этнографический материал показывает, что в коллективной собственности даже сравнительно поздней родовой общины могли находиться многие орудия производства, особенно такие, изготовление и сохранение которых требовало коллективного труда. Это прежде всего огонь, находивший самое широкое применение в производстве орудий, в охоте загоном... в подсечном земледелии... Отношение к огню как к родовой собственности, не могущей быть переданной члену другого рода, известно у пивхов».

Форму собственности на скот можно предположительно восстановить при сопоставлении с формами собственности у меланезийцев, характер и уровень развития скотоводства у которых близки уровню развития скотоводства и его направленности у янковцев. Собаки и свиньи, например, находились там в личной собственности, но хозяин животного не имел права присваивать мясо животного после того как его закалывал, а обязан был делить между родственниками и соседями. В такой своеобразной форме здесь и у других народов Азии и Африки проступали особенности родовой собственности²⁷.

Переход к земледелию с ручной обработкой земли и скотоводству уже в эпоху неолита привел к большим изменениям, к дальнейшему развитию социально-экономических отношений в недрах первобытнообщинного строя на широких территориях. Причем эти изменения могли происходить и в районах, где не было еще

земледелия и скотоводства, но было очень развито специализированное рыболовство. Здесь шло формирование родовой общины, создание племенной организации, а в иных районах сложение гетерогенной общины и союза племен²⁸.

Выше говорилось о том, что поселок представлял собой общину. По этнографическим данным «на земном шаре нет ни одного племени, в котором община состояла бы только из лиц, принадлежащих одному роду». Семейно-родовая община состояла из домовых общин²⁹. Средняя численность общины составляла 100—200 человек. Формирование племени из таких общин происходит как формирование социальной единицы³⁰. На этой стадии развития различаются две формы собственности на землю: собственность общины в целом и собственность семейно-домовых общин³¹.

Родовая община объединяла производственный коллектив, лишь общими усилиями которого возможно было обработать землю примитивными орудиями труда. Все более сложными становятся функции советов старейшин, вождей, шаманов, связанные с организацией хозяйственных циклов, особенно по объединению усилий членов общины для проведения сельскохозяйственных работ. Дальнейшее развитие земледелия явится одним из факторов роста производительности труда, приведет к накоплению богатств, что в конечном итоге послужит причиной разрушения первобытнообщинного строя. Но на ранних стадиях развития земледелие привело к укреплению и расцвету первобытнообщинного строя³².

Отражением каких процессов явилось сложение янковской культуры? Какая связь существовала

между ее поселениями? Учитывая общий уровень развития материальной культуры, можно предположить, что поселения янковской культуры были поселениями родовых общин, а сама культура оставлена довольно крупным племенным объединением, внутри которого между поселками-общинами существовали сложные хозяйственные и социальные связи.

Представляло ли население, создавшее эту культуру, одну этническую группу или несколько? На этот вопрос можно будет предположительно ответить, лишь четко определив границы распространения этой культуры.

Первоначально, помимо янковской культуры (или культуры раковинных куч), А. П. Окладников выделял памятники, которые оставили различные племена, жившие в то время во внутренних районах Приморья. Это поселение на Известковой сопке в долине р. Артемовки, средний слой многослойного поселения в долине р. Кроуновки, стоянки в районе бухты Рудной³³. Выделены данные памятники, имевших и связующие элементы в материальной культуре с памятниками янковской культуры, и отличия, осуществлялось на основании материала, полученного в результате разведочных работ. Несколько позже, после проведения довольно широких археологических раскопок на поселении Кроуновка, где было вскрыто 1000 кв. м культурного слоя, А. П. Окладников более определенно высказался о «континентальных памятниках янковской культуры»³⁴. К этой группе, кроме уже названных, А. П. Окладников отнес поселение на о-ве Попова, в южной части залива Петра Великого, средний слой кроуновского поселения у с. Екатериновки³⁵, о ко-

тором подробно говорилось в главе, посвященной валентиновской группе памятников, и обращалось внимание на его особенности.

В юго-восточном Приморье выделяется валентиновская группа памятников. Самостоятельная ли это культура, одновременная янковской, или восточный ее вариант? Для решения этого вопроса достаточной источниковедческой базы нет.

А. П. Деревянко предложено еще одно решение границ распространения янковской культуры: он объединил ее с культурой раннего железного века бассейна Амура—урильской и таким образом выдвинул положение о существовании в южной части Дальнего Востока СССР урило-янковской культуры.

Общие результаты изученности урильской культуры сопоставимы с общими результатами изученности янковской: проведены раскопки относительно широкими площадями на семи поселениях урильской культуры, на 10 поселениях проведены раскопки разведывательного характера³⁶.

Изделия из железа найдены здесь в единичных случаях: пять предметов на все поселения урильской культуры, в том числе два обломка ножей и два наконечника на землеройные орудия³⁷. Изделия из бронзы единичны и представлены украшениями.

Широко распространена техника шлифования камня. Высок процент рубящих орудий. Ведущие их формы — тщательно отшлифованные прямоугольные в сечении топоры и тесла. В несколько меньшем количестве встречены овальные в сечении топоры, у которых шлифованы, как правило, лезвия и широкие стороны. Характерны шлифованные попки. Шлифованных наконечников

копий найдено два на все поселения урильской культуры. Среди шлифованных наконечников стрел ведущими формами являются иволжистые и треугольные с выемкой в основании. Ретушированные орудия характерны и образуют типологические ряды: треугольные наконечники стрел с прямым основанием или с выемкой в основании, проколки, вкладышевые орудия, нуклеусы и др.

Из украшений характерны бусы цилиндрической формы из красноватого халцедона, темного сланца, глины. Подвески плоской удлиненной формы из камня редки. Подвеска изогнутой формы найдена в единственном числе. Имеются плоские кольца диаметром 5—8 см из нефрита, камня и глины.

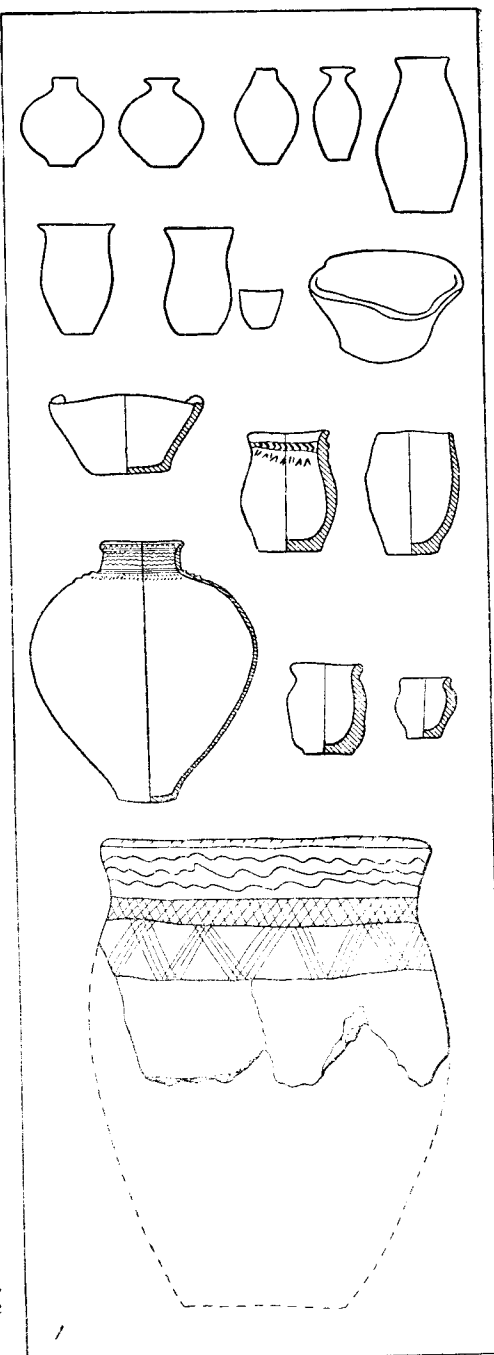
Среди других изделий из камня можно отметить лопатку из расколотых поперек галек с биконическим отверстием, точильные плиты и плоские прямоугольные точильца с отверстием для подвешивания³⁸. Многочисленны грузила для сетей из галек с двумя выемками или с желобком, а также камни для добывания огня. Каменные мотыги образуют типологические ряды. Зернотерки встречаются овальной или подпрямоугольной формы, куранты — сегментовидные. Характерны песты из галек.

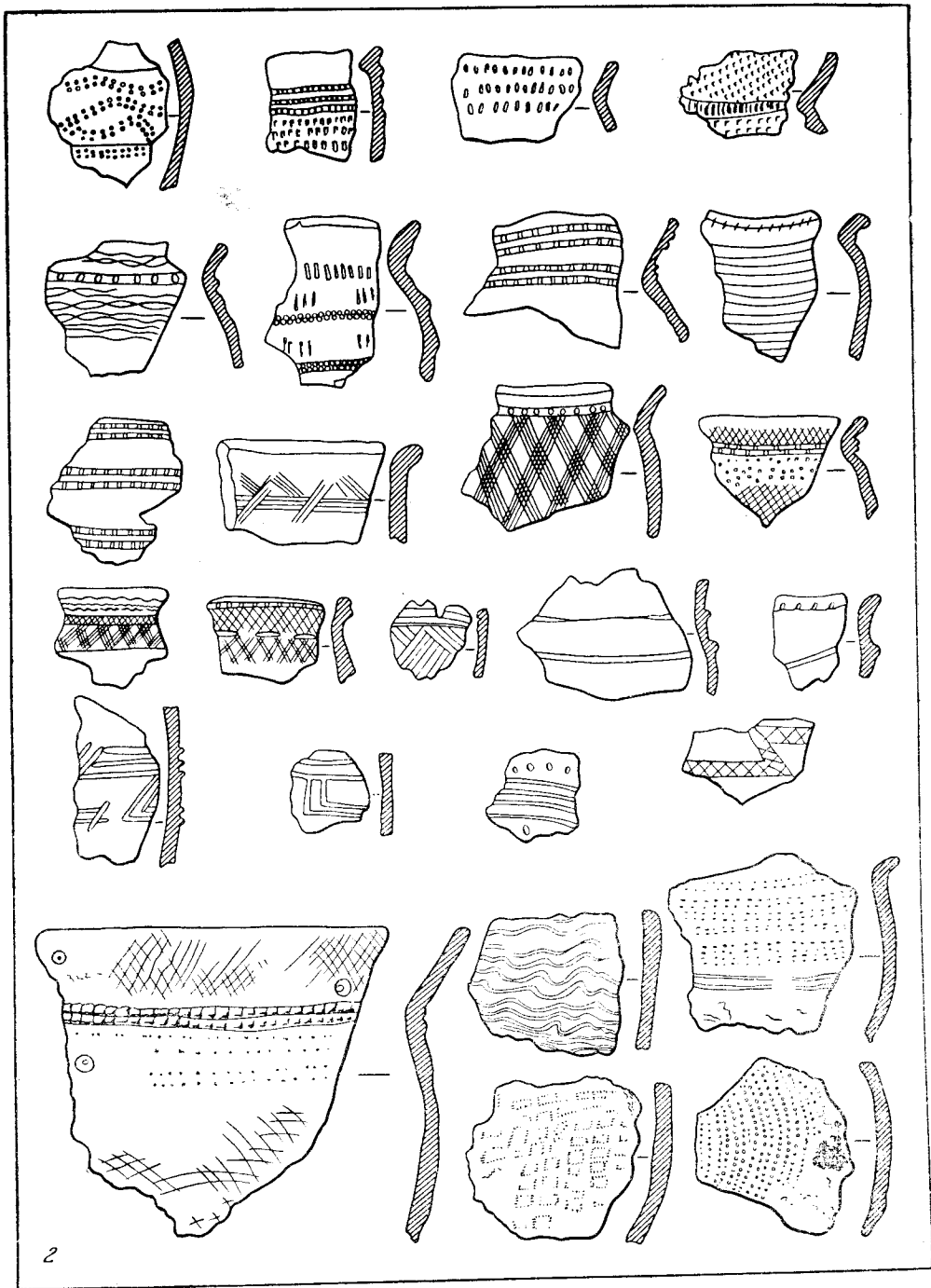
В целом орудия труда и предметы вооружения из камня на поселениях урильской культуры немногочисленны.

Что касается изделий из кости, то при описании поселений упомянуты несколько костяных проколки³⁹.

Керамика урильской культуры (из кн. А. П. Деревянко «Ранний железный век Приамурья»)

1 — типы сосудов; 2 — типы орнаментов

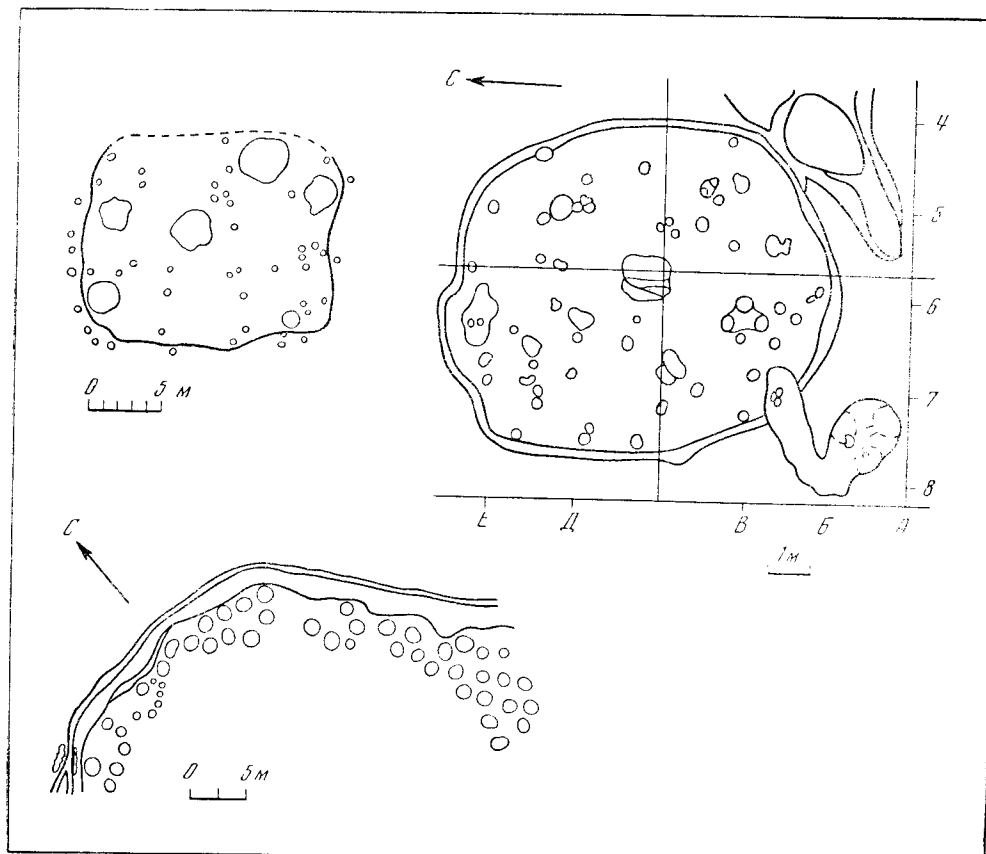

Многочисленные сосуды выполнены ручной лепкой. Крупные сосуды с выпуклым туловом покрывались красной краской и хорошо лощились. Сосуды остальных форм не окрашивались и не имели такого хорошего лощения. По мнению А. П. Деревянко керамика урильской культуры представляет собой единообразный комплекс. Им выделены следующие типы сосудов: 1) сосуды с выпуклым туловом, узким горлом и небольшим плоским дном; 2) сосуды, отличающиеся от

первого типа более вытянутыми очертаниями; 3) очень характерные для памятников урильской культуры сосуды вытянутых очертаний со слегка отогнутым краем венчика, со слабым расширением у плечиков и сужением к дну; 4) сосуды баночной формы, невысокие их экземпляры близки к мискам; 5) светильники, «...сосуды в виде пиал, с небольшим выступом... на дне».

Типичны орнаменты, прочерченные многозубчатым штампом: треугольники, ромбы, прямоугольники, ромбическая сетка. Эти орнаменты, нередко покрывая большую часть поверхности сосуда (плечики и тулово), почти не сочетались с дру-

Планировка поселений и жилищ урильской культуры (из кн. А. П. Деревянко «Ранний железный век Приамурья»)

гими видами орнаментов. Острым зубчатым штампом или палочкой могли прочерчиваться горизонтально прямые или волнистые линии. Характерны налупные валики, часто усложненные насечками или зашипами. Имеются орнаментальные композиции из валиков: три-четыре ряда валиков, иногда с шишечками-жемчужинами между ними; горизонтальный или вертикальный меандр. Узор из валиков сочетался с узором, выполненными тиснением штампами. Орнаменты, выполненные тиснением штампами или насечками, были широко распространены. Орнамент располагался в верхней части сосуда, т. е. по венчику и шейке, а также по плечикам и тулову. Штампы — прямоугольный, крестообразный, в виде ромбов и др. Изредка встречен тисненый узор, нанесенный кончиками пальцев или веревочный⁴⁰.

Поселения урильской культуры не имели оборонительных сооружений. Дома в поселениях располагались без определенного порядка. В то же время опубликованные планы поселений показывают, что жилища двойной-тройной цепочкой располагались вдоль берега реки. Число жилищ в поселениях могло колебаться от 20 до 50⁴¹. Вопрос о длительности существования поселений и выяснение одновременности или разновременности жилищ не нашел отражения в публикациях. В монографии А. П. Деревянко, посвященной урильской культуре, при сопоставлении площади поселений раннего железного века Приморья вкралось недоразумение. Говоря о больших размерах поселений урильской культуры в бассейне Амура, А. П. Деревянко ссылается на приморские памятники янковской куль-

туры, определяя их площадь гектарами⁴². Напомню, что площадь поселения 1 на Песчаном приближалась к 3 тыс. кв. м, а на поселении Олений 1—2 тыс. кв. м. Лишь самое крупное из известных поселений янковской культуры на мысе Черепаха, судя по собранным с поверхности находкам, занимает площадь 15 тыс. кв. м, т. е. 1,5 гектара.

Жилища урильской культуры представляли собой полуземлянки четырехугольной в плане формы. Это были каркасные сооружения площадью от 50 до 200 кв. м. Характерной особенностью их было обилие в их полу ям хозяйственного назначения. Кроме столбов вдоль стен котлована, в небольших жилищах прослежены столбы в центральной части, в крупных сооружениях, как, например, на о-ве Урильском, ряды столбов пересекали жилище, деля его на шесть отсеков. Прослежены ямки от столбов вдоль внешнего бортика котлована — следы жердей или плах, составлявших основу крыши. В жилищах отмечено по несколько очагов. В некоторых поселениях вдоль стен жилищ шли уступы шириной до 1,5 м.

В поселении «Рыбное озеро» найдено захоронение. Оно находилось недалеко от юго-западного угла жилища. Могильная яма размером 60×70 см соединялась с жилищем траншеей. Захоронение вторичное.

Хозяйство урильцев было комплексным: они занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотой. В районе среднего Амура ведущую роль играло земледелие и скотоводство, в северных таежных районах — охота и рыбная ловля⁴³.

Объектом охоты служили копытные: изюбр, косуля, олень. В рыболовстве, особенно на нижнем Амуре,

большую роль играл лов лососевых. Создатели урильской культуры сеяли на своих полях просо, возможно пшеницу. Среди домашних животных были свиньи, козы (?), лошади. А. П. Деревянко предполагает, что в раннем железном веке в Приамурье существовало пашенное земледелие⁴⁴. Он датирует урильскую культуру концом II тысячелетия до н. э.—VIII—VII вв. до н. э. и считает, что железо в урильской культуре является основным материалом для изготовления орудий, изделия же из камня, напротив, очень редки⁴⁵.

А. П. Деревянко выдвинул тезис о существовании в раннем железном веке в бассейне Амура и в Приморье «...урило-седименской этнической общности», которая произошла от нижнеамурской вознесеновской культуры, о которой «к сожалению, мы еще мало знаем...». «Вполне возможно, что в начале II тыс. до н. э. на обширной территории среднего и нижнего Амура происходит формирование этнической общности, племена которой, в дальнейшем проникнув в Приморье, и создали самобытную и оригинальную урильско-седиминскую культуру»⁴⁶.

Таким образом, если урильская и янковская культуры представляют собой одну культуру или две очень близкие, родственные, то характеристики основных черт их материальной культуры должны если не совпадать, то очень приближаться друг к другу. Есть ли черты сходства в материале урильских и янковских памятников? Есть, и они показаны А. П. Деревянко. Возникает другой вопрос — какова степень этого сходства и близости.

Изделия из железа немногочисленны и в Приморье, и на Амуре.

Но при этом на каждом широко раскопанном поселении в Приморье их больше, чем на всех вместе взятых памятниках урильской культуры. Более того, на Амуре не найдено ни одного кельта, в то время как для поселений янковской культуры они характерны.

Что касается изделий из камня, то для памятников янковской культуры характерно абсолютное господство техники шлифовки каменных орудий, высокий уровень техники обработки камня, массовость находок, почти полное отсутствие ретушированных орудий, в то время как для памятников урильской культуры — малое количество изделий из камня в целом и наличие, кроме шлифованных, ретушированных и оббитых орудий, образующих типологические ряды. Если в Приморье каменные шлифованные кинжалы, клинки и наконечники копий найдены на поселениях янковской культуры десятками и образуют типологические ряды, то на памятниках урильской культуры их найдено всего два.

Немногочисленность найденных изделий из металла дало основание А. П. Окладникову и А. П. Деревянко сделать вывод, что янковская культура целиком еще лежала «...в пределах каменного века...» Изделия из бронзы были привозными. Что касается железа, то оно распространялось на Дальнем Востоке из неизвестного пока центра⁴⁷.

Если янковская культура происходит с Амура и в своем формировании представляет единое целое с урильскими памятниками, а обе эти культуры существуют, по А. П. Деревянко, в одно время, то и железных изделий, а также бронзовых и их имитаций на Амуре должно быть больше, чем в Приморье, в па-

мятников янковской культуры. Однако ничего подобного не наблюдается. И вообще янковская культура производит впечатление более знакомой с металлом, чем урильская. Знакомство с металлом и металлургией — процесс разносторонний: «...возникновению металлургии... было... лишь одним из факторов подъема производительных сил. Наряду с ним действовали и должны были действовать другие факторы, должен был произойти общий переход к более высокому общему уровню материальной культуры»⁴⁸. Выше, в главе, посвященной янковской культуре, были показаны те изменения в хозяйстве, в материальной культуре, которые происходили в Приморье во II тысячелетии до н. э. и особенно в первой половине I тысячелетия до н. э., совпавшие с появлением в Приморье бронзы и железа. Если принять существование урло-янковской культуры, то соответственно и урильская культура должна была существовать «в пределах каменного века...», а не железного.

Кроме того, количественный анализ предметов, имитирующих бронзовые карасукские и тагарские наконечники копий и кинжалы в бассейне Амура и на территории Приморья, вызывает еще один вопрос, а именно: по какому каналу проникали бронзовые вещи из Южной и Восточной Сибири на Дальний Восток. Малое по сравнению с Приморьем число подобных предметов на Амуре на памятниках урильской культуры позволяет предполагать, что таким каналом служили степные коридоры южнее бассейна Амура. В этом свете особенный интерес представляют находки бронзовых ножей карасукского типа на поселении Синий Гай, недалеко от

оз. Хашка, которые подтверждают высказанное предположение.

Большие различия прослеживаются между украшениями, а также в количестве и характере изделий из кости на памятниках янковской и урильской культур.

Однако все только что перечисленные признаки, показывая уровень развития культуры, не могут служить определяющими в решении этногенетических проблем. Большая роль в решении этого вопроса принадлежит анализу керамического материала.

Между янковской и урильской керамикой есть связующие черты: они проявляются в сходстве некоторых форм сосудов, приемов орнаментации и орнаментальных композиций. Но в Приморье на памятниках янковской культуры отсутствуют светильники в виде плошек, амфоровидные сосуды вытянутых очертаний с узким горлом, узкие баночные сосуды, на Амуре нет светильников на высоком поддоне, чаш на колоколовидном поддоне.

Большие отличия прослеживаются и в орнаментике сосудов. На посуде янковской культуры не известен орнамент, выполненный тиснением различными штампами, а на керамике урильской культуры он один из ведущих. Своеобразен и характер расположения орнаментальных поясов: в Приморье — это горизонтальные пояса на плечиках сосудов, на Амуре орнамент располагался и на венчике, и на высокой шейке сосуда, и во многих случаях покрывал не только плечики, но и большую часть поверхности тулова. Даже в прочерченных узорах и приемах их нанесения много различий: в Приморье прочерченные линии нанесены концом палочки по сырой глине, на Амуре — многозубым штампом. По-

этому целый ряд композиций, выполненных прочерчиванием на сосудах урильской культуры, неизвестен в Приморье.

Хотя ни одно поселение урильской культуры не изучено полностью, результаты исследования их поверхности показывают, что они были крупнее янковских. Если янковские поселения в долинах рек состояли из малых жилищ, до 34 кв. м, то поселения урильской культуры состояли из жилищ не менее 50 кв. м. Иной была и планировка поселений. Поселения янковской культуры очень компактны, жилища же в поселениях урильской культуры шли цепочкой вдоль берега реки. Прослеживаются различия и в конструкции жилищ: в Приморье нигде нет следов от жердей, покрывающих крышу, концы которых оставили бы следы по внешней стороне бортиков котлована полуземлянки. Нет здесь также такого обилия хозяйственных ям, как на Амуре. Даже во внутренней планировке крупных жилищ на Песчанике и Урильском есть расхождения: на Урильском не два ряда опорных столбов внутри жилища, а четыре — два по длинной оси помещения, два по короткой. Они-то и образуют описываемое А. П. Деревянко членение этого сооружения на шесть камер. Интересно, что почти в каждом отсеке данного крупного, около 200 кв. м, сооружения имеются следы очага⁴⁹, — явление для янковской культуры неизвестное.

Материал по могильникам не сопоставим, так как имеется всего одно погребение на все памятники урильской культуры.

Трудно проводить сопоставления и по хозяйству, так как нет количественного анализа костей домашних животных на памятниках урильской культуры. Поэтому трудно судить

о роли скотоводства в это время. При описании памятников урильской культуры ничего не говорится о роли собаководства, в то время как у янковцев — это одна из ведущих отраслей животноводства. Среди костей домашних животных на поселениях янковской культуры в Приморье почти нет костей лошади. Какова роль лошади в домашнем стаде на поселениях урильской культуры не ясно. Даже при очень скудных сведениях о засеваемых культурах на Амуре видно, что там сеяли просо и пшеницу, а в Приморье — чумизу (из семейства просовых) и ячмень.

Не отрицая наличия отдельных элементов сходства в материальной культуре янковцев и урильцев, необходимо учитывать те большие отличия принципиального характера, которые существуют между памятниками янковской и урильской культур и которые не позволяют считать их одной культурой.

И потом, если янковцы двигались в Приморье из низовьев Амура, то по каким путям происходило это движение (долинам рек, морскому побережью)? Если предки янковцев вышли из глубинных материковых районов, что заставило их немедленно после основания на морском побережье приступить к активнойшему морскому прибрежному промыслу? Как понимать тогда те генетические связи, которые существуют между зайсановской и янковской культурами? Выдвигая свою гипотезу, А. П. Деревянко никак не затрагивает последние вопросы. А между тем именно развитие янковской культуры на местной основе, глубокие традиции в развитии, связь с более ранними памятниками южного и центрального Приморья помогают понять пути развития и закономерности в формировании ян-

ковской культуры, особенности этой культуры, которые прослеживаются и в знакомстве с бронзовой металлургией, и в складывании определенных типов каменных орудий, в развитии форм и орнаментов керамики, наконечник, особенности формирования хозяйства, в котором также получили развитие более ранние традиции, характерные для населения Приморья II тысячелетия до н. э., в том числе характер и направленность земледелия и скотоводства. Именно анализ местных приморских условий помогает понять причины возникновения в южной части Приморья в первой половине I тысячелетия до н. э. активного морского прибрежного промысла в хозяйстве янковцев.

В свое время границы распространения «культуры раковинных куч», правда без подробного разбора этой «культуры», были предложены В. Е. Ларичевым. В опубликованной им карте она охватывала южное Приморье, Северную Корею и южную Маньчжурию (район Ляодунского полуострова) ⁵⁰.

Время появления и распространения железа в Корее относят к VII—V вв. до н. э. ⁵¹ При этом в материалах из памятников Северной Кореи культура бронзы характеризуется теми же элементами, что и культура раннего железного века. И нет четкого типологического разделения между этими периодами вплоть до культуры развитого железа Кимхай ⁵².

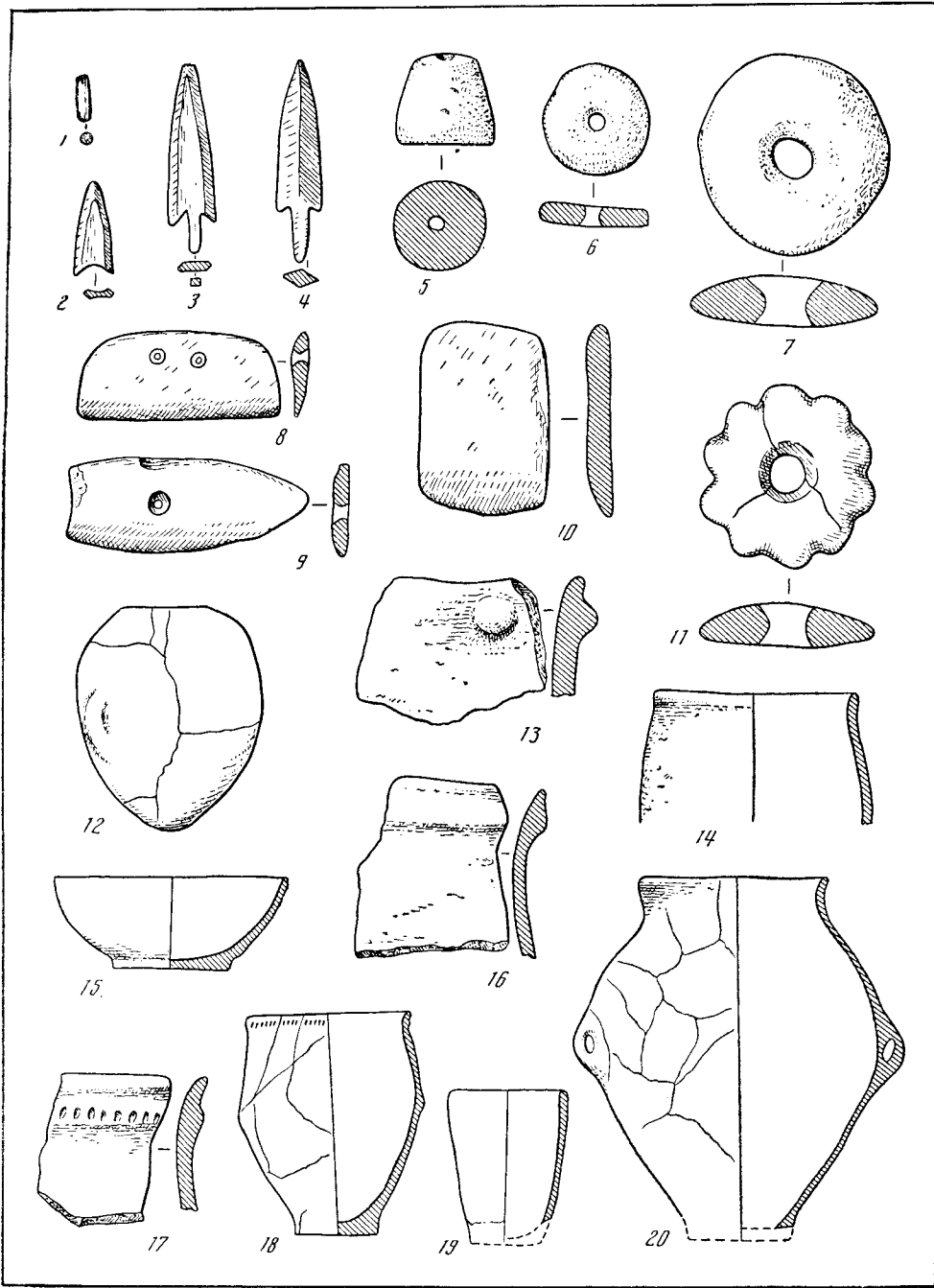
Для мегалитической культуры Кореи, распространение которой относится к началу I тысячелетия до н. э. ⁵³, характерны погребения в каменных ящиках, каменные курганы, дольмены. Последние состояли из захоронений в одном или нескольких каменных ящиках, окруженных камнями, с одной громадной каменной

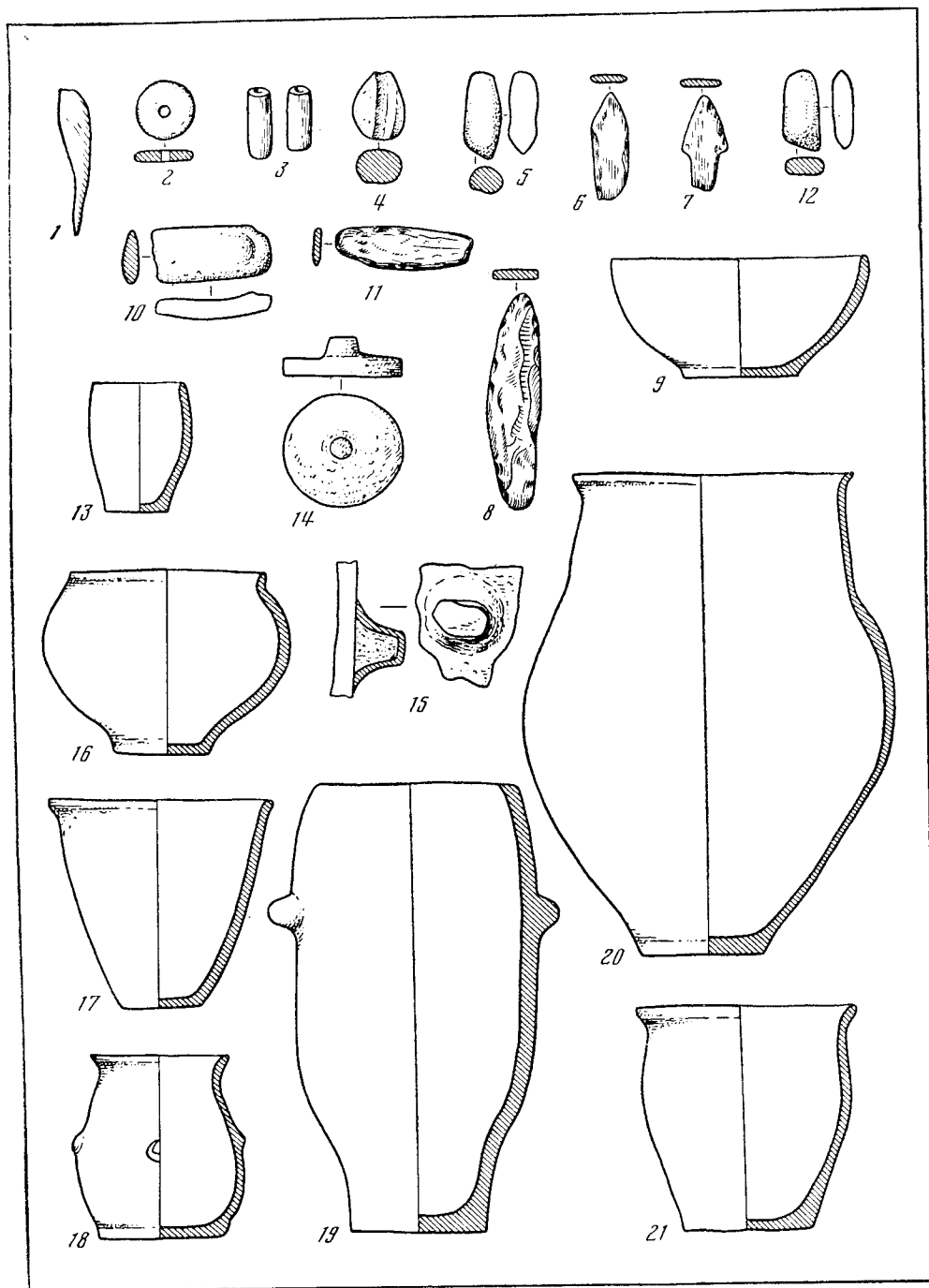
крышей. Для дольменов характерны вторичные захоронения ⁵⁴. Миками выделяет четыре локальных варианта культуры дольменов: Ляонинский район (восточная часть Ляонинской провинции и северная часть Корейского полуострова), северо-запад Кореи (побережье и центральная часть полуострова), средняя полоса Кореи (равнинная часть юго-запада), юг Кореи (побережье Японского моря и юго-восток полуострова) ⁵⁵. Сравнительно слабое влияние мегалитической культуры отмечается на северо-востоке Кореи (провинции Северный Хамген и Янган) ⁵⁶.

Поселения состояли из полуземлянок или наземных жилищ прямоугольной формы с обожженным полом. Очаг располагался в центре жилища или несколько в стороне ⁵⁷. Посуда — гладкая и грубая ⁵⁸. Типичны сосуды выемчатой формы ⁵⁹. Каменные орудия представлены полированными кинжалами, топорами, теслами, наконечниками стрел, полунными пожами. Каменные кинжалы имитируют бронзовые оригиналы, сопоставимые с сибирскими тагарскими образцами ⁶⁰. Шлифованные наконечники стрел и дротиков, ромбические в поперечном сечении, видимо, пришли из тех же районов, что и каменные кинжалы. В могильниках и на поселениях найдены бусы цилиндрической формы, дисковидные булавы, круглые каменные плиты из шифера диаметром 35—40 см («каменные монеты») ⁶¹. Изделия из бронзы представлены кельтами, теслами, наконечниками стрел, долотами и кинжалами ⁶². Найдены

→
Находки с поселения Конгвири (VII—III вв. до н. э.) (КНДР) (1—20)

Находки с о-ва Чходо (КНДР) (1—21)

также бронзовые пуговицы такого же типа, как в карасукской культуре Южной Сибири. Среди наиболее ранних изделий из железа известны кельты⁶³.

Целый ряд поселений, относимых корейскими археологами к эпохе бронзы, или не связываются ими с мегалитической культурой, например стоянка на о-ве Чходо, или связываются, но на стоянках нет «вымявидной» посуды, которая характеризует мегалитическую культуру (стоянка Конгвири)⁶⁴ (оба последних поселения находятся в северной и северо-восточной Корее). В частности, материал стоянки Конгвири То Ю Хо связывает с погребениями в каменных ящиках и с памятниками в долине р. Туманган, а также со стоянками в районе Ляодуна.

Мегалитическая культура существовала до довольно позднего времени, когда в ее памятниках появилась керамика, напоминающая керамику культуры яеи⁶⁵. В более северных районах, например в районе Гирина и верховьев Супгари, культура каменных ящиков дожила до рубежа нашей эры⁶⁶.

К середине I тысячелетия до н. э. на Корейском полуострове было хорошо развито земледелие. Задолго до этого были известны прирученные свинья и собака. Мясо свиней широко использовалось в пищу. В середине I тысячелетия до н. э. в стадо домашних животных входили крупный рогатый скот и лошади. Из сельскохозяйственных культур большое распространение имело просо. В I тысячелетии до н. э. одной из сельскохозяйственных культур был рис. Что касается рыболовства, то оно особенно было развито у жителей побережья Восточного моря, на древней территории расселения окко, т. е. на северо-восточном

побережье полуострова. Там даже занимались китобойным промыслом⁶⁷.

I тысячелетие до н. э. было временем господства на Корейском полуострове первобытнообщинного строя⁶⁸. Во второй половине этого тысячелетия древнекорейские племена консолидируются в политическое объединение Чосон⁶⁹.

Археологический материал из соседней с Корейским полуостровом области — Ляодуна — был в свое время известен по результатам небольших археологических раскопок, проведенных в 30-х годах японскими археологами⁷⁰. Среди памятников имелись и поселения с раковинными кучами. Японские археологи дали свою оценку древнему населению этих областей: «Они не были, следовательно людьми, имеющими какое-то значение в истории цивилизации...»⁷¹

В 1957, 1959, 1961 гг. китайские археологи вели активные раскопки поселений с раковинными кучами на Ляодунском полуострове и на островах около побережья⁷². Хотя на большинстве поселений были найдены изделия из бронзы, китайские археологи отнесли их к пережиточному неолиту.

Поселения располагались вдоль морского побережья и в долинах рек. Для всех них довольно характерен выдержанный комплекс шлифованных каменных орудий: топоров самых разнообразных форм, кинжалов, наконечников копий, полудлинных ножей, наконечников стрел. На основании изучения керамики, которая не столь единообразна, как каменный инвентарь, Чжен Де-к'ун выделяет три группы поселений, датируя наиболее позднюю 1000 г. до н. э. Для этой культуры характерны постоянные поселения,

основу занятия жителей которых составляли земледелие и охота; рыбная ловля играла второстепенную роль⁷³. Если некоторые типы каменных орудий и приближаются к приморским этого же времени, то керамика и по формам и по орнаментальным композициям довольно далека⁷⁴.

Разнообразны погребения разбираемого и более позднего времени. Это прежде всего погребения в каменных ящиках, которые найдены на территории Маньчжурии сотнями. Кроме них, широко распространены дольмены, которые раньше были особенно хорошо известны на Ляодуне. Маньчжурские дольмены больше корейских и имеют иную ориентировку⁷⁵. Погребения в каменных ящиках, составленных из плит, характерны для районов от границ с Внутренней Монголией до границ с Северной Кореей в конце II—I тысячелетия до н. э.

Люди этой культуры обитали в постоянных поселениях, судя по мощности культурного слоя. В их хозяйстве ведущую роль играли земледелие (засеивали просо) и скотоводство (лошадь, крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, свинья, собака). Охотились они на оленей, много занимались рыболовством⁷⁶.

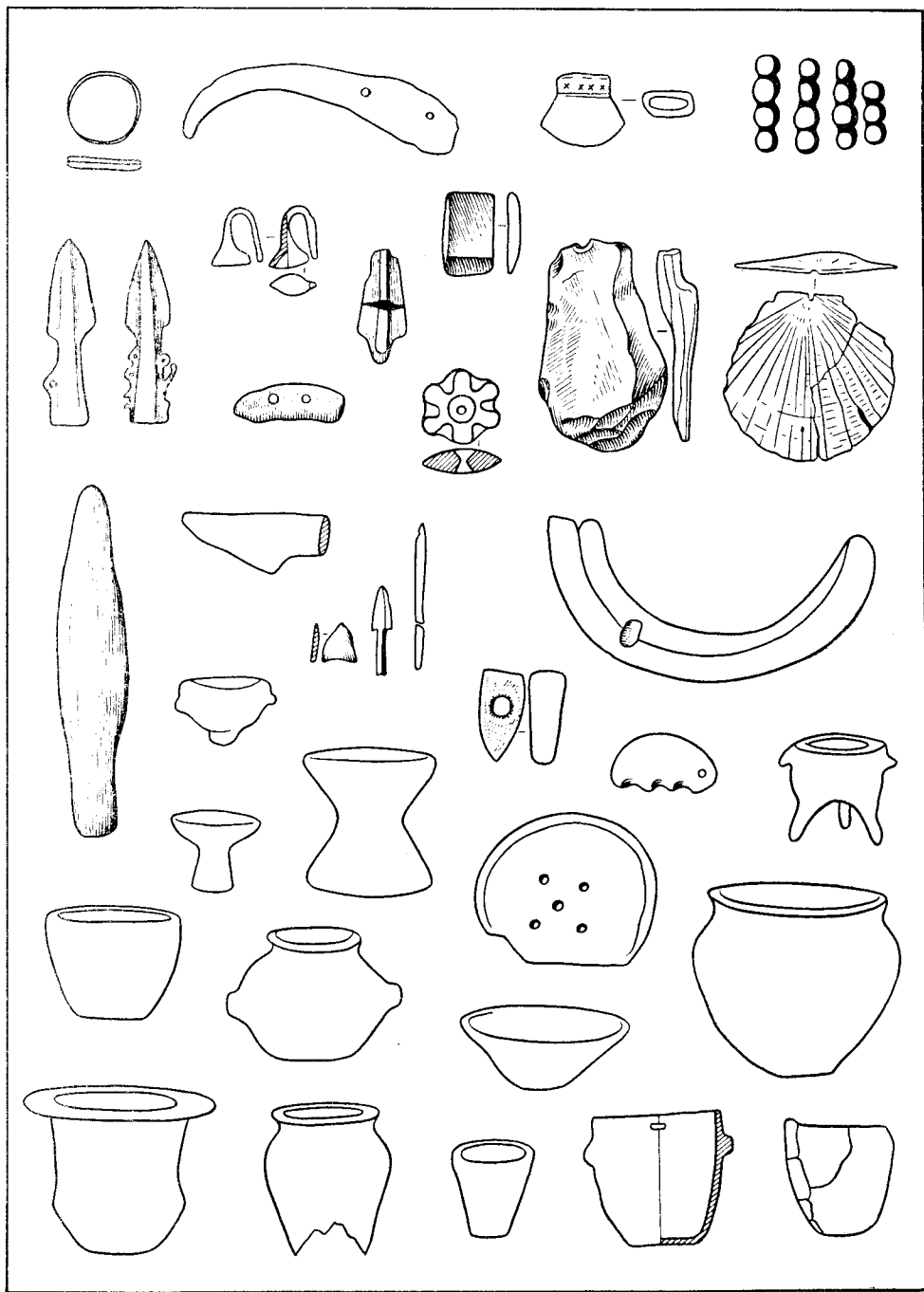
Среди найденных здесь бронзовых вещей известны кельты, аналогичные карасукским, пуговицы, широко распространенные в Южной Сибири и Забайкалье, черешковые наконечники стрел, аналогичные иньским образцам, ножи и др. О местном изготовлении многих из этих предметов свидетельствуют каменные литейные формы. Посуда лепная с текстильными или «веревочными» отпечатками и красполющенная. Она представлена сосудами с прямым горлом и выпуклым туловом, чашами с прямыми стенками,

сосудами на высоком поддоне, посудой типа «ли»⁷⁷. Широко применялись людьми описываемой культуры шлифованные каменные орудия и оружие: сверленные топоры, наконечники стрел и копий, ножи, кинжалы. Многочисленны мотыги и каменные лемехи для плуга⁷⁸.

В то время как культура этого времени в южной части Маньчжурии довольно монолитна, культура Яньцзы в маньчжурской горной стране несколько своеобразна. Для нее характерны наряду с шлифованными оббитые кремневые орудия, костяные кинжалы и наконечники стрел. Нет сосудов типа «ли» и «дин». Ориентировка погребенных иная, чем в более южных районах⁷⁹.

Чжен Де-к'ун подчеркивает пекитайский характер погребений в каменных ящиках и дольменах⁸⁰. То Ю Хо, анализируя истоки сложения мегалитической культуры в Корее, отмечает, что погребения в каменных ящиках пришли на Корейский полуостров с севера, в то время как дольмены — с юга, из Юго-Восточной Азии⁸¹. В формировании древнего населения Корейского полуострова принимали участие два компонента: один был связан с перемещениями на территории Северо-Восточной Азии, другой, южный — с малайским миром⁸².

Таким образом, нет «культуры раковинных куч», которая охватывала бы огромную территорию, включающую южное Приморье, Северную Корею, Ляодунский полуостров, а есть прибрежные племена, которые в течение длительного времени, нескольких культурно-исторических периодов, занимались, кроме всего прочего, морским рыболовством и прибрежным собирательством. Более того, прибрежное население названных регионов создало отличные друг

от друга археологические культуры: в Корее это различные локальные варианты мегалитической культуры, характеризующиеся своими особенностями; на территории большей части Маньчжурии — культура, связанная с погребениями в каменных ящиках и очень своеобразной материальной культурой.

Маньчжурия, особенно южная, и Корейский полуостров испытывали в конце II—начале I тысячелетия до н. э. влияние двух металлургических центров Восточной Азии — Иньского Китая и Южной Сибири. Первое прослеживается в распространении некоторых форм бронзовых изделий (наконечников стрел) и сосудов (особенно триподов). В то же время гораздо шире и дальше проникает влияние бронзы из районов Южной Сибири и Забайкалья. Выше подчеркивалось проникновение бронзовых предметов (и широчайшее распространение каменных изделий, имитирующих бронзовые оригиналы) карасукской и тагарской культуры, не только на территорию Маньчжурии, но и на территорию Кореи, Приморья, Амура. Даже в Японии паходят каменные кинжалы, увязываемые с сибирскими образцами⁸³.

Бронзовая культура степного Востока оказала влияние на развитие бронзолитейного дела в Китае, судя по найденным в Апьяне пожам с навершием в виде звериных голов⁸⁴. Изучение типологии иньского оружия позволило выявить его связь с бронзовым оружием Центральной Азии и Сибири, роль центральноазиатских и сибирских бронзовых культур в сложении культуры Шань-Инь⁸⁵.

←

Находки с поселений из южной Маньчжурии (из статьи В. Е. Ларичева «Бронзовый век Дунбэя»)

Изучая проблемы бронзовых культур Восточной Сибири и Центральной Азии, А. П. Окладников обратил внимание на особенность распространения погребений в каменных ящиках и сопровождавших их сосудов типа «ли»: их нет ни в бассейне Амура, ни на территории Приморья⁸⁶. Несмотря на то, что южные, центральные и западные районы Приморья за последние годы неплохо обследованы, там не обнаружены погребения ни в каменных ящиках, ни в дольменах.

Конец II—I тысячелетие до н. э. — время формирования культуры, охватывающих обширные территории: это культура с погребениями в каменных ящиках в Маньчжурии, мегалитическая культура на Корейском полуострове, урильская, а позже польцевская культура в бассейне Амура, янковская, а затем крупновская культуры в Приморье. Каждая из этих культур имеет свои особенности, каждая имеет сравнительно четкий ареал. Памятники, расположенные в местах соприкосновения различных культур, носят смешанный характер. Примером может служить поселение Конгвири⁸⁷, материал которого близок находкам из погребений в каменных ящиках; в то же время на поселении Конгвири отсутствуют триподы⁸⁸. Интересен и материал с о-ва Чходо, расположенного у северо-восточного побережья Корейской Народно-Демократической Республики. Судя по опубликованным материалам, там многослойные памятники⁸⁹. Материал конца II—начала I тысячелетия до н. э. с этого острова То Ю Хо не относится к мегалитической культуре, получившей в это время распространение по всей территории Корейского полуострова. На острове сделаны находки, характерные для

памятников мегалитической культуры (каменные круги — «деньги», дискообразные булавы)⁹⁰, и в то же время в материалах с острова много общего с материалом янковской и кроуновской культур. Видимо, крайний северо-восток Кореи был контактной зоной. Именно об этом районе говорилось, что там уменьшалось число памятников мегалитической культуры, именно здесь в середине I тысячелетия до н. э. был особенно активен морской промысел, вплоть до китобойного. Видимо, это была зона контакта с янковской, а впоследствии с кроуновской культурой.

Археологический материал позволяет видеть несколько крупных культур в Восточной Азии, охватывающих обширные территории в конце II—I тысячелетия до н. э. Одной из таких ярких и самобытных культур была янковская, тесно связанная своими истоками с более ранними памятниками в Приморье. Свообразие этой культуры проявляется в характере расположения поселений и их планировке, в комплексе материальной культуры, в хозяйстве, в особенностях погребений. Если янковская культура и не охватывала всю территорию Приморья, то она оказала сильнейшее влияние на древнее население этой зоны в первой половине I тысячелетия до н. э., а также на последующую кроуновскую культуру.

Из-за более слабой изученности не может быть столь же подробно проанализирована кроуновская культура, но общий характер ее памятников позволяет предполагать, что присущий ей уровень социально-экономического развития близок к уровню развития янковской культуры.

I тысячелетие до н. э., эпоха раннего железного века, для многих

районов Восточной Азии было последним периодом первобытнообщинного строя. Во второй половине—конце I тысячелетия до н. э. в Приморье и бассейне Амура, на Корейском полуострове, в Маньчжурии и в Центральной Азии железо получило широкое распространение. В это же время на всей названной огромной территории происходят процессы, которые приводят к крушению первобытнообщинного строя и сложению классовых обществ.

¹ Захарук Ю. П. О методологии археологической науки и ее проблемах. — СА, 1969, № 3, с. 16.

² Там же, с. 16.

³ Захарук Ю. П. Проблемные ситуации в археологии — СА, 1973, № 4, с. 12.

⁴ Там же; *оп. же.* Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы археологической науки. — СА, 1970, № 2.

⁵ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4, с. 4, 6, 7.

⁶ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация. — СА, 1970, № 2, с. 24—25.

⁷ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре, с. 7, 8.

⁸ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре, с. 5, 6.

⁹ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация, с. 27, 30.

¹⁰ Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация, с. 35, 36.

¹¹ Деревяшко А. П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.

¹² Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, с. 166—184; Окладников А. П., Деревяшко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 208, 255; Бродянский Д. Л. Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969, с. 13, 15—16, 18—19; *оп. же.* Раскопки у с. Синий Гай в При-

- море. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, с. 266, 270; *Андрева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970, с. 46—50.
- В книге «Древнее Приморье» мною приводится для янковской культуры время — конец II — первая половина I тысячелетия до н. э. Ввиду того, что в известном мне материале с памятников янковской культуры отсутствуют находки, которые с полной уверенностью можно было бы отнести к концу II тысячелетия до н. э., я отношу памятники янковской культуры в Приморье к первой половине I тысячелетия до н. э.
- 13 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла, с. 15—16, 18—19; *он же.* Неолит и бронзовый век Приморья в свете ретроспективного метода. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 44; *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, с. 246—272.
- 14 *Бибинов С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1, с. 49, 50.
- 15 *Таксами Ч. М.* Селения, жилые и хозяйственные постройки пивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середина XIX—начало XX в.). — В кн.: Сибирский этнографический сборник, III («Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. XIV). М.—Л., 1961, с. 100.
- 16 *Таксами Ч. М.* Материалы МАЭ по этнографии айнов Южного Сахалина (XIX—начало XX в.). — В кн.: Культура народов зарубежной Азии и Океании («Сб. Музея этнографии и антропологии», XXV). Л., 1969, с. 344.
- 17 *Массон В. М.* [рец. на кн.:] Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах. Л., 1972. — СА, 1973, № 4, с. 281.
- 18 *Таксами Ч. М.* Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середина XIX—начало XX в.), с. 100—104.
- 19 *Таксами Ч. М.* Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин, с. 100—104.
- 20 Там же, с. 111—112.
- 21 *Массон В. М.* [рец. на кн.:] Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах, с. 281—282.
- 22 *Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества («Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. LIV). М.—Л., 1960, с. 125, 140.
- 23 Там же, с. 142.
- 24 Там же, с. 125.
- 25 *Бочкарев В. С., Распопова В. И.* Дискуссия о характере ремесленного производства. — СА, 1973, № 4, с. 300, 303, 305.
- 26 *Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего металла. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2, с. 98—99.
- 27 *Першиц А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества («Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. LIV). М.—Л., 1960, с. 152, 160, 161.
- 28 *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (Основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 134.
- 29 *Бутинов Н. А.* Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. — В кн.: Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967, с. 171, 182. Следует отметить, что имеется и другая точка зрения о существовании в развитом первобытном обществе родовой общины и соответственно родовой собственности (см.: *Бромлей Ю. В., Першиц А. И.* Ф. Энгельс и проблемы первобытной истории. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972).
- 30 *Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй, с. 143.
- 31 *Бутинов Н. А.* Этнографические материалы..., с. 182.
- 32 Возникновение и развитие земледелия. М., 1967, с. 5, 28, 29, 31.
- 33 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 144, 145—147.

- ³⁴ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 238—240.
- ³⁵ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- ³⁶ Сведения взяты из книги А. П. Деревянко «Ранний железный век Приамурья».
- ³⁷ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, с. 198.
- ³⁸ Там же, с. 129, 196—199.
- ³⁹ Там же, с. 142—143, 199—200.
- ⁴⁰ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, с. 192—195, 156 (рис. 22), 342 (табл. LXVIII).
- ⁴¹ Там же, с. 145 (рис. 13), 157 (рис. 23), 201—202.
- ⁴² Там же, с. 203.
- ⁴³ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, с. 140 (рис. 8), 153 (рис. 18), 169 (рис. 32), 170 (рис. 33), 202, 204, 205, 217.
- ⁴⁴ Там же, с. 141—142, 158, 161, 218, 220—221, 236, 242.
- ⁴⁵ Там же, с. 266, 270.
- ⁴⁶ Там же, с. 264—265.
- ⁴⁷ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 227, 252.
- ⁴⁸ *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества («Труды Ин-та этнографии им. Н. П. Миклухо-Маклая. Новая серия», т. LIV). М.—Л., 1960, с. 249.
- ⁴⁹ *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, с. 140, рис. 8; *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 64, рис. 27.
- ⁵⁰ *Ларичев В. Е.* Бронзовый век Северо-Восточного Китая (По материалам работ китайских и японских археологов). — СА, 1961, № 1, с. 3. 4 (рис. 1).
- ⁵¹ *Хван Ги Дек.* О начале железного века на бассейне р. Туманган. — «Кого мн-сок», 1963, № 4 (перевод В. С. Ким).
- ⁵² Там же; *Won Yong Kim.* New lights on Korean archaeology. — «Asian perspectives», 1967, vol. X, p. 49.
- ⁵³ *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурсцы. М., 1972, с. 172—173.
- ⁵⁴ *То Ю Хо.* О мегалитической культуре Кореи. — В кн.: Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов, т. V. М., 1963, с. 235, 238—239.
- ⁵⁵ *Юриков Х. К.* Освещение современными японскими историками вопросов возникновения государственности в Корее. — В кн.: Историография стран Востока. М., 1969, с. 192.
- ⁵⁶ *То Ю Хо.* Указ. соч., с. 234.
- ⁵⁷ Там же, с. 235.
- ⁵⁸ *Won Yong Kim.* New lights on Korean archaeology, p. 49.
- ⁵⁹ *То Ю Хо.* Указ. соч., с. 235.
- ⁶⁰ *Won Yong Kim.* Op. cit., p. 49.
- ⁶¹ *То Ю Хо.* Указ. соч., с. 235, 238.
- ⁶² *Won Yong Kim.* Op. cit., p. 49.
- ⁶³ *Хван Ги Дек.* О начале железного века на бассейне р. Туманган. — «Кого мн-сок», 1963, № 4, рис. 2.
- ⁶⁴ *То Ю Хо.* Указ. соч., с. 235—237.
- ⁶⁵ Там же, с. 236.
- ⁶⁶ *Юриков Х. К.* Освещение современными японскими историками вопросов возникновения государственности в Корее, с. 184—185.
- ⁶⁷ *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурсцы, с. 107, 111—114, 118—119, 173; *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, карта «Корея в III в. до н. э.»
- ⁶⁸ История Кореи. М., 1960, с. 31.
- ⁶⁹ *Джарылгасинова Р. Ш.* Китай и Корея в V в. до н. э. — III в. н. э. — В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 89.
- ⁷⁰ *Archaeologia Orientalis*, vol. I. Tokyo, 1929; vol. II. Tokyo, 1931.
- ⁷¹ *Archaeologia Orientalis*. vol. I, p. 24.
- ⁷² «Cowa», 1964, Area 17, N 111, p. 23.
- ⁷³ *Chêng Tê-k'un.* Archaeology in China, vol. I. Heffer, Cambridge, 1959, p. 152—154.
- ⁷⁴ Люйшуньский музей. Разведки неолитических раковинных куч в уезде Чанхай города Дюйда. — «Каогу», 1962, № 7, с. 346, 347.
- ⁷⁵ *Chêng Tê-k'un.* Archaeologia in China, vol. III. Heffer, Cambridge, 1963, p. 136—141.
- ⁷⁶ *Ларичев В. Е.* Бронзовый век Северо-Восточного Китая, с. 21, 22, 25.
- ⁷⁷ *Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 172.

- ⁷⁸ Ларичев В. Е. Бронзовый век Северо-Восточного Китая, с. 22.
- ⁷⁹ Ларичев В. Е. Древние культуры Северного Китая (эпоха неолита и бронзы).— «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР, Серия историческая», 1959, т. I, с. 93.
- ⁸⁰ *Chêng Tê-k'un*. Archaeologia in China, vol. III, p. 140—141.
- ⁸¹ То Ю Хо. Указ. соч., с. 235.
- ⁸² Народы Восточной Азии, с. 792.
- ⁸³ «American Antiquity». Current Research Richard Pearson, vol. 38, N 3, 1973, p. 362.
- ⁸⁴ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока, с. 171.
- ⁸⁵ Васильев Л. С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь.— В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 9. М., 1972, с. 391—392.
- ⁸⁶ Окладников А. П. Триподы за Байкалом.— СА, 1959, № 3, с. 129, 131.
- ⁸⁷ Ки Ен Чан. Очерк первобытной стоянки Конгвири вблизи города Канге. Пхеньян, 1959, с. 79—81.
- ⁸⁸ То Ю Хо. Указ. соч., с. 237.
- ⁸⁹ Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина. Пхеньян, 1956.
- ⁹⁰ То Ю Хо. Указ. соч., с. 235—236.

ЭПОХА РАЗВИТОГО ЖЕЛЕЗА

ГЛАВА 1.

ОЛЬГИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Период развитого железа, который наступил в Приморье в конце I тысячелетия до н. э., представлен археологическими памятниками ольгинской культуры. Она занимает обширную территорию, включающую и южные, и восточные, и центральные районы Приморья. Поселения этой культуры располагаются в долинах рек на пойменной или первой надпойменной террасе и на морском побережье. Ряд памятников находится на вершинах сопкок, занимающих господствующее положение в той или иной местности.

Большинство поселений ольгинской культуры, а их в настоящее время известно более 20, невелики по площади. Среди них нет ни одного раскопанного полностью. Однако особенности расположения позволяют судить о занимаемой ими площади.

Несколько поселений известно в Дальнегорском районе. Одно из них находится в северо-восточной части района, на левом берегу небольшой горной речки, недалеко от ее устья, в пос. Каменка. Берег представляет собой террасу высотой в несколько метров, переходящую в склон сопки. Поселение занимало мыс террасы. Закладка нескольких

шурфов показала, что памятник двухслойный. Основная часть сделанных здесь находок относилась к раннему периоду существования поселения, возможно ко II тысячелетию до н. э. Верхний же слой, слабо насыщенный находками, относился к периоду развитого железа.

Еще одно поселение известно несколько южнее, недалеко от устья р. Рудной, на мысе Брипера. Судя по распространению находок на поверхности, поселение занимало небольшую площадку, возвышающуюся над морем на 50 м¹.

Самым крупным из известных в настоящее время и наиболее изученным является поселение Синие Скалы в Ольгинском районе, в долине р. Аввакумовки. Площадь его превышает 30 тыс. кв. м. Оно находится на левом берегу Аввакумовки, в 3 м выше ее устья. Долина реки расположена между круто обрывающимися сопками. Синие Скалы представляют собой гряду с обрывистыми склонами, выступающую от основного массива сопкок в сторону Аввакумовки и возвышающуюся над долиной на 70—100 м.

Основное поселение расположено на вершине гряды в большой западине, идущей амфитеатром. Жилища и другие сооружения разме-

щаются по склонам амфитеатра. Всего здесь вскрыто более 2000 кв. м культурного слоя, около 30 различных сооружений: жилищ, мастерских, общественных сооружений. Как многие археологические памятники Приморья, поселение Синие Скалы является многослойным; нижний его слой относится к поздней бронзе, концу II тысячелетия до н. э.

Поселение Синие Скалы оказалось парным. У южной оконечности подножья Синих Скал обнаружены остатки жилищ и следы производ-

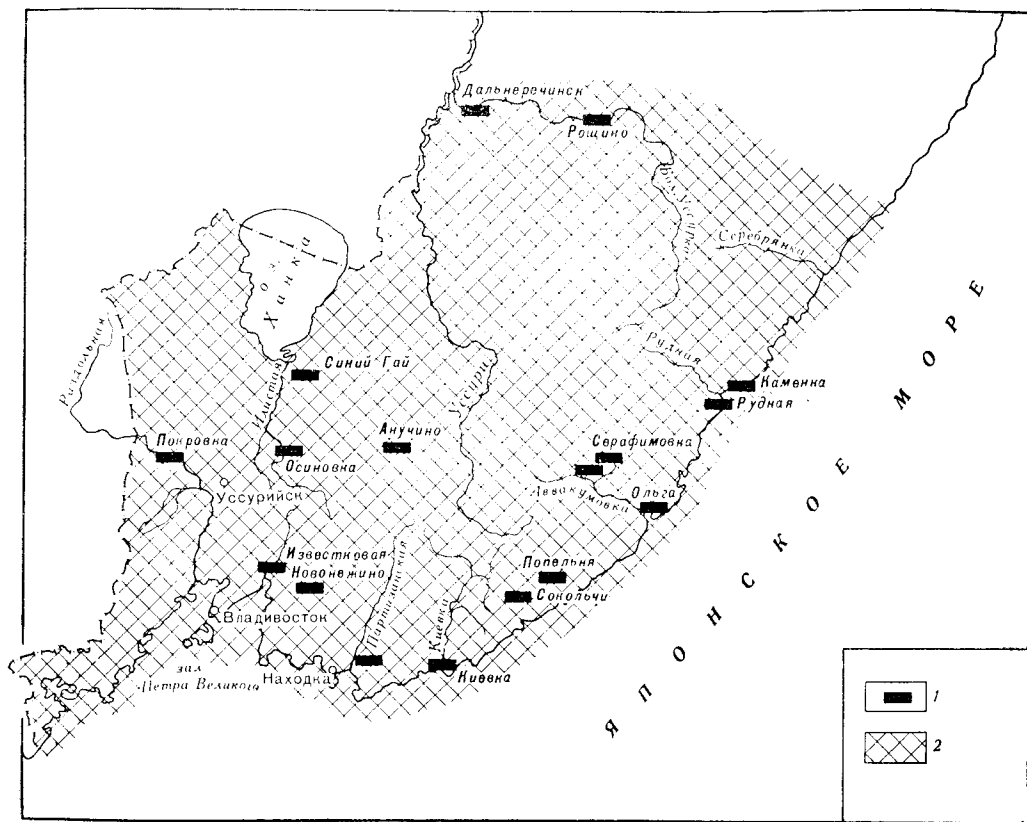
ственной деятельности. Эта часть поселения расположена на обоих берегах ручья около старицы Аввакумовки.

Несколько южнее, в Ольгинском же районе, в среднем течении р. Милоградовки известно еще одно поселение ольгинской культуры. Долина реки в этом месте стиснута отрогами Сихотэ-Алиня. Поселение находится на первой надпойменной террасе правого берега реки и, судя по площади распространения находок, невелико.

Парное поселение находится в бухте Киевка Лазовского района. Оба поселения занимают небольшие площади, по несколько сотен квадратных метров. Первое расположено

Карта распространения ольгинской культуры

1 — поселения; 2 — область распространения культуры

на берегу моря, у подножья террасы. Небольшие раскопки, проведенные здесь, выявили наличие двух культурных слоев; нижний относился к янковской культуре, верхний — к ольгинской². Второе поселение находится на восточном пологом склоне небольшого скалистого островка, расположенного примерно в 100 м от побережья³.

Недалеко от г. Находки были проведены небольшие раскопки многослойного поселения на сопке «Булочка», где верхний слой относится к ольгинской культуре⁴. Ниже находится слой кроуновской культуры, еще ниже — неолитический.

Несколько поселений ольгинской культуры известно на территории Шкотовского района. Большой интерес представляет поселение Малая Подушечка, расположенное в долине р. Суходол. Характер этого памятника был описан в главе, посвященной янковской культуре. К ольгинской культуре относится верхний слой поселения, прослеживающийся в виде остатков жилищ, котлованы

которых вырублены в скальном основании крутого склона сопки.

В долине той же реки, но ближе к морю находится еще одно поселение — на Столовой сопке, к юго-западу от пос. Смоляниново. Столовая сопка занимает господствующее положение в приустьевой части долины Суходола. С ее вершины хорошо и далеко видны окрестности, в том числе и поселение Малая Подушечка, находящееся более чем в 10 км от этого места. Судя по результатам зачисток, культурный слой поселения беден и неглубок, площадь распространения находок невелика.

Третий памятник этого района располагается в долине р. Артемовки, на Известковой сопке. Памятник многослойный. Раскопки на нем не производились, но время от времени здесь собирался подъемный материал, так как культурный слой разрушается строительными работами. Самый ранний материал относится к обоим этапам раннего железного века⁵. В 1970 г. были сделаны находки, которые можно связать с ольгинской культурой⁶. Основной же материал этого памят-

Синие Скалы (вид с юго-запада)

ника относится к средневековью. Площадь, занимаемая средневековым городищем, составляет примерно 250×400 м. Оно находится на вершине сопки, возвышающейся над долиной реки не менее чем на 50 м. Вершина сопки представляет собой площадку, имеющую уклон в южную сторону⁷. Предметы ольгинской культуры обнаружены на юго-западной окраине описываемой площадки.

Примером памятников ольгинской культуры в континентальных районах края может служить поселение на Сенькиной Шапке около с. Покровка, на правом берегу р. Раздольной, недалеко от г. Уссурийска. Сопка Сенькина Шапка представляет собой скалистый выступ, поднимающийся над долиной реки на 50—80 м. С ее вершины хорошо и далеко просматриваются окрестности. Раскопки показали, что памятник многослойный: нижний слой неолитический, средний относится к ольгинской культуре, верхний оставлен чжурчженями. Основные находки сделаны в среднем слое. Здесь сохранились остатки полуземлянок⁸.

В Черниговском районе найдено еще одно поселение ольгинской культуры. Оно находится на крутом южном склоне высокой сопки около поселка Синий Гай. Поселение двухслойное: нижний слой неолитический, верхний относится к развитому железу. От этого времени на поверхности имеются следы более чем 30 жилищ⁹.

Несколько слов еще об одном памятнике в центральных районах континентального Приморья. Это многослойное поселение Осиновка, расположенное на высоком холме в долине р. Осиновки. В его верхнем культурном горизонте, относящемся к пе-

риоду развитого железа, сохранились остатки полуземлянок¹⁰.

Известна еще целая группа поселений, на территории которых раскопки не производились, но собранный с поверхности материал позволяет предположительно отнести их к ольгинской культуре¹¹.

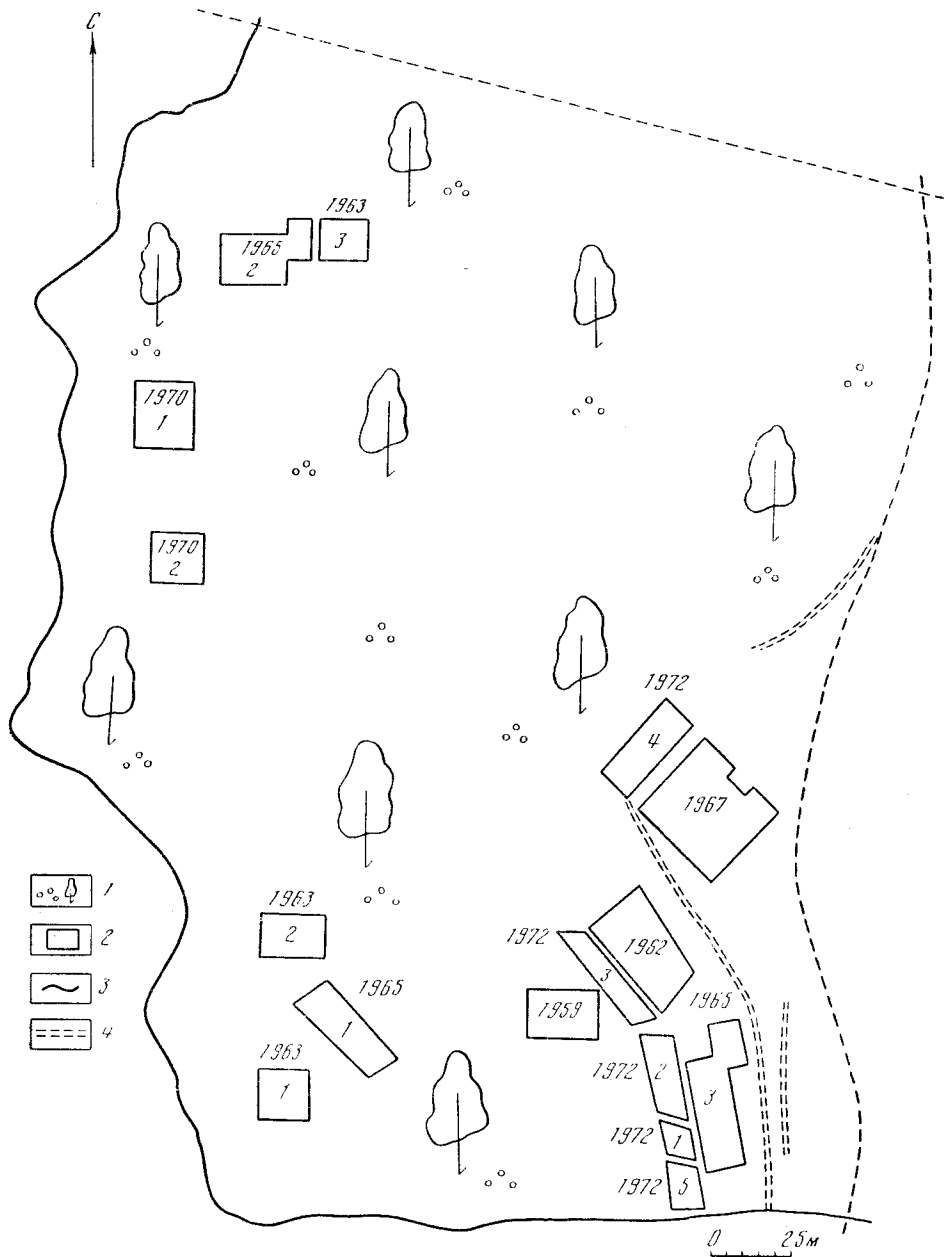
Можно отметить несколько особенностей поселений ольгинской культуры. Как и в предшествующий период, они не имеют оборонительных сооружений, большинство из них невелики по площади, однако уже появляются такие крупные поселения, как Синие Скалы.

Большой интерес представляет появление двойных поселений, как Синие Скалы и поселения в бухте Киевка.

Некоторое представление о характере жилищ и их взаимном расположении дают результаты раскопок небольшого поселения Малая Подушечка. Вскрыта северная и западная его окраины. Западная часть памятника двухслойная, в северо-восточной содержатся лишь материалы, относящиеся к ольгинской культуре. Раскопами захвачено семь жилищ.

Жилища, как и весь культурный слой, расположены на западном склоне сопки Малая Подушечка. Верхняя восточная часть склона довольно крутая. Пол раскопанных жилищ горизонтальный. Древние строители при рытье котлованов должны были врубаться в скальный грунт. Все жилища однокамерные и располагались одно над другим. В плане их очертания приближались к прямоугольнику.

Крайнее северо-восточное жилище (№ 1) имело площадь около 12 кв. м. Восточная часть котлована была высечена в скальном грунте. По полу вдоль восточной, северной и западной стенок котлована шел кан. Его

труба шириной не более полуметра возвышалась до 40 см над полом жилища. Боковые стенки кана были составлены из плиток, положенных на ребро, верхняя — из плиток, положенных горизонтально. Восточное колено кана было короче западного. В юго-восточной части жилища недалеко от окончания колена кана некогда стояла стопка глиняных сосудов, раздавленных и вбитых друг в друга рухнувшей кровлей. В юго-западной части жилища, у кана, был очаг. В северо-восточном углу котлована, в скальном грунте высечена ниша, над которой отмечено скопление жженой глиняной обмазки и углистые прослойки. Возможно, это остаток дымохода.

В нескольких метрах вниз по склону (к западу от жилища 1) находилось жилище 2 площадью немногим более 12 кв. м. Восточная часть его котлована также была вырублена в скальном грунте. Как и первое, жилище 2 погибло в результате пожара. Вдоль скальной стенки в беспорядке лежали обугленные плахи, остатки кровли. Здесь также найден кан, покрытый поверх сланцевых плиток слоем глиняной обмазки. В этом жилище кан шел вдоль северной, западной и южной стенок жилища. Один его конец упирался в восточную скальную стенку жилища в северо-восточном углу котлована. Юго-восточный конец кана был несколько короче и не доходил до скальной стены. В этом месте, в просторстве, заключенном между окончанием кана и стенкой котлована, так же как и в первом жилище, стояла некогда стопка сосудов. Около

южного колена кана с внутренней стороны был очаг.

С западной стороны к жилищу примыкала горизонтальная площадка площадью около 10 кв. м. На юго-западной и северо-западной ее окраинах были неглубокие ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном. Яма в северо-западном углу площадки имела округлые очертания и диаметр немного более 1 м, в юго-восточном — удлиненно-четырехугольные, $0,9 \times 1,5$ м.

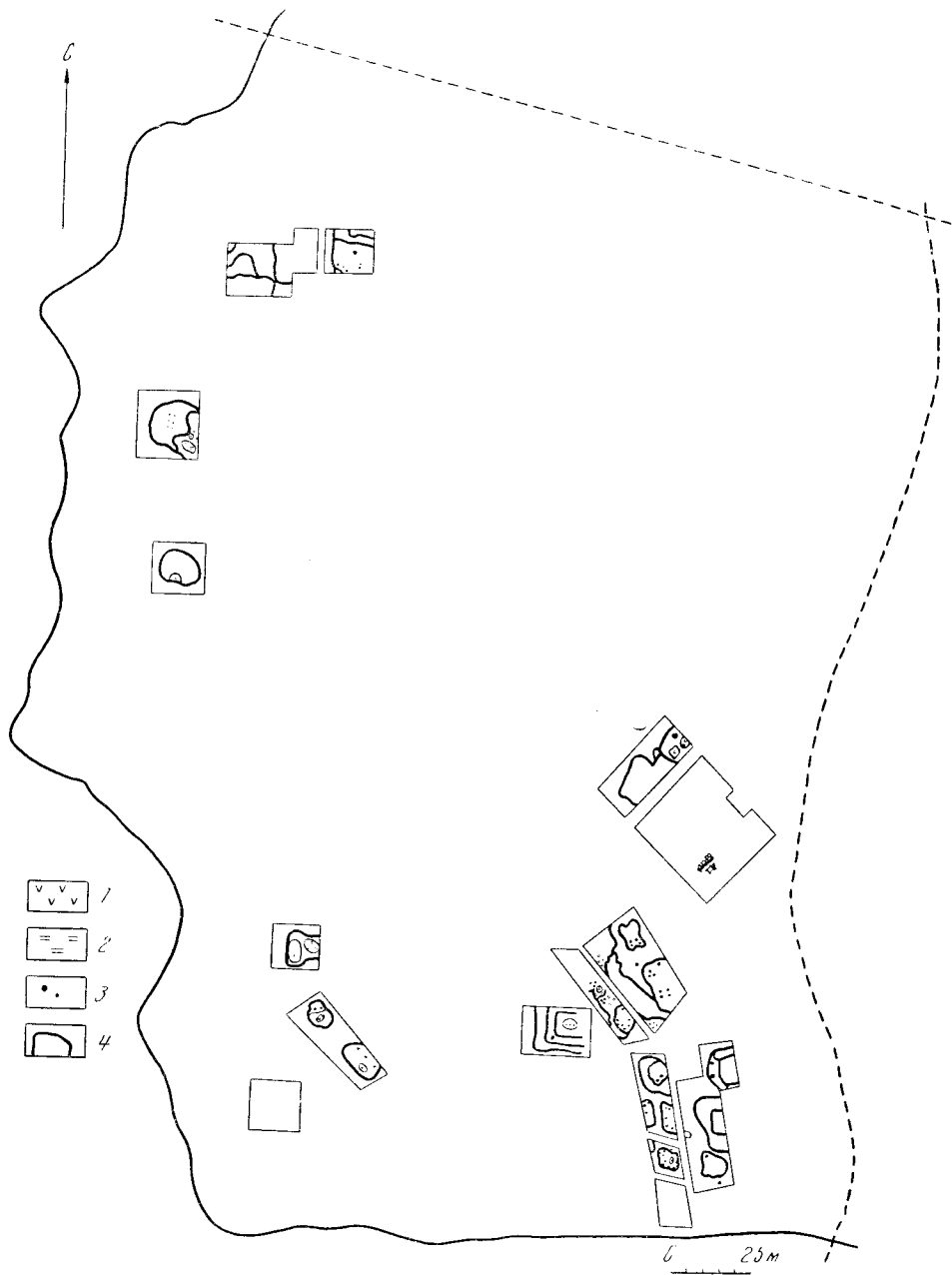
Жилище 3 находилось в 1,5—2 м к западу, чуть ниже жилища 2. Площадь его была около 9 кв. м. Вдоль восточной наиболее глубокой стенки котлована шел небольшой кан. Очаг находился у южной оконечности кана.

Жилище 4 было самым нижним на северной окраине поселения и находилось в 2—3 м западнее жилища 3. Площадь его составляла почти 16 м. Кана в этом сооружении не было, но в юго-восточной его части располагался очаг в виде овального углубления в полу размером $0,8 \times 0,6$ м. Очаг был заполнен кусками древесного угля и жженой глиняной обмазки. Вокруг него найдено несколько раздавленных глиняных сосудов.

Несмотря на то, что ниже по склону продолжался культурный слой, остатков жилищ ольгинской культуры там не было. Следующее сильно разрушенное жилище было найдено в десяти с лишним метрах к югу от жилища 4. И по площади, и по внутренней планировке оно повторяло жилище 1. Точно таким же было и расположение кана. Примерно в 1 м к югу от жилища была яма около 1,5 м диаметром и 0,8 м глубиной с плоским дном. Рядом оказалась еще такая же яма. Обе они были вырублены в скальном грунте

←
Схематический план поселения Синие Скалы

1 — деревья, кустарник; 2 — раскопы; 3 — границы поселения; 4 — древняя дорога

довольно крутого к этом месте склона сопки.

В 5—6 м к юго-западу от жилища 5 находилось жилище 6, повторяющее по внутренней планировке жилище 3, но несколько большее по площади. В 6 м южнее были следы еще одного очень разрушенного жилища, напоминающего жилища 1 и 5. Оно находилось на западной окраине поселка.

Таким образом, все жилища представляли собой полуземлянки, углубленные в грунт до 1 м со стороны вершины сопки и полностью наземные к нижней части склона. Характер внутренней планировки жилищ с П-образным каном помогает понять, где был вход. Необходимо отметить, что стены жилищ были ориентированы по странам света, а вход в него находился с южной стороны, вернее, с юго-восточного угла. В более позднее время, у чжурчженей, вход в жилища был всегда с юго-западной, восточной, южной или юго-восточной стороны¹².

Обнаруженные на Малой Подушечке отопительные сооружения — каналы — представляют собой дальнейшее развитие отопительных сооружений кроуновской культуры и являются как бы переходным этапом к хорошо развитым каналам различного типа, широко распространенным на средневековых памятниках Приморья¹³.

Раскопанная часть поселения не дает еще достаточно данных для восстановления всей его планировки. Обращают на себя внимание два факта. Во-первых, малые размеры

←

План расположения жилищ и других сооружений на поселении Синие Скалы

1 — углистые скопления; 2 — жженная глиняная обмазка; 3 — ямки от столбов; 4 — границы жилищ

жилищ. Все они имеют площадь от 10 до 16 кв. м. Во-вторых, наличие канов не во всех сооружениях. Можно предположить, что жилища без канов были летними. Очень неприглядную картину жизни в жилище с каном летом описывает унвхов Ч. М. Таксами: «... духота от согреваемых нар и масса насекомых создавали невыносимые условия...»¹⁴. Таким образом, жарким и душным приморским летом постоянно находится в очень тесном помещении, вдоль всех почти стен которого шел теплый кан, было очень тяжело. Вполне возможно, что на территории поселка рядом с теплыми зимними строениями находились легкие летние сооружения без канов, но с очагом.

Можно предположить, что не все жилища поселения одновременны. Три жилища в западной его части, судя по характеру расположения находок, были покинуты в спокойной обстановке и постепенно разрушались. Жилища же в северной части сохранились лучше. Они были покинуты обитателями в спешке из-за пожара.

Остатки нескольких жилищ распланы в слое ольгинской культуры на поселении Сенькина Шапка. В одном из них найдены остатки кана, в других остатки очагов со следами глиняной обмазки¹⁵.

Наиболее изученным памятником ольгинской культуры является поселение Синие Скалы, где раскопано около 30 различных сооружений (жилищ, мастерских), которые находились на крутых склонах амфитеатра, располагаясь на нескольких искусственных террасах. Расположение жилищ на склонах ступенями очень характерно для приморских памятников начиная от раннего железного века и до средневековья¹⁶.

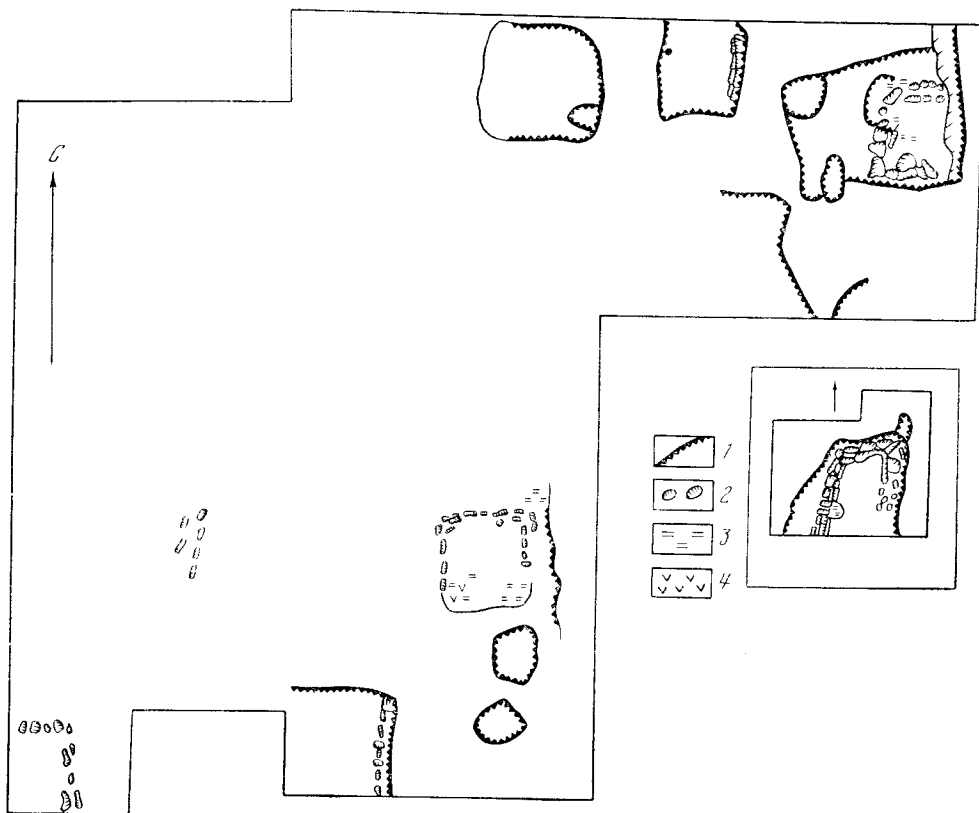
Все сооружения на поселении Сияние Скалы представляли собой полуземлянки. При этом в нижней части склона сооружения были полностью наземными, а к верхней были углублены в грунт от 1 до 1,5 м. В плане они представляли собой четырехугольник, и ориентация их стен зависела от направления склонов амфитеатра. Сооружения относятся к каркасному типу построек. У одних жилищ такой каркас состоял из столбов, шедших вдоль стен внутри

котлована. Они составляли основу стен. У других были только опорные столбы для кровли. Сохранились обугленные древесные остатки, расположение которых позволяет понять конструктивные особенности строений. Стены их состояли из положенных горизонтально жердей или плах. Крыши были, видимо, четырехскатные, о чем свидетельствует радиальное расположение остатков жердей рухнувших перекрытий. Жерди связывались пучками осоки, стены были изнутри выстланы берестой. Пол покрывали слоем светлой глины. В качестве строительного материала использовали дуб, реже — осину.

Раскопками вскрыт полностью

*Поселение Малая Подушечка (верхний слой).
План расположения жилищ*

1 — границы углублений; 2 — камни; 3 — жженая глина; 4 — углистые скопления

верхний ряд сооружений на южной окраине поселения, одно жилище в центральной части южного склона, полностью и частично раскопано 13 сооружений в двух нижних рядах; на западной окраине поселения вскрыто жилище и литейная мастерская; в центральной части северного склона — 6 жилищ; и в нижней части амфитеатра — полностью и частично — более пяти сооружений.

Жилища, раскопанные на окраинах поселения, имели площадь от 10 до 16 кв. м, горизонтальный пол и в одном из углов округлой или четырехугольной формы очаг в виде углубления менее 1 м в диаметре, покрытого толстым слоем глиняной обмазки. В одном из жилищ на южной окраине поселения около очага найден раздавленный сосуд, шлифованный топор, несколько пряслиц, обугленные зерна чумизы на бересте; в другом — целый сосуд в очаге.

Не все раскопанные сооружения одновременны: отмечено наслоение котлованов одних жилищ на другие, особенно в северной и центральной частях поселения. Поселок существовал длительное время, многократно горел, пережил период расцвета и упадка. Об этом свидетельствуют небольшие жилища в центральной части поселения на южном склоне, котлованы которых были впущены в пол крупных построек, погибших в результате пожара. Всего раскопано девять маленьких жилищ.

Ближе к центральной части поселения, если принимать за центр нижние части склонов амфитеатра, площадь жилищ увеличивается до 30—60 кв. м. Внутри некоторых из них вдоль одной, двух или трех стен появляются уступы, выполнявшие роль нар, сидений. Таких жилищ найдено более 10. Хозяйственные ямы около жилищ встречаются редко. Хозяй-

ственных двориков в виде площадок у жилищ почти не обнаружено.

На поселении найдены остатки производственных сооружений, которые можно назвать мастерскими. На западной окраине в верхней части склона располагалась литейная мастерская. Она представляла собой полужемлянку. Западная стенка котлована находилась в нескольких метрах от обрывистого гребня сопки и шла почти параллельно ему. По полу котлована прослеживались очень оплывшие уступы и большое углистое пятно в центральной части помещения. Пол был неровным, с неглубокими бесформенными ямками. Вдоль стен прослеживались углистые прослойки — следы деревянной обшивки.

Процесс литья происходил в юго-западной части мастерской. Здесь находилась несколько приподнятая над полом площадка, центральную часть которой занимало скопление жженой глиняной обмазки. Возле края площадки, обращенного к внутренней части мастерской, располагалось три ямки диаметром около 0,4 м с плоским дном и вертикальными стенками глубиной до 0,5 м. Около ям прослежены углистые скопления. Две из описанных ямок располагались почти вплотную друг к другу. Одна из них была заполнена древесным углем и имела желоб-выход к краю площадки. На полу мастерской против этого желоба отмечено скопление жженой глиняной обмазки.

Здесь найдены обломки каменных литейных форм и инструментов. Обращает на себя внимание большое число светильников.

Остатки кузнечной мастерской были раскопаны в нижней части южного склона амфитеатра. Здесь имелось жилище площадью около 30 кв. м. Рядом с ним была горизонтальная площадка, врезанная в склон. На

ней в нескольких местах отмечены небольшие скопления жженой глиняной обмазки. С северной стороны площадки имелось небольшое возвышение, на котором расчищены две ямы диаметром 1 м. Одна из ям была заложена древесным углем. На площадке сохранились следы от навеса: несколько ямок от столбов, вкопанных в грунт наклонно. Здесь были найдены шлаки, кусочки железной руды, железный лом.

Следы литейного и железоплавильного производства обнаружены почти по всей площади поселения в виде металлических капель, слитков, кусочков железной руды, шлаков, обломков криц. В одном из жилищ в северной части поселения найден слиток свинца. В другом, в нижней части южного склона, — обломок глиняного сосуда с застывшей на нем каплей металла. Спектральный анализ показал, что это свинец с небольшой примесью серебра¹⁷.

Кроме того, на поселении найдены остатки двух гончарных мастерских. Одна из них, площадью около 20 кв. м, была расположена на южной окраине поселения, в крайнем верхнем ряду жилищ, в западной его части. Почти всю ее поверхность занимали развалы печей для обжига посуды из жженой глиняной обмазки толщиной до 0,4 м и площадью 2,5×2 м каждый. В одном из развалов печи оказалось восемь раздавленных сосудов, в том числе светильники на высоком поддоне. На краю этого развала обнаружено около килограмма обугленных зерен ячменя. Вторая печь оказалась пустой. В юго-западном углу мастерской стояло пять светильников.

Вторая гончарная мастерская найдена в центре поселения, в нижней части амфитеатра. Как и первая, она погибла от пожара. Видимо, пожар

произошел в тот момент, когда начали обжигать посуду. Развал печи для обжига посуды находился в западной части помещения.

Кроме жилищ и мастерских, на поселении были сооружения и иного характера. Большой интерес представляет сооружение в центре нижней части южного склона. Оно выделяется не только размерами (его площадь превышает 150 кв. м), но и планировкой. Его котлован состоял из двух площадок: верхней (13×4 м) и нижней (17×6 м). В северной и южной частях нижней площадки были врезаны два углубления площадью 10 и 30 кв. м, опущенные в грунт на 20—30 см. По краям этих углублений прослеживались ямки от опорных столбов. В центральной части нижней площадки обнаружено несколько крупных раздавленных глиняных сосудов и около них — железный браслет и бусы. В этом крупном сооружении не оказалось очага. В то же время сверху, на боковых плечах котлована, были обнаружены горизонтальные площадки с углистым слоем, под которым шел сильно прокаленный грунт. Можно предположить, что это обширное сооружение в центре поселка служило для каких-то общественных целей, возможно собраний; но могло это быть и какое-нибудь общинное хранилище.

На поселениях ольгинской культуры появляется новый вид сооружений, неизвестный в предшествующее время, — дороги. Остатки дороги есть на поселении Малая Подушечка: она зигзагом спускается к долине по северному склону сопки. Такая же дорога обнаружена и на поселении Синие Скалы: она зигзагом спускается вниз по южному склону от нижнего ряда жилищ. Полотно дороги шириной около 2 м было врезано в грунт склона.

В центре нижней части амфитеатра обнаружен деревянный водосборный колодец. Для него было выбрано место естественного водостока.

Некогда весь грунт был здесь снят до скальной породы. Образовалась площадка, несколько повышавшаяся в северо-западном направлении. На ее северо-западной границе ребром лежала полутораметровая плаха толщиной более 20 см. Укрепленная обломками скалы и крупной галькой, она располагалась в полуметре к юго-западу от колодца.

Колодец представлял собой сруб из горбылей в несколько венцов площадью $1 \times 0,8$ м. Горбыли шириной 20 см и толщиной до 10 см стояли на ребре, выпуклой стороной наружу. Внутренняя их сторона была сравнительно ровно затесана, а концы заострены. Для крепления между собой горбыли имели глубокие трапециевидные выемки на некотором расстоянии от концов. Снаружи стенки колодца были обернуты крупными кусками бересты и укреплены обломками скалы и крупной галькой. После того как колодец был вычищен, он стал наполняться водой. Очень влажный глинистый грунт, затянувший колодец, и береста помогли сохраниться этому интересному сооружению. Данная находка позволяет судить об уровне строительной техники в середине I тысячелетия до н. э. вообще и деревянного строительства в частности.

Поселение Синие Скалы — двухслойный памятник. Нижний слой относится к маргаритовской культуре и датируется концом II тысячелетия до н. э. Стратиграфически ранний слой выделяется лишь в северной части поселения. В остальных местах он выделяется только типологически¹⁸.

Остатки нескольких полуземлянок обнаружены у подножья Синих Скал, на правом берегу ручья, на пространстве, заключенном между массивом скал, старицей Аввакумовки и ручьем. Выяснилось, что в этом месте люди также селились дважды: во второй половине II тысячелетия до н. э. и в середине I тысячелетия н. э. Материал верхнего слоя аналогичен основному материалу поселения на вершине Синих Скал¹⁹.

Остатки двухслойного поселения имеются и на первой надпойменной террасе левого берега ручья, в нескольких десятках метров от только что описанного. Впервые люди обосновались на берегу ручья в неолите, второй раз — в середине I тысячелетия до н. э. Раскопки показали, что место это неоднократно затапливали паводковые воды. Были найдены три довольно крупных наземных сооружения, которые погибли в результате пожара. Сохранились обугленные жерди от перекрытий. В одном из жилищ имелось много раздавленных глиняных сосудов.

В этом месте отмечены скопления кусочков железной руды, шлаков, найдены плиты и куранты для растирания, мощные напластования обугленной древесной массы. Судя по характеру культурных напластований, на берег ручья были вынесены производственные процессы, связанные с обработкой и плавкой железной руды.

Сопоставление находок, сделанных в культурном слое на берегу ручья и в культурном слое на вершине Синих Скал, особенно керамики, позволяет отнести их к одной культуре, к одному хронологическому периоду — середине I тысячелетия до н. э. и считать этот памятник одним большим поселением, в котором часть производственных процессов была

вынесена с территории основного поселка.

Несмотря на то, что раскопками вскрыта лишь незначительная часть территории основного поселения, можно сделать некоторые предварительные выводы о характере его планировки.

Совершенно ясно, что не все раскопанные помещения одновременны: отмечены следы перестроек, наслоение котлованов одних жилищ на другие. Наиболее обжитой является северная часть поселка, так как именно там больше всего следов многократных перестроек. В раскопе, заложенном в этой части поселения в 1965 г., оказалось пять жилищ, прорезавших одно другое. Южная часть поселка, видимо, была заселена после того, как северную уже полностью освоили. Но и в северной, и в южной частях не все жилища функционировали одновременно. Часть жилищ была покинута в спокойной обстановке, часть погибла в результате пожара и, судя по количеству и характеру находок, оставлена в спешке.

Сопоставление жилищ различных этапов железного века в Приморье, их конструктивных особенностей, размеров, внутренней планировки, характера расположения, позволяет, с одной стороны, проследить определенную преемственность, с другой — особенности, присущие каждому этапу, каждой культуре железного века.

Как и в предшествующее время, жилища ольгинской культуры представляли собой каркасные полуподземные сооружения четырехугольной в плане формы. Как и на памятниках янковской и кроуновской культур у ряда из них основу стен составляли вертикальные столбы вдоль стен котлована. Но многие жилища в поселениях ольгинской культуры

уже не имели таких столбов, а стены их состояли из жердей или плах, положенных горизонтально, возможно срубом, как у колодца в Синих Скалах. На этом поселении в нескольких случаях удалось проследить нижние ряды горизонтально положенных жердей. В центре маленьких жилищ стоял опорный столб, поддерживавший кровлю. Основу крыши составляли жерди, которые покрывались плашками.

Как и в предшествующие периоды, для ольгинской культуры характерны однокамерные сооружения.

Обращает на себя внимание большое число на поселениях ольгинской культуры малых жилищ площадью от 10 до 16 кв. м. На Малой Подушечке раскопками вскрыты лишь малые жилища. На Синих Скалах имеется определенное тяготение малых жилищ к окраинам поселения и увеличение площади жилищ при приближении к центральной его части, усложнение внутренней планировки крупных сооружений.

На поселениях ольгинской культуры найдены остатки сооружений, которые служили только для производственных целей. Сопоставление характера производственных комплексов на поселениях железного века позволяет проследить изменения, происшедшие почти за 2 тыс. лет. Если на поселениях янковской и кроуновской культур производственные процессы протекали как за пределами жилищ на территории поселений, так и в жилищах, то на поселении ольгинской культуры Синие Скалы появляются сооружения, которые служили только для производственной деятельности. Хотя ольгинская культура в целом изучена слабее, чем культуры раннего железного века, производственных комплексов только на поселении Синие Скалы

найденно больше, чем на всех известных поселениях раннего железного века.

Появление специальных мастерских свидетельствует о дальнейшем развитии ремесленного производства, о выделении среди членов общины людей, которые специализировались в определенной отрасли ремесленного промысла.

На поселениях ольгинской культуры появляются специально сделанные на склонах сопок дороги. Возникновение этих сооружений свидетельствует о возросших возможностях общества, в котором появились силы для организации и проведения сложных строительных работ.

В то же время ни одно поселение ольгинской культуры не имеет оборонительных сооружений. Такие сооружения появляются лишь в последующий культурно-исторический период.

Большие размеры поселения Синие Скалы позволяют предполагать, что оно не было рядовым.

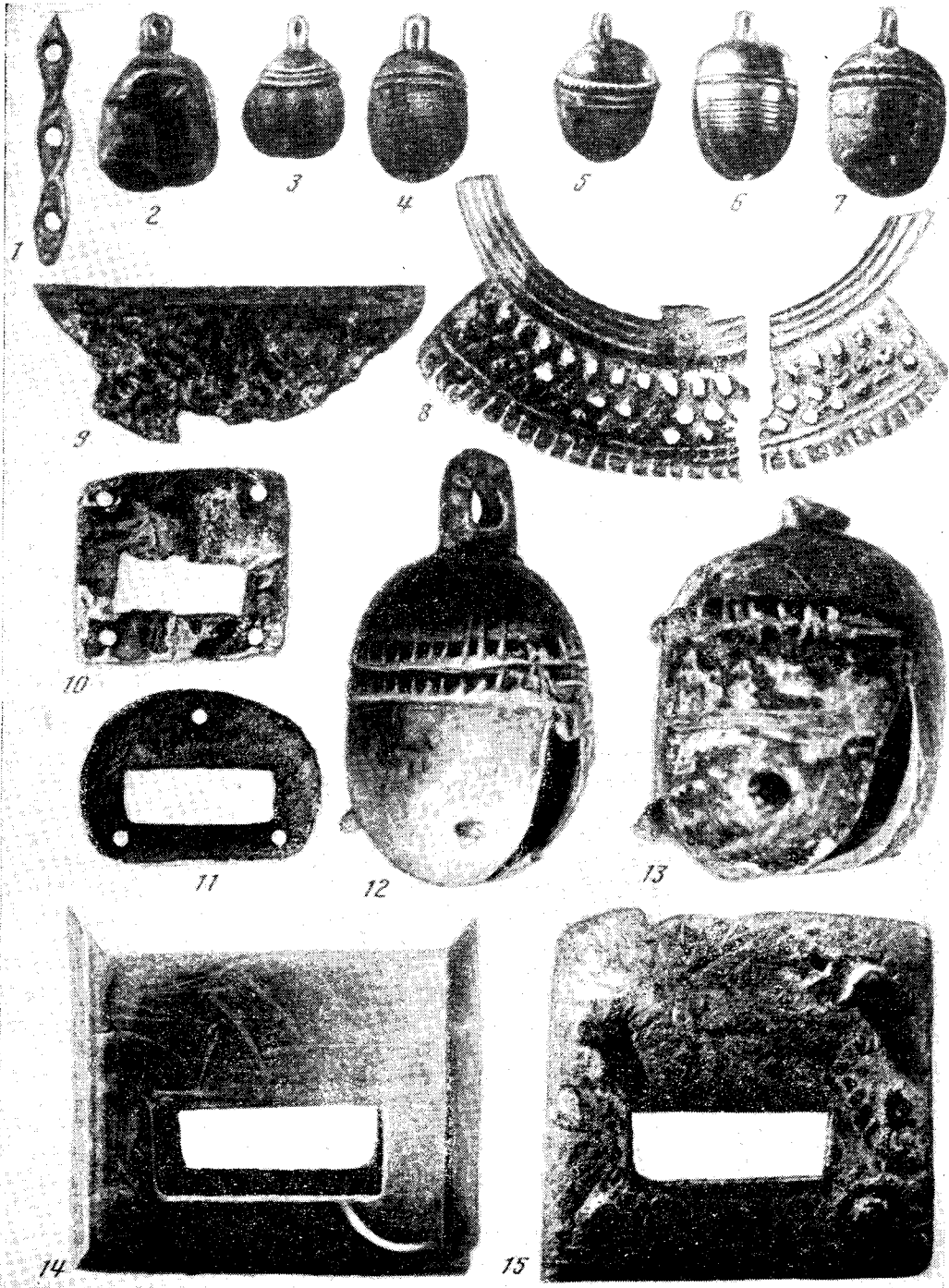
Изделия из бронзы на памятниках ольгинской культуры немногочисленны, хотя их гораздо больше, чем в предшествующий период.

В верхнем слое Малой Подушечки найдено два бронзовых браслета диаметром около 6 см. Внутренняя поверхность их плоская, внешняя слегка выпуклая, не орнаментированная. Наибольшая ширина — около 1 см. Еще один бронзовый предмет, напоминающий браслет, имеет диаметр 3 см и ширину 0,8 см; на его концах — небольшие сквозные отверстия.

С поселения Синие Скалы известно более полусотни изделий из бронзы. Будущее место среди них занимают бубенчики (около 20 экз.). Они полые, невелики по размерам и имеют удлиненные очертания. В нижней

их части, как правило, — щель. Внутри помещен кусочек металла. Верхнюю часть составляет плоская петля. Одна из сторон бубенчика обычно имеет какой-нибудь орнамент: чаще всего в нижней части два небольших выступа, придающие предмету сходство с головкой лягушки или змеи; а в верхней части — нередко узкие горизонтальные бороздки или валикообразные выступы, усложненные иногда насечками. Следующую группу составляют нашитые ременные бляшки (около десяти). Они имеют овальные или четырехугольные очертания, отверстие четырехугольной формы или в форме сплюснутого сердечка. Две бляшки орнаментированы: у одной из них — фигурный край в виде полукруглых выступов; на лицевой стороне этим выступам соответствовали неглубокие лунки; поверхность бляшки позолочена; на лицевой поверхности второй бляшки овальных очертаний — выпуклый растительный орнамент.

В одном из жилищ южного склона амфитеатра найдены три пуговицы уплощенно-конической формы с ушком на обратной стороне. Пуговицы были того же типа, что и найденные на литейной форме в мастерской западной окраины поселения. На той части памятника, которая находится на левом берегу ручья у подножья Синих Скал, была найдена обугленная деревянная пуговица, близкая по форме бронзовым. Среди находок имеется бронзовое навершье на шапку. Нижняя часть его круглая в плане и имеет диаметр 2,6 см, верхняя — в виде круглого в сечении стерженька длиной 4 см; общая длина предмета 4,8 см; у основания стерженька идет тонкая концентрическая бороздка; с внутренней стороны навершья, имеющей вид полого

конуса, — перемычка для крепления.

Кроме того, найдены ажурные бронзовые бляшки. Единичны находки бляшек четырехугольных очертаний. Фрагментарность материала не позволяет с достаточной точностью восстановить их размеры и композицию узора. Были найдены обломки от шести ажурных бляшек округлых очертаний. Сохранились части блях в виде плоских пластин полукруглой формы, покрытых рядами круглых отверстий или вдавленных, параллельными длинными сторонам пластин, а также тонкими бороздками. Обломки таких же бляшек обнаружены и на средневековых памятниках Приморья и первоначально трактовались как календари, пока не были найдены целые предметы на территории Большекаменска²⁰. Центральная часть бляшки была круглой, слегка выпуклой. Эти ажурные бляхи нашивались на одежду.

Единичны находки обломков плоских узких браслетов, украшенных горизонтальными бороздками.

В одном из жилищ в северной части поселения найдены бронзовые фигурки коней²¹.

Некоторые изделия из бронзы, например ременные бляшки, имели очень широкий ареал и хорошо известны в Средней Азии, Сибири, Центральной Азии и связаны с тюркскими памятниками V—VIII вв. н. э.²² Проникновение этих вещей в Приморье может быть связано с временем существования Тюркского и Восточно-Тюркского каганатов, территория которых охватывала обширные пространства Центральной Азии. Эти находки имеют большое значение для определения времени

поселения Синие Скалы. Точно такие же бляшки известны в древнетюркских погребениях Тувы VI—IX вв. н. э. и на юге Сибири — Копенский Чаатас, VI—VIII вв. н. э. Более точное время для бляшек, аналогичных найденным в Синих Скалах, определяют Л. А. Евтюхова и А. А. Гаврилова по памятникам юга Сибири и Алтая — VII—VIII вв.²³

Датировка Синих Скал V—VIII вв. н. э. подтверждается, кроме того, нумизматическим материалом. На поселении найдено восемь целых и в обломках монет, некоторые особенности которых позволяют отнести их к VII—VIII вв. н. э.²⁴ Наконец, датировка поселения подтверждается радиоуглеродным анализом угля, взятого со дна жилища в нижнем ряду южной части амфитеатра. Результат анализа дал конец V в. н. э. (1469 ± 50)²⁵.

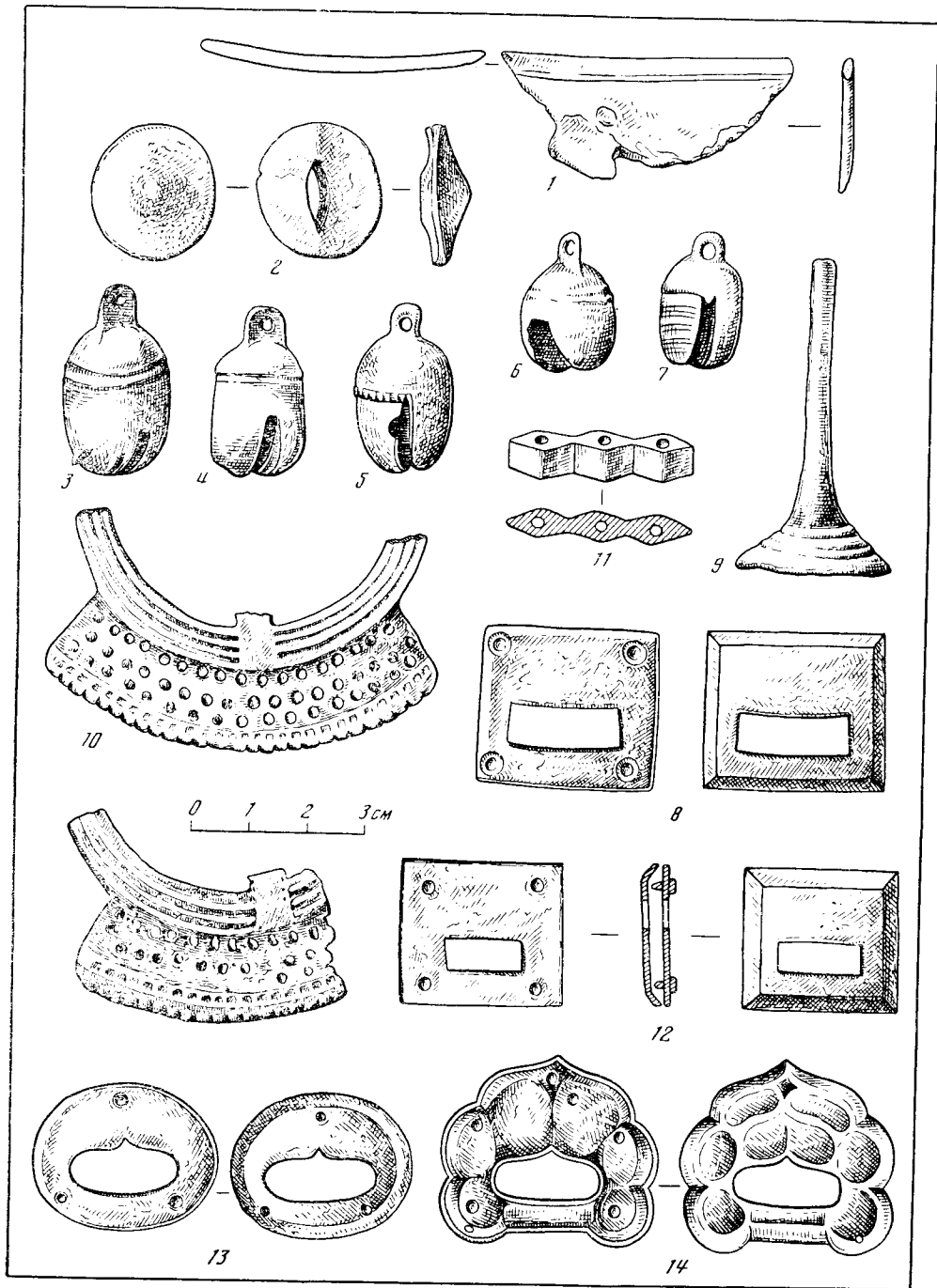
Почти такое же широкое распространение, как поясные бляшки, имеют бубенчики, но бубенчики, найденные в Приморье, обладают некоторым своеобразием, которое проявляется в некоторой вытянутости форм, в подражании головке змеи или лягушки. Целый же ряд предметов имеет более узкий ареал, как, например, ажурные круглые и четырехугольные бляшки. Последние характерны не только для Приморья, но и для бассейна Амура.

Сопоставление находок с поселений Малая Подушечка и Синие Скалы (первое поселение относится к начальной поре ольгинской культуры, рубежу нашей эры, второе — к последнему этапу накануне сложения государства) позволяет проследить эту культуру в развитии.

Обращает на себя внимание большое различие в количестве найденных изделий из бронзы. Но дело не только в этом. С одной стороны

←

Изделия из бронзы. Поселение Синие Скалы (1—15)

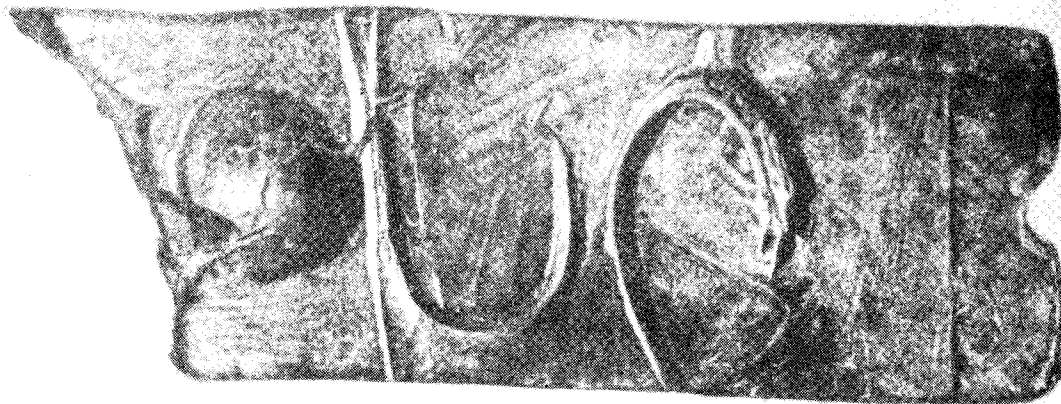
в материале Синих Скал появляются предметы, которые для широкой территории связаны с определенным временем, с событиями, происходившими во второй половине I тысячелетия н. э. Это предметы, связанные с тюркскими памятниками. С другой стороны, среди изделий из бронзы появляются предметы, которые получают свое дальнейшее развитие ←

Изделия из бронзы. Поселение Синие Скалы (1—14)

Литейная форма. Поселение Синие Скалы

в средневековье в Приморье и бассейне Амура и доживают до современности.

Железный век Приморья не знает изобилия изделий из бронзы. В начальный период раннего железного века, в янковской культуре, бронзовые предметы довольно редки, более многочисленны каменные имитации бронзовых изделий, в основном оружия. В памятниках кроуновской культуры количество изделий из бронзы несколько увеличивается, а имитации бронзы в камне исче-

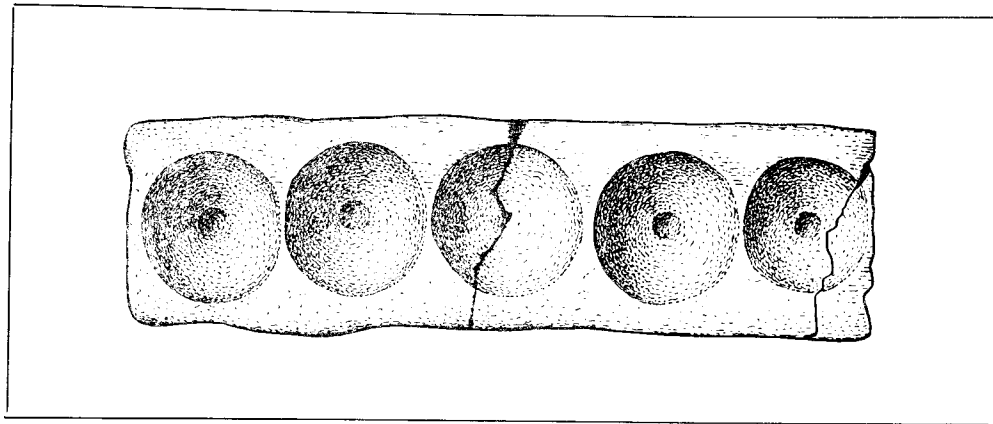
зают. В ольгинской культуре изделий из бронзы гораздо больше, чем в предшествующие культурно-исторические периоды, хотя по сравнению с другими категориями находок они составляют самую малочисленную группу. В это время из бронзы изготавливались в основном украшения и предметы, связанные с одеждой. С развитием железной металлургии и возрастанием роли металла в хозяйственной и производственной деятельности древних насельников края изделия из бронзы вообще выпадают из важнейших сфер производственной деятельности, о чем свидетельствует отсутствие орудий

труда и оружия из этого металла. Но было бы неправильным умалять роль бронзы в историческом развитии древних обитателей края.

В верхнем слое поселения Малая Подушечка найдено около 40 железных предметов и их обломков. Ведущей в количественном отношении группой являются кельты (17 экз.). Они того же типа, что и на поселениях янковской культуры. То же можно сказать и о насадах на земледельческие орудия, которых найдено восемь. Вполне возможно, что часть этих предметов относится к янковской культуре, так как верхний культурный слой, особенно в запад-

ной части поселения, носит смешанный характер. Типологически отделить кельты и насады янковской культуры от подобных категорий предметов ольгинской невозможно, так как и по форме, и по размерам они одинаковы. Из других орудий труда могут быть упомянуты два небольших теслаца и скобель.

Литейная форма. Поселение Синие Скалы

Часть находок связана с предметами вооружения. Это наконечники стрел: два плоских, треугольной формы, близкой к каменным шлифованным прототипам, и третий черешковый, с плоским пером удлинненно-треугольных очертаний с жальцами. Подобные наконечники известны на Амуре в Польце²⁶. Оборонительный доспех, представленный панцирной пластинкой удлинненно-четырёхугольных очертаний.

Кроме перечисленных предметов найден узкий втульчатый предмет типа втока с отверстием четырёхугольных очертаний, кольцо и мелкие обломки, по которым невозможно восстановить первоначальную форму и назначение предмета.

Среди прочих немногочисленных находок можно отметить крупный плоский наконечник с пером треугольных очертаний и глубокой выемкой в основании. Возможно, это наконечник гарпуна или какого-то другого снаряжения со съёмной боевой частью, крепившейся к шнуру, для чего в верхней части пера имеются сквозные отверстия, расположенные по вертикальной осевой линии.

Более многочисленны и разнообразны изделия из железа на поселении Синие Скалы. Раскопками там вскрыта площадь в три с небольшим раза более, чем на Малой Подушечке, но железных предметов найдено более чем в пять раз. Следует отметить, что все они сильно корродированы. Материал очень фрагментарен. Почти половину находок составляют обломки, по которым невозможно восстановить первоначальную форму и назначение предмета.

Ведущая в количественном отношении группа находок представлена орудиями труда, большую часть которых можно связать с земледелием. Это знакомые по памятникам янковской культуры и встреченные также

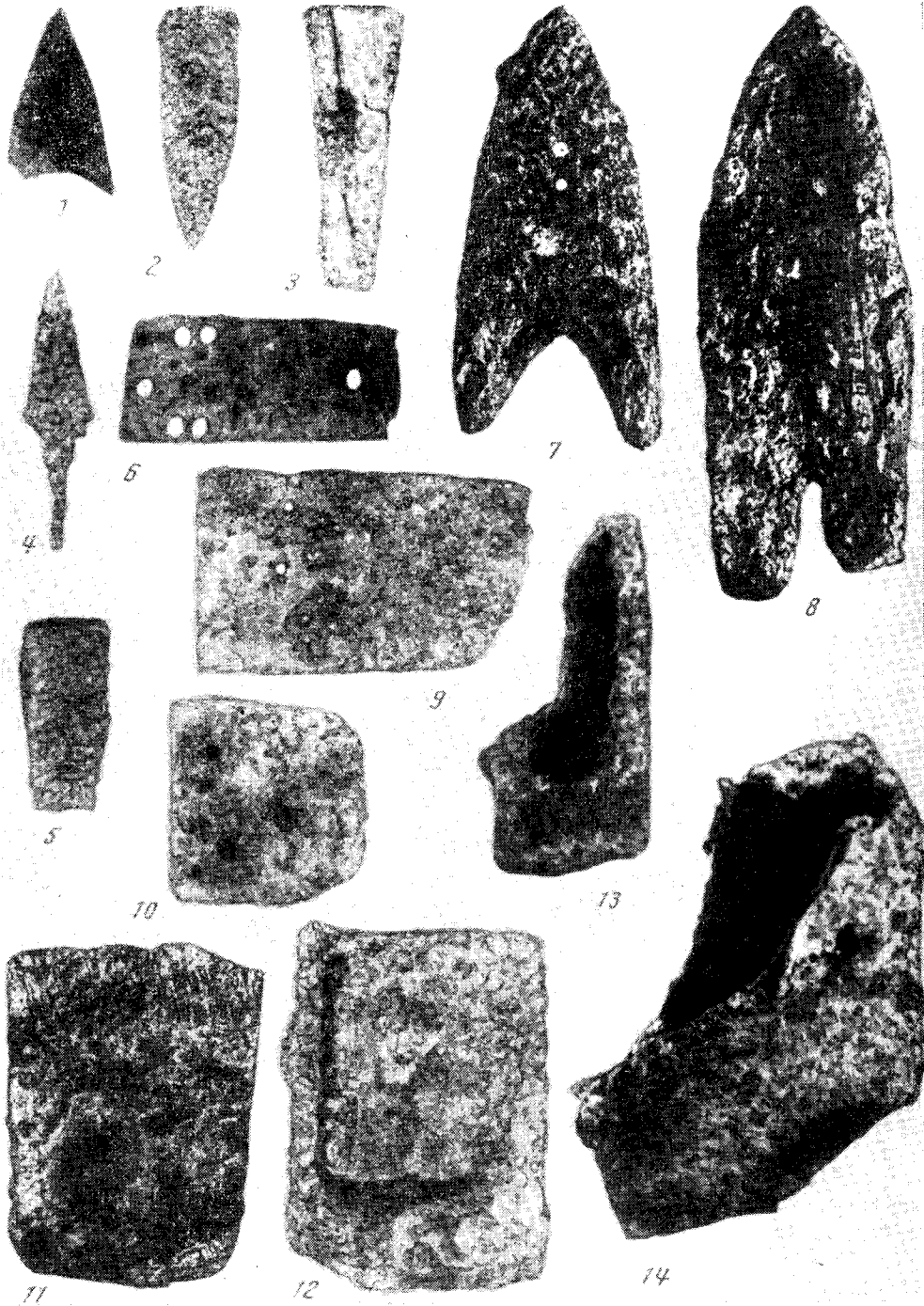
в верхнем слое Малой Подушечки железные трапециевидные пасады на землеройные орудия (10 экз.) и кельты (7 экз.). В единственном пока числе найдена железная лопата с широкой рабочей частью и несомкнутой втулкой для насадки на рукоять. К сельскохозяйственным орудиям относятся два серпа со слабо изогнутым лезвием. В отдельную группу выделяются ножи (13 экз.), которые имеют уже довольно устойчивую форму: они узкие, тонкие с коротким черешком для насадки рукояти. Орудия для обработки дерева представлены небольшими теслами (4 экз.) и скобелем. Кроме того, на поселении найдены втульчатые предметы типа пешней (5 экз.) с треугольным или трапециевидным отверстием, а также три крупные остроги.

Почти такую же в количественном отношении группу составляют предметы вооружения. Прежде всего это наконечники стрел. Если на раннем памятнике ольгинской культуры, поселении Малая Подушечка, наконечники стрел очень немногочисленны и повторяют по форме каменные шлифованные, то на Синих Скалах это одна из самых многочисленных категорий находок, представленная несколькими вполне сложившимися типами (27 экз.).

Все наконечники стрел черешковые. Они невелики по размерам, узкие, вытянутых очертаний. Часть из них имеет плоское несколько расширяющееся и срезанное горизонтально в верхней части перо. Наиболее характерны наконечники с ромбическим в сечении пером. Третий тип наконечников имеет более широкое перо треугольных очертаний. В некоторых случаях эти наконечники ромбические в поперечном сечении, в некоторых — перо наконеч-

ника разделяется по осевой линии уступом на две части, несколько смещенные по отношению друг к другу. Все эти формы известны и в более поздних, средневековых памятниках Приморья²⁷. В единственном экземпляре найден наконечник дротика с плоским пламевидным пером и втулкой. К этой же группе находов примыкают остатки оборонительных доспехов — панцирные пластинки удлинненно-четырёхугольных очертаний (7 экз.).

На поселении Синие Скалы впервые для приморских памятников появляется группа предметов, которая может быть связана с конской упряжью, с повозками. Они еще очень немногочисленны и в гораздо большем числе встречаются позже, на средневековых памятниках. Это небольшие подпружные пряжки, части псалий, хомутки. Большой интерес представляют найденные в центральной части поселения обломки массивных литых деталей от колесной повозки: чеки и ступицы от колеса. Сохранившаяся часть чеки имеет плоскую с внутренней и выпуклую с внешней стороны округлую головку с ребристой внешней поверхностью с радиальным расположением выступов. Рабочая часть чеки имеет четырехугольное сечение. Размеры сохранившейся части: наибольшая ширина головки 6,5 см, толщина чеки 3 см, ширина рабочей части 1,5 см. Видимо, при отливке был допущен брак — воздушная раковина, по которой и произошел разлом. Обломок ступицы небольшой. Она имела не цилиндрическую, а скорее коническую форму с треугольными выступами по внешней стороне. Эти предметы были обнаружены в дворике кузнечной мастерской. Предметы такого же типа, но более крупные и многочисленные

хорошо известны на средневековых памятниках Приморья²⁸.

Следующая группа находок может быть связана с бытовой стороной жизни поселка. Это обломки чугуных котлов и небольшие двузубые предметы, которые могли служить для вытаскивания мяса из котлов. Появляются украшения из железа и предметы, связанные с одеждой. В самом крупном сооружении поселка был найден железный браслет в виде спирали из плоской узкой железной полосы. В другом месте найдено железное витое колечко, остатки пояса, сплошь выложенного тонкими пластинками удлинненно-четырехугольной формы, пряжки. Имеется целый ряд предметов, назначение которых не нашло пока объяснения.

По сравнению с культурами раннего железного века ольгинская культура дает резкое увеличение числа изделий из железа. Здесь нет ничего похожего на постепенное количественное и качественное нарастание новых черт, как это происходило в кроуновской культуре по сравнению с янковской. Процессы, наблюдаемые в ольгинской культуре, скорее напоминают взрыв. Для примера можно провести некоторые сопоставления. Как было показано выше, железные предметы на памятниках раннего железного века исчисляются единицами. На поселении янковской культуры на полуострове Песчаном их найдено около 10, на поселении же Синие Скалы

при той же раскопанной площади — более 200.

Возрастает не только число изделий из железа. Становятся более разнообразными по назначению орудия труда. При этом орудия для обработки земли хорошо увязываются с аналогичными находками на памятниках раннего железного века, т. е. имеется определенное сохранение традиций. В то же время появляются новые типы орудий, связанных с земледелием, рыболовством, обработкой дерева. Их появление расширяет сферу применения железа в производственной деятельности.

Изучение форм наконечников стрел позволяет проследить пути поисков форм при использовании железа в новой сфере: от копирования вначале каменных образцов до четких в типологическом отношении серий наконечников на поздних памятниках ольгинской культуры.

В поздних памятниках ольгинской культуры появляются вещи, связанные с конской упряжью, свидетельствующие об использовании в это время колесной повозки, предметы, связанные с одеждой, украшения, посуда.

Результаты раскопок окраинных жилищ на поселениях Малая Подушечка и Синие Скалы, где вещи были найдены в том положении, как их оставили древние обитатели поселков, свидетельствуют, что создатели ольгинской культуры все еще пользовались каменными орудиями, но их количество резко сокращается. Возрастает роль изделий из камня, которые служили для заточки металлических орудий, обработки руды, растирания зерна. В ряде случаев употребление каменных орудий носило вторичный характер. Так, шлифованные каменные ножи, найденные в литейной мастерской, исполь-

←
Изделия из железа. Поселение Малая Подушечка (верхний слой)

1, 4 — наконечники стрел; 2, 3, 5 — «насады» на сельскохозяйственные орудия; 6 — панцирная пластинка; 7, 8 — наконечники; 9, 10 — неопределенные предметы; 11—14 — обломки ремней

зовались в качестве ударных инструментов, и рабочим краем у них стала одна из торцовых сторон.

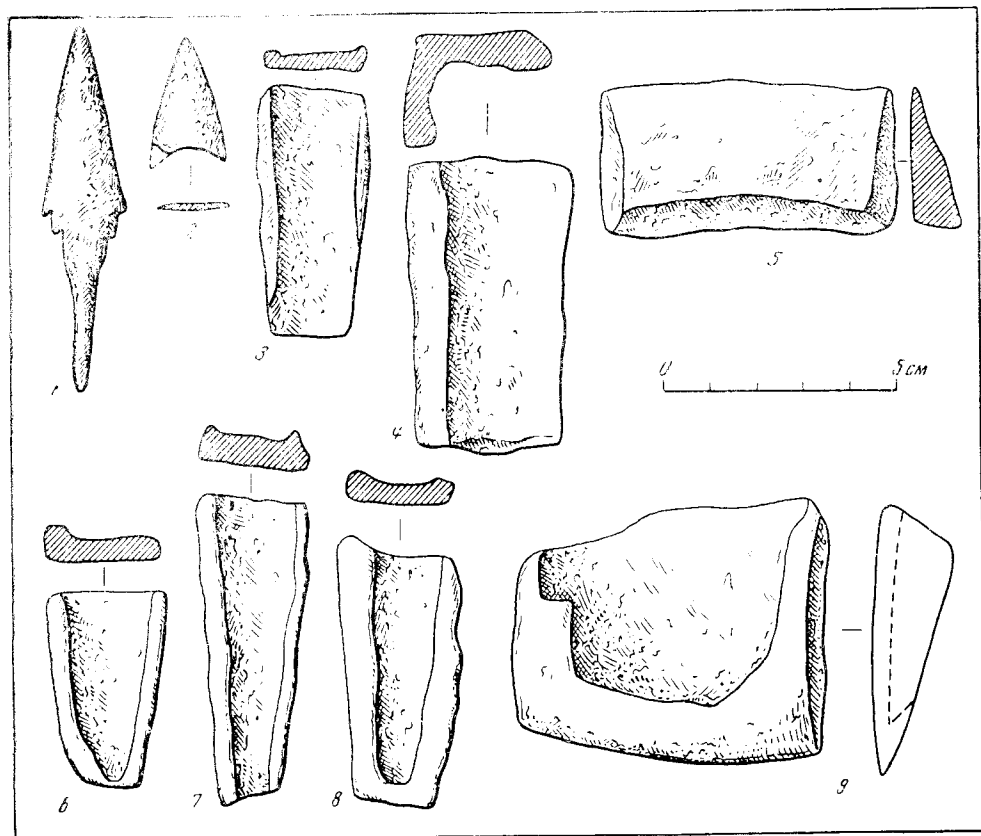
В верхнем слое поселения Малая Подушечка найдено немногим более 150 изделий из камня. Предметы, обработанные шлифовкой и полированием, представлены 76 экземплярами. Ведущее место среди них принадлежит пожам (58 экз.). Остальные изделия представлены топорами и теслами (16 экз.) и долотами

(2 экз.). Среди прочих предметов высокий процент составляют плиты для растирания и терочки (38 экз.), точила (25 экз.). Остальные орудия труда из камня на этом поселении немногочисленны: отбойников семь, лоцил пять, грузил для рыболовных сетей три. Довольно часто в качестве отбойников, лоцил и грузил использовались специально подобранные по форме и размерам гальки.

На поселении Синие Скалы найдено немногим более 400 изделий из камня. Ведущее место среди них (125 экз.) принадлежит грузилам для рыболовных сетей из небольших галек уплощенно-овальной формы,

Изделия из железа. Поселение Малая Подушечка (верхний слой)

1, 2 — наконечники стрел; 3, 6—8 — «насады» на земледельческие орудия; 4, 5, 9 — обломки кельтов

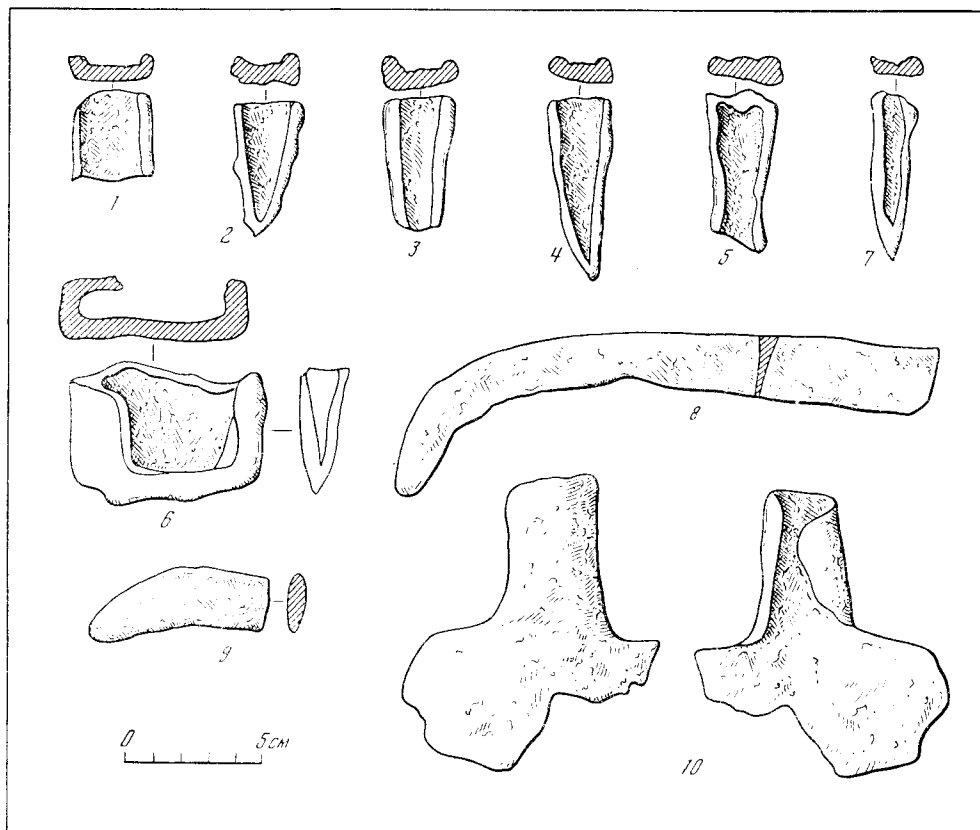
обычной для Приморья в течение нескольких тысячелетий. Почти такую же большую группу составляют различные трупные орудия: зернотерки (32 экз.), куранты и терочники (47 экз.), шлифовальные плиты (22 экз.), точила (38 экз.). Плиты для растирания чаще всего имеют удлиненно-четырёхугольные очертания. Среди курантов есть довольно крупные, четырёхугольных очертаний, с узкой рабочей частью. В некоторых случаях курантами слу-

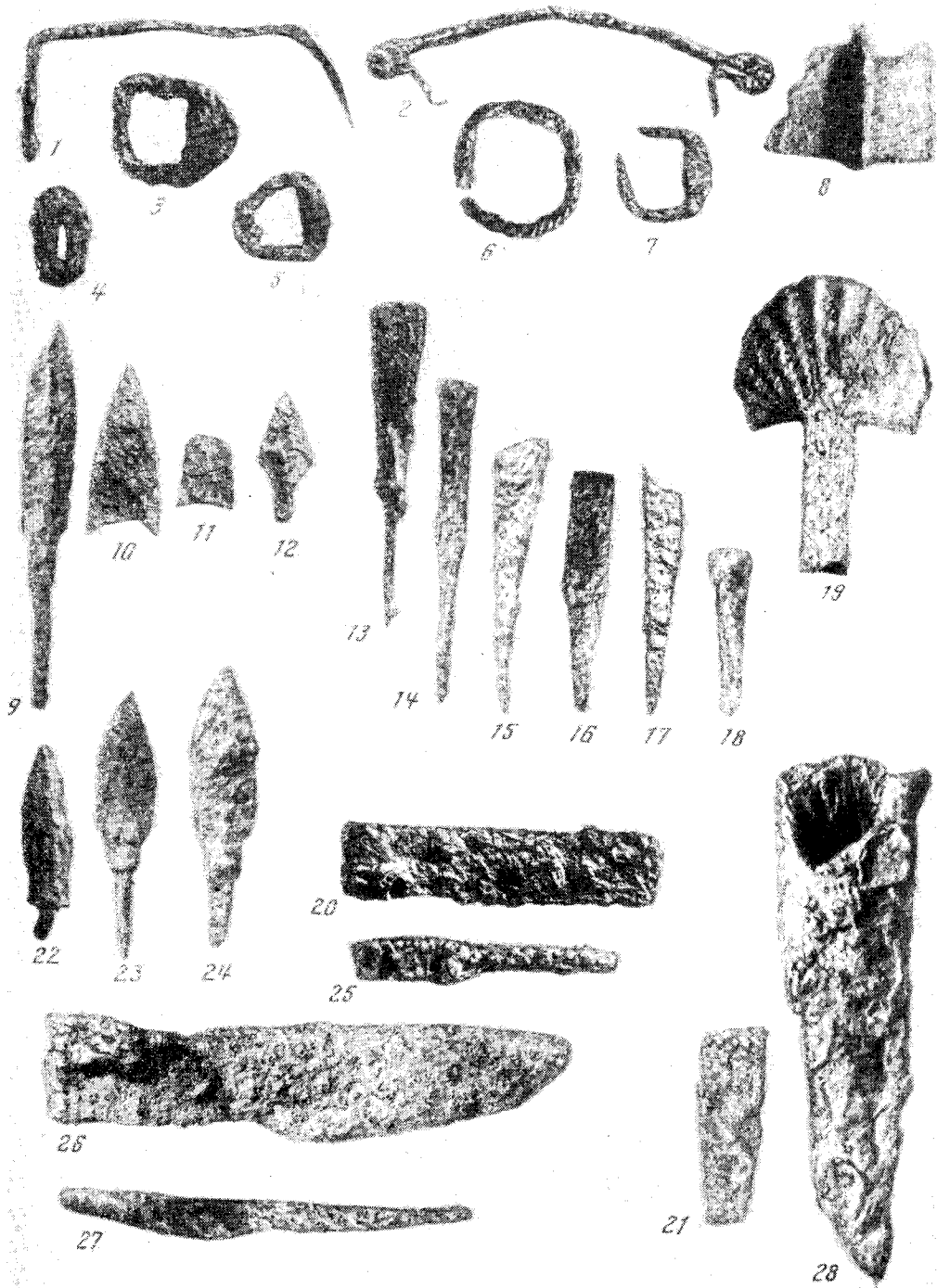
жили обломки плит для растирания. Наиболее крупные куранты найдены на нижнем поселении, где обрабатывали железную руду. Видимо, и терки и куранты являлись довольно универсальными орудиями. Часть из них служила для растирания зерна и других пищевых продуктов, а часть использовалась в производственной деятельности.

Как и прежде, для различных целей широко использовались гальки в качестве лоцил (15 экз.), ударных инструментов, отбойников (44 экз.) и молотов (12 экз.). Несколько слов о молотах. Это шаровидные гальки с выбитым вокруг них желобком. Существует мнение, что этими пред-

Изделия из железа. Поселение Синие Скалы

1—5, 7 — «насады» на сельскохозяйственные орудия; 6 — обломок кельта; 8—9 — обломки серпов; 10 — лопата

метами пользовались как грузилами для рыболовных сетей. Но у таких предметов, найденных на поселении Синие Скалы, особенно ярко выступила одна деталь: многие из них слегка обколоты с одной из более узких сторон, а некоторые почти наполовину разбиты. То, что желобок выбивался для прочного крепления, не вызывает сомнения. Но если это грузила для рыболовных сетей, то почему они так разбиты? Повреждения, которые имеют описываемые предметы — одного и того же характера, как будто ими что-то разбивали. Аналогичные предметы на Алтае С. С. Черников квалифицирует как молоты для дробления руды²⁹. И это тем более интересно, что именно материалы Синих Скал дают много свидетельств о местной железной металлургии. Вполне возможно, что аналогичные предметы с других поселений не только ольгинской культуры, но и предшествующих культур, в частности янковской, тоже связаны с металлургическим производством.

Шлифованные каменные орудия представлены ножами (36 экз.), а также топорами и теслами (18 экз.). Кроме того, обнаружено 27 небольших фрагментов шлифованных орудий, первоначальная форма которых не восстанавливается. Ножи тех же форм, что и на памятниках предшествующего времени. Некоторые из них, как об этом уже упоминалось, носят следы вторичного использования. При всем том знаменательно, что они продолжают оста-

ваться ведущей группой находок среди шлифованных орудий. Шлифованные топоры и тесла в ряде случаев в типологическом отношении повторяют более ранние образцы. Некоторые же экземпляры обладают особенностями: они массивнее и имеют более вытянутые очертания, иногда несколько расширяются у нижней части орудия и вновь суживаются к лезвию, чем отличаются от топоров и тесел янковской культуры (размеры некоторых топоров: $14 \times 4,5 \times 3$ см; $21 \times 7 \times 4,5$ см).

Более разнообразными и многочисленными становятся украшения из камня. В верхнем слое Малой Подшечки было найдено 24 бусины, на поселении Синие Скалы — свыше 150. Увеличение количества бус совпадает с появлением новых форм. В качестве сырья для бус использовался галечниковый желтый и красноватый халцедон, из которого изготавливались бусы шаровидной формы диаметром около 1 см. Бусы этой формы появляются на памятниках кроуновской культуры и почти столь же характерными остаются на памятниках ольгинской культуры. Из зеленой яшмы, серых, зеленых и черных сланцев изготавливались бусы цилиндрической формы, которые становятся тоньше и меньше, чем на памятниках янковской культуры, появляются бусы секирообразной формы и небольшие плоские удлиненно-четырёхугольных очертаний. Бусы секирообразной формы известны и на памятниках более позднего бахайского времени³⁰. На памятниках ольгинской культуры появляются стеклянные бусы, преимущественно из голубого или синего стекла, шаровидной или бочопковидной формы диаметром около 1 см, а также около 2 мм. Изредка встречаются привески из небольших плоских

←
Изделия из железа. Поселение Синие Скалы
 1, 2 — скобы; 3, 5, 7 — пряжки; 4 — обоймица;
 6 — кольцо; 8 — обломок ступицы; 9—18, 22—
 24 — наконечники стрел; 19 — обломок чеки;
 20 — панцирная пластинка; 21, 25—27 — ножи;
 28 — вток

круглых галечек с просверленным в центральной части отверстием.

В литейной мастерской обнаружены литейные формы из камня. Но они имеют самое прямое отношение к металлургии, а не к каменной индустрии, хотя при их изготовлении несомненно использовался многовековой опыт обработки камня.

Таким образом, каменный инвентарь поселений ольгинской культуры еще сравнительно обилен, но как меняется соотношение различных категорий находок, если выделить их по материалу и назначению! На поселении раннего железного века янковской культуры на полуострове Песчаном каменные орудия состав-

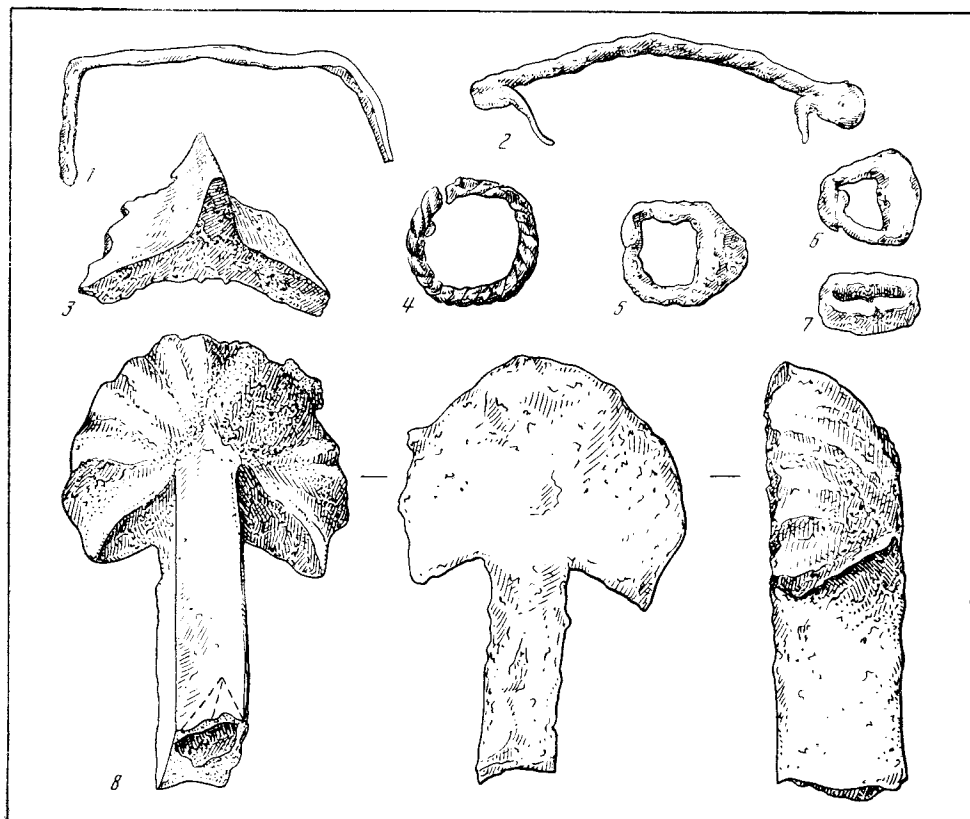
ляют более 99% всех найденных здесь орудий, а железные — менее 1%. На поселении ольгинской культуры Синие Скалы при той же вскрытой площади изделия из камня составляют около 61%, из железа — около 31%, из бронзы — около 8%. Более того, лишь восьмая часть каменных орудий представлена ин-

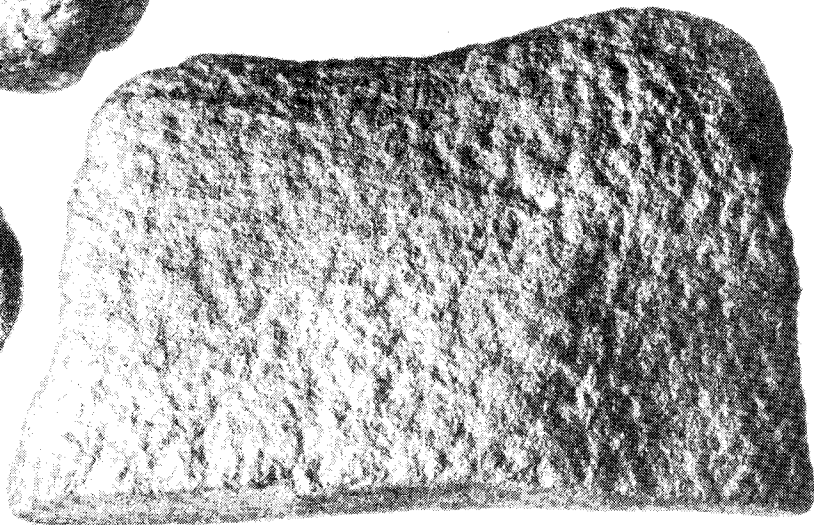
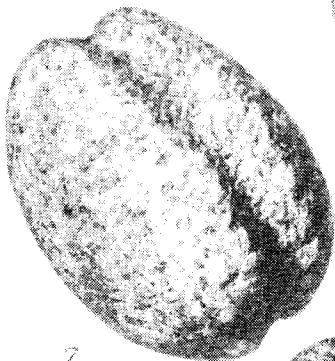
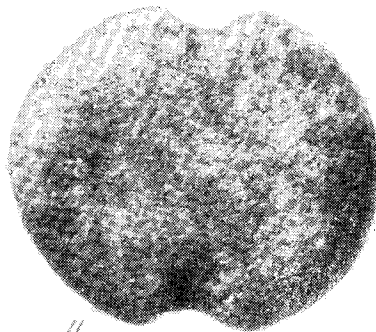
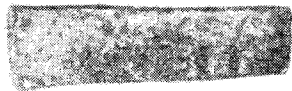
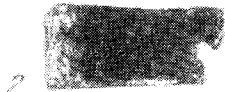
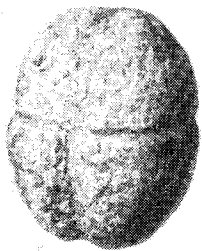
Изделия из камня. Поселение Синие Скалы

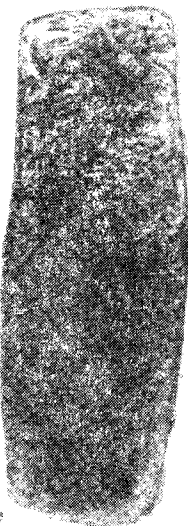
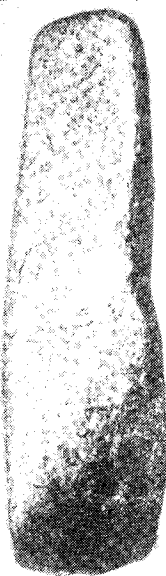
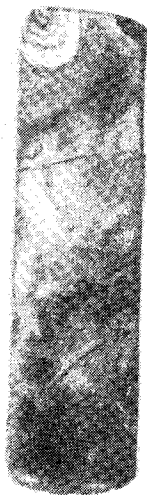
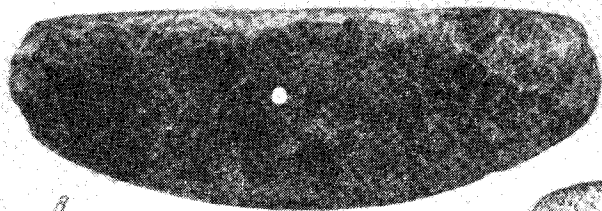
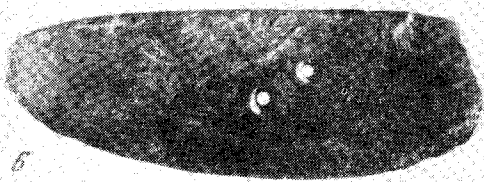
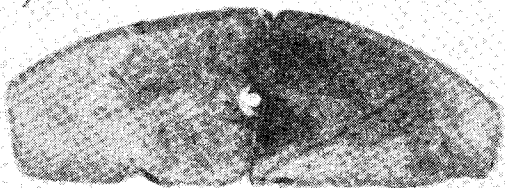
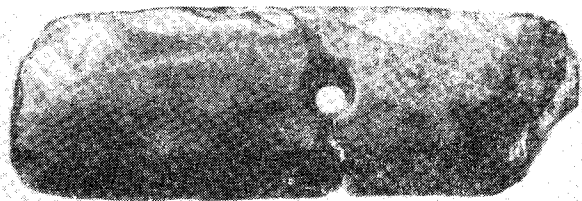
1, 5-7 — молоты; 2, 3 — точила; 4 — грузило; 8, 9 — курранты

Изделия из железа. Поселение Синие Скалы

1, 2 — скоба; 3 — обломок ступицы колеса; 4 — кольцо; 5, 6 — пряжки; 7 — обоймица; 8 — обломок чени от колеса

струментами, обработанными шлифовкой, в то время как на Песчаном они составляют почти половину найденных здесь каменных орудий.

Из всех памятников ольгинской культуры, которые в той или иной степени подвергались археологическим исследованиям, изделия из кости обнаружены лишь на поселении Сенькина Шапка (средний слой). Это тщательно отполированные пластинки от лат и наконечник стрелы³¹, которые по типу приближаются к аналогичным железным изделиям. На Синих Скалах нет изделий из кости, что не может быть объяснено лишь плохой сохранностью этого материала в сыром приморском грунте, так как на этом же поселении найдены кости животных, мясо которых использовалось в пищу. Отсутствие изделий из кости и на остальных поселениях ольгинской культуры свидетельствует о малом их применении.

Самая многочисленная категория находок, как и ранее, представлена керамикой. Это посуда, десятки тысяч фрагментов которой собраны на поселениях Малая Подушечка и Синие Скалы, пряслица, диски из стенок сосудов, украшения и некоторые другие предметы.

Лепная посуда ольгинской культуры делится на шесть основных типов. Во многих случаях сосуды узкодонны, имеют вытянутые очертания. Иногда у довольно крупных сосудов такое узкое дно, что они становятся неустойчивыми.

Три типа сосудов относятся к кухонной посуде.

Это прежде всего горшки. Часть из них имеет плавно отогнутый край

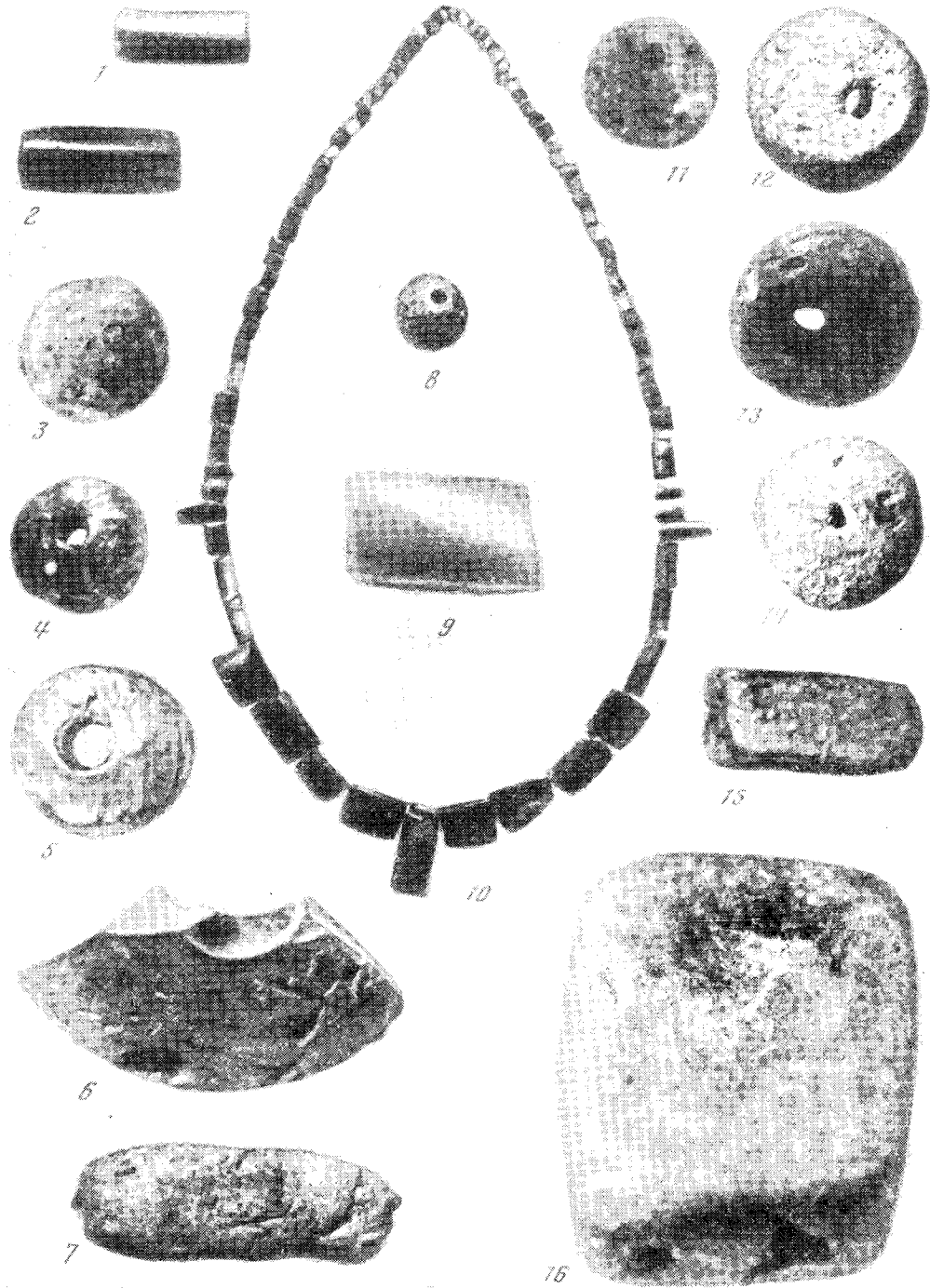
венчика, часто украшенный валиком с насечками или налепным волнистым валиком, хорошо выраженную невысокую шейку и более или менее выпуклое тулово. Эти сосуды, как правило, покрыты тиснеными, налепными и прочерченными узорами. Другая часть горшков характеризуется резко отогнутым краем венчика в горизонтальном направлении или под углом, создавая короткое воронкообразно расширяющееся горло. У этих сосудов выпуклое тулово, украшенное по плечикам пояском из нескольких горизонтальных бороздок. Эти сосуды очень близки посуде янковской культуры. Почти столь же характерны сосуды с узким резко отогнутым горизонтально краем венчика, высокой чуть суженной шейкой и слабо выпуклым туловом. Они скудно орнаментированы; обычен налепной валик у основания шейки. У них почти всегда, как и у горшков, стенки покрыты нагаром.

К кухонной посуде можно отнести миски, но не во всех случаях. В одном из жилищ было найдено несколько крупных раздавленных мисок. После их реконструкции выяснилось, что это были скорее не миски, а тазы, и один из них с отверстиями в дне.

Через все этапы железного века проходят широкие неглубокие чаши на высоком поддоне — светильники. Они хорошо известны на поселениях ольгинской культуры и своим происхождением обязаны светильникам янковской культуры. Чаша осталась прежней, верхняя часть поддона также оставалась неизменной — цилиндрической, а ниже поддон расширяется воронкообразно и диаметр его внизу часто такой же, как диаметр чаши светильника. Нижняя часть поддонов высоких светильников, как правило, украшена различ-

←

Изделия из камня. Поселение Синие Скалы
1, 2, 6, 8 — ножи; 3—5, 7, 9, 10 — топоры, тесла

ными прочерченными композициями.

Два типа сосудов служили, видимо, для хранения запасов пищи, так как были крупными и на их стенках не встречается нагар. Первый тип — толстостенные вазы с широким блюдовидным венчиком, высоким широким горлом и выпуклым туловом. Это самые нарядные на поселениях ольгинской культуры сосуды. Их стенки от края венчика и до дна сплошь украшены различными комбинациями орнаментов. Второй тип представлен также крупными, но тонкостенными сосудами с прекрасно лощеной поверхностью. Для них характерен неширокий резко отогнутый в горизонтальном направлении край венчика, широкое, но не очень высокое горло и выпуклое тулово. Узкий орнаментальный пояс из горизонтальных бороздок или желобков расположен, как правило, в верхней части плечиков, у основания шейки.

Что касается соотношения разных типов посуды, то оно имеет некоторое своеобразие как для отдельных поселений, так и жилищ внутри поселения. Так, например, в верхнем слое поселения на Малой Подушечке ведущей формой посуды оказались миски (чуть менее половины всей керамики). В Синих Скалах миски не столь многочисленны.

О том, какую роль играла посуда в жизни создателей ольгинской культуры, позволяет судить характер расположения и количество керамики в их жилищах. В одном из жилищ в верхнем слое Малой Подушечки, на капе и около него, было найдено 13 сосудов. Девять из них представлены различными вариантами горшков; среди них три маленьких, три

более крупных и три больших. Последние, видимо, стояли некогда ступой у входа в жилище. В этом же жилище найдены две маленькие и две большие миски. Но обычным является наличие пяти-шести сосудов для каждого из жилищ.

В одном из окраинных жилищ в южной части основного поселения на Синих Скалах было найдено пять сосудов: у очага два небольших горшка, один из которых был сделан на кругу, горшок в юго-западном углу и там же два светильника. В жилище, расположенном рядом, было найдено три горшка: один из них находился в очаге, два — в юго-западной части жилища. В крупном сооружении ведущее место принадлежало большим сосудам для хранения запасов пищи.

Наряду с посудой, использовавшейся в повседневном быту, на поселениях ольгинской культуры найдена керамика, которая может быть связана с производственной деятельностью. Это обломки сильно прокаленных деформированных сосудов, иногда ошлакованных или с каплями металла на стенках. У подножья Синих Скал найдены обломки небольших грубых толстостенных сосудов с широким дном, возможно тиглей.

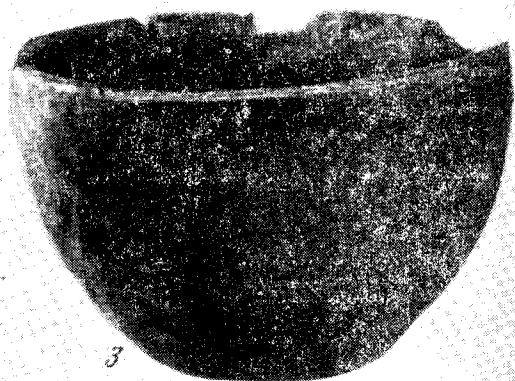
Основная часть посуды леплена от руки. Характерно большое число толстостенных сосудов с многочисленными крупными примесями в тесте. Техника изготовления своими традициями уходит в ранний железный век: стенки лепились из широких плоских лент глиняного теста, поверхность покрывалась тонким

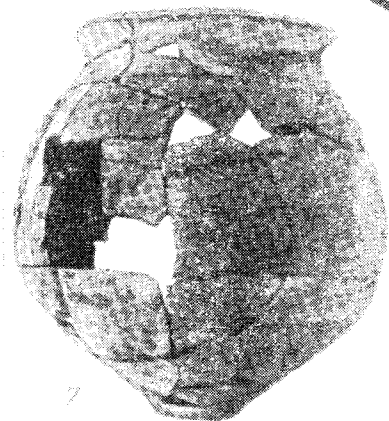
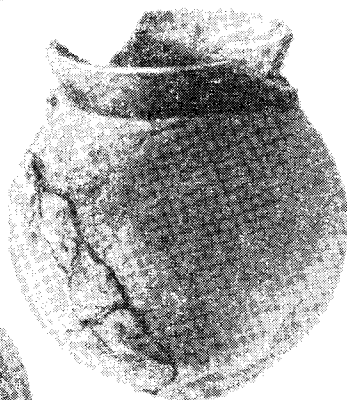
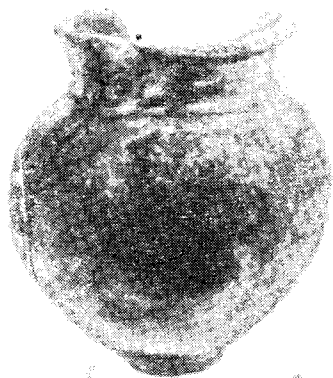
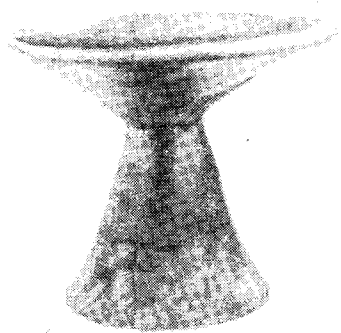
→

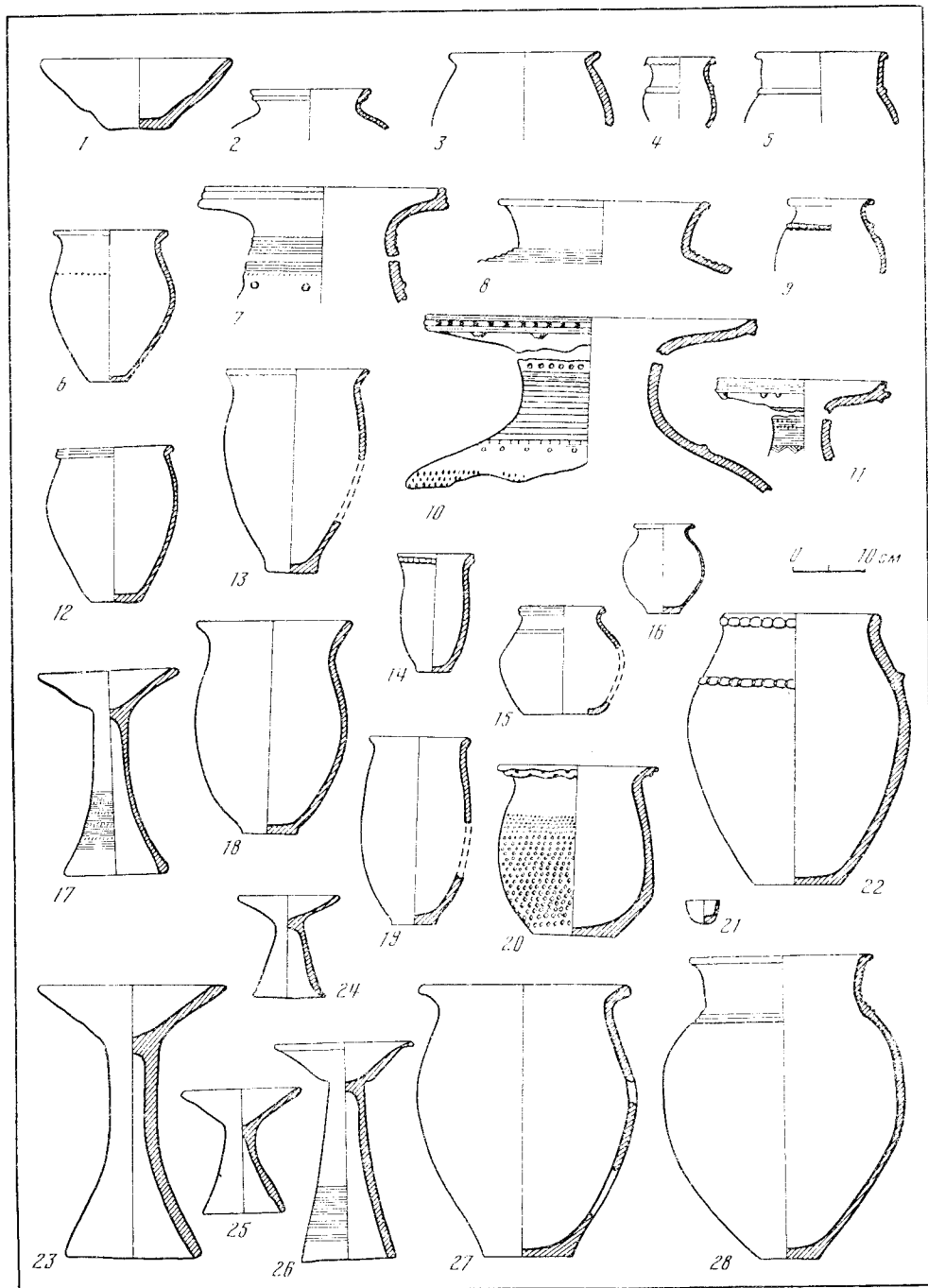
Сосуды. Поселение Малая Подушечка (верхний слой) (1—6)

Сосуды. Поселение Синие Скалы (1—8)

Бусы из камня и глины. Поселение Синие Скалы (1—16)

слоем глины без примесей и по этому слою наносился узор. В отличие от керамики янковской культуры хорошо лощенные сосуды редки. Как и в предшествующее время, цвет поверхности сосудов перовный и варьируется от желтого до бурого или от красного до почти черного, что зависело от технологии обжига.

Для керамики ольгинской культуры характерны орнаменты, выполненные тиснением, налепом и прочерчиванием. Тисненные узоры наносились штампами (шашечный, ромбический) и пальцами (ногтевой, ямочный). Они покрывали если не всю, то значительную часть поверхности сосуда, начиная от верхней части плечиков и до дна. Ногтевой узор чаще всего наносился пояском в несколько рядов на горловину крупных сосудов.

Столь же характерны узоры, выполненные налепом. Ведущее место среди них принадлежит волнистым валикам, которые располагались по внешней стороне венчика, на плечиках и в наиболее широкой части тулова в один ряд. Налепной волнистый валик почти всегда сочетается с другими орнаментами, особенно выполненными тиснением. Реже встречаются простые налепные валики, валики с насечками, желобчатый узор. Валики с насечками, как правило, располагаются на внешней стороне венчика небольших горшочков вытянутых очертаний. Налепные валики очень характерны для кухонных сосудов с высокой шейкой. Желобчатый узор в виде горизонтального пояса из нескольких желобков, видимо проведенных по сырой глине кончиками пальцев, характерен для крупных тонкостенных со-

судов с широким горлом и располагается в верхней части плечиков у основания горла. Еще реже встречаются массивные налепные шишки на крупных мисках, характерные для керамики кроуновской культуры.

Не менее характерны для ольгинской культуры узоры, выполненные прочерчиванием. Часть орнаментальных композиций напоминает орнамент на керамике янковской культуры: пояски из нескольких горизонтальных линий, геометрические прочерченные узоры. Пояски из нескольких горизонтальных линий характерны для горшков с резко отогнутым краем венчика и крупных тонкостенных сосудов с высоким почти прямым горлом. Геометрический прочерченный узор в виде треугольников, углов встречен на крупных сосудах в сочетании с другими видами орнамента. Сочетание поясков из нескольких горизонтальных линий и косыми насечками или элементами «елочного» узора между ними отмечены на поддонах светильников.

Шейки крупных толстостенных сосудов почти всегда украшены широким пояском близко расположенных довольно глубоких горизонтальных борозд, который снизу может быть окоптурен цепочкой насечек или небольших налепных пишечек. Горизонтальными бороздками часто украшена внешняя вертикальная часть венчика у крупных толстостенных сосудов с блюдовидным венчиком.

В единичных случаях встречается узор, выполненный гребенкой, концом палочки, наколами, ямочный, прямолинейный геометрический орнамент из налепных валиков и некоторые другие.

На поздних памятниках ольгинской культуры, таких, как поселение Синие Скалы, появляется посуда,

сделанная на гончарном круге. Она немногочисленна и составляет 4—7% от общего количества найденной здесь керамики. Как правило, она хорошо обожжена, но в целом довольно грубая, мало отличающаяся по качеству от лепной. Гончарные сосуды имеют серый или бурый цвет и слегка подлощенную поверхность. Чаще всего это кухонная посуда в виде небольших горшков с плавно отогнутым краем венчика, невысокой суженной шейкой и выпуклым туловом. Их венчики и плечики украшены узким орнаментальным пояском из двух-трех горизонтальных бороздок. Тонкостенные гончарные сосуды из хорошо отмученной глины единичны.

На гончарных сосудах появляются тамги. Иногда они процарапаны на стенках уже готовых сосудов, но чаще нанесены на дощья по сырой еще глине. Тамги немногочисленны. Выделяется несколько тамгообразных знаков. Некоторые из них встречаются и в других местах. Например, прямой крест внутри ромба встречен не только на Синих Скалах, но и на одном из поселений в ста с лишним километрах к северо-востоку от Синих Скал, в Дальнегорском районе, недалеко от устья р. Рудной.

Из глины изготавливались пряслица, украшения и некоторые другие предметы. Пряслица, а на поселении Синие Скалы их было найдено свыше 100, на протяжении длительного времени довольно устойчиво сохраняют формы: прямоугольные в сечении, коническо-уплощенной формы. Единичны находки пряслиц с втулкой, поднимающейся над маховичком, биконической формы, сегментовидных в сечении.

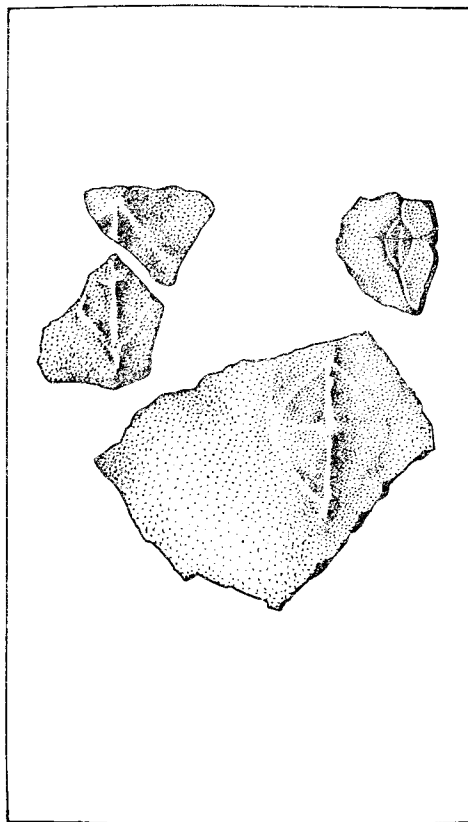
Пока нет данных, свидетельствующих о том, что создатели ольгинской

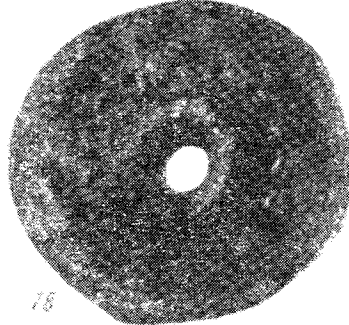
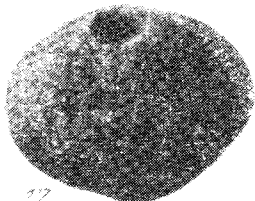
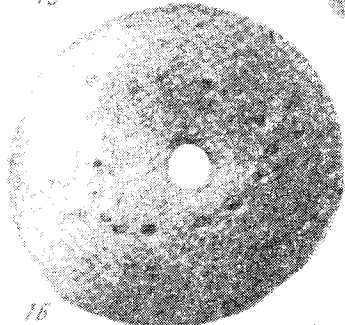
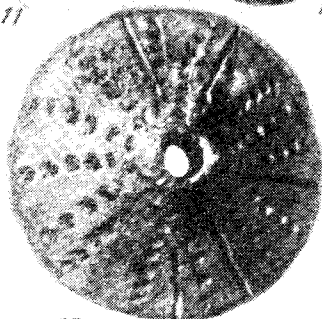
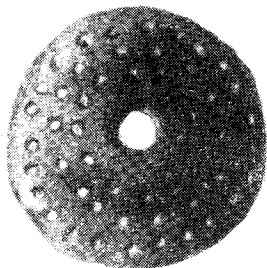
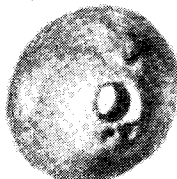
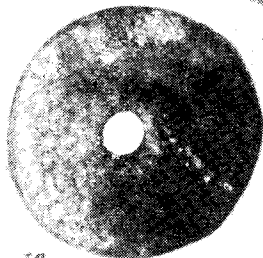
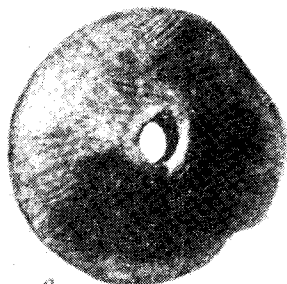
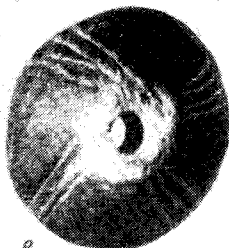
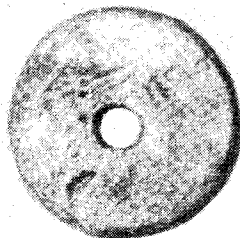
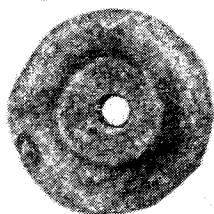
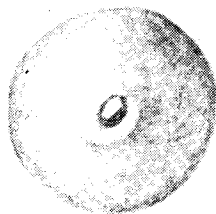
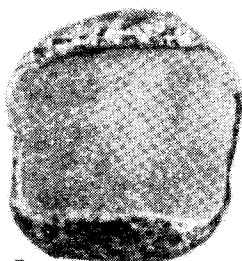
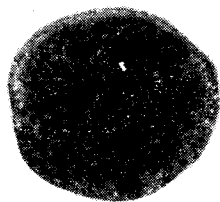
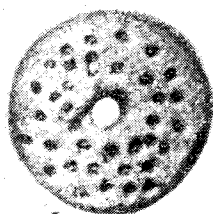
культуры выращивали растения, которые могли бы служить сырьем для изготовления тканей. Но специальное обследование, проведенное в окрестностях Синих Скал, показало, что там есть дикорастущие растения, которые могли послужить в качестве сырья для ткачества и плетения. Для изготовления тканей могли использоваться несколько видов крапивы, для грубой ткани и веревок — несколько видов осоки³².

→

Глиняные пряслица и диски. Поселение Синие Скалы (1—18)

Тамгообразные знаки на дощьях и стенках сосудов. Поселение Синие Скалы.

Керамические украшения на поселениях ольгинской культуры немногочисленны. Они значительно уступают в количественном отношении украшениям из камня и в большинстве случаев имитируют их. Среди них можно отметить небольшие круглые привески из стенок топкостенных лепных сосудов. Привеска изогнутой формы, также из стенки сосуда, найдена в верхнем слое Малой Подушечки. В Синих Скалах обнаружены две глиняные бусины уплощенно-четырёхугольной формы с двумя отверстиями по длинной оси.

На поселениях ольгинской культуры известны фигурки животных из глины. В верхнем слое Малой Подушечки найдены голова рыбы и головка животного, в верхнем слое поселения Осиновка³³ — фигурки животных.

Но глина служила не только сырьем для изготовления перечисленных предметов, она использовалась и как строительный материал при сооружении печей для обжига керамики, глиной обмазывали каналы, толстым слоем глины покрывали стенки очажных углублений. Слой светлой глины в несколько сантиметров толщины покрывался полы в жилищах.

Характер жилищ и других сооружений на поселениях ольгинской культуры, мощность культурных напластований свидетельствует об устойчиво оседлом образе жизни. Памятники этой культуры дают неоднократные доказательства большой роли земледелия в хозяйственной деятельности древних насельников края в описываемое время.

В верхнем слое Малой Подушечки были найдены обугленные зерна чумизы. Почти в каждом жилище Синих Скал обнаружены обугленные комки каши из чумизы, а в гончарной мастерской на южной окраине

поселения найдены обугленные зерна мелкого голозерного шестирядного культурного ячменя³⁴. Обращает на себя внимание повторяемость условий нахождения зерен ячменя: на поселении Малая Подушечка они были найдены в слое янковской культуры в сосуде, стоящем в очаге; на поселении Синие Скалы — на полу, на окраине печи для обжига посуды. Известно, что для того чтобы легче обшелушить ячмень в деревянных ступах, его вначале обжаривали в печи. Находки археологами обжаренных зерен ячменя в других местах неоднократно³⁵. В целом же учащение находок зерен культурных злаков свидетельствует об увеличении значения зерновых культур в пищевом рационе населения и, следовательно, о возрастании роли земледелия в этот период истории.

Анализ находок позволил выявить следующую картину. В верхнем слое поселения Малая Подушечка среди изделий из железа более половины найденных здесь предметов были преимущественно кельты и в гораздо меньшей степени насады. Каменные ножи, многие из которых могли служить серпами, составили около 80% всех шлифованных изделий этого слоя. На поселении Синие Скалы на общем фоне резкого увеличения числа изделий из железа предметов, которые можно было бы связать с обработкой земли, сравнительно немного. В то же время появляются новые землеройные орудия (лопата) и железные инструменты для сбора урожая (серпы). При резком падении удельного веса шлифованных каменных орудий на этом поселении ножи продолжают оставаться ведущей группой находок.

Таким образом, в памятниках ольгинской культуры, как это показы-

вает изучение материалов поселения Синие Скалы, на общем фоне увеличения роли железных изделий и проникновения их во все сферы хозяйственной жизни, резкого увеличения значения в хозяйстве зерновых культур происходит уменьшение удельного веса орудий для ручной обработки земли. Все эти явления могут иметь только одно объяснение: в это время появляются и получают широкое применение новые способы обработки земли, которые позволили увеличить площадь обрабатываемых полей и сделали менее необходимыми орудия для ручной ее обработки.

Изучение археологического материала позволяет проследить длительность традиций и их преемственность, что проявляется не только в типах орудий для обработки земли и урожая, но и в засеваемых культурах. В течение нескольких тысяч лет такими культурами были чумиза и ячмень.

Большие изменения происходят в характере другой отрасли хозяйственной деятельности создателей ольгинской культуры — в скотоводстве. Представления о путях развития скотоводства в это время дают остеологические материалы из верхнего слоя Малой Подушечки и Синих Скал. 67% найденных костей из верхнего слоя Малой Подушечки принадлежало домашним животным. Из них 30% составили кости свиньи, 20% — лошади, 17% — крупного рогатого скота. Лишь одна кость принадлежала собаке. В Синих Скалах домашним животным принадлежали 99% всех найденных здесь костей. Процентное содержание состава стада выглядело при этом следующим образом: 54% составляли лошади, 38% — крупный рогатый скот, 5% — свиньи и около 1,5% — мелкий рогатый скот³⁶.

Приведенные цифры ясно показывают, как меняется соотношение компонентов стада. Если в раннем железном веке основу стада составляли свинья и собака, то в раннем памятнике ольгинской культуры Малая Подушечка, где процент свиней еще высок и они продолжают составлять большинство, удельный вес их уже заметно уменьшился. При этом вырос удельный вес таких животных, как лошадь и крупный рогатый скот, хотя роль их еще и не столь велика, как свиноводство. На поселениях ольгинской культуры почти совсем нет костей собаки. Это позволяет предполагать, что она перестала иметь такое же значение в пищевом рационе, как в поселениях янковской культуры. Еще более значительные изменения прослеживаются в позднюю пору существования ольгинской культуры. На поселении Синие Скалы очень высок процент костей домашних животных, еще сильнее меняется соотношение отдельных компонентов стада: на первое место выходит лошадь, далее идет крупный рогатый скот, и совсем скромное место принадлежит свинье и мелкому рогатому скоту.

Именно в это время складываются условия, сделавшие возможным появление пашенного земледелия. Если в раннем железном веке скотоводство было лишь источником пищи, то у создателей ольгинской культуры ведущее место в стаде постепенно занимают те животные, которые могли использоваться в качестве тягловой силы при обработке земли. Таким образом, только в это время складывается база для пашенного земледелия. Лишь в этом свете становится понятным факт возрастания роли земледелия в период ольгинской культуры при падении роли земледельческих орудий, предназначен-

ных для ручной обработки земли. Именно в это время, когда стадо домашних животных могло обеспечить папашное земледелие тягловой силой, устанавливается неразрывная связь между земледелием и скотоводством. Кроме того, определенная направленность в развитии скотоводства сделала возможным появление и развитие колесного транспорта и верховой езды, о чем свидетельствуют материалы раскопок (части колес, упряжи, бронзовые фигурки коней с всадниками, наличие дорог на поселениях).

С изменением направленности скотоводства может быть связано еще одно явление. Если в раннем железном веке в янковской культуре в силу определенного характера имевшегося там скотоводства оно было тесно связано с домашним хозяйством и являлось областью деятельности женщин и подростков, то в ольгинской культуре оно отрывается от домашнего хозяйства, устанавливается тесная его связь с земледелием, что должно было сделать скотоводство областью занятий мужчин, а сам скот превратить в их достояние³⁷. Следовательно, в первой половине I тысячелетия н. э. в Приморье складываются предпосылки для появления частной собственности и связанного с ней имущественного неравенства.

Третьим направлением хозяйственной деятельности этого периода были охота, рыбная ловля и собирательство.

Следует отметить, что кости диких животных на поселениях ольгинской культуры немногочисленны. В верхнем слое Малой Подушечки были найдены кости косули и в меньшей степени кабана; на поселениях Синие Скалы обнаружены только кости изюбра³⁸.

Любопытная картина складывается в результате сопоставления данных по оружию и результатам охоты. На протяжении существования ольгинской культуры, с одной стороны, прослеживается развитие и совершенствование оружия, в частности наконечников стрел, которые в количественном отношении на позднем этапе ольгинской культуры являются одной из ведущих категорий находок; с другой стороны, в это же самое время прослеживается падение объема охоты. Так анализ хозяйственной деятельности позволяет еще раз подтвердить возрастание роли боевого оружия в середине I тысячелетия н. э. Что касается охоты, ее направленности, то она остается той же, что и в раннем железном веке — охота на копытных, т. е. мясная охота, как один из источников пищи.

Богатые рыбой реки и прибрежные районы моря в течение многих тысячелетий были местами промысла древнего населения края. Начиная с неолита и вплоть до создания государств рыболовство, как показывают результаты археологических исследований, было одной из важных сфер хозяйственной деятельности. Выше было показано, сколь высок был процент грузил для рыболовных сетей в Синих Скалах. Там же были найдены крупные железные остроги. Видимо, для промысла активно использовались периоды хода на нерест лососевых.

Для того чтобы выяснить, что могло послужить источником для собирательства, в окрестностях Синих Скал были предприняты специальные обследования. Там оказалось около 40 видов растений, которые можно использовать в пищу. Многие из этих дикорастущих или близкие им виды вполне могли произрастать

в этих же местах и полторы тысячи лет назад, т. е. в период функционирования поселка. Это различные фруктовые деревья, кустарники, лианы: груша уссурийская, яблоня маньчжурская, несколько видов боярышника, шиповника, малины, черемуха, рябина, актинидия, виноград амурский и др. Это ореховые деревья: орех маньчжурский, кедр корейский, лещины (лесные орехи). Много оказалось диких злаковых растений (различные виды просовых) и других растений, которые могли использоваться в пищу как овощи в вареном или сыром виде, в том числе три вида папоротников, три вида дикого лука, три вида лилий, два вида зонтичных и два вида бобовых³⁹.

Основной линией развития хозяйственной деятельности в эпоху железного века является укрепление позиций производящих отраслей в раннем железном веке и полная их победа в период развитого железа, в ольгинской культуре; переход от комплексного ведения хозяйства в раннем железном веке к земледельческо-скотоводческому в ольгинской культуре.

¹ Денисов К. П. Некоторые новые находки древних поселений в юго-восточном Приморье. — «Труды Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. Серия историческая», 1963, т. V, с. 143.

² Андреев Г. И. Отчет о работах в Приморье Прибрежного отряда Дальневосточной археологической экспедиции. 1960. — Архив Ин-та археологии, Р-1/2074.

³ Андреев Г. И., Андреева Ж. В. Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края. 1958. — Архив Ин-та археологии, Р-1/1777.

⁴ Окладников А. П., Глинский С. В., Медведев В. Е. Раскопки древнего поселения Булочка у города Находка. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1972, № 6. Серия общественных наук, вып. 2.

⁵ Окладников А. П., Шавкунов Э. В. Погребение с бронзовыми кнжжалами (Приморье).

⁶ Разведки 1970 г., сборы О. С. Галактионова.

⁷ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 282—283.

⁸ Там же, с. 158—159.

⁹ Окладников А. П., Бродянский Д. Л. Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновка в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969, с. 210.

¹⁰ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья, с. 28, 182.

¹¹ Андреева Ж. В. Древнее Приморье. М., 1970, с. 131, 133, 134, 142.

¹² Шавкунов Э. В. К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 г. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 86.

¹³ Там же, рис. 1—12.

¹⁴ Таксами Ч. М. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середины XIX—начала XX в.). — В кн.: Сибирский этнографический сборник, III. М.—Л., 1961.

¹⁵ Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья, с. 160—161.

¹⁶ Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — МИА, 1963, № 112, с. 157—158, 164.

¹⁷ Определение произведено в лаборатории Дальневосточного геологического института Дальневосточного научного центра АН СССР Т. В. Сверкуновой.

¹⁸ Андреева Ж. В. К вопросу о стратиграфии и датировке поселения Синие Скалы. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 64.

¹⁹ Гарковик А. В. Поселение с гротами у подножья Синих Скал. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока.

²⁰ Шавкунов Э. В. Находка древнейшего календаря народов Советского Приморья. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока, рис. 1; Семенченко Л. Е. Исследование бохайских па-

- мятников в Приморском крае. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
- ²¹ *Андреева Ж. В.* Древнее Приморье, с. 120—121, рис. 45.
- ²² *Бернштам А. Н.* Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. — СА, 1949, XI, с. 348; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. LIX, рис. 13.
- ²³ *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве. — В кн.: Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957—1958. М.—Л., 1960, рис. 34, а, с. 70; *он же.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге. — Там же, рис. 66; *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 35, рис. 40, с. 57, рис. 97; *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. Л., 1965, с. 51, рис. 7, табл. XXXI, 56.
- ²⁴ Определение произведено Э. В. Шавкуновым.
- ²⁵ *Семенцов А. А., Романова Е. П., Долуханов П. М.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. — СА, 1969, № 1, с. 260, ЛЕ — 657.
- ²⁶ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево. — В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. I. Новосибирск, 1970, с. 283, рис. 12.
- ²⁷ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, табл. XXXIII; *Галактионов О. С.* Характеристика наконечников стрел Шайгинского городища. — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- ²⁸ *Леньков В. Д.* О технологии получения и обработки металла у чжурчженей в XII в. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока, с. 93.
- ²⁹ *Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело западного Алтая. Алма-Ата, 1949, с. 46, табл. III, 3.
- ³⁰ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, табл. XXXIV.
- ³¹ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 159—160.
- ³² Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.
- ³³ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 184.
- ³⁴ Определения произведены Ф. Х. Бахтеевым, А. В. Кирьяновым, Н. А. Кирьяновой.
- ³⁵ *Пономарев Н. А.* История техники мукомольного и крупяного производства. М., 1955, с. 33.
- ³⁶ Определения произведены В. И. Цалкиным и В. П. Данильченко.
- ³⁷ *Гольмстен В. В.* К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. — В кн.: Проблема происхождения домашних животных, вып. I. Л., 1933, с. 92, 93, 95, 100.
- ³⁸ Определения произведены В. И. Цалкиным.
- ³⁹ Растения собраны и определены М. А. Скрипкой.

ГЛАВА 2.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР

В последние века до нашей эры в Приморье начинается период развитого железного века, который своего расцвета достигает в конце I — начале II тысячелетия н. э. Ме-

таллургия и изделия из металла лишь тогда становятся одним из мощных факторов общего подъема производительных сил, когда металл получает широкое применение¹.

Выше было показано, как в середине I тысячелетия н. э. изделия из металла становятся ведущими во всех сферах деятельности создателей ольгинской культуры.

Лишь с широким распространением железа земледелие становится в Приморье основной отраслью хозяйства. Использование в земледелии животных в качестве тягловой силы, широкое распространение железных орудий в конце I тысячелетия до н. э. — в I тысячелетии н. э., увеличение производительности труда в несколько раз были одной из важнейших предпосылок сложения классовых обществ на обширной территории Евразии от Гибралтара до Тихого океана². Высокую оценку значению распространения пашенного земледелия с применением железного плуга дал Ф. Энгельс: «Прежде всего мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним скотом в качестве тягловой силы; благодаря ему стало возможно земледелие в крупном размере, *полеводство*, а вместе с тем и практически неограниченное для тогдашних условий увеличение жизненных припасов; затем — корчевка леса и превращение его в пашню и луг, что опять-таки в широких масштабах невозможно было производить без железного топора и железной лопаты. А вместе с тем начался также быстрый рост населения, которое стало более густым на небольших пространствах»³. Если в VIII—V тысячелетиях до н. э. с началом перехода человечества к производящему хозяйству численность населения мира оценивается в 5—10 млн. человек, то для рубежа нашей эры — в 250—350 млн. человек⁴. Изменение характера земледелия ведет к большим изменениям социального порядка: если на ранних этапах ос-

новными земледельцами были женщины, то теперь оно становится занятием мужчин⁵.

Для I тысячелетия н. э. археологические данные о хозяйстве обитателей края могут быть дополнены письменными. Но скудны и противоречивы сведения древних китайских хроник о так называемых «северовосточных варварах». В подаче материала чувствуется большая тенденциозность, подчеркивание «варварства». Следующим образом выглядит характеристика племен плуоу, обитавших, видимо, в юго-западной части Приморья в первых веках нашей эры: «Люди живут в глубоких горах и узких долинах... Имеют лошадей, но не ездят, только считают их имуществом, не более. Не имеют коров и баранов, много разводят свиней, едят их мясо, надевают их шкуры... Нет колодцев, очагов... Чтобы есть, садятся на корточки, ногою жмут мясо и едят. Когда получают холодное мясо, то садятся на него сверху и согревают. В почве нет соли, железа...»⁶. От этих данных из «Цзиньшу» несколько отличаются сведения из «Хоуханьшу»: «Имеют все пять родов хлеба... Любят разводить свиней»⁷, «...коров, лошадей»⁸.

В середине I тысячелетия н. э. в бассейне Амура и его притоков, в Приморье обитали племена мохе. Об их хозяйстве в «Бэйши» можно найти следующие сведения: «Почва низменная и сырая... В сем владении нет крупного рогатого скота, а есть лошади, телеги возят, толкая сзади. Землю пахут парюю лошадей. Земля более произращает просо и пшеницу.

...Из домашнего скота водят более свиней; овец нет... Это из всех иноземцев самые гадкие (нечистоплотные)»⁹.

Противоречивость приведенных сведений о хозяйстве может объясняться слабым знанием китайцами северо-восточных областей Азии. А тенденциозность древних китайских хроник неоднократно подчеркивалась различными исследователями¹⁰. Особенно ярко эта тенденциозность видна при сопоставлении данных хроник и результатов археологических раскопок.

Если подходить к данным китайских хроник критически и постоянно сопоставлять их с археологическими, то можно извлечь много ценных сведений. Анализ костей из поселений ольгинской культуры показал, что в стаде домашних животных были лошади, крупный рогатый скот, свиньи. Очень мало костей мелкого рогатого скота, что соответствует данным хроник. В то же время большую роль играл крупный рогатый скот, а китайские хроники отрицают наличие у мохесцев крупного рогатого скота.

В свое время Э. В. Шавкуновым было подчеркнуто большое значение развития коневодства у мохесцев и появление пашенного земледелия, которое произвело настоящий переворот в хозяйстве¹¹. На основании археологических и этнолингвистических данных доказывается, что районы Маньчжурии и восточной Монголии явились одним из самостоятельных центров возникновения плужного земледелия на основе очень древних земледельческих традиций не только в этих, но и в соседних районах, включающих южное Приморье и Корейский полуостров¹². Результаты археологических исследований последних лет позволяют включить в эту зону древних самобытных земледельческих культур районы южного и центрального Приморья и бассейна Амура¹³.

Если в раннем железном веке скотоводство у янковцев было лишь источником пищи, а такое скотоводство относится к числу наиболее ранних форм¹⁴, то носителями ольгинской культуры скот мог использоваться в качестве тягловой силы, при обработке земли и в транспортных целях. С развитием скотоводства, судя по этнографическим данным, складываются формы собственности, отличные от родовых. Например, у банту земля являлась собственностью племени, скот же принадлежал отдельным лицам или группам лиц. Во владении скотом не было равенства. Скот, приобретенный на личные средства, становился частной собственностью приобретшего¹⁵.

На конференции, посвященной проблемам возникновения раннеклассового общества, подчеркивалось значение уровня развития скотоводства для процессов классовобразования, говорилось о том, «что отсутствие или слабое развитие скотоводства замедляет общие темпы классовобразования. . .»¹⁶.

Развитие скотоводства влечет за собой появление и развитие частной собственности, появление новых моральных норм в общине. «С того момента, как развилась частная собственность на движимое имущество, для всех обществ, в которых существовала эта частная собственность, должна была стать общей моральная заповедь: «Не кради»¹⁷. Следует отметить, что на памятниках раннего средневековья в Приморье, например на Шайгинском городище XII в., довольно частой находкой являются замки и ключи¹⁸. Наличие замков и ключей связывают с появлением собственности¹⁹. Ни на одном поселении ольгинской культуры нет этой категории находок. Но переход от родового строя к классовому был дли-

тельным и охватывал не одно столетие²⁰. Мы видим, как на памятниках ольгинской культуры появляются предпосылки для формирования частной собственности, имущественного неравенства, но завершение этого процесса относится к более позднему времени, когда на территории Приморья уже сложились раннефеодальные государства.

Одной из важнейших предпосылок формирования классового общества является наличие прибавочного продукта. «Все развитие человеческого общества после стадии животной дикости начинается с того дня, как труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания, с того дня, как часть труда могла уже затрачиваться на производство не одних только жизненных средств, но и средств производства. Избыток продукта труда пад издержками поддержания труда и образования и накопление из этого избытка общественного производственного и резервного фонда — все это было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса»²¹.

В результате археологических исследований было отмечено, что для обществ, стоящих на пороге государственности, характерны в числе прочих постройки монументальные сооружения: дворцы, храмы, сооружения погребального культа. Это одно из свидетельств наличия у общества прибавочного продукта, накопление которого было возможно лишь на основе развитого земледелия и скотоводства²². При описании памятников ольгинской культуры обращалось внимание на то, что там появляются дороги. Остатки дорог отмечены на поселении Малая Подушечка и на поселении Синие Скалы.

Постройка такой дороги требовала значительных земляных работ. Древние китайские хроники упоминают о строительстве мохесцами каменных дорог²³. Остатки древних дорог хорошо известны на территории Приморья, многие из них связаны со средневековыми памятниками²⁴. «Старинных дорог встречается очень много. Если дорога идет на гору, минуя удобный перевал, то можно быть уверенным, что на горе есть укрепление»²⁵. Основы строительства разветвленной сети горных дорог были заложены накануне формирования государства, когда развитие производительных сил достигло такого уровня, на котором возможны были большие трудовые затраты.

Появление и накопление прибавочного продукта на основе земледельческо-скотоводческого хозяйства сделало возможным выделение в общинах мастеров-профессионалов в сфере производства, не связанной с получением и обработкой продуктов питания²⁶. В силу специфики археологического материала, как источника при изучении ремесленного производства, более точная картина может быть получена об орудиях труда, особенностях технологических процессов, продукции, технологическом уровне каждой конкретной отрасли ремесленного производства. Гораздо сложнее восстановить картину о ремесле, как социально-экономическом явлении²⁷.

Следы ремесленного производства обнаружены на поселении Синие Скалы, большая часть их связана с металлургией. Прежде всего можно отметить многочисленные следы обработки и плавки руды. На поселении Малая Подушечка также найдены остатки металлургического производства в виде шлаков. Но на Синих Скалах этих проявлений гораздо

больше. Выше описывалась часть поселения на берегу ручья с мощными напластованиями древесного угля, скоплениями измельченных кусочков железной руды, шлаков, битых раковин (последние, видимо, использовались в качестве флюса), крупных каменных плит и курантов для растираний. Вероятно, целая группа обитателей поселка должна была выполнять все виды работ, связанные с подготовкой руды к плавке и плавкой.

Анализ показал, что руда содержит до 70% железа. Характер примесей свидетельствует о том, что она добыта в бассейне р. Аввакумовки²⁸. Залежи руды и следы древних разработок известны в долине р. Арзамасовки, впадающей в Аввакумовку несколькими километрами выше Синих Скал²⁹. Вполне возможно, что металлургическое производство было одной из причин сложения такого крупного поселка, как Синие Скалы.

При изучении остатков ремесленного производства большое значение имеет выяснение территориального расположения производственных комплексов на поселении для выяснения формы организации соответствующего промысла³⁰. Видимо, одна из причин вынесения процессов обработки руды за пределы основного поселка Синие Скалы на берег ручья была связана с технологическими требованиями. Но там была не просто рабочая площадка. На ней же найдены остатки крупных сгоревших деревянных сооружений, а также не только предметы, связанные с обработкой руды, но и бытовые, в том числе большое количество глиняной посуды. Все это является отражением процессов, связанных с выделением группы людей, специализировавшихся на обработке руды, с определенными про-

цессами дифференциации внутри общины.

Парный поселок Круглая Сопка и поселение Новогордеевское, в котором процессы бронзолитейного производства были вынесены за пределы основного поселка, известны для последующего культурно-исторического периода — VIII—X вв. При раскопках в долине р. Арсеньевки найдены не только многочисленные предметы, связанные с производственными процессами: формы, лячки, шлаки, выплески металла, но и остатки жилищ с различными бытовыми предметами. Этот памятник, расположенный в центральной части Приморья, представляет для нас большой интерес и тем, что является продолжением, дальнейшим развитием ольгинской культуры, однако уже в период сложившегося классового общества, в период раннефеодального государства³¹.

Несколько мастерских найдено на территории основного поселка Синие Скалы. Одна из них в центральной южной части поселка была связана с кузнечным производством. Это тот редкий случай для памятников ольгинской культуры, когда рядом с жилищем находился дворик, на котором были найдены кусочки железной руды, шлаки и железный лом, приготовленный, видимо, для переплавки. Все производственные процессы протекали в хозяйственном дворике, где были обнаружены следы навеса и плавильных сооружений. Обилие и разнообразие изделий из железа свидетельствуют о хорошо развитом в это время кузнечном деле, о высокой его специализации.

Следует отметить, что долина р. Аввакумовки и в последующий культурно-исторический период являлась центром железнотделитель-

ного производства. Примерно в 20 км выше Синих Скал на берегу Аввакумовки найдены крупные средневековые укрепленные городища, на территории которых обнаружены следы обработки и плавки железной руды, остатки плавилен. Там же имеются следы и древних разработок залежей железной руды³².

Если на поселении Синие Скалы найдена небольшая кузнечная мастерская, в которой могло трудиться несколько человек, то в последующий культурно-исторический период прослеживается дальнейшее развитие ремесленного производства, связанного с металлургией железа. На средневековом Шайгинском городище XII—начала XIII в., кроме небольших мастерских, найдены крупные производственные комплексы, которые объединяли до восьми плавильных печей, несколько кричных и кузнечных горнов³³.

В то время как для II тысячелетия до н. э.—первой половины I тысячелетия до н. э. известны целые поселки, которые специализировались лишь в одной отрасли ремесленного производства, на поселении Синие Скалы обнаружены остатки различных мастерских.

Большое значение имеет выяснение вопроса распространения изделий ремесленников, особенно из определенной мастерской на территории поселения, чтобы выяснить, на кого работал мастер, существовал ли внутри общины обмен³⁴. Бронзовые пуговицы, отлитые если и не в той именно форме, которая была обнаружена в литейной мастерской, но в совершенно аналогичной, найденные на полу одного из жилищ в юго-восточной части поселения, — факт, свидетельствующий о распространении изделий мастеров в этом же поселении.

Выше были описаны остатки двух гончарных мастерских, обнаруженных на южной окраине и в центральной части поселка. Характер находок, связанных с производством керамики, особенности их расположения позволяют выявить процессы развития и в этой отрасли. В раннем железном веке удалось проследить существование поселков, специализировавшихся в отдельных отраслях общинного ремесленного производства. На поселении Синие Скалы найдено две небольшие гончарные мастерские. Если предположить, что каждая мастерская специализировалась на производстве сосудов определенных форм, украшая их определенным орнаментом, то можно проследить, как керамика из этой мастерской распространялась на территории поселения. Так, в мастерской на южной окраине поселения были найдены светильники с орнаментированным поддоном. Точно такие же светильники, с тем же орнаментом, были найдены в литейной мастерской и жилищах юго-восточной части поселения.

Эти данные позволяют предполагать, что общинные мастера обслуживали членов поселка, что внутри поселка существовал обмен. Возможно, похожая картина наблюдалась в Индии, где ремесленники считались «слугами общины». За свои изделия они получали часть общинного урожая³⁵.

В середине I тысячелетия н. э. в Приморье появляется гончарный круг. Если на заре возникновения гончарство было занятием женщины, то с появлением гончарного круга оно становится делом мужчин³⁶.

На основании изучения археологических материалов Ближнего Востока и юга Средней Азии В. М. Масон выделяет три этапа ремеслен-

ного производства в эпоху первобытнообщинного строя.

Для первого этапа характерно отсутствие мастеров-профессионалов внутри общин. Предметами внешнего обмена являются сырье и украшения, внутриобщинный обмен не прослеживается. Экономической основой служат примитивные земледелие и скотоводство.

Второй этап начинается с появлением металлургии. Выделяются мастера-профессионалы, обслуживающие потребности общины. Развивается внутриобщинный обмен в натуральной форме. Экономическая основа — сложившееся земледельческо-скотоводческое хозяйство.

Третий этап характеризуется интенсивным развитием ремесел. Появляются гончарный круг, крупные мастерские, ремесленные кварталы на поселениях. Происходит узкая специализация ремесленников, отделение ремесла от земледелия. Развивается обмен.

С известными оговорками эта схема приложима и к другим областям. Если на юге Средней Азии и на Ближнем Востоке описанные процессы имели место в эпоху неолита и бронзы и в раннем железном веке, то в Приморье эти процессы прослеживаются на памятниках железного века.

Общий уровень развития ремесленного производства на Синих Скалах более всего соответствует второму этапу с появлением некоторых элементов, свидетельствующих о приближении ремесленного производства к третьему этапу. Считается, что начало формирования ремесла относится к моменту появления металлургии³⁸. И действительно, жилища мастеров-литейщиков известны уже на приморских поселениях раннего железного века. При проведе-

нии в Ленинграде дискуссии, посвященной характеру ремесленного производства, отмечалось, что выделение ремесла не обязательно тотчас вело к отделению его от сельского хозяйства, и очень долго оно могло существовать внутри земледельческих общин. А появление гончарного круга и других технических новшеств также не всегда может служить единственным критерием в археологическом материале, который позволял бы говорить об отделении ремесла от земледелия. Для определения степени развития ремесленного производства необходимо учитывать общую картину уровня развития производительных сил на основании всего известного материала³⁹.

Результаты археологических исследований не позволяют видеть в Синих Скалах город. Видимо, это был общинный поселок. В этот период еще не происходит отделения ремесленного производства от земледелия. Синие Скалы, так же как и другие поселения ольгинской культуры, являются поселком, основным занятием жителей которого было земледелие и скотоводство. Нет доказательств широко развитых торговых отношений. Найденные монеты единичны и все являются привозными. Аналогичная картина отмечена у скифов. Монеты греческих городов, выпускавшиеся в большом количестве, не получили хождения на территории скифских племен, а единичные находки монет лишь подчеркивали отсутствие регулярного денежного обращения⁴⁰. Картина, наблюдаемая на памятниках ольгинской культуры, резко отличается от той, которая наблюдается на средневековых приморских памятниках, откуда известно большое количество монет⁴¹.

Кроме мастерских, на поселении Синие Скалы следы производственной деятельности найдены в некоторых жилищах. Так, в жилище в центральной части южного склона были найдены желвачки зеленой халцедоновой породы и заготовки бус, позволяющие проследить все стадии изготовления украшений. На поселениях ольгинской культуры, особенно Синих Скалах, прямо таки происходил расцвет производства каменных украшений (бус). Происходило как бы соревнование между старым традиционным материалом (если иметь в виду сырье для украшений) и тем новым, который вторгся в быт: стекло, бронза, железо. В то же время следы производства украшений в жилище показывают, что это подсобное занятие, не требующее специальной мастерской. Обработка камня не выделяется в особый вид ремесленного производства.

В целом же выделение мастеров-профессионалов, улучшение технического оснащения производственных процессов должно было сказаться на увеличении прибавочного продукта общества, что в свою очередь открывало новые возможности в сфере эксплуатации, создавало предпосылки для имущественной дифференциации⁴².

Сложно и противоречиво развитие социальных и экономических процессов в недрах первобытнообщинного строя, приведших к крушению этого строя и сложению классового общества. Казалось бы, складываются все предпосылки для появления имущественного неравенства, а проследить существование этого неравенства не всегда удается. Это является результатом сильнейших родовых традиций, при которых практически бывает невозможно дли-

тельное накопление из-за традиций уравнительного распределения, обычаев уничтожения и раздачи имущества на похоронах, пирах, обязательной помощи сородичам, носившей нередко принудительный характер. В этих случаях более ярко выступает социальная дифференциация. Имущественное неравенство и социальная дифференциация — две стороны одного процесса, но в какой-то период в некоторых обществах один из этих факторов может временно опережать другой⁴³.

К сожалению, количество и характер археологических данных по памятникам ольгинской культуры не позволяют проследить явных признаков имущественного неравенства. Разница в размерах жилищ? На поселении Синие Скалы имеются и малые и более крупные жилища. Можно ли различия в размерах жилищ подтвердить различиями в характере находок? Резких различий по характеру находок не прослеживается: во всех частях поселения имеются практически все категории находок. Может быть лишь одно — в центральной части поселения несколько чаще, чем на окраине, встречаются бронзовые поделки⁴⁴.

Возможно проследить процессы социальной дифференциации, проходившей в середине I тысячелетия н. э. Одна из сторон этого процесса — появление мастеров-профессионалов в общинах, развитие различных отраслей ремесленного производства.

Появление прибавочного продукта приводит к выделению групп людей, которые специально занимаются управлением общества, что было невозможно на более ранних ступенях развития первобытнообщинного строя: «Когда в обществе не было классов, когда люди до раб-

ской эпохи существования трудились в первобытных условиях большого равенства, в условиях еще самой низкой производительности труда, когда первобытный человек с трудом добывал себе средства, необходимые для самого грубого первобытного существования, тогда не возникало и не могло возникнуть и особой группы людей, специально выделенных для управления и господствующих над всем остальным обществом»⁴⁵. Характеризуя процессы ранней поры классовобразования, Ф. Энгельс писал: «До сих пор причины образования классов были связаны еще исключительно с производством; они вели к разделению занятых в производстве людей на руководителей и исполнителей или же на производителей большего и меньшего масштаба»⁴⁶. Происходит выделение наследственной аристократической верхушки, экономической основой привилегированного положения которой был осуществляемый ею контроль над ресурсами и коллективным продуктом общины⁴⁷.

Ф. Энгельс показывает, как накануне сложения государства происходит изменение характера органов управления в общинах: «В каждой такой общине существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы — разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; ... Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена. ... Они облечены, понятно, известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти. Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения со-

здает в одних случаях общность, в других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами. ...»⁴⁸.

Изменения социального порядка, которые имели место на территории Приморья в течение I тысячелетия до н. э., можно проследить по данным китайских хроник. При описании событий, относящихся к первым векам нашей эры, в них говорится о том, что у илоусцев выделялись внутри рода знатные семьи, существовала наследственная власть, передававшаяся от отца к сыну⁴⁹. При описании мохесцев можно найти упоминания о богатых людях, которые имеют по несколько сот голов свиней, о существовании института домашнего рабства⁵⁰.

Наличие многих малых жилищ на поселениях ольгинской культуры может быть связано с возрастанием роли семьи как социальной единицы внутри общины.

Все большую роль начинает играть семья как социальная единица,

все сильнее обособляясь внутри общины, превращаясь в относительно самостоятельную ячейку в формирующейся соседской общине, где наряду с родственными большую роль начинают играть территориальные связи⁵¹. Уровень развития земледелия, скотоводства, ремесленного производства позволяет предполагать существование патриархата в Приморье в середине I тысячелетия н. э. Отцовский же род представлял собой фактически объединение семей или семейных групп⁵².

Еще одно направление изменений прослеживается по данным китайских хроник — воинственность мохэ, наличие большого войска в каждом независимом племенном объединении, частые военные столкновения. Пляска, исполненная мохэскими послами, напоминала сражение⁵³. В свете этих данных более понятным становится большое количество боевого оружия на памятниках ольгинской культуры. «... Война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни»⁵⁴.

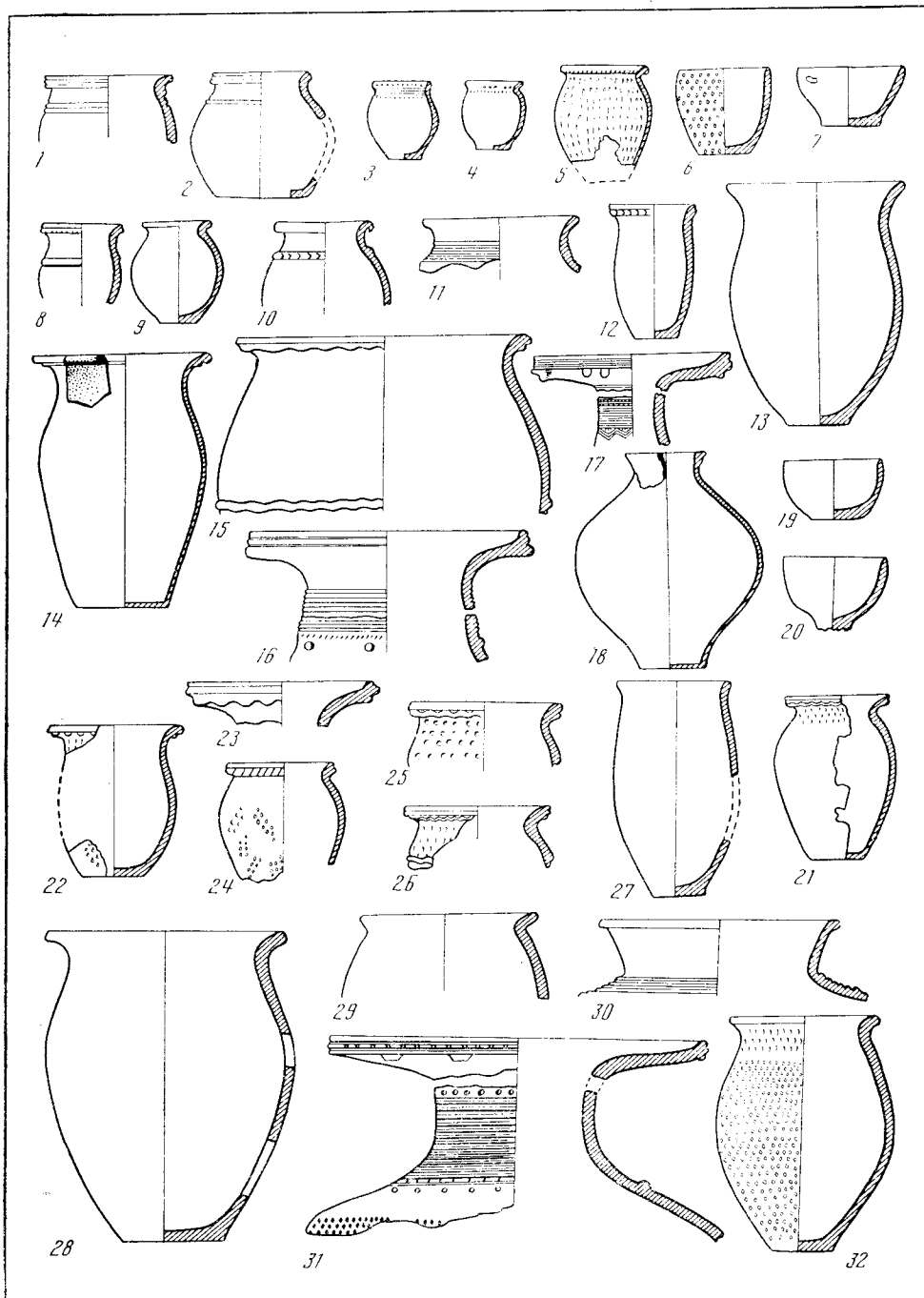
Население бассейна Амура и его притоков в середине I тысячелетия н. э. китайские хроники называют мохэ. Н. Я. Бичурин, указывая места расселения мохэцев, называет объединение родами. Э. В. Шавкунов называет их племенными объединениями, что, видимо, ближе к истине, учитывая большую территорию каждого объединения, общий уровень хозяйственного и культурного развития.

Он обращает внимание на некоторую неравномерность в развитии исторических процессов у различных племенных объединений мохэ, некоторое запаздывание процессов классового образования у племен, населявших территорию Приморья и Амура по

сравнению с племенным объединением в бассейне Сунгари⁵⁵.

Если в долине Сунгари процесс классового образования в конце VII в. завершается сложением государства Чжэнь, то на территории Приморья, в том числе и его восточных районов, этот процесс в VII—VIII вв. еще продолжается и завершается, видимо, в IX в. н. э. Именно поэтому анализ материала памятников ольгинской культуры, особенно поселения Синие Скалы, позволяет видеть целый ряд явлений, которые ведут к разложению первобытнообщинного строя, и в то же время наличие еще сильных пережитков этого строя. С одной стороны, перед нами высокий уровень экономического развития, основой которого является земледельческо-скотоводческое хозяйство, быстро развивающееся ремесленное производство, строительство дорог, усиление роли военачальников и дружины, усиление роли семьи; с другой стороны — отсутствие денежного обращения, ярко выраженного имущественного неравенства, ярко выраженного индивидуального ведения хозяйства, отсутствие оборонительных сооружений.

Все эти явления хорошо прослеживаются на более поздних памятниках Приморья, как это и было показано в соответствующих разделах. Это мощные оборонительные сооружения⁵⁶, яркие признаки имущественного неравенства, которые хорошо прослеживаются на основании анализа материала из многочисленных раскопанных жилищ⁵⁷, наличие на территории средневековых городищ хозяйственных двориков около жилищ со следами амбаров па сваях⁵⁸, многочисленные замки с ключами, массовые находки монет⁵⁹, развитое ремесленное производство⁶⁰. В IX—XII вв. н. э. получают дальнейшее

развитие и логическое завершение процессы, зарождение которых прослеживается на археологических памятниках Приморья в I тысячелетии до н. э. и особенно на рубеже нашей эры — первой половине I тысячелетия н. э.

Ольгинская культура генетически связана с предшествующим и последующим культурно-историческими периодами. Выявление этих связей имеет большое значение для изучения истоков ранних государственных образований на юге Дальнего Востока СССР. Внутренняя планировка некоторых жилищ на поселении Спные Скалы сходна с внутренней планировкой неолитического жилища, раскопанного в приустьевой части р. Рудной⁶¹. Размещение поселка на склонах известно в Приморье и на памятниках II и на памятниках I тысячелетия до н. э. (поселения на полуострове Песчаном, Олений 1, Синий Гай). Отонительные сооружения, появившиеся в жилищах кроуновской культуры, получили свое дальнейшее развитие в жилищах ольгинской культуры. Все перечисленные элементы, соответственно развиваясь, доживают до средневековья и хорошо прослеживаются на средневековых памятниках Приморья. Это многослойный памятник на Круглой сопке, где имеется слой с материалом, являющимся поздним вариантом ольгинской культуры уже в эпоху классового общества. Жилища на склоне Круглой сопки образуют террасы⁶². На террасовидных площадках расположены все сооружения крупного чжурчжэнского города XII в. — Шайгинского городища⁶³. И в раннем средневековье жилые постройки продолжают пред-

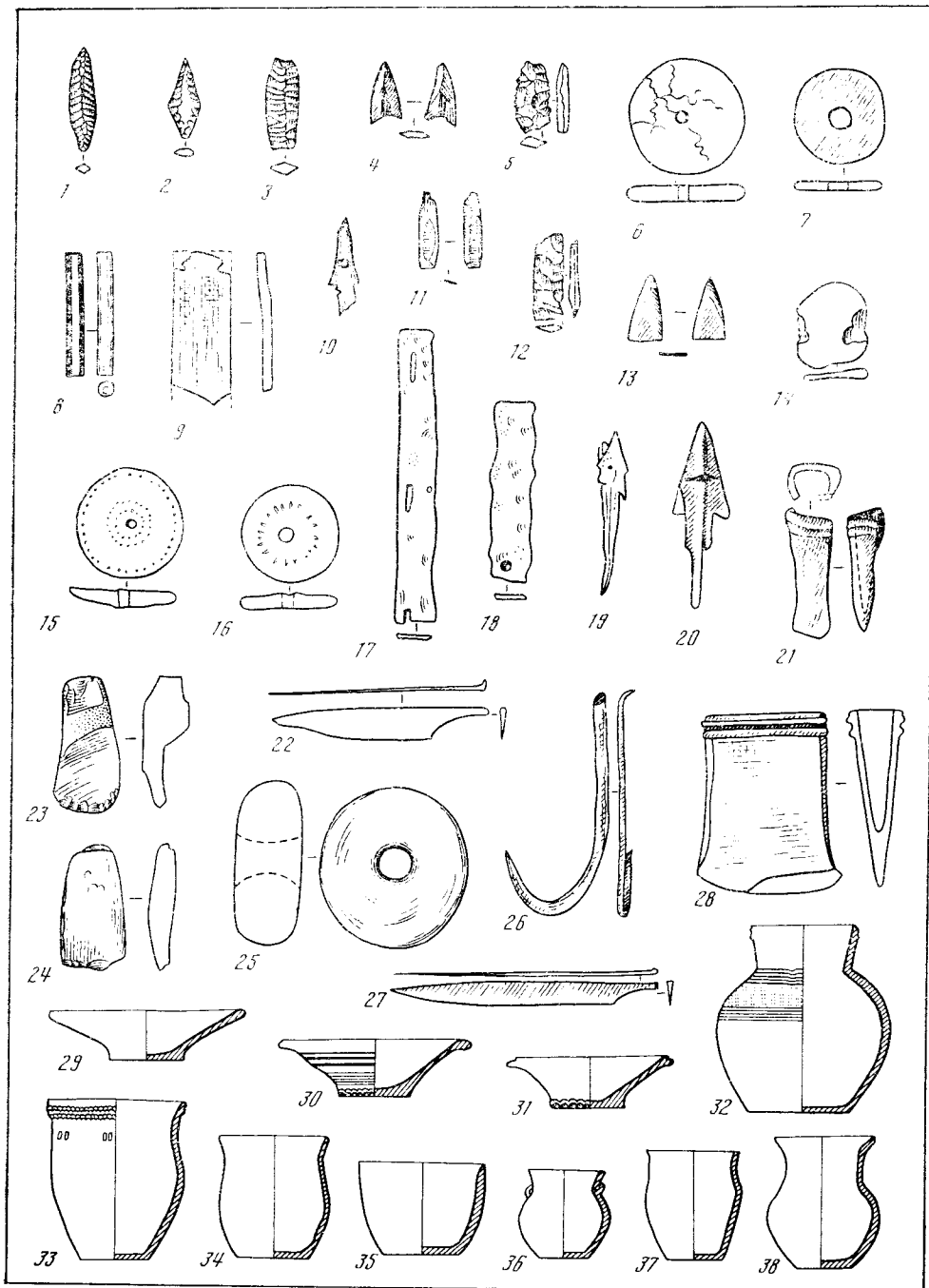
ставлять собой каркасные сооружения четырехугольной в плане формы⁶⁴.

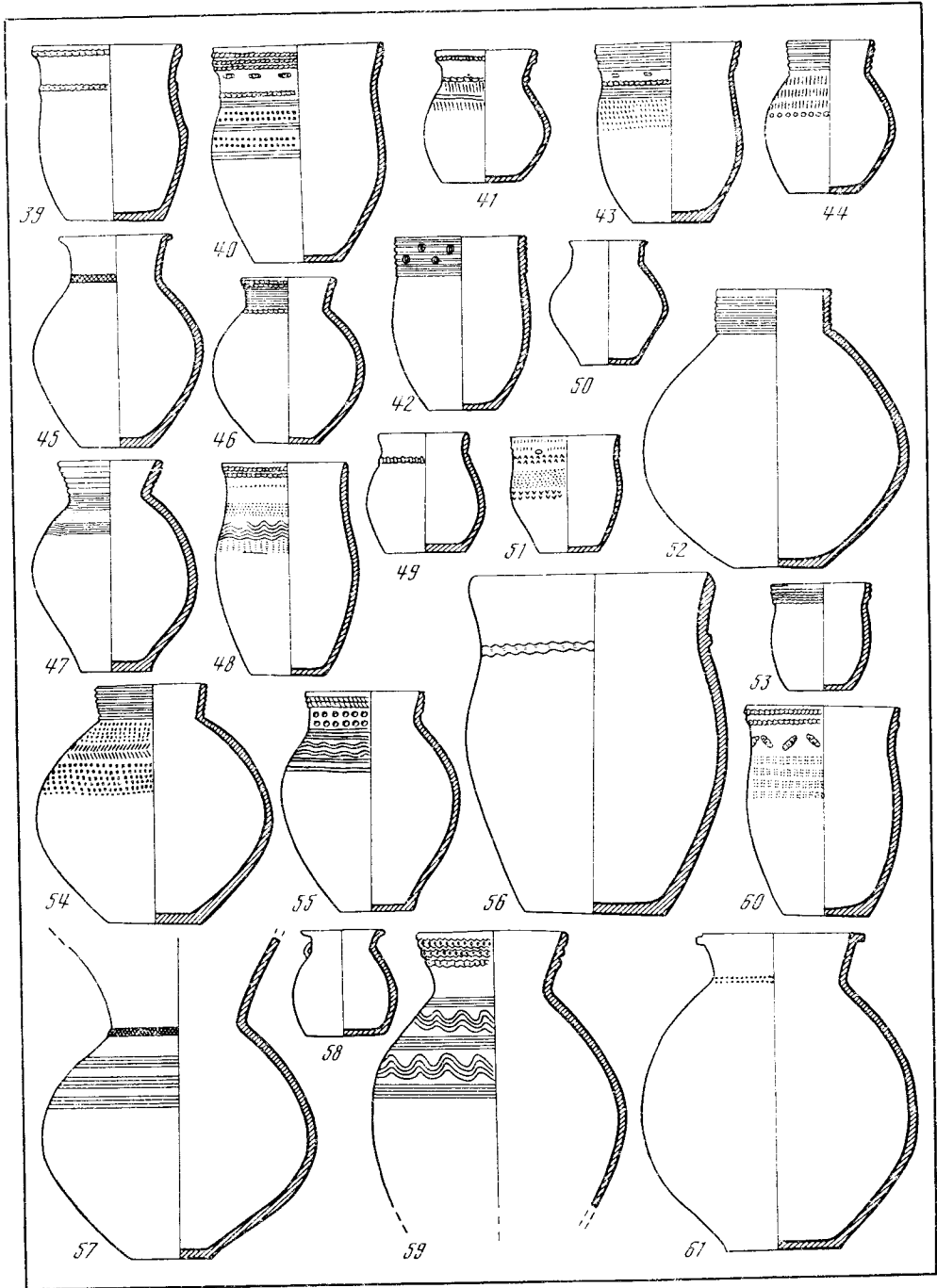
Сохранение глубоких традиций прослеживается в использовании на протяжении многих столетий предметов одних и тех же форм. Среди изделий из камня — это тесла, ножи, куранты, плиты для растирания, топчила, грузила для сетей, отбойники, ложила, некоторые украшения (цилиндрические бусы из зеленокаменных пород в ольгинской культуре становятся лишь тоньше и мельче, чем в янковской; шаровидные бусы, появившиеся на памятниках кроуновской культуры, также характерны и для ольгинской). В земледелии на протяжении всего железного века отмечены среди засеваемых культур ячмень и чумиза. Орудия для ручной обработки земли (железные насады) почти 2 тыс. лет не претерпевают типологических изменений. Что касается керамики ольгинской культуры, то многие сосуды, орнаменты (учитывая и технику их нанесения, и композиции) восходят к янковской и кроуновской культурам.

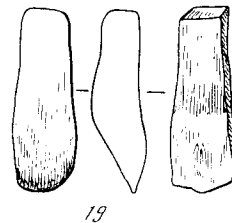
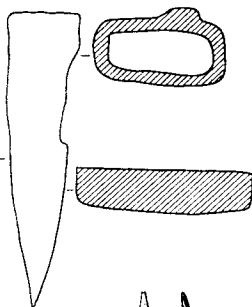
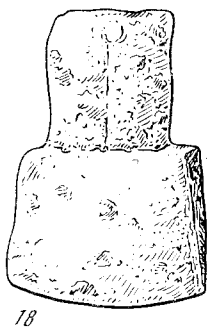
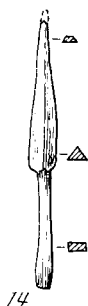
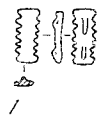
В то же время целый ряд элементов в ольгинской культуре не может быть выведен из более ранних культур Приморья. Крупные сосуды с широким блюдовидным венчиком, например, а также такие орнаменты, как ромбический, палочный, пальцевый, ногтевой, волнистые налепные валики, не находят аналогий в более ранних приморских памятниках.

←
Керамика ольгинской культуры (1—32)

→
Находки с поселения Польце (1—61) (по статье А. П. Окладникова и А. П. Деревяко «Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево». В кн.: «Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции», вып. 1)

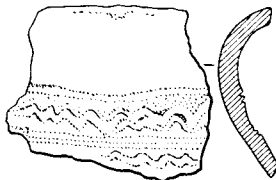
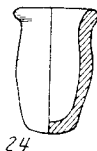
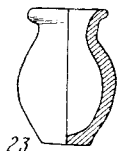
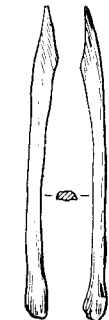
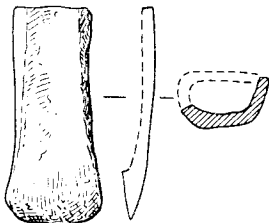

18

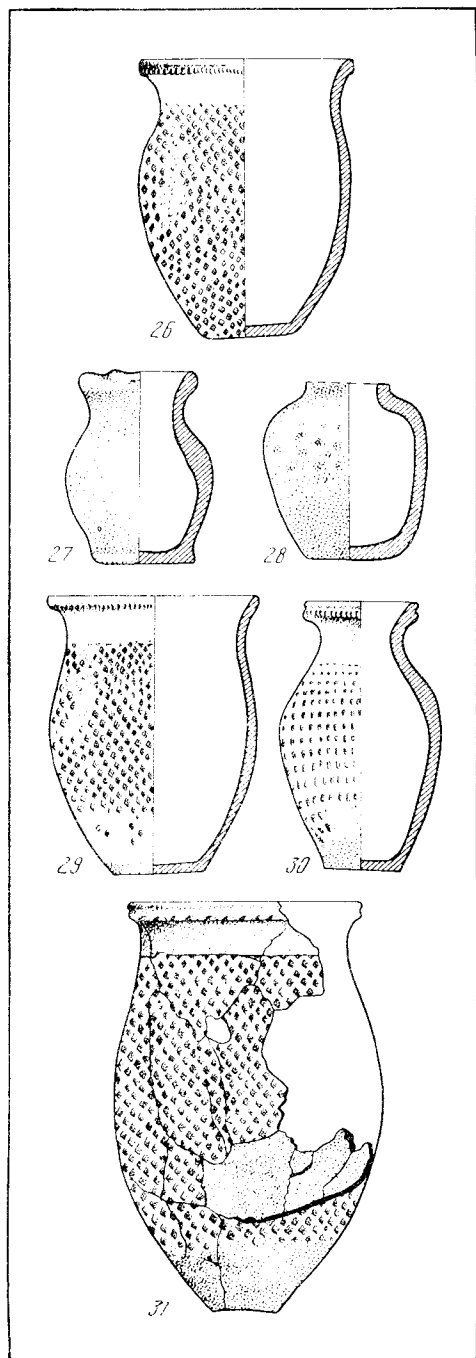
19

21

22

25

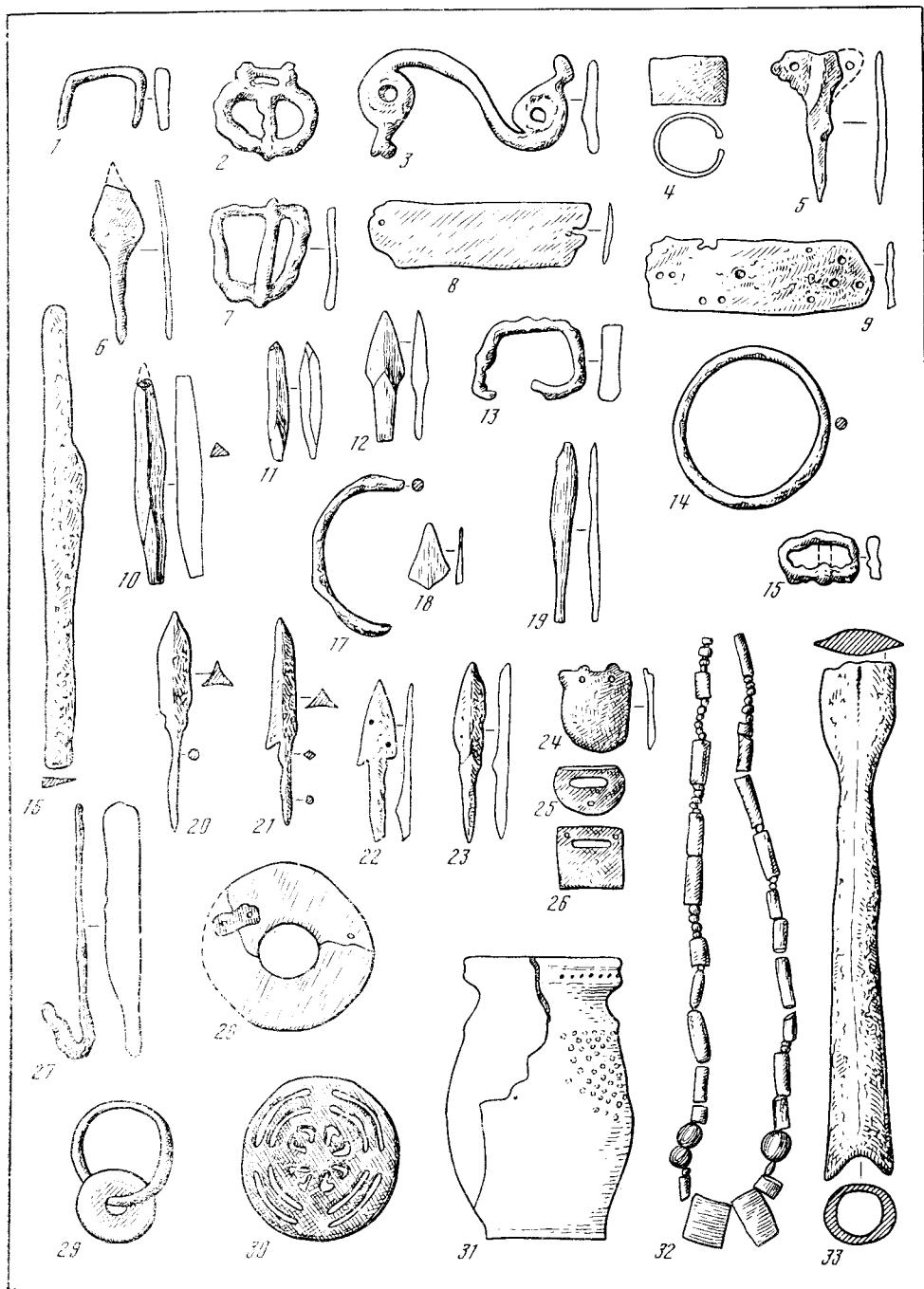
Некоторые из перечисленных элементов появляются в первой половине I тысячелетия до н. э. на Амуре в памятниках урильской культуры: узоры, выполненные «шашечным» и «ромбическим» штампом, сосуды с широким блюдовидным венчиком, сосуды с горлом, украшенным широким поясом глубоких горизонтальных бороздок⁶⁵.

Свое дальнейшее развитие эти элементы в керамике получают в польцевской культуре. А. П. Деревянко трактует польцевскую культуру как дальнейший, более поздний вариант урильской культуры. Время существования польцевской культуры VIII—VI вв. до н. э. — первые века нашей эры. Районы ее сложения те же, в которых в более раннее время известны памятники урильской культуры⁶⁶.

Таким образом, целый ряд элементов в материальной культуре связывает ольгинскую культуру с урильской (в меньшей степени) и польцевской. Интересные результаты в плане выяснения происхождения ольгинской культуры дают сопоставления ее материалов с материалами польцевской культуры на Амуре.

Одно из поселений польцевской культуры находится недалеко от с. Кукелево Еврейской автономной области. Оно состояло примерно из 10 жилищ. Площадь их колебалась от 40 до 100 кв. м, глубина котлованов доходила до 2 м. Основой домов служил каркас из столбов вдоль стенок котлована. Стены состояли из плах или жердей, положенных горизонтально. В центре жилищ был

Находки с Михайловского городища (по статье Е. И. Деревянко «Городище на реке Завитой». В кн.: «Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока», ч. I) (1—31)

очаг, на некотором расстоянии от него находились опорные столбы для крыши, имевшей пирамидальную форму.

Этот поселок, покинутый в спешке, содержал массу вещей. Здесь было довольно много изделий из железа, представленных железными кельтами с расширяющимся рабочим краем, плоскими топориками, ножами, рыболовными крючками, наконечниками стрел, шильями, пряжками. Из бронзы обнаружены в основном украшения: нашивные пластинки, серьга со спиральным узором.

Жители польцевского поселка продолжали широко применять шлифованные и ретушированные изделия из камня. Среди шлифованных орудий имеются топоры и тесла, часть из них расширяется к обушку, часть — к лезвию. Многочисленны наконечники стрел: небольшие треугольные с прямым основанием или с выемкой и небольшим желобком, черешковые — длиной до 7 см. Ретушированные орудия дают типологические серии: вкладышевые серпы, наконечники стрел треугольные с прямым основанием или с выемкой в основании, скребки, проколки. В целом же ретушированные орудия немногочисленны.

Много пестов, курантов, зернотерок, грузил для рыболовных сетей, точил. Украшения представлены бусами из халцедона цилиндрической и боченкообразной формы, круглыми и овальными подвесками из нефрита, яшмы, шифера, многочисленными керамическими подвесками в форме клыка. Характерны разнообразные

изделия из кости: наконечники стрел, имитирующие каменные, пластинки для лат, орнаментированные бусы.

На польцевском поселении было очень много керамики, в отдельных жилищах более 200 сосудов. Керамика лепная. А. П. Окладников и А. П. Деревянко делят все сосуды на четыре группы. К первой они относят крупные сосуды с широким блюдовидным венчиком, суженной шейкой и широким туловом. Шейка обычно украшена широким поясом глубоких горизонтальных бороздок, тулово — налепными валиками, цепочками налепных шишечек, иногда прорезанными волнистыми линиями. Ко второй группе относятся кухонные горшки со слегка суженным горлом и широко открытым венчиком. Третья группа включает крупные сосуды ведрообразной формы, имеющие иногда воронкообразно расширяющийся венчик. Тулово их почти всегда покрыто плашечными оттисками и опоясано валиками и вмятинами, сделанными пальцами. В четвертую группу включены миски, часто украшенные пальцевыми вдавлениями; светильники, так же как и в памятниках урльской культуры, — в виде плоских площадок с выступом на дне для фитиля.

Хозяйство польцевцев складывалось из земледелия, скотоводства (разведения свиней), охоты на диких коз и рыболовства.

На поселениях польцевской культуры несколько раз встречены глиняные фигурки животных. Обнаружено несколько захоронений: в кувшинах, соединенных шейками, и скорченное в сидячем положении в яме⁶⁷.

Целый ряд находок на памятниках ольгинской и польцевской культур

←

Находки из Троицкого могильника (по статье Е. И. Деревянко «Материалы раскопок могильника у с. Троицкого». В кн.: «Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока», ч. II) (1—33)

аналогичен. Например, костяные наконечники стрел и панцирные пластинки, известные в Приморье по поселению на Сенькиной Шапке⁶⁸; железные и каменные шлифованные наконечники стрел, найденные в верхнем слое поселения Малая Подушечка⁶⁹.

Близки между собой крупные сосуды с блюдовидным венчиком, крупные сосуды с суженным горлом и шаровидным туловом, орнаменты, выполненные шашечным и ромбическим штампом, кончиками пальцев, наlepные волнистые валики.

Поскольку перечисленные элементы в керамике на Амуре появились много раньше, чем в Приморье, польцевская культура сложилась также ранее ольгинской, и логично предположить, что именно эти элементы материальной культуры проникли в Приморье из бассейна Амура.

Создатели ольгинской культуры в VIII—IX вв. вошли в состав раннесредневекового государства Бохай. По древним китайским хроникам, это было государство мохэ, обитавших в I тысячелетии н. э. в долине Амура и его притоков, в том числе на территории Маньчжурии, в долинах Нонни и Сунгари⁷⁰.

В течение I тысячелетия до н. э. на территории Маньчжурии была распространена культура, для которой характерны погребения в каменных ящиках и дольменах. В восточной Маньчжурии дольмены доживают до I в. до н. э.⁷¹ Незадолго до нашей эры сюда начали проникать тунгусы, частично вытеснив и частично ассимилировав местное население. Окончательно они утвердились здесь к III—IV вв. н. э.⁷²

Остатки поселений этого времени известны в бассейне р. Сунгари. Находки с них представлены лепными

горшочками вытянутых очертаний, украшенных по венчику валиком с насечками, а по плечикам и тулову — насечками, косыми отпечатками гребенчатого штампа. Кроме того, найдены изделия из железа, серьги из бронзы и каменные украшения (бусы, привески). Иногда встречаются глиняные фигурки животных. Среди костей животных имеются кости лошади, свиньи, собаки⁷³.

Эти немногочисленные материалы не позволяют провести детальные сопоставления между памятниками Приморья и бассейна Нонни и Сунгари. Можно лишь в предположительной форме говорить о сходстве некоторых находок.

На юге Маньчжурии известны небольшие укрепления ханьского времени и погребения в склепах. Там собраны гончарная керамика черного и бурого цветов, украшенная текстильными отпечатками, железные кельты нескольких типов, железные ножи, наконечники стрел, многочисленное и разнообразное бронзовое оружие, в частности наконечники стрел, украшения. Часть предметов, в том числе некоторые бронзовые зеркала, кинжалы, восходят к местным традициям. Сами же могильники (кирпичные склепы) и небольшие укрепления представляют собой следы китайской экспансии на северо-восток в ханьское время⁷⁴. В целом этот материал значительно отличается от Приморского.

Таким образом, в сложении ольгинской культуры в Приморье, с одной стороны, сыграли большую роль культуры Приморья II—I тысячелетий до н. э., с другой — польцевская культура бассейна Амура. С формированием ольгинской культуры в Приморье начинается быстрое развитие во всех сферах деятельности

древних насельников края. Переход к развитому железу протекал на фоне сложнейших исторических процессов в Восточной и Северо-Восточной Азии. Большую роль в исторических и этногенетических процессах этого времени играло население бассейна Амура, особенно среднего его течения, которое оказывало влияние на более южные районы, в том числе Приморье и Маньчжурию, а возможно и южнее — на сложение культуры яеи на Японских островах⁷⁵.

В целом инвентарь культуры яеи отличен от приморского этого же времени. Сходство прослеживается лишь в некоторых элементах. В культуре яеи появляется большое количество каменных наконечников необычной для Японских островов формы с вогнутым основанием⁷⁶. Подобные наконечники есть на раннем памятнике ольгинской культуры (Малая Подушечка), но гораздо лучше они известны на поселениях польцевской культуры в бассейне Амура⁷⁷. В период яеи многое меняется в керамическом материале: формах сосудов, способе нанесения орнамента. В основном эта керамика континентальная по своему происхождению. Среди прочих форм появляются и крупные сосуды с широким венчиком, вначале на Хопсю, примерно в I в. до н. э., а в период позднего яеи они уже широко известны и в других местах⁷⁸. Перечисленные черты не исчерпывают всего многообразия материальной культуры яеи, но их появление отражает те процессы, которые протекали на рубеже нашей эры в Восточной Азии. Эти и некоторые другие элементы в керамике культуры яеи находят аналогии в керамике ольгинской культуры в Приморье, где они появились из бассейна Амура. В фор-

мировании древнего населения периода яеи принимали участие представители дальневосточных монголоидных форм, «дальневосточных» или «корейско-маньчжурских» элементов⁷⁹.

Ольгинская культура прослеживается в Приморье в своем развитии от раннего этапа (рубеж нашей эры — II в. н. э.)⁸⁰, как это реконструируется на основании изучения поселения Малая Подушечка, к более позднему этапу (V—VIII вв. н. э.), представленному материалами поселения Сишие Скалы, вплоть до раннего средневековья (нижний слой Круглой сопки)⁸¹.

Более подробное знакомство с памятниками ольгинской и польцевской культур, которое стало возможным в результате широких археологических исследований последних лет, позволяет проследить не только сходство, но и различия между этими культурами. Польцевская культура сыграла определенную роль в формировании на территории Приморья ольгинской.

Выяснение вопроса, кто были создатели польцевской культуры, приводит нас к проблеме тунгусского населения. Ей посвящено много научных исследований. Вопрос о происхождении тунгусов является специальной отраслью исследования, и в решении его нет единства мнений. Один из ведущих советских исследователей в этой области, М. Г. Левин, считал, что родиной формирования тунгусских народностей были районы Маньчжурии⁸². А. П. Окладников же и Н. Н. Чебоксаров — Восточное Прибайкалье⁸³.

В одном из поселений польцевской культуры, около «Амурского санатория» в Хабаровске, были найдены изделия из глины, которые, по мнению А. П. Окладникова, имели боль-

шое значение в материальной культуре тунгусов: модель защитного щитка для большого пальца, который употреблялся при стрельбе из лука, модель лодки и колыбели. Эти предметы А. П. Окладников связывает с проникновением тунгусского населения из Забайкалья в бассейн Амура в раннем железном веке. По степени влияния тунгусов на этногенетические процессы в бассейне Амура А. П. Окладников выделил три области. К первой он отнес бассейн нижнего Амура, где сохранились культура и язык более древнего палеоазиатского населения, как это прослежено у нивхов. Ко второй — район, занятый нанайцами и ульчами, которые восприняли тунгусский язык, но сохранили элементы более древней культуры и не были захвачены процессами классового образования. К третьей — бассейн среднего Амура и территорию Маньчжурии (долины Сунгари и Нонни), где шло формирование тунгусских народностей, бурно развивались производительные силы и сформировалось государство Бохай. В зону формирования тунгусских народностей он включает и Приморье⁸⁴. Таким образом, сложение ольгинской культуры явилось отражением этих процессов в Приморье на рубеже нашей эры и в первых веках нашей эры.

В дальнейшем, на протяжении всего I тысячелетия н. э., на территории Приморья не прослеживаются изменений в материальной культуре, которые позволяли бы говорить о проникновении новых этнических компонентов на территорию края. В то же время примерно в V—VI вв. н. э. усиливаются связи с тюркским миром. На поздних поселениях ольгинской культуры, в частности Синие Скалы, найдены бронзовые предметы, которые имеют очень широкий

ареал. Возможно, что результатом более тесных контактов с тюркским миром в середине I тысячелетия н. э. явилось усиление роли коневодства в Приморье.

Апалогичная картина, т. е. усиление связей с тюрками, прослеживается по находкам в мохэских могильниках в бассейне Амура, причем там тюркские вещи более многочисленны и разнообразны, чем на поселении Синие Скалы. На Амуре в середине I тысячелетия н. э. также прослеживается усиление роли коневодства.

Памятники железного века I тысячелетия на Амуре относят к мохэсам. Время их формирования — IV—VI вв. н. э. Е. И. Деревянко, изучающая памятники этого времени в бассейне среднего Амура, полагает, что мохэская культура сформировалась на основе более ранней урильской и какого-то пришлого компонента из сопредельных районов. В целом эта культура датируется IV—VIII вв. н. э. и предшествует на среднем Амуре сложению классового общества⁸⁵. Несколько позже в другой работе Е. И. Деревянко считает мохэскую культуру на Амуре пришлой, отличной от предшествующих ей урильской и польцевской⁸⁶.

Эта культура представлена поселениями, в том числе и укрепленными, и могильниками. Большой интерес для сопоставления с приморскими памятниками представляет Михайловское городище, расположенное на плоской вершине высокого мыса. Оно невелико (площадь около 1 га) и обнесено валом и рвом. На территории городища и около него найдено 36 жилищ. Они в плане почти квадратные, слегка углубленные в грунт. Площадь их невелика: от 9 до 30 кв. м. Это каркасные сооружения. По конструктивным особенностям они сопоставимы с поль-

цевскими и ольгинскими (интересно, что ни в польцевских жилищах, ни в мохэских нет канов, в то время как для Приморья они очень характерны). Многие предметы этого городища находят близкие аналогии в материалах ольгинской культуры: железные пожи, панцирные железные пластинки, железные пряжки с подвижным язычком, некоторые наконечники стрел. Что касается керамики, то она очень близка той, что найдена на Малой Подушечке и Синих Скалах⁸⁷.

Складывается впечатление, что степень близости между приморскими памятниками ольгинской культуры и мохэскими бассейна среднего Амура гораздо большая, чем между памятниками ольгинской и польцевской культур, что является, видимо, отражением продолжавшейся консолидации племен в процессе сложения государственности.

В Приморье пока еще не обнаружены могильники ольгинской культуры. В бассейне же среднего Амура известно несколько могильников, относящихся к середине I тысячелетия н. э. Наиболее изучен могильник у с. Троицкого. Там найдено много предметов вооружения, деталей одежды, украшений, керамики⁸⁸. Некоторые из них близки находимым в памятниках ольгинской культуры: пожи, пряжки, панцирные пластинки, небольшие черешковые наконечники стрел с уплощенным пером, некоторые виды бус, бронзовые поясные бляшки⁸⁹. Погребальный обряд части захоронений приближается к погребальному обряду в могильниках более ранней янковской культуры: вторичные захоронения, труположения⁹⁰.

Дальнейшее изучение памятников ольгинской культуры в Приморье и мохэской в бассейне среднего Амура,

а также накопление археологического материала позволят провести более полные сопоставления между ними и подойти еще ближе к решению проблем этногенеза в период сложения классового общества на юге Дальнего Востока СССР в I тысячелетии н. э.

Следы контактов древнего населения Приморья с тюркским миром заметны и по средневековому материалу Приморья⁹¹ и проявляются у народностей Дальнего Востока до сих пор в элементах одежды, видах шитья, украшениях⁹², в языке⁹³. О связях с тюркским миром свидетельствуют и наскальные изображения коней со всадниками на Амуре⁹⁴. Они очень напоминают бронзовые фигурки коней и всадников, найденные на поселении Синие Скалы.

Археологические материалы позволяют проследить формирование все более близких между собой культур на территории Приморья и бассейна среднего Амура и его притоков в середине I тысячелетия н. э. Видимо, это было отражением сложения широких этнических общностей, формирования союзов племен. Подобные процессы протекали на широких территориях накануне возникновения классовых обществ⁹⁵.

Принимая во внимание глубоко местные корни процессов классового образования на территории Приморья и бассейна среднего Амура в I тысячелетии н. э., нельзя не учитывать влияния внешнего фактора на эти процессы, политической ситуации. Этот внешний фактор, заключавшийся в контакте с уже сложившимися классовыми обществами, мог ускорить темпы общественного развития и переход к государственности особенно для тех доклассовых обществ, которые уже вступили в период классового образования⁹⁶. На про-

цессы классового образования в южной части Дальнего Востока СССР не могли не оказать определенного влияния бурные процессы классового образования в смежных областях Восточной Азии в I тысячелетии н. э., борьба с постоянно усиливающейся внешней опасностью, борьба за независимость.

Классовое общество в эпоху раннего средневековья сложилось на юге Дальнего Востока СССР в результате исторических процессов, протекавших в этом регионе Восточной Азии, в результате развития производительных сил и производственных отношений у местных народностей юга Дальнего Востока СССР.

- ¹ *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества («Труды Ин-та этнографии. Новая серия», т. LIV). М.—Л., 1960, с. 249.
- ² *Андрянов Б. В.* Роль перехода к земледелию в историческом процессе. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 132.
- ³ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 32.
- ⁴ *Андрянов Б. В.* Роль перехода к земледелию..., с. 131.
- ⁵ *Аверкиева Ю. П.* Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества. — В кн.: От Аляски до Огненной Земли. М., 1967, с. 82.
- ⁶ *Кюннер Н. В.* Китайские сведения о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, с. 254.
- ⁷ *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II. М.—Л., 1950, с. 24.
- ⁸ *Кюннер Н. В.* Указ. соч., с. 349.
- ⁹ *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., с. 70.
- ¹⁰ *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960, с. 59—62; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, с. 12—13; *Маргинов А. С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 5.

- ¹¹ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 36.
- ¹² *Стариков В. С.* Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ (К вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров). — В кн.: Культура народов зарубежной Азии и Океании («Сб. Музея антропологии и этнографии», XXV). Л., 1969, с. 110—111.
- ¹³ *Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2; *Дерезянко А. П.* Ранний железный век Приамурья, ч. II. Новосибирск, 1972, с. 220—225.
- ¹⁴ *Шнирельман В. А.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. — СЭ, 1974, № 3, с. 43.
- ¹⁵ *Сорокин В. С.* Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. — СА, 1959, № 4, с. 15.
- ¹⁶ *Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Конференция «Возникновение раннеклассового общества». — СЭ, 1974, № 4, с. 155.
- ¹⁷ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 95.
- ¹⁸ *Шавкунов Э. В., Ленъков В. Д.* Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году. — Архив Ин-та археологии, Р—1/3652; и др.
- ¹⁹ *Рикман Э. А.* Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. — СЭ, 1970, № 6, с. 29.
- ²⁰ *Хазанов А. М., Ф. Энгельс* и некоторые проблемы классового образования. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972, с. 159.
- ²¹ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 199.
- ²² *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытнообщинного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 50—51.
- ²³ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 37.
- ²⁴ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 197 (рис. 65), 198, 284.
- ²⁵ *Арсеньев В. К.* Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. — Соч., т. 4. Владивосток, 1947, с. 317.
- ²⁶ *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества, с. 54—55.

- ²⁷ *Заднепровский Ю. А.* Развитие домашних производств (промыслов) и ремесла в древней Средней Азии. — В кн.: *Домашние промыслы и ремесло (Тезисы)*. Л., 1970, с. 13.
- ²⁸ Анализ сделан в Лаборатории физико-химических методов Дальневосточного геологического института Дальневосточного научного центра АН СССР С. А. Щекоей.
- ²⁹ *Боголюбовский И.* Очерк Амурского края, южной части Приморской области и о. Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб., 1870.
- ³⁰ *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя. — «Вопросы истории», 1972, № 3, с. 107.
- ³¹ *Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой Сопке. — В кн.: *Археологические открытия 1971 года*. М., 1972; *Семениченко Л. Е.* Раннесредневековое поселение близ Круглой Сопки в Приморье. — В кн.: *Археологические открытия 1972 года*. М., 1973; *она же.* Исследование бохайских памятников в Приморском крае. — В кн.: *Археологические открытия 1973 года*. М., 1974.
- ³² *Шавкунов Э. В.* О результатах предварительных обследований средневековых памятников в Приморском и Хабаровском краях осенью 1969 г. — В кн.: *История, социология и филология Дальнего Востока*. Владивосток, 1971, с. 74—75; *Шавкунов Э. В., Хорев В. А., Ленюков В. Д.* Исследования в Приморском крае. — В кн.: *Археологические открытия 1973 года*. М., 1974.
- ³³ *Леньков В. Д.* Предварительные итоги исследования плавильной печи на Шайгинском городище. — В кн.: *История, археология и этнография Дальнего Востока*. Владивосток, 1969, с. 23; *он же.* О технологии получения и обработки металла у чжурчженей в XII в. — В кн.: *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 1973, с. 107.
- ³⁴ *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя, с. 107; *он же.* Становление ремесел в свете данных археологии. — В кн.: *Домашние промыслы и ремесла (Тезисы)*. Л., 1970; *Бочкарев В. С., Распопова В. И.* Дискуссия о характере ремесленного производства. — СА, 1971, № 4, с. 300.
- ³⁵ *Бутинов Н. А.* Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. — В кн.: *Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. Л., 1967, с. 182.
- ³⁶ *Аверкиева Ю. П.* Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества, с. 82.
- ³⁷ *Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытнообщинного строя. — ВИ, 1972, № 3, с. 117; *он же.* Становление ремесел в свете данных археологии, с. 27—29.
- ³⁸ *Заднепровский Ю. А.* Развитие домашних производств (промыслов) и ремесла в древней Средней Азии, с. 15.
- ³⁹ *Бочкарев В. С., Распопова В. И.* Дискуссия о характере ремесленного производства, с. 302.
- ⁴⁰ *Шелов Д. Б.* Социальное развитие скифского общества. — ВИ, 1972, № 3.
- ⁴¹ *Шавкунов Э. В.* Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг. — МИА, 1960, № 86.
- ⁴² *Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества, с. 56.
- ⁴³ *Хазанов А. М. Ф.* Энгельс и некоторые проблемы классового образования, с. 138.
- ⁴⁴ *Андреева Ж. В.* К вопросу о стратиграфии и датировке поселения Синие Скалы. — В кн.: *Материалы по истории Дальнего Востока*. Владивосток, 1973, с. 68 (табл.).
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.
- ⁴⁶ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 165.
- ⁴⁷ *Хазанов А. М. Ф.* Энгельс и некоторые проблемы классового образования, с. 146, 148.
- ⁴⁸ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 183—184.
- ⁴⁹ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 21.
- ⁵⁰ Там же, с. 36—37.
- ⁵¹ *Тумаркин Д. Д.* К вопросу о сущности рода. — СЭ, 1970, № 5, с. 94, 96.
- ⁵² *Козлов С. Я.* К характеристике некоторых социальных структур родового общества (заметки в связи с дискуссией). — СЭ, 1970, № 5, с. 91.
- ⁵³ *Бичурин Н. Я.* Указ. соч., с. 92—93; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 40—41.
- ⁵⁴ *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164.
- ⁵⁵ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 30, 31 (рис. 1), 46, 64, 65.
- ⁵⁶ *Шавкунов Э. В.* Бохайские памятники Приморья (по исследованиям 1960 г.). — В кн.: *Археология и этнография Даль-*

- него Востока. Новосибирск, 1964, с. 102—105.
- 57 *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973, с. 84—85.
- 58 *Шавкунов Э. В.* О семантике тамгообразных знаков и некоторых видах орнамента на керамике с Шайгинского городища. — СЭ, 1972, № 3, с. 131.
- 59 *Шавкунов Э. В.* Исследования на Шайгинском городище. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- 60 *Леньков В. Д.* Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища). Автореф. канд. дисс. Владивосток, 1971.
- 61 *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 49—50.
- 62 *Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой сопке.
- 63 *Леньков В. Д.* Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII в., с. 7—8.
- 64 *Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчжэней по материалам археологических исследований 1963—1966 гг.
- 65 *Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973, таблицы на стр. 318, 319, 325, 339, 341.
- 66 *Деревянко А. П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971, с. 58—59.
- 67 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 270—277; *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево, ч. I. — В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. I. Новосибирск, 1970.
- 68 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево, с. 281; *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья, с. 160, рис. 55.
- 69 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево, с. 283, рис. 12, 14; с. 284, рис. 4, 7.
- 70 *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, с. 30.
- 71 *Chêng Tê-k'un.* Archaeologia in China, vol. III. Hefter. Cambridge, 1963, p. 136—137, 140—141.
- 72 Народы Восточной Азии, с. 73, 672—673.
- 73 *Железняков К. А.* Результаты некоторых археологических разведок в пойме нижнего течения р. Ашихэ. — «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1946, № 3. Археология; *Макаров В. С.* Описание коллекции, собранной Л. М. Яковлевым на стоянках между разъездами Чэнгаоцзы и Чэн. — «Записки Харбинского общества естествоиспытателей и этнографов», 1950, 8, Археология.
- 74 *Archaeologia Orientalis*, vol. II. Tokyo, 1931; *Archaeologia Orientalis*, vol. III. Tokyo, 1933.
- 75 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. с. 277.
- 76 *Kidder J. E.* Japan before Buddhism. London, 1959, p. 97—104.
- 77 *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 273; *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кукелево, с. 283, рис. 13—14.
- 78 *Kidder J. E.* Japan before Buddhism. p. 122—123.
- 79 *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Ин-та этнографии им. Н. И. Миклухо-Маклая. Новая серия», 1958, т. XXXVI, с. 284; *он же.* Этническая антропология Японии. М., 1971, с. 202—204; *Окладников А. П.* [рец. на кн.:] М. Г. Левин. Этническая антропология... — СА, 1961, № 1, с. 298; *Tubaki K.* (Japan). The face of Japanese in comparison with that of the ainos, manchus, mongols, northern chinese, homiks (chinese mohamedcehs), dahurs and golds (yüpitatz). — В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 3. М., 1968, с. 15.
- 80 Определение проведено в лаборатории новейших отложений и опорных разрезов МГУ, образец 498.
- 81 *Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой Сопке.
- 82 *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.
- 83 *Окладников А. П.* [Рец. на кн.:] Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — СА, 1961, № 1; *Чебоксаров Н. Н.* Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока. — В кн.: Вопросы истории советского

- Дальнего Востока (Тезисы докладов IV Дальневосточной научной конференции по вопросам истории, археологии, этнографии и антропологии). Владивосток, 1965, с. 49.
- ⁸⁴ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 292—300.
- ⁸⁵ *Деревянко Е. П.* Мохэские могильники Среднего Приамурья. Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1974, с. 3, 18—21.
- ⁸⁶ *Деревянко Е. П.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975, с. 186.
- ⁸⁷ *Деревянко Е. П.* Городище на реке Завитой. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. I. Новосибирск, 1972.
- ⁸⁸ *Деревянко Е. П.* Материалы раскопок могильника у с. Троицкого. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. II. Новосибирск, 1973.
- ⁸⁹ Там же, табл. I 3—5, табл. II 4, табл. IV 5, 6, 10, табл. VII 9, 10, табл. XI, табл. XII 6, 7.
- ⁹⁰ *Деревянко Е. П.* Мохэские могильники Среднего Приамурья, с. 14—15.
- ⁹¹ *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей Приморья по материалам археологических раскопок 1960—1965 гг. — В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967.
- ⁹² *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник. — «Труды Ин-та этнографии им. П. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия», 1963, т. 81, с. 370—371, 433—435.
- ⁹³ *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока, с. 195.
- ⁹⁴ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 319—320; *Дэвлет М. А., Теребенин В. С.* О связях в искусстве древних тюрок Центральной Азии. — КСИА, 1973, вып. 136.
- ⁹⁵ *Бромлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей. — СЭ, 1972, № 5, с. 63—68.
- ⁹⁶ *Хазанов А. М.* Проблемы взаимосвязей классовых обществ и первобытной периферии в докапиталистические эпохи. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 1, с. 85, 93.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видимо, невозможно правильно понять и оценить те события, которые происходили в Приморье в последние века до нашей эры, в первой половине и середине I тысячелетия н. э., если рассматривать их оторвано от той исторической обстановки, которая сложилась в Восточной Азии. Поскольку данное исследование построено на археологических материалах, то при кратком анализе исторической обстановки акцент будет сделан на анализ материальной культуры.

Середина, вторая половина I тысячелетия до н. э. — время больших исторических событий: это время вторжения войск Александра Македонского в области Переднего Востока и Средней Азии, время крупных передвижений сакских и массагетских племен в Средней Азии, усиления борьбы Китая против северных кочевых племен¹. На рубеже нашей эры особое развитие получили разнообразные связи между народами Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Дальнего Востока².

Середина, вторая половина I тысячелетия до н. э. — время широкого распространения железа и изделий из него в Восточной Азии, вызвавших бурное развитие производительных сил. Происходит дальнейшее укрепление такого древнего государственного образования, как Китай, развиваются классообразова-

тельные процессы в Центральной Азии, на Корейском полуострове, в бассейне среднего Амура и его притоков, на территории Маньчжурии и Приморья, на Японских островах.

Переход от камня и бронзы к железу и изделиям из него в середине I тысячелетия до н. э. в Китае привел к такому стремительному росту производства, что темпы прогресса позволяют говорить о революции в производительных силах³. Ранние железные вещи сделаны техникой литья⁴. Известны литые чугунные сельскохозяйственные орудия⁵. Происходит быстрое развитие ремесел и сельского хозяйства, которые вместе с ростом торговых связей привели к небывалому до этого росту городов⁶. Развиваются добывающие промыслы. Наряду с торговлей расцветает ростовщичество. Seriously изменяются социальная структура и политическая организация⁷. Большую роль в земледелии Китая сыграло появление плуга с железным сошником⁸. Начинают проводиться широкие ирригационные работы⁹.

Если до этого времени основным земледельческим районом в Китае была долина р. Хуанхэ с ее плодородными наносными почвами, то широкое распространение железных орудий сделало возможным обработку твердых целинных земель в более северных районах. Именно во второй половине I тысячелетия до

н. э. возрастают темпы продвижения китайцев на север¹⁰. В последние века до нашей эры и первые века нашей эры внешняя политика Китая носила агрессивный характер. В этот и последующие исторические периоды проводилась колонизация вновь захваченных земель, называвшаяся политикой «постепенного поедания земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья». Но эта политика не всегда была успешной: в ранний период Ханьской империи китайские императоры вынуждены были откупаться от северных соседей — гунов богатыми подарками, что являлось завуалированной формой дани. На северо-востоке Китай вел агрессивную политику против Чосон¹¹. Именно к этому времени относится завершение постройки Великой стены протяженностью 4 тыс. км. Но оказалось, что всех вооруженных сил страны не хватало, чтобы обеспечить на стене оборону. Великая стена не спасала страну от набегов кочевников¹².

III—V вв. н. э. — время величайших варварских нашествий в истории Китая¹³. В долину Хуанхэ вторгаются кочевники. Возникает ряд «варварских» государств: Раннее Чжао, Северное Лян, Ся и др. Этот период — один из важнейших этапов в этнической истории Китая. В VI в. страна объединяется под властью династии Суй, которая в начале VII в. сменяется династией Тан (618—906 гг.). Танская империя превращается в один из крупнейших политических и культурных центров Восточной Азии¹⁴.

В I тысячелетии до н. э. у племен Центральной Азии происходит размежевание двух типов производящего хозяйства: оседлого земледельческого и кочевого скотоводческого. Во второй половине I тысячелетия

до н. э. кочевые племена Центральной Азии перешли от бронзы к железу¹⁵.

В I тысячелетии до н. э. в северной Монголии хорошо прослеживаются два культурных ареала: западный и восточный. Западный был близок культурам Тувы и Алтая и представлен населением европеоидного облика. Население восточного ареала — монголоиды. Это область распространения культуры плиточных могил, развитие которой привело к созданию культуры гунов¹⁶.

Основным занятием гунов было скотоводство. Они хорошо знали бронзолитейное производство. В IV—III вв. до н. э. у гунов широкое распространение получают изделия из железа, происходит выделение кузнечного ремесла. В III—II вв. до н. э. в Центральной Азии складывается гуннский союз. Политика гуннского союза была подчинена ведению грабительских войн. Войны и набеги на соседей, особенно Китай, были одним из источников богатств и рабов¹⁷.

Во II в. до н. э. гунны вторглись в юго-западную Маньчжурию и подчинили себе племена дун-ху. В середине I в. до н. э. гуннский союз распался на северных и южных гунов. В I в. н. э. северные гунны были разбиты сяньбийцами, обитавшими в западной Маньчжурии и восточной Монголии, и частично слились с сяньбийцами¹⁸.

На рубеже нашей эры особенно четко выступает неравномерность исторического развития различных районов Центральной Азии. Во II в. н. э. сяньбийцы становятся центром огромного могущественного политического объединения, которое распалось в III в. н. э. В IV—V вв. в центральной части Гоби складывается военный союз, во главе которого

стояли жужане¹⁹. Это было разноплеменное военно-административное объединение, в состав которого входили потомки гуинов и сяньбийцев. В западноевропейских источниках жужане известны под именем аваров, в русских летописях — обров. В VI в. жужане были разбиты алтайскими тюрками²⁰.

В предшествующий период (Пазырыкская культура) племена Алтая достигли высокого уровня развития. Благоприятные природные условия с плодородными пастбищами и обилием металла явились отправной точкой для дальнейшего их развития²¹. Основным занятием этих племен было кочевое скотоводство с разведением главным образом овец и лошадей. Именно в это время железо получило массовое распространение. Развитие металлургии позволило создать прекрасно вооруженные части латной кавалерии²².

В середине VI в. тюркские племена Алтая создали в Центральной Азии Первый тюркский каганат. В течение короткого времени они установили господство на огромной территории от Большого Хингана и Внешней Монголии на востоке до Амударьи на западе. Центром этого объединения становится долина Орхона²³. Тюрки держали в своих руках великий караванный путь, по которому власть торговля шелком между Китаем и Средней Азией. С громадной территории с покоренных племен взималась дань. Основная часть богатств оседала в руках знати²⁴. Сохранились описания сказочных богатств, которыми владела тюркская знать. Тюркское общество стояло на грани перехода к феодализму. Раздираемый внутренними противоречиями, Первый тюркский каганат прекратил свое существование в 630 г.²⁵

Возникший следом Второй тюркский каганат также находился на стадии военной демократии. Это политическое объединение было гораздо слабее Первого тюркского каганата²⁶. Просуществовав всего лишь 50 лет, оно прекратило свое существование в 740 г.²⁷

Конец I тысячелетия — время сложения на территории Центральной Азии ряда государств, о которых здесь будет лишь упомянуто, так как их история выходит за хронологические рамки данной работы.

На смену Второму тюркскому каганату приходит Уйгурский каганат, разбитый в середине IX в. кыргызами. В X в. на политическую арену Центральной Азии выступают кидане, создавшие феодальное государство²⁸. В VII—IX вв. идет процесс складывания феодального государства в Тибете, проникновение туда и укрепление буддизма²⁹. В X в. складывается государство тангутов Си Ся, которое оказало определенное влияние на судьбы народов Центральной Азии³⁰.

Основу хозяйства древних обитателей Корейского полуострова во второй половине I тысячелетия до н. э. составляло земледелие и скотоводство. Широкое распространение получили орудия из бронзы и железа. Своеобразны и самобытны бронзовые мечи, зеркала, украшенные линейным орнаментом, многочисленные детали конской упряжки³¹. Отмечается некоторая неравномерность в социально-экономическом развитии отдельных районов полуострова. В начале нашей эры идет процесс разложения первобытнообщинного строя³².

Во второй половине I тысячелетия до н. э. на Корейском полуострове известно политическое объединение Чосон, с которым столкнулись кидане.

тайцы в своем продвижении на северо-восток. На Ляодунском полуострове, территории, захваченной у Чосон китайцами, были основаны округа. Положение в этих округах было сложным и неустойчивым. В письменных источниках не указываются точные границы префектур³³. К концу I в. н. э. китайцам удалось сохранить на Ляодуне лишь один округ. В течение нескольких веков Чосон сдерживал проникновение китайцев на Корейский полуостров. В борьбе с завоевателями росла консолидация древнекорейских племен, складывались предпосылки к формированию феодальных государств³⁴.

Представление об уровне развития материальной культуры в первые века нашей эры дают археологические материалы стоянки Кимхай в юго-восточной Корее, сопровождавшиеся раковинными кучами. Здесь большую роль играли добыча и плавка железа. Изготавливались многочисленные изделия из железа. Готовые железные предметы служили объектом обмена с районами в северной части Корейского полуострова и с Японскими островами. Широко использовались костяные подделки: иглы, шилья, наконечники стрел. Преобладала бурая керамика с несколько закругленными доньями. Распространены были роговидные ручки. Эта посуда близка японской периода яеи. Появляется серая керамика, украшенная оттисками сетки и шнура. В земледелии в южных районах получает распространение поливное рисосеяние³⁵.

В середине I тысячелетия нашей эры на Корейском полуострове складываются первые государственные образования: в IV в. н. э. в юго-западной его части — государство Пэкче, в северной — Когуре³⁶.

Изучение истории и материальной культуры государства Когуре представляет для нас особенно большой интерес, так как оно находилось по соседству с Приморьем. Территория этого государства охватывала северную часть Корейского полуострова и районы к востоку от Ляодунского полуострова³⁷. Когуресцы были земледельцами. Среди возделываемых ими зерновых культур основными были просо и ячмень, культивировались конопля и огородные культуры. Стадо домашних животных состояло из лошадей, быков, овец, свиней, собак, при большом удельном весе лошадей и крупного рогатого скота. Охота, рыбная ловля и собирательство имели подсобное значение. Ремесленное производство еще не отделилось от сельского хозяйства. Города первоначально представляли собой крепости, в которых хранилось общественное добро. Жилища известны наземные из дерева и камня и полуземлянки³⁸.

О высоком уровне культуры когуресцев свидетельствуют памятники материальной культуры: огромные крепости с валами и рвами, с роскошными дворцами и храмами. Наиболее изученными памятниками материальной культуры являются гробницы знати, монументальные сооружения в виде грандиозных каменных пирамид или курганов со сложными в конструктивном отношении гробницами, стены которых изнутри богато украшены росписями³⁹.

В сложении когуресцев большую роль сыграл тунгусский компонент, который хорошо прослеживается в материальной, духовной культуре, а также в языке, и, возможно, палеоазиатский компонент. Древнее население Корейского полуострова принимало большое участие в этногенезе древних японцев, особенно в

середине I тысячелетия до н. э. В начале IV в. н. э. на о-в Кюсю, по мнению японских историков, проникает еще одна волна пришельцев, принадлежащая к тунгусской группе племен⁴⁰.

В VI в. в юго-восточной части Корейского полуострова начинается быстрое развитие государства Силла. В 660 г. оно покоряет Пэкче, а в 668 г. — Когуре, объединив все население полуострова. Язык Силла становится общекорейским⁴¹. В VII в., после разгрома Когуре, на территории Маньчжурии из этого разгромленного государства проникают большие этнические группы⁴².

Ослаблению и падению государства Когуре в немалой степени способствовали многочисленные войны с Танской империей, осуществлявшей захватническую политику на северо-востоке. Государству Силла удалось отстоять свою независимость и провалить попытки Танской империи установить свое господство на Корейском полуострове⁴³.

В стране широкое развитие получает градостроительство, большое внимание уделяется строительству дорог и плотин⁴⁴. В IX в. в результате массовых крестьянских выступлений и междоусобных феодальных войн Силла распадается на ряд феодальных владений. В X в. происходит объединение корейских земель под властью государства Коре⁴⁵.

В середине I тысячелетия до н. э. происходят большие изменения на Японских островах, связанные с волной переселенцев с материка, из южных районов Корейского полуострова⁴⁶. Это время сложения культуры яеи. Широкое распространение получает возделывание риса. Культура поливного риса становится основой экономики. Распространение поливного рисосеяния, а также обы-

чай захоронения в дольменах, сложенных из обломков скалы, связывается японскими учеными с волной выходцев из Юго-Восточной Азии. Другое, не менее важное значение культуры яеи в истории Японии — распространение металла. Железо, проникнув на Японские острова, сразу становится рабочим материалом, а бронза — металлом для изготовления церемониальных и религиозных предметов. С изделиями из бронзы и железа сосуществуют каменные орудия. Сельскохозяйственные орудия преимущественно деревянные: ступы, песты, лопаты, грабли, мотыги с железными обкладками. С формированием культуры яеи появляется скотоводство (в стаде домашних животных — корова и лошадь). Большую роль в хозяйстве продолжает играть рыболовство, но сбор моллюсков теряет свое прежнее значение. Бронзовые предметы ввозятся с материка двумя потоками: зеркала и другие предметы — из Китая; узкие мечи, зеркала с ушком и линейным геометрическим орнаментом — из Центральной Азии, северо-восточного Китая и Северной Кореи⁴⁷. Развивается ремесленное производство, где на первом месте стоит металлургия, бронзовое литье и выплавка железной руды, добываемой из прибрежных песчаных дюн. Появляется гончарный круг⁴⁸. Этими характеризует культуру яеи как сплав культуры поливного риса из юго-восточного, центрального и восточного Китая, культуры дзэмон, культуры полированного камня Южной Кореи, металлических культур Северо-Восточной Азии с элементами культуры ханьского Китая⁴⁹.

Конец III в. н. э. является временем широкого распространения железа. Складывается общепонская культура ямато с центром в районе

Кинаи, который в предшествующий период был наиболее развитым в хозяйственном отношении. Эта культура легла в основу общепонской культуры⁵⁰. Эпоха ямато называется часто культурой больших курганов. Курганский период продолжался с конца III в. до середины VII в. Появляются курганы в форме «замочной скважины». На раннем этапе этой культуры шло дальнейшее развитие традиций культуры яеи, но совершенно исчезают ритуальные бронзовые колокола, бронзовые мечи и кинжалы. В поздний период существования этой культуры некоторые курганы достигают громадных размеров, во многих погребальных камерах появляется фресковая живопись. Для погребального инвентаря этого периода характерны ханивы — миниатюрные скульптурные изображения мужчин и женщин, лошадей с нарядной сбруей, птиц и зверей, оружия, лодок и т. п. Оружие, конская сбруя, украшения подобны таким же категориям находок на территории Монголии и северо-восточного Китая⁵¹.

В V—VIII вв. на территорию Японии проникает большая волна пришлого населения, которое ассимилируется с местным населением. Происходит ассимиляция последних не-японских племен на юге страны. Начинается продвижение японцев на север о-ва Хонсю и борьба с айнами, затянувшаяся на несколько столетий⁵². К концу курганского периода усиливается воинственность населения⁵³. V—VI века были временем разложения родовой общины. В 645 г. происходит переворот Тайка, считающийся началом централизованного государства в Японии⁵⁴. С середины VII в. в Японии начинается средневековье, складывается феодальное государство⁵⁵.

В значительной части бассейна среднего Амура и его притоков и бассейна нижнего Амура, на территории Приморья, в северной и отчасти восточной и южной Маньчжурии в I тысячелетии н. э. обитали племена мохэ⁵⁶. Радиоуглеродные анализы и многочисленные аналогии позволяют определить время существования мохэских памятников в бассейне Амура и в Приморье: поселение Малая Подушечка дало II в. до н. э. (1750 ± 50 с поправкой по канадской сосне 1810 ± 50)⁵⁷ (верхний слой поселения); падь Куркушиха около озера Ханка — IV в. н. э.; более поздние памятники в бассейне Амура — VII—VIII вв.⁵⁸ Примерно в этих же пределах (V—VIII вв.), как это было показано выше, датируется поселение Синие Скалы.

В конце VII в. племена мохэ создали государство.

Первоначально оно называлось Чжэнь, а в 713 г. было переименовано в Бохай. Небольшое вначале, оно быстро выросло и окрепло. Границы Бохая на севере доходили до Амура, на западе Бохай граничил с киданями, на юге — с государством Силла. Частично Бохай охватывал бывшую территорию государства Когуре⁵⁹.

История государства Бохай выходит за рамки данной работы, это самостоятельная большая тема исследования. Коротко же можно сказать, что политическая история Бохая восстанавливается по письменным данным, а материальная культура — по материалам археологических раскопок. Хорошо известны результаты раскопок одной из столиц Бохая в Маньчжурии — Дун-цзинчэна, расположенной на берегу притока Сунгари. Это был большой, хорошо укрепленный город с дворцовыми и

храмовыми зданиями⁶⁰. Археологические материалы свидетельствуют о высоком уровне материальной культуры.

Бохайские памятники известны и на территории Приморья: это остатки храмовых построек недалеко от Уссурийска, укрепления возле Алучино (на Круглой сопке), на юге Хасанского района, в Уссурийске и др.⁶¹ Очень интересно поселение, обитатели которого занимались бронзолитейным производством, около с. Новогордеевки Алучинского района. Здесь были найдены многочисленные следы бронзолитейного производства, в том числе тигли, льячки, литейные формы⁶². Изучаемые в последние годы раннесредневековые бохайские памятники в Приморье (Новогордеевское поселение, городище Круглая сопка, Марьяновское городище) датируются VIII—X вв.⁶³ Материал этих памятников хорошо увязывается с материалом ольгинской культуры, являясь дальнейшим развитием, продолжением этой культуры.

Основным занятием бохайцев было земледелие⁶⁴. Высокого развития достигло ремесло: холодная и горячая обработка металлов, художественное литье, керамическое производство. Бохайцы знали секрет получения фарфора. Им была известна письменность: китайская иероглифическая и древнетюркское руническое письмо. Государственной религией являлся буддизм, но в то же время сильны были пережитки шаманизма. В X в. Бохай был разбит киданями⁶⁵.

Бохай был сильным независимым государством с высокой культурой, оказавшей влияние на дальнейшее развитие древнего населения бассейна Амура, Приморья и Маньчжурии⁶⁶. Это государство с его само-

бытной культурой, имеющей глубоко местные истоки, было одним из звеньев высоких культур Восточной Азии I тысячелетия н. э.⁶⁷

Мы видели, как в последние века до нашей эры — первые века нашей эры в Восточной Азии широкое распространение получают изделия из железа, бурно развивается земледелие и скотоводство, ремесленное производство. В различных областях складываются своеобразные культурные центры. В степных областях Центральной Азии формируются крупные племенные объединения, а затем государства, основу экономики которых составляло скотоводство. Это время широкого проникновения поливного рисосеяния из Юго-Восточной Азии в Китай, Корею, особенно южную, Японию. В этих областях формируется материальная и духовная культура с большим количеством черт, присущих в каждом отдельном случае только одной какой-то культуре. И в Корее, и в Японии складываются сильные независимые государственные образования.

В I тысячелетии н. э. на исторической арене появляется ряд новых государственных образований: на Японских островах, на Корейском полуострове, в Центральной Азии. Одним из таких государств было государство Бохай.

Сложна картина исторических контактов рассматриваемого времени. Это можно проследить на примере сложения японской народности, в формировании которой, судя по антропологическим, лингвистическим и археологическим данным, как было показано выше, участвовал и тунгусский компонент.

Отмечено, с одной стороны, большое влияние культур Центральной Азии, политических и государственных

ных объединений данного региона на исторические процессы в Китае. С другой стороны, это была агрессивная политика китайской империи на северо-востоке и упорнейшее сопротивление древнего населения Корейского полуострова и южной Маньчжурии наступательной политике Танской империи. Консолидация мохэских племен завершилась созданием государства Бохай и установлением связей, очень четко прослеживающихся по археологическим материалам, с тюркским миром Центральной Азии.

Археологические исследования, проводящиеся широко на юге Дальнего Востока СССР, дали в руки ученых конкретный материал, который свидетельствует о самобытности культуры древнего населения этих областей, о местных истоках сложившихся здесь во второй половине I тысячелетия н. э. государственных образований.

- ¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 322, 325.
- ² *Гафуров Б. Г.* Кушанская эпоха и мировая цивилизация. — В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху. М., 1974, с. 65—66.
- ³ *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 219.
- ⁴ *Chêng Tê-k'un.* Archaeologia in China, vol. III. Heffer, Cambridge, 1963, p. 246—249.
- ⁵ *Герезова И. Н.* Технология чугунопольного производства у древних монголов. — СА, 1974, № 1, с. 70.
- ⁶ *Материалы по истории сюнну.* М., 1968, с. 16—17.
- ⁷ *Васильев Л. С.* Рабовладение и феодализм в древнем Китае. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966, с. 108—111.
- ⁸ *Крюков М. В.* Социальная дифференциация в древнем Китае. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968, с. 228.
- ⁹ *Васильев Л. С.* Рабовладение и феодализм. . . , с. 108—109.
- ¹⁰ *Материалы по истории сюнну,* с. 11.

- ¹¹ *Тихвинский С. Л.* Вступительная статья. — В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 5.
- ¹² *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960, с. 54—55.
- ¹³ *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975, с. 215.
- ¹⁴ *Народы Восточной Азии.* М.—Л., 1965, с. 144—149.
- ¹⁵ *Викторова Л. Л.* Становление классового общества у древнемонгольских кочевников. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, с. 547, 551.
- ¹⁶ *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, т. V, вып. 1. Улаан-Батор, 1967, с. 44—87.
- ¹⁷ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 322—325, 487—488.
- ¹⁸ *Народы Восточной Азии,* с. 707—708; *Гумилев Л. Н.* Хунну, с. 250—251.
- ¹⁹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 487—490.
- ²⁰ *Народы Восточной Азии,* с. 710.
- ²¹ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 495, 500.
- ²² *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967, с. 42—65.
- ²³ *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири, с. 500.
- ²⁴ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки, с. 65—71.
- ²⁵ *Народы Восточной Азии,* с. 710—711.
- ²⁶ *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки, с. 181, 201, 312, 326, 337, 354.
- ²⁷ *Народы Восточной Азии,* с. 710—711.
- ²⁸ *Народы Восточной Азии,* с. 710—711.
- ²⁹ *Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962, с. 174.
- ³⁰ *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968, с. 11—14; *он же.* Культура Си Си и ее место среди культур Центральной Азии. — «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 6, с. 178.
- ³¹ *Джарылгасинова Р.* Китай и Корея в V в. до н. э.—III в. н. э. — В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970, с. 89.
- ³² *Пак М. Н.* О возникновении и утверждении феодализма в Корее. — В кн.: Историкогеография стран Востока. М., 1969, с. 275.
- ³³ *Джарылгасинова Р.* Китай и Корея в V в. до н. э.—III в. н. э., с. 99.

- ⁵⁴ *Тихвинский С. Л.* Вступительная статья. — В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье.
- ⁵⁵ *Won Young Kim.* New lights on Korean archaeology. — «Asian perspectives», 1967, vol. X, p. 50—51.
- ⁵⁶ *Пак М. Н.* О возникновении и утверждении феодализма в Корее, с. 305.
- ⁵⁷ История Кореи. М., 1960, с. 50.
- ⁵⁸ *Джарылгасинова Р. Ш.* Когуресцы. — В кн.: Восточноазиатский этнографический сборник, II («Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1961, т. XXIII), с. 201—216.
- ⁵⁹ *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, с. 92—95; *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когуресцы. М., 1972, с. 127—129.
- ⁶⁰ *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когуресцы, с. 175—178.
- ⁶¹ История Кореи, с. 50—69.
- ⁶² Народы Восточной Азии, с. 673.
- ⁶³ История Кореи, т. I, М., 1974, с. 85—86.
- ⁶⁴ *Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961, с. 117—118.
- ⁶⁵ Народы Восточной Азии, с. 793—794.
- ⁶⁶ Там же, с. 855—856.
- ⁶⁷ *Kidder E.* Japan before buddism. London, 1959, p. 90—104; *Egami N.* The beginnings of Japanese art. New York, Tokyo, 1973, p. 30—34, 120—123; *Amakasu K.* Aspects of Yayoi and Tumulus art. — In: *Egami N.* The beginnings of Japanese art, p. 166.
- ⁶⁸ *Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958, с. 37, 42, 81—83, 90.
- ⁶⁹ *Egami N.* Op. cit., p. 32—33.
- ⁷⁰ *Арутюнов С. А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — В кн.: Восточноазиатский этнографический сборник. II. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1961, т. XXIII, с. 161.
- ⁷¹ *Egami N.* Op. cit., p. 57—60, 171—172.
- ⁷² *Арутюнов С. А.* Этническая история Японии. ... с. 139.
- ⁷³ *Egami N.* Op. cit., p. 59.
- ⁷⁴ *Эйдус Х. Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968, с. 7—11.
- ⁷⁵ *Сырцун И. М.* К вопросу об изучении феодализма в Японии. — В кн.: Историография стран Востока. М., 1969, с. 219—220.
- ⁷⁶ *Деревянко Е. И.* Мохэские памятники среднего Амура. Новосибирск, 1975, с. 181—196; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968; История Кореи. т. I, М., 1974, с. 94.
- ⁷⁷ Лаборатория «Новейших отложений и опорных разрезов» Московского государственного ун-та (руководитель П. А. Каплин), МГУ—498.
- ⁷⁸ *Деревянко Е. И.* Мохэские памятники среднего Амура, с. 186—187.
- ⁷⁹ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973, с. 331—336; *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 9; История Кореи, т. I, М., 1974, с. 94.
- ⁸⁰ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 336—340.
- ⁸¹ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968, с. 67, 98; *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 340; и др.
- ⁸² *Леньков В. Д., Семениченко Л. Е., Хорев В. А.* Следы металлургического производства на раннесредневековом поселении в долине р. Арсеньевки. — В кн.: Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока, вып. II. Владивосток, 1974.
- ⁸³ *Семениченко Л. Е.* К вопросу о датировке словес городища на Круглой сопке и Марьяновского городища Приморья. — В кн.: Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока, вып. II. Владивосток, 1974.
- ⁸⁴ *Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 192—199.
- ⁸⁵ *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье, с. 105, 108—112.
- ⁸⁶ Там же, с. 119—121.
- ⁸⁷ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья, с. 350.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Ленин В. И.* О государстве. Полп. собр. соч., т. 29.
- Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 13.
- Маркс К.* Капитал. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
- Энгельс К.* Анти-Дюринг. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 20.
- Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21.
- Энгельс Ф.* О роли насилия в истории. — *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

ИСТОЧНИКИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Андреев Г. И.* Отчет о результатах разведок, произведенных Прибрежным отрядом Дальневосточной экспедиции на побережье залива Петра Великого. 1955. — Архив Ин-та археологии. Р—1/1440.
- Андреев Г. И., Андреева Ж. В.* Отчет об археологических исследованиях Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края. 1958. — Архив Ин-та археологии. Р—1/1777.
- Андреев Г. И., Андреева Ж. В.* Отчет об археологических исследованиях в Лазовском, Ольгинском и Хасанском районах Приморского края, произведенных Прибрежным отрядом Дальневосточной археологической экспедиции в 1959 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/1923.
- Андреев Г. И.* Отчет о работах в Приморье Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в 1960 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2074.
- Андреева Ж. В.* Отчет о разведках в Чугуевском и Кавалеровском районах Приморского края. 1961. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2391.
- Андреева Ж. В.* Археологические работы в 1962 г. в Ольгинском, Шкотовском, Тетюхинском и Тернейском районах. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2492.
- Андреева Ж. В.* Отчет об археологических работах в Приморье. 1963. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2789.
- Андреева Ж. В.* Отчет о раскопках на поселении Малая Подушечка в 1964 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/2899.
- Андреева Ж. В.* Отчет о раскопках на поселении Синие Скалы Ольгинского района Приморского края. 1965. — Архив Ин-та археологии. Р—1/3102.
- Андреева Ж. В.* Отчет об археологических работах в Приморье в 1966 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/3288.
- Андреева Ж. В.* Отчет об археологических работах в Приморье в 1967 г. — Архив Ин-та археологии. Р—1/3594.
- Андреева Ж. В.* Отчет о раскопках в бухте Валентин, Лазовский район, Приморский край. 1968. — Архив Ин-та археологии. Р—1/3785.
- Андреева Ж. В.* Отчет о раскопках на поселении Малая Подушечка в Приморье. 1969. — Архив Ин-та археологии. Р—1/3949.
- Андреева Ж. В.* Отчет об археологических работах в Приморье. 1970. — Архив Ин-та археологии. Р—1/4167.
- Андреева Ж. В.* Отчет о раскопках на поселении Малая Подушечка в Приморье. 1971. — Архив Ин-та археологии. Р—1/4539.
- Андреева Ж. В.* Результаты археологических раскопок на поселении Синие

- Скалы в 1972 году. — Архив Ин-та археологии, Р—1/4968.
- Шавкунов Э. В., Ленков В. Д.* Об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1968 году. — Архив Ин-та археологии, Р—1/3652.
- Шавкунов Э. В., Ленков В. Д., Галактионов О. С.* Археологические исследования на территории Приморского и Хабаровского краев в 1969 году. — Архив Ин-та археологии, Р—1/3950.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950.
- Кюннер П. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
- Ларичев В. Е.* Летописные известия о древних тунгусо-маньчжурских племенах Сусунь-илоу. — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук», 1964, вып. 3.
- Материалы по истории Сюнчу (по китайским источникам). М., 1968.
- Шавкунов Э. В.* Сведения о племенах илоу из древнекитайских письменных источников. Сведения о племенах Воцзюй. — «Труды Сибирского отделения Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух М. С.* Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.
- Аверкиева Ю. П.* Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества. — В кн.: От Аляски до Огненной Земли. М., 1967.
- Акишев К. А.* Этапы развития древнейшего скотоводства в Казахстане. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Алексеев В. П.* Род, племя, народность, нация — исторические формы общности людей. М., 1962.
- Алексеев В. П.* Палеодемография СССР. — СА, 1972, № 1.
- Алексеев В. П.* Переход от присваивающего хозяйства к производящему и

физический тип древних людей. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.

- Алексеев В. П., Брамлей Ю. В.* К изучению роли переселений народов и формирования новых этнических общностей. — СЭ, 1968, № 2.
- Алекшин В. А.* Социальная дифференциация в среде древнеземледельческого населения центральной Апатологии конца III тысячелетия до н. э. по материалам могильников. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тезисы докладов. М., 1973.
- Андреев Г. И.* Поселение Зайсаповка 1 в Приморье. — СА, 1957, № 2.
- Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. — СА, 1958, № 4.
- Андреев Г. И.* Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе. — КСИИМК, 1959, вып. 74.
- Андреев Г. И.* Некоторые вопросы культур южного Приморья III—I тысячелетий до н. э. — МИА, 1960, № 86.
- Андреев Г. И.* Археологические исследования на южном и восточном побережье Приморья в 1960 г. — КСИА, 1963, № 93.
- Андреев Г. И.* Исследования в бухте Валентин. — КСИА, 1964, вып. 97.
- Андреев Г. И., Андреева Ж. В.* Работы Прибрежного отряда Дальневосточной экспедиции в Приморье в 1959 году. — КСИИМК, 1962, вып. 88.
- Андреева Ж. В.* Раскопки между мысом Седловидным и поселком Южным. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. 4.
- Андреева Ж. В.* Поселения раннего железного века в Ольгинском и Лазовском районах Приморского края. — МИА, 1960, № 86 («Труды Дальневосточной археологической экспедиции», т. I).
- Андреева Ж. В.* Основные этапы культур железного века в Приморье. — В кн.: Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока. Владивосток, 1965.
- Андреева Ж. В.* О датировке последнего этапа железного века в Приморье. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока, вып. II. Владивосток, 1965.
- Андреева Ж. В.* Памятники железного века в Приморье. — «Записки Приморского филиала Географического общества СССР», 1966, т. XXV.

- Андреева И. В.* Основные итоги изучения жилых комплексов поселения Сипие Скалы (по материалам раскопок 1958—1965 гг.). — В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967.
- Андреева Ж. В.* Некоторые проблемы истории Приморья в эпоху железного века. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период. История СССР. Владивосток, 1968.
- Андреева Ж. В.* Древнее Приморье. М., 1970.
- Андреева Ж. В.* К вопросу о стратиграфии и датировке поселения Сипие Скалы. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Андреева Ж. В.* Земледелие и скотоводство в эпоху железного века в Приморье. — В кн.: История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск, 1973.
- Андреева Ж. В.* Древний могильник на сопке Малая Подушечка. — В кн.: Рефераты докладов и сообщений, вып. 1. Владивосток, 1973.
- Андреева Ж. В.* Роль изделий из бронзы в железном веке Приморья. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
- Андреева Ж. В.* «Курганы» валентиновской группы памятников. — В кн.: Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.
- Андреева Ж. В.* Следы местного металлургического производства в Приморье в памятниках II тысячелетия до н. э. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Андреева Ж. В., Гарковик А. В., Дьякова О. В.* Новый могильник янковской культуры в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
- Андрянов Б. В.* Роль перехода к земледелию в историческом процессе. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.
- Андрянов Б. В.* Географическая среда и проблема зарождения земледелия. — В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Андрянов Б. В.* Становление производящего хозяйства и географическая среда. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Арсеньев В. К.* Обследование Уссурийского края в археологическом и археографическом отношениях. — «Известия Южно-Уссурийского отделения Русского географического общества». 1922, № 4.
- Арсеньев В. К.* Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края. — Соч., т. IV. Владивосток, 1947.
- Арсеньев В. К.* Памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии. — Соч., т. IV. Владивосток, 1947.
- Артемов В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М., Романова Е. Н.* Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C_{14}). — СА, 1961, № 2.
- Арутюнов С. А.* К оценке роли миграций в древней истории Японии. — СЭ, 1960, № 1.
- Арутюнов С. А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1961, т. 73.
- Арутюнов С. А., Хазанов А. М.* Конференция «Возникновение раннеклассового общества». — СА, 1974, № 4.
- Архангельский А. И.* Племя, народность, нация как исторические формы общности людей. М., 1961.
- Бахта В. М.* К вопросу о структуре первобытного производства. — «Вопросы истории», 1960, № 7.
- Белик Л. А.* Некоторые проблемы политической экономии доклассового общества. — СЭ, 1935, № 6.
- Березанская С. С.* Реконструкция поселения Пустынка. — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Тезисы. Л., 1974.
- Берзин Э. О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Берлянд С. С.* Очерки о земледелии и земледельцах. М., 1964.
- Бернштам А. И.* Материнский и отцовский род, возникновение малой семьи, племя и условия его образования. — В кн.: Первобытное общество. М., 1932.
- Беседнов Л. Н.* Материалы по ихтиофауне эпохи бронзы побережья залива Петра Великого. — «Труды Ин-та океанологии». 1963, т. LXII.
- Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. — СА, 1965, № 1.
- Бибиков С. Н.* О ранних формах ремесленного производства. — В кн.: Домаи-

- не промыслы и ремесло (Тезисы). Л., 1970.
- Бибиков С. П.* Плотность населения и величина охотничьих угодий в палеолите Крыма. — СА, 1971, № 4.
- Бобринский А. А.* К изучению гончарного круга на территории СССР. — СА, 1961, № 2.
- Боголюбовский И.* Очерк Амурского края, южной части Приморской области и о. Сахалина в геологическом и горно-промышленном отношении. СПб., 1870.
- Богословский В. А.* Очерк истории тибетского народа. М., 1962.
- Бочкарев В. С., Распопова В. И.* Дискуссия о характере ремесленного производства. — СА, 1971, № 4.
- Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
- Брамлей Ю. В.* Опыт типологизации этнических общностей. — СА, 1972, № 5.
- Бродянский Д. Л.* Укрепленное поселение культуры раковинных куч на острове Петрова. — В кн.: Восьмая конференция молодых ученых Дальнего Востока. Владивосток, 1965.
- Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху раннего железа. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 6. Серия общественных наук, вып. 2.
- Бродянский Д. Л.* Южное Приморье в эпоху освоения металла (II—I тысячелетия до н. э.). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1969.
- Бродянский Д. Л.* Раскопки у с. Синий Гай в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Бродянский Д. Л.* К истории земледелия и хозяйственного освоения Южного Приморья в голоцене. — В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Брук С. И.* Основные проблемы этнической географии (методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования). М., 1964.
- Брюсов А. Я.* Жилища. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926.
- Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. — «Труды секции теории и методологии (социологической)» (М.), 1928, II.
- Брюсов А. Я.* Археологические культуры и этнические общности. — СА, 1956, XXVI.
- Буссе Ф. Ф. и Кропоткин П. А.* Остатки древностей в Амурском крае. — «Записки общества изучения Амурского края», 1908, т. XII.
- Бутенко А. И.* Народ как социологическая категория. — «Вопросы философии», 1957, № 8.
- Бутинов Н. А.* Разделение труда в первобытном обществе. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1960, т. 54.
- Бутинов Н. А.* Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира. — В кн.: Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
- Бутинов Н. А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты). — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
- Бутинов Н. А.* Производство пищевых средств и изготовление изделий. — В кн.: Домашние промыслы и ремесло (Тезисы). Л., 1970.
- Василов Н. И.* Центры происхождения культурных растений. Л., 1926.
- Василов Н. И.* Советская наука и изучение проблемы происхождения домашних животных. — «Природа», 1932, № 6-7.
- Вайнштейн С. И.* Народные способы металлического литья у тувинцев. — СЭ, 1956, № 4.
- Вайнштейн С. И.* Традиционная культура народов Сибири как источник изучения их этногенеза (вопросы методологии и некоторые выводы). — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973.
- Василевич Г. М.* Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1947, т. II.
- Василевич Г. М.* К вопросу о начале становления тунгусских языков. — В кн.: Советские по методологии этногенетических исследований 1951 г. (Тезисы докладов и выступлений). М., 1951.
- Василевич Г. М.* Тунгусская колыбель. (В связи с проблемой этногенеза тунгусо-маньчжуров). — «Сб. музея антропологии и этнографии», 1960, XIX.
- Василевич Г. М. и Левин М. Г.* Типы оленеводства и их происхождение. — СЭ, 1951, № 1.
- Васильев В. П.* Записки о Нингуге. — «Записки Русского географического общества», 1857, кн. XII.

- Васильев В. П.* Описание Маньчжурии. — «Записки Русского географического общества», 1857, кн. XII.
- Васильев Л. С.* Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии. — «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 5.
- Васильев Л. С.* Земледелие в древнем Китае. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 2.
- Васильев Л. С.* О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 2.
- Васильев Л. С.* Рабовладение и феодализм в древнем Китае. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966.
- Васильев Л. С.* Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях. — «Народы Азии и Африки», 1966, № 2.
- Васильев Л. С.* Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи инь. — «Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. 9. М., 1970.
- Васильев Л. С.* Некоторые проблемы древнейшей истории Китая. (Генезис цивилизации в бассейне Хуанхэ — формирование основ материальной культуры и этноса). Автореф. докт. дисс. М., 1973.
- Венюков М.* Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Дальгиз, 1952.
- Викторова Л. Л.* К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э.—XII в. н. э. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», 1958, № 256.
- Викторова Л. Л.* Ранний этап этногенеза монголов. Автореф. канд. дисс. Л., 1961.
- Виткин М. А.* Подход к проблеме азиатского способа производства. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Владимиров Б. Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.
- Возникновение и развитие земледелия. М., 1967.
- Волков В. В.* Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Волков В. В.* Бронзовые кельты из музеев МНР. — В кн.: Памятники каменного и бронзового века Евразии. М., 1964.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Карасукские привески из Монголии. — СА, 1960, № 4.
- Волков В. В., Гришин Ю. С.* Раскопки и разведки в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1969 года. М., 1970.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Археологические исследования в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1971.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Археологические исследования в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Археологические работы в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
- Волков В. В., Новгородова Э. А.* Советско-монгольская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1975.
- Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958.
- Воробьев М. В.* Древняя Корея. М., 1961.
- Воробьев М. В. и Игс Р. Ф.* Работы китайских археологов. — СА, 1954, XXI.
- Вяткина К. В.* Археологические памятники в Монгольской Народной Республике. — СЭ, 1959, № 1.
- Гарковик А. В.* Поселение на сопке «Мустанг». — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- Гарковик А. В.* Поселение с гротами у подножья Спнх Скал. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Галактионов О. С.* Характеристика накопечников стрел Шайгинского городища. — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- Генинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий П. С.* и др. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
- Гольмстен В. В.* К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. — В кн.: Проблема происхождения домашних животных, вып. 1. Л., 1933.
- Гольмстен В. В.* Возникновение скотоводства в Восточной Европе. (Материалы к истории древнейших домашних животных). — В кн.: Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных, т. 1. М.—Л., 1940.
- Горский В.* Начало и первые дела Маньчжурского дома. — «Труды членов русской Духовной миссии в Пекине» (СПб.), 1852, т. 1.

- Граков Б. Н.* Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР. — СА, 1958, № 4.
- Гребенщиков А. В.* К изучению истории Амурского края по данным археологии. — В кн.: Юбилейный сборник Общества изучения Амурского края, XXV. Владивосток, 1916.
- Григорьев Г. П.* Культура и тип в археологии: категория анализа или реальности? — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1974 г. М., 1972.
- Гришин Ю. С.* О древней добыче металлов в Юго-Восточном Забайкалье. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Грязнов М. П.* Классификация, тип, культура. — В кн.: Теоретические основы советской археологии (Тезисы). Л., 1969.
- Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
- Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967.
- Гурвич И. С.* К вопросу об имущественной дифференциации и классовом образовании у малых народов Крайнего Севера. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества». Тезисы докладов. М., 1973.
- Давыдова В.* Иволгинское городище (к вопросу о гунских поселениях в Забайкалье). — СА, 1956, XXV.
- Деревянко А. П.* Новые данные по археологии среднего Амура. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1964, № 9. Серия общественных наук, вып. 3.
- Деревянко А. П.* К истории среднего Амура в железном веке. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Деревянко А. П.* Датированный позднемохэский памятник на среднем Амуре. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1968, № 11. Серия общественных наук, вып. 3.
- Деревянко А. П.* Проблема бронзового века на Дальнем Востоке. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1969, № 6. Серия общественных наук, вып. 2.
- Деревянко А. П.* Племена Приамурья и Приморья во II—I тысячелетиях до н. э. — В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.
- Деревянко А. П.* Ранний железный век Дальнего Востока, ч. I. Новосибирск, 1970.
- Деревянко А. П.* Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. докт. дисс. Новосибирск, 1971.
- Деревянко А. П.* Ранний железный век Дальнего Востока, ч. II. Новосибирск, 1972.
- Деревянко А. П.* Историография каменного века. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1972.
- Деревянко А. П.* Поселение урильской культуры в с. Кукелево «Бензобаки». — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1972.
- Деревянко А. П.* Ранний железный век Приамурья. Новосибирск, 1973.
- Деревянко А. П.* Культура яей и ее связи с материковыми культурами. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Деревянко А. П., Глинский С. В.* Поселение раннего железного века у села Желтый Яр Еврейской автономной области. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1972.
- Деревянко Е. И.* К изучению памятников мохэской культуры на среднем Амуре. — В кн.: Вопросы истории, социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. 1. Новосибирск, 1968.
- Деревянко Е. И.* Раскопки мохэского городища у с. Михайловка. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Деревянко Е. И.* Датированный мохэский памятник на Среднем Амуре. — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1969, № 6. Серия общественных наук, вып. 1.
- Деревянко Е. И.* Городище на реке Завитой. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1972.
- Деревянко Е. И.* Материалы раскопок могильника у с. Троицкого. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 2. Новосибирск, 1973.
- Деревянко Е. И.* Мохэские памятники Среднего Амура. Новосибирск, 1975.
- Деревянко Е. И.* К вопросу о вооружении мохэской война. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Джарылгашинова Р. Ш.* Когуресцы и их роль в сложении корейской народности. — СЭ, 1960, № 5.
- Джарылгашинова Р. Ш.* Когуресцы (Историко-этнографическое исследование). — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1961, т. 73.

- Джарылгасинова Р. Ш.* Китай и Корея в V в. до н. э.—III в. н. э.— В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когуресцы. М., 1972.
- Диков Н. И.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Уда, 1958.
- Долгих В. О.* О некоторых этногенетических процессах (переселения народов и распространения языков) в Северной Азии. М., 1951.
- Долгих В. О., Левин М. Г.* Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири.— «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1951, т. 14.
- Долгих В. О.* Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири.— В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 4. М., 1967.
- Долуханов П. М., Тимофеев В. И.* Абсолютная хронология неолита Евразии (По данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Дьякова О. В., Шавакунов Э. В.* Новый памятник железного века на Нижнем Амуре — городище Спикачи-Аляп. — СА, 1975, № 3.
- Дэвлет М. А., Терехенин В. С.* О связях в искусстве древних тюрок Центральной Азии. — КСИА, 1973, № 136.
- Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Забелина Н. И.* Новые данные о древних связях Дальнего Востока с Забайкальем.— В кн.: Вопросы географии Дальнего Востока. Хабаровск, 1963.
- Заднепровский Ю. А.* Развитие домашних производств (промыслов) и ремесла в древней Средней Азии.— В кн.: Домашние промыслы и ремесло (Тезисы). Л., 1970.
- Залкинд Е. М.* Древние народы китайских хроник и эвенки хун-ху, дун-ху, сянь-ба, ши-вей (Обзор теорий). — СЭ, 1937, № 1.
- Заозерская Е. И.* Марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и дискуссии 1920 и 1960-х годов.— В кн.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
- Захарук Ю. Н.* О методологии археологической науки и ее проблемах.— СА, 1969, № 3.
- Захарук Ю. И.* Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука.— В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Захарук Ю. Н.* Ленинское теоретическое наследие и некоторые вопросы развития археологической науки.— СА, 1970, № 2.
- Захарук Ю. Н.* Проблемные ситуации в археологии.— СА, 1974, № 4.
- Зворыкин А. А.* История горной техники. М., 1940.
- Зворыкин А. А.* Определение культуры и место материальной культуры в общей культуре.— В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 4. М., 1967.
- Золотарев А. М.* Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии.— «Известия Воронежского государственного педагогического ин-та», 1938, т. IV.
- Золотарев А. М.* Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
- Иванов С. В.* Народный орнамент как исторический источник (К методике изучения). — СЭ, 1958, № 2.
- Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник.— «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1963, т. 81.
- Иваньев Л. Н.* Литература по археологии Дальнего Востока.— СА, 1953, XVIII.
- История Кореи. М., 1960.
- История Сибири. Древняя Сибирь, т. 1. Л., 1968.
- Итина М. А.* К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов.— СЭ, 1954, № 3.
- Итс Р. А.* Новейшие археологические раскопки в Китайской Народной Республике.— «Вестник древней истории», 1952, № 3.
- Итс Р. А.* К вопросу об этнической истории народов Китая (по работе профессора Фань Вэнь-ляня). — СЭ, 1953, № 3.
- Итс Р. А.* Культура Яншао и Луншань и их соотношение.— СА, 1955, XXIV.
- Кабо В. Р.* Предыстория производящей экономики.— В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя». Тезисы докладов. М., 1974.
- Каменецкий И. С.* Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.

- Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). М., 1975.
- Киселев С. В.* Поселение (Социологический очерк). — «Труды секции теории и методологии (социологической)», 1928, т. II.
- Киселев С. В.* Археологическая поездка в Монголию. — КСИИМК, 1947, XXI.
- Киселев С. В.* Монголия в древности. — «Известия АН СССР», 1947, т. 4. Серия истории и философии, № 4.
- Киселев С. В.* Древняя история южной Сибири. М., 1951.
- Киселев С. В.* Неолит и бронзовый век Китая. — СА, 1960, № 4.
- Киселев С. В.* Древнемонгольские города. М., 1965.
- Киселев С. В.* Бронзовый век СССР. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965.
- Клибе Г. С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе. — СА, 1959, № 3.
- Кобищанов Ю. М.* Феодализм, рабство и азиатский способ производства. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Ковалевская (Деоник) В. Б.* Применение статистических методов к изучению массового археологического материала. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- Кожин П. М.* О формах преемственности археологических культур (Археологические данные и этногенез). — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Козлов В. И.* О понятии этнической общности. — СЭ, 1967, № 2.
- Козлов В. И.* Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. — «Вопросы истории», 1968, № 9.
- Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969.
- Козлов В. И.* К характеристике некоторых социальных структур родового общества (заметки в связи с дискуссией). — СЭ, 1970, № 5.
- Козлов В. И.* Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности. — СЭ, 1970, № 6.
- Колчанов М. В.* Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.
- Колчин Б. А.* Археология и естественные науки. — В кн.: Археология и естественные науки. М., 1965.
- Колчин Б. А.* Интеграция наук и археология. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения, феодализма. М., 1970.
- Колчин Б. А., Шер А. Я.* Абсолютное датирование в археологии. — В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Комаров В. Л.* Происхождение культурных растений. М.—Л., 1931.
- Коробкова Г. Ф.* Переход к земледелию и скотоводству и прогресс орудий труда (по материалам ранних земледельческо-скотоводческих культур юга СССР). — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Косвен М. О.* Об историческом соотношении рода и племени. — СЭ, 1951, № 2.
- Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии. — В кн.: Проблемы истории первобытного общества («Труды Ин-та этнографии. Новая серия», т. IIIIV). М.—Л., 1960.
- Краснов Ю. А.* К истории раннего земледелия в лесной полосе европейской части СССР. — СА, 1965, № 2.
- Краснов Ю. А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной зоне Восточной Европы. — СА, 1967, № 1.
- Краснов Ю. А.* Рец. на кн.: Возникновение и развитие земледелия. — СА, 1969, № 1.
- Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.
- Крейнович Е. А.* Гляцко-тунгусо-маньчжурские параллели. — «Доклады и сообщения Ин-та языковедения АН СССР», 1955, № 8.
- Кропоткин В. В.* К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры в III—IV вв. н. э. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Крупнов Е. И.* Об историческом аспекте в изучении материальной культуры. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Крюков М. В.* Род и государство в иньском Китае. — «Вестник древней истории», 1961, № 2.
- Крюков М. В.* О развитии производительных сил в Китае в XV—XI вв. до н. э. (на примере иньской металлургии). — «Народы Азии и Африки», 1964, № 3.

- Крюков М. В.* У истоков древних культур Восточной Азии. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 6.
- Крюков М. В.* Социальная дифференциация в древнем Китае. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
- Кузьмина Е. Е.* Сложение скотоводческого хозяйства в степях Евразии и реконструкция социальной структуры общества древнейших пастушеских племен (Археологический и лингвистический аспекты). — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Куренцова Г. Э.* Растительность Приморского края. Владивосток, 1968.
- Кушнарева К. Х.* К вопросу о развитии металлургии и гончарства на древнем Кавказе. — В кн.: Домашние промыслы и ремесло (Тезисы). Л., 1970.
- Кушнарева К. Х.* Древние поселения южного Кавказа и некоторые вопросы социально-экономического порядка. — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Тезисы). Л., 1974.
- Кызласов Л. Р.* Таптыкская эпоха. М., 1960.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы). Новосибирск, 1973.
- Кычанов Е. И.* Культура Спся и ее место среди культур Центральной Азии. — «Вестник истории культуры», 1961, № 6.
- Кычанов Е. И.* К вопросу о ранней государственности у чжурчженей. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968.
- Латин В. В.* Об основной тенденции в развитии жилой архитектуры. — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Тезисы). Л., 1974.
- Ларичев В. Е.* Неолит Дунбэя и его связи с культурами каменного века Северо-Восточной Азии. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959.
- Ларичев В. Е.* О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья. — В кн.: Археологический сборник, вып. 1. Улан-Удэ, 1959.
- Ларичев В. Е.* Бронзовый век Северо-Восточного Китая (По материалам раскопок китайских и японских археологов). — «Советская археология», 1961, № 1.
- Ларичев В. Е.* Китайские известия о племенах илоу и сушень. — В кн.: Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, вып. 2. Владивосток, 1962.
- Ларичев В. Е.* Племена Приморья в ранний период истории Цзинь (по сведениям из «Цзинь шу»). — В кн.: Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока, вып. 2. Владивосток, 1962.
- Лашук Л. П.* О формах донациональных этнических связей. — «Вопросы истории», 1967, № 4.
- Лев Д. Н.* К истории первобытного обмена. — В кн.: Вопросы истории доклассового общества. М.—Л., 1936.
- Лев Д. Н.* Добыча и обработка медной руды в древности, 1937, № 3.
- Левин М. Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства. — СЭ, 1946, № 4.
- Левин М. Г.* История, эволюция, диффузия. — СЭ, 1947, № 2.
- Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии. — КСИЭ, 1947, вып. 2.
- Левин М. Г.* Антропологический тип корейцев. — КСИЭ, 1949, вып. 8.
- Левин М. Г.* Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии). — СЭ, 1950, № 2.
- Левин М. Г.* Древние переселения человека в Северной Азии по данным антропологии. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1951, т. XVI.
- Левин М. Г.* К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов. — В кн.: Сб. статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Левин М. Г.* Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1958, т. XXXVI.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии. — «Труды Ин-та этнографии. Новая серия», 1951, т. XVI.
- Левин М. Г. и Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (К постановке вопроса). — СЭ, 1955, № 4.

- Леньков В. Д.* Некоторые итоги исследования плавильной мастерской на Шайгинском городище. — В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967.
- Леньков В. Д.* К вопросу классификации керамики Шайгинского городища. — В кн.: Пароды советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968.
- Леньков В. Д.* Предварительные итоги исследования плавильной печи на Шайгинском городище. — В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1969.
- Леньков В. Д.* Социально-экономические и политические предпосылки развития металлургического производства у чжурчжэней в XI—XII вв. — В кн.: История, социология и философия Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- Леньков В. Д.* Производство и обработка металлов у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследования Шайгинского городища). Канд. дисс. Владивосток, 1971.
- Леньков В. Д.* О технологии получения и обработки металла у чжурчжэней в XII в. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (По материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск, 1974.
- Леньков В. Д.* Анализ кузнечно-слесарного инструмента с Шайгинского городища. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
- Леньков В. Д., Овсянников Н. В.* О результатах анализов кирпичей и формовочной глины из плавильных мастерских Шайгинского городища. — СА, 1972, № 2.
- Леньков В. Д., Семенченко Л. Е., Хорев В. А.* Следы металлургического производства на раннесредневековом поселении в долине р. Арсеньевки. — В кн.: Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока, вып. 11. Владивосток, 1974.
- Линь Яо-хуа и Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы Китая. — В кн.: Восточноазиатский этнографический сборник, 2 («Труды Ин-та этнографии», Новая серия, т. 73). М., 1961.
- Лопатин И. А.* Гольды, этнографический очерк. — «Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения». Хабаровск, 1916.
- Лопатин И. А.* Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922.
- Лучник З. И.* Дикорастущие Южноуссурийского края. — «Труды Горно-таежной станции». 1938, т. 2.
- Лысов В. И.* Чумиза и просо в условиях Приморского края. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь, вып. 2. Новосибирск, 1966.
- Маак Р.* Путешествие на реку Амур. СПб., 1859.
- Маак Р.* Путешествие по долине р. Уссури. СПб., 1861.
- Маннай-Оол М. Х.* Археологические памятники Тувы. Кызыл, 1964.
- Маннай-Оол М. Х.* Тува в скифское время. М., 1970.
- Мартьянов А. С.* Представления о природе и мироустроительных функциях власти китайских императоров в официальной традиции. — «Пароды Азии и Африки». 1972, № 5.
- Массон В. М., Мернерт Н. Я.* Вопросы отпоспелительной хронологии Старого Света. — СА, 1958, № 1.
- Массон В. М.* От возникновения земледелия до сложения классового общества. — В кн.: VII Международный конгресс доисториков и историков. М., 1966.
- Массон В. М.* Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке. — «Вопросы истории», 1967, № 5.
- Массон В. М.* Проблема неолитической революции. — В кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968.
- Массон В. М.* Развитие теоретических основ советской археологии. — В кн.: Теоретические основы советской археологии (Тезисы). Л., 1969.
- Массон В. М.* Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Массон В. М.* Становление ремесел в свете данных археологии. — В кн.: Домашние промыслы и ремесло (Тезисы). Л., 1970.
- Массон В. М.* Метод палеоэкономического анализа в археологии. — КСИА, 1971, вып. 127.
- Массон В. М.* Ремесленное производство в эпоху первобытного строя. — «Вопросы истории», 1972, № 3.
- Массон В. М.* Социальные и экологические факторы в формировании раннеклассовых обществ. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества» (Тезисы докладов). М., 1973.
- Массон В. М.* Дальневосточный центр древних культур и его исследователи. — В кн.: *Окладников А. П., Деревянко А. П.*

- Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- Массон В. М.* Рец. на кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах. Л., 1972. — СА, 1973, № 4.
- Массон В. М.* Вопросы социологической интерпретации древних жилищ и поселений. — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Тезисы). Л., 1974.
- Массон В. М.* Ставоление древнейшего земледелия и скотоводства на Ближнем Востоке. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Матвеев З. Н.* Бохай. — «Труды Дальневосточного государственного ун-та. Серия 6», 1929, вып. 3.
- Медведев В. Е.* Культура амурских чжурчженей в конце X—XI веках. (По материалам грунтовых могильников). Автореф. канд. дисс. Новосибирск, 1975.
- Медведев В. Е.* Поляса Надеждинского могильника. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Миллер Г. Ф.* История о странах на реке Амур лежащих, когда оныне состояли под Российским владением. СПб., 1757.
- Мошинская В. И.* Возможна ли этническая интерпретация археологических материалов? — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Надаров М.* Северо-Уссурийский край. — «Записки Русского географического общества по общей географии», 1878, т. XVII, вып. 1.
- Народы Восточной Азии. М.—Л., 1965.
- Новгородова Э. А.* Ножи карасукского времени из Монголии и южной Сибири. — В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962.
- Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Повиков Ю. Ф.* О возникновении земледелия и его первоначальных формах. — СА, 1959, № 4.
- Овсянников Н. В., Туликина С. М.* Предварительные итоги анализов керамики с Шайгинского городища. — В кн.: История, социология и философия Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- Окладников А. П.* К археологическим исследованиям в 1935 г. на Амуре. — СА, 1936, № 1.
- Окладников А. П.* Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока. — КСИИМК, 1941, IX.
- Окладников А. П.* К вопросу о древнейшем населении Японских островов и его культуре. — СЭ, 1946, № 4.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. 1 и 2. — МИА, 1950, № 18.
- Окладников А. П.* Раскопки на севере. — В кн.: По следам древних культур. М., 1951.
- Окладников А. П.* У истоков культур народов Дальнего Востока. — В кн.: По следам древних культур (от Волги до Тихого океана). М., 1954.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. 3. Глазковское время. — МИА, 1955, № 43.
- Окладников А. П.* Археологические исследования в Приморье в 1953 году. — «Сообщения Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР», 1955, вып. 8.
- Окладников А. П.* Приморье в I тысячелетии до н. э. — СА, 1956, № XXIV.
- Окладников А. П.* Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян. — СА, 1957, № 3.
- Окладников А. П.* Древнейшие культуры Приморья в свете исследований 1953—1956 гг. — В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Окладников А. П.* Далекое прошлое Приморья (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959.
- Окладников А. П.* Древние Амурские петроглифы и современная орнаментика народов Приморья. — СА, 1959, № 2.
- Окладников А. П.* Триподы за Байкалом. — СА, 1959, № 3.
- Окладников А. П.* Начало железного века в Приморье. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. I.
- Окладников А. П.* Возникновение земледелия на Дальнем Востоке. — В кн.: Вторая научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока (Тезисы докладов и сообщений). Владивосток, 1960.
- Окладников А. П.* Памяти исследователя древнейшего Китая И. Г. Андерсена (1874—1960). — СА, 1961, № 3.
- Окладников А. П.* О начале земледелия за Байкалом и в Монголии. — В кн.: Древний мир. М., 1962.

- Окладников А. П.* Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока. — В кн.: Материалы к древней истории Дальнего Востока (МИА, № 112). М.—Л., 1963.
- Окладников А. П.* Археологические раскопки в районе Хабаровска. — «Вопросы географии Дальнего Востока», 1963, сб. 6.
- Окладников А. П.* Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии. — «Вопросы истории», 1964, № 1.
- Окладников А. П.* Из истории изучения древнейшего прошлого Приморья. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
- Окладников А. П.* Археология долины реки Зея и среднего Амура. — СА, 1966, № 1.
- Окладников А. П.* Древнее поселение у известкового завода вблизи с. Екатериинского. — В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Окладников А. П.* Утро искусства. М.—Л., 1967.
- Окладников А. П.* Лики Древнего Амура. Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск, 1968.
- Окладников А. П.* Из предыстории искусства амурских народов (Петроглифы на р. Кня, Уссури). — СА, 1968, № 4.
- Окладников А. П.* Археология Сибири — вчера, сегодня, завтра. — «Вопросы истории», 1968, № 5.
- Окладников А. П.* Тунгусо-Маньчжурская проблема и археология. — «История СССР», 1968, № 6.
- Окладников А. П.* Динамика культурных традиций у народов Сибири. — В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири (Материалы научно-практической конференции, состоявшейся 22—26 ноября 1966 г. в г. Улаи-Удэ), вып. 1. Улаи-Удэ, 1968.
- Окладников А. П.* Петроглифы Забайкалья, ч. 1. Л., 1969.
- Окладников А. П.* Новые находки археологов. — «Наука и человечество». Международная ежегодник. М., 1969.
- Окладников А. П.* Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (Методология и некоторые общие выводы). — В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии», вып. 1. Новосибирск, 1969, Ротапринт.
- Окладников А. П.* К проблеме культурных контактов между племенами Дальнего Востока и Прибайкалья в неолитическое время; каменные песты из долины р. Зея. — «Записки Амурского областного музея краеведения», 1970, т. 6, вып. 2.
- Окладников А. П.* Петроглифы нижнего Амура. Л., 1971.
- Окладников А. П.* Отчет о раскопках древнего поселения у села Вознесенского на Амуре, 1966. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1971.
- Окладников А. П.* Новое в археологии Дальнего Востока. — «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 3.
- Окладников А. П.* Неолитическое поселение у с. Вознесенка. — В кн.: Материалы по истории Сибири и Дальнего Востока, ч. 1. Новосибирск, 1972.
- Окладников А. П.* Искусство Янковской культуры. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Окладников А. П.* С. В. Киселев — исследователь древних культур Северной и Центральной Азии. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Многослойное поселение Олений 1 в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1967 года. М., 1968.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Дальневосточный очаг древнего земледелия. — СЭ, 1969, № 2.
- Окладников А. П., Бродянский Д. Л.* Раскопки многослойного поселения у с. Кроуновки в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Мохэский могильник в пос. Найфельд Еврейской автономной области. — В кн.: Сибирский археологический сборник, вып. 2. Новосибирск, 1966.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Древние культуры восточных районов МНР (К итогам археологических исследований 1949 и 1967 гг.). — СА, 1969, № 4.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Польце — поселение раннего железного века у с. Кужелево. — В кн.: Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции, вып. 1. Новосибирск, 1970.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Приамурье и Приморье во II тысячелетии до н. э. (Период неолита и ранней бронзы). — В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири, ч. 1. Новосибирск, 1971.

- Окладников А. П., Деревянко А. П., Асеев И. А.* О раскопках в районе затопления Зейской ГЭС в 1969 г. — В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока, ч. 2, Новосибирск, 1972.
- Окладников А. П., Деревянко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973.
- Окладников А. П., Диков Н. Н., Козырева Р. В.* Дальний Восток в эпоху бронзы. — В кн.: История Сибири, т. 1. Л., 1968.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья, ч. 2. Л., 1970.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья, ч. 3. Л., 1970.
- Окладников А. П., Ким Ен Нам.* Новые работы по каменному веку Кореи. — СА, 1958, № 4.
- Окладников А. П., Ларичев В. Е.* Памятники древней культуры Приморья. — «Советское Приморье», 1954, № 17.
- Окладников А. П., Ларичев В. Е.* Археологические исследования в Монголии в 1964 и 1966 гг. — «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук», 1967, вып. 2.
- Окладников А. П., Медведев В. Е.* О двух средневековых могильниках на юго-западе Хабаровского края (Предварительное сообщение). — «Известия Сибирского отделения АН СССР», 1973, № 1. Серия общественных наук, вып. 1.
- Окладников А. П., Шавкунов Э. В.* Погребения с бронзовыми княжатами (Приморье). — СА, 1960, № 3.
- Очерки истории Китая. М., 1959.
- Пак М. Н.* О характере социально-экономических отношений в государстве Силла. — «Вопросы истории», 1956, № 7.
- Пак М. Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сангю-чжи»). — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1.
- Пак М. Н.* О возникновении и утверждении феодализма в Кореи. — В кн.: Историография стран Востока. М., 1969.
- Палладий Кафаров.* Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. — «Записки Русского географического общества», 1879, т. 8.
- Панов В.* Материалы к древней истории Приамурского края. Археологические изыскания архимандрита Палладия 1870—1871. — «Дальний Восток», 1898, № 3, 4, 10, 13, 14.
- Переломов Л. С.* Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э. — В кн.: Китай. Япония. История и филология. М., 1961.
- Переломов Л. С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 гг. до н. э.). М., 1962.
- Переломов Л. С.* Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н. э.—III в. н. э. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Переломов Л. С.* [Рец. на кн.:] «Развитие стран Востока, общее и особенное». — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.
- Перицу А. И.* Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. — СЭ, 1955, № 4.
- Перицу А. И.* Раннее производящее хозяйство и начальные формы эксплуатации. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Петров К. И.* Роль природного настища как средство труда в переходе от присваивающего хозяйства к производящему. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Пиатровский Б. Б.* Формы хозяйства, способствующие образованию классов и становлению государства. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества» (Тезисы докладов). М., 1973.
- Пржевальский Н. М.* Путешествие в Уссурийском крае. СПб., 1870.
- Приморский край. Владивосток, 1958.
- Проблема единства и многообразия всемирной истории. — В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
- Прошина Г. И. и Андреева Ж. В.* Приморье в первом тысячелетии до н. э. — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Радлов В. В.* Атлас древностей Монголии, вып. 1—4. СПб., 1892—1899.
- Радлов В. В.* Сибирские древности, т. 1. СПб., 1894.
- Разиц А. И.* Стоянки каменного века на берегу Уссурийского залива. — «Советское Приморье», 1926, № 3-4.

- Разин А. И.* Археологическая разведка на берегу Уссурийского залива. — «Советское Приморье», 1925, № 8.
- Решетов А. М.* Основные вопросы древнейшей истории юга Восточной Азии. — В кн.: Проблемы этнографии и этнической истории народов Азии. М., 1968.
- Рикман Э. А.* К вопросу о больших домах на селищах черняховского типа. — СЭ, 1962, № 2.
- Рикман Э. А.* Некоторые черты общественного строя племен низовьев Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. — СЭ, 1970, № 6.
- Рубин В. А.* Археологические раскопки в Китае. — «Вестник древней истории», 1952, № 4.
- Рубин В. А.* Новые археологические раскопки в Китае. — «Вестник древней истории», 1953, № 2.
- Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
- Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноинлинские курганы. М.—Л., 1962.
- Руденко С. И.* Из истории древней металлургии и литейного дела. — В кн.: Материалы по этнографии, вып. 3. Л., 1963.
- Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948.
- Рыбаков Б. А.* О двух культурах древнего феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Сайко Э. В.* К вопросу о понятийном аппарате в современной археологии. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии СССР. — В кн.: Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. Ташкент, 1973.
- Салгейм У. Д.* Симпозиум историко-культурные связи Тихоокеанского бассейна. — В кн.: Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 9. М., 1970.
- Седов Л. А.* О социально-экономических типах развития. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Сем Ю. А.* Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX—середина XX в.). Владивосток, 1973.
- Семениченко Л. Е.* Раннесредневековое поселение близ Круглой сопки в Приморье. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Семениченко Л. Е.* К вопросу о датировке слоев городища на Круглой сопке и Марьяновского городища Приморья. — В кн.: Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока, вып. 2. Владивосток, 1974.
- Семениченко Л. Е.* Исследование бохайских памятников в Приморском крае. — В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974.
- Семениченко Л. Е., Шавкунов Э. В.* Раскопки на Круглой Сопке. — В кн.: Археологические открытия 1974 года. М., 1972.
- Семенов С. А.* Каменные орудия эпохи ранних металлов. — СА, 1969, № 2.
- Семенов С. А.* Возникновение земледелия и начальные стадии его развития. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Семенов Ю. И.* Проблема становления классов и государства в странах Древнего Востока. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 3.
- Семенов Ю. И.* Проблема социально-экономического строя Древнего Востока. — «Народы Азии и Африки», 1965, № 4.
- Семенов Ю. И.* О периодизации первобытной истории. — СЭ, 1965, № 5.
- Семенов Ю. И.* Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. — «Вопросы истории», 1966, № 8.
- Семенов Ю. И.* Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации. — В кн.: Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
- Семенов А. А., Романова Е. Н., Долуханов П. М.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. — СА, 1969, № 4.
- Семенов А. А., Долуханов П. М., Романова Е. Н.* Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. — СА, 1972, № 3.
- Симоновская Л. В.* Вопросы периодизации древней истории Китая. — «Вестник древней истории», 1950, № 1.
- Скрипка М. А.* Дикорастущие пищевые растения Приморского края. — В кн.: «Методический сборник», № 2. Владивосток, 1941.
- Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре. — СА, 1964, № 4.
- Смирнов А. П.* Происхождение рабовладения. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

- Смоляк А. В.* Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза. — СЭ, 1957, № 1.
- Смоляк А. В.* Некоторые вопросы древней истории народностей Приамурья и Приморья. — СЭ, 1959, № 1.
- Смоляк А. В.* Некоторые вопросы происхождения народов нижнего Амура. — В кн.: Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960.
- Смоляк А. В.* Ульчи (Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем). М., 1966.
- Сорокин В. С.* Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи. — СА, 1959, № 4.
- Сосновский Г. П.* Раскопки Ильмовой Пади. — СА, 1946, VIII.
- Стариков В. С.* Маньчжурская разновидность дальневосточного плуга. — В кн.: Культура и быт народов стран Тихого и Индийского океанов (Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XXIII). М.—Л., 1966.
- Стариков В. С.* Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собраниях МАЭ (К вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров). — В кн.: Культура народов зарубежной Азии и Океании. (Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XVII). Л., 1969.
- Столяр А. Д.* Об одном центре одомашнивания свиньи. — СА, 1959, № 3.
- Сточкова Н. Н.* Появление железа и первые способы его получения. — «Труды Ин-та истории, естествознания и техники», 1960, т. 33.
- Стучевский И. А.* О первичных классовых формациях и азиатском способе производства. — В кн.: Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
- Сунцугашев Я. И.* Древние сыродутные горны на р. Бай-Сют. — «Ученые записки Тувинского НИИ языков, литературы и истории», 1964, вып. XI.
- Сунцугашев Я. И.* Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры. — СА, 1964, № 3.
- Сунцугашев Я. И.* О выплавке меди в древней Туве. — СА, 1966, № 4.
- Сунцугашев Я. И., Янгулова Г. А.* Памятники истории и культуры Хакасии. Абакан, 1974.
- Сырицын И. М.* К вопросу об изучении феодализма в Японии. — В кн.: Историография стран Востока. М., 1969.
- Таксами Ч. М.* Селения, жилье и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина (середина XIX—начало XX в.). — В кн.: Сибирский этнографический сборник, т. III («Труды Ин-та этнографии. Новая серия», т. XIV). М.—Л., 1961.
- Таксами Ч. М.* Материалы МАЭ по этнографии айнов Южного Сахалина (XIX—начало XX в.). — В кн.: Культура народов зарубежной Азии и Океании (Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XXV). Л., 1969.
- Таксами Ч. М.* У исторической карты мира. Нивхи. — «Вопросы истории», 1972, № 10.
- Тереножкин А. И.* Вопросы классовых отношений в Скифии. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества» (Тезисы докладов). М., 1973.
- Терехова Н. И.* Погребальные конструкции эпохи хань в Китае. — СА, 1959, № 3.
- Терехова Н. И.* Технология чугунолитейного производства у древних монголов. — СА, 1974, № 1.
- Тихвинский С. Л.* Вступительная статья. — В кн.: Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
- Тихонов Д. И.* Земледельческие орудия и культура земледелия у горных народов Лусона (Филиппины). — В кн.: Культура народов зарубежной Азии и Океании («Сб. Музея антропологии и этнографии», т. XXV). Л., 1969.
- Токарев С. А.* К постановке проблем этногенеза. — СЭ, 1949, № 3.
- Токарев С. А.* Проблема типов общностей (К методологическим проблемам этнографии). — «Вопросы философии», 1964, № 11.
- То Ю Хо, Хван Ги Док.* Раскопки в Дитан-Ли. — СА, 1959, № 4.
- То Ю Хо.* О мегалитической культуре Кореи. — СЭ, 1962, № 4.
- Третьяков Т. Н.* Этногенетический процесс и археология. — СА, 1962, № 4.
- Тумаркин Д. Д.* К вопросу о сущности рода. — СЭ, 1970, № 5.
- Тушикина С. М.* Статистический анализ керамики из раскопок на Шайгинском городище в 1967 г. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Тушикина С. М.* Керамика Шайгинского городища как источник по истории чжурчжэней. — В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Тушикина С. М.* Об орнаментике на чжурчжэньской керамике с Шайгинского городища. — В кн.: Вопросы истории и

- культуры народов Дальнего Востока, вып. II. Владивосток, 1974.
- Тушикина С. М.* Керамика и керамическое производство у чжурчженей (по материалам Шайгинского городища). — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974.
- У Жү-кан и Чебоксаров Н. П.* О непрерывности развития физического типа, хозяйственной деятельности и культуры людей древнего каменного века на территории Китая. — СЭ, 1959, № 4.
- У-чень.* Записки о Нингуэе. — «Известия Русского географического общества», 1857, ч. XII.
- Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая от первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958.
- Фишер И.* Сибирская история. СПб., 1774.
- Форд Д. А.* Количественный метод установления археологической хронологии. — СЭ, 1962, № 1.
- Формозов А. А.* О времени и исторических условиях сложения племенной организации. — СА, 1957, № 1.
- Формозов А. А.* Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? — СА, 1957, № 4.
- Хазанов А. М.* Проблемы взаимосвязи классовых обществ и первобытной периферии в докапиталистические эпохи. — «Народы Азии и Африки», 1972, № 1.
- Хазанов А. М. Ф.* Энгельс и некоторые проблемы классобразования. — В кн.: Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М., 1972.
- Хани Горо.* История японского народа. М., 1957.
- Харнский К.* Япония в прошлом и настоящем. Владивосток, 1926.
- Хлобыстин Л. П.* Жилище и его экологическая и социальная обусловленность. — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Тезисы). Л., 1974.
- Хлобыстина М. Д.* Бронзовые ножи Милу-синского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962.
- Хлобыстина М. Д.* Палеосоциологические проблемы южносибирского неолита. — СА, 1972, № 2.
- Хлопин И. Н.* Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев. — В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
- Хлопин И. Н.* Сегментация в истории первобытного общества. — «Вопросы истории», 1968, № 8.
- Хлопин И. Н.* Индоиранцы: земледельцы или скотоводы? (Исходный вопрос арийской проблемы). — «Вопросы истории», 1970, № 10.
- Хлопин И. Н.* Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.
- Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966.
- Цвек Е. В.* К вопросу об отражении в поселениях социальной структуры общества (По материалам трипольского поселения у с. Шкаровки). — В кн.: Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений (Тезисы). Л., 1974.
- Цепкин Е. А.* Остатки рыб из археологических раскопок на полуострове Песчаном. — МИА, 1963, № 112 (Приложение).
- Чард Честер С.* Некоторые проблемы доисторической хронологии на северо-востоке Азии. — СЭ, 1967, № 2.
- Чард Ч., Морлан Р. Е.* Абсолютная хронология каменного века Японии. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Чебоксаров Н. П.* Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии. — «Труды Ин-та этнографии», 1947, II.
- Чебоксаров Н. П.* К вопросу о происхождении китайцев. — СЭ, 1947, № 1.
- Чебоксаров Н. П.* Северные китайцы и их соседи (Исследования по этнической антропологии Восточной Азии). — КСИЭ, 1949, вып. 5.
- Чебоксаров Н. П.* Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии. — «Труды Ин-та этнографии», 1951, XVI.
- Чебоксаров Н. П.* Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. — В кн.: Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.
- Чебоксаров Н. П., Чеснов Я. В.* Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. — СЭ, 1967, № 3.
- Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

- Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения культурно-хозяйственных типов (В связи с работами М. Г. Левина). — СЭ, 1970, № 6.
- Чеснов Я. В.* Донгошонская культура. Классовое общество и этногенетический процесс. — В кн.: Конференция «Возникновение раннеклассового общества» (Тезисы докладов). М., 1973.
- Чеснов Я. В.* Этнографические данные к проблеме происхождения земледелия. — В кн.: Конференция «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя» (Тезисы докладов). М., 1974.
- Шавкунов Э. В.* Некоторые вопросы истории Приморья и Приамурья в VII—XII вв. — В кн.: Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958.
- Шавкунов Э. В.* Приморье и соседние с ним районы Дунбэя и Северной Кореи в I—III вв. н. э. — «Труды Дальневосточного филиала АН СССР. Серия историческая», 1959, т. 1.
- Шавкунов Э. В.* К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. — «Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского ин-та Сибирского отделения АН СССР», 1960, вып. 3.
- Шавкунов Э. В.* Бохайские памятники Приморья. — В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока. Новосибирск, 1964.
- Шавкунов Э. В.* Государство Бохай. — В кн.: Материалы древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Шавкунов Э. В.* К вопросу о периодизации и классификации средневековых памятников Приморья. — В кн.: Вопросы истории советского Дальнего Востока (Тезисы докладов и сообщений на IV Дальневосточной научной конференции. Секция археологии, истории дооктябрьского периода, этнографии и филологии), вып. 2. Владивосток, 1965.
- Шавкунов Э. В.* Культура чжурчженей Приморья по материалам раскопок 1960—1965 гг. — В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1967.
- Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
- Шавкунов Э. В.* О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья. — В кн.: Народы советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968.
- Шавкунов Э. В.* О результатах предварительных обследований средневековых памятников в Приморском и Хабаровском краях осенью 1969 г. — В кн.: История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971.
- Шавкунов Э. В.* О семантике тамгообразных знаков и некоторых видах орнамента на керамике с Шайгинского городища. — СЭ, 1972, № 3.
- Шавкунов Э. В.* Советские ученые о чжурчженях. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.
- Шавкунов Э. В.* Обследование гуницких городищ в Монголии. — В кн.: Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Шавкунов Э. В.* К характеристике жилищ чжурчженей по материалам археологических исследований 1963—1966 гг. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Шавкунов Э. В.* Находка древнейшего календаря пародов Советского Приморья. — В кн.: Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Шавкунов Э. В.* и *Деревянко А. П.* Народы советского Дальнего Востока во второй половине I тысячелетия н. э. (до образования государства Бохай). — В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964.
- Шелепов Г. В.* Общность происхождения — признак этнической общности. — СЭ, 1968, № 4.
- Шелов Д. Б.* Социальное развитие скифского общества. — «Вопросы истории», 1972, № 3.
- Ширельман В. А.* Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства. — СЭ, 1974, № 3.
- Шренк.* Об инородцах Амурского края, т. 2. СПб., 1889.
- Эйдус Х. Т.* История Японии с древнейших времен до наших дней. М., 1968.
- Юриков Х. К.* Освещение современными японскими историками вопросов возникновения государственности в Корее. — В кн.: Историография стран Востока. М., 1969.
- Янковский М.* Кухонные остатки и каменные орудия, найденные на берегу Амурского залива на полуострове, лежащем между Славянской бухтой и устьем реки Нарва. — «Известия Восточносибирского отделения Русского географического общества», 1881, т. XII, № 2-3.
- Aitchison L.* A history of metals. The first of two volumes. London, 1960.
- Archaeologia orientalis*, vol. I. Tokyo, 1929.
- Archaeologia orientalis*, vol. II. Tokyo, 1931.

- Archaeologia orientalis, vol. III. Tokyo, 1933.
- Bagchi P. C.* India and China: a thousand years of cultural relations. New York, 1951.
- Beardsley K. K.* Japan before history. — «A survey of the archaeological record. Far Eastern quarterly». 1954—1955.
- Bergman F.* Travels and archaeological fieldwork in Mongolia and Sinkiang. — In: The Sino-Swedish expedition. Publ. 26. Stockholm, 1945.
- Bishop C. W.* The chronology of ancient China. — «Lorn of American Orient», 1932, vol. L.
- Bishop C. W.* The neolithic age in Northern China. — «Antiquity», 1933, VII.
- Bishop C. W.* Origin of far eastern civilisations. — «Smithsonian Institutions war background studies», 1942, N 1.
- Chang Kwang-chi.* Chinese prehistory in pacific perspective. — «Harvard journal of Asiatic studies», 1959, vol. 22.
- Chêng Tê-k'un.* Archaeology in China, vol. I. Heffer. Cambridge, 1959.
- Chên Tê-k'un.* Archaeologia in China, vol. III. Heffer. Cambridge, 1963.
- Chêng Tê-k'un.* New light on prehistoric China. Cambridge, 1966.
- Ch'eng Tzu-ayi.* The black pottery culture site at Lung Shan-chên in Li Cheng-Hsin, Shantung provins. London, 1956.
- Davis S. X.* Archaeological discovery in and around Hong Kong. — «Journal of the Hong Kong branch of the Royal asiatic society», 1965, 5.
- Eberhard W.* Early Chinese cultures and their development (a new working hypothesis). — «Annual report of the board of regents of the Smithsonian Institute», 1937.
- Egami N.* The beginnings of Japanese art. New York, Tokyo, 1973.
- Fairservis W.* The origins of oriental civilization. New York, 1959.
- Goolrich L. Carrington.* China's earliest contact with other parts of Asia. — «George Ernest Morrison lecture in Ethnology». (Canberra: Australian national university), 1962, N 23.
- Govirn W. Mc.* The early empires of Central Asia. London, 1939.
- Groot Y. J.* The prehistory of Japan. New York, 1951.
- Hall D. Y.* A history of South-East Asia. New York, 1960.
- Harwell R. A.* Revolution in the Chinese iron and coal industries during the Northern Sung 960—1126. — «The journal of Asian studies», 1962, vol. XXI, N 2.
- Hentorn W. E.* Recent Archaeological Activity in North Korea (1). The cave at Misong-ni. — «Asian Perspectives», 1968, vol. IX.
- Hsia Nai.* Some problems in the archaeology of the Yaugtze valley. — «Kaory», 1960, N 2.
- Hulbert H. B.* The passing of Korea. London, 1906.
- Хуан Чжань-юэ.* Новейшие находки железных изделий периода Чжаньго-Хань. — «Каогу сюэбао», 1957, № 3 (на кит. яз.).
- Хван Ги Дек.* Исследование памятников на долине реки Думангина и восточном побережье. — «Мунхва юсан», 1957, № 6 (на кор. яз.).
- Хван Ги Дек.* Остатки и памятники каменного века в провинции Северный Хамген. — «Мунхва юсан», 1957, № 2 (на кор. яз.).
- Хван Ги Дек.* О начале железного века на бассейне реки Туманган. — «Кого минсок», 1963, № 4 (на кор. яз.).
- Kamikawana Akira.* Sites in Yamanashi Prefecture and Middle Jōmon Agriculture. — «Asian perspectives», 1968, vol. XI.
- Ки Ен Чан.* Очерк первобытной стоянки Конгвири вблизи города Канге. Пхеньян, 1959 (на кор. яз., резюме на русск. яз.).
- Kidder J. E.* The Jōmon pottery of Japan. Ascona, 1957.
- Kidder J. E.* Japan before Buddhism. London and New York, 1959.
- Kidder J. E.* Agriculture and Ritual in the middle Jōmon period. — «Asian perspectives», vol. XI, 1968.
- Kim-Won-Young.* Some aspects of comb-pattern pottery of prehistoric Korea. — «Arctic anthropology», 1962, N 1.
- Kobayashi Kunio.* Late Quaternary Chronology of Japan. — «Earth science», 1965, N 79.
- Laufer B.* Chinese pottery of the Han dynasty. — «Publication of the East Asiatic committee of the American museum of natural history». London, 1909.
- Лой Цзунь-э.* Археологические обследования в Линси Внутренней Монголии. — «Каогу сюэбао», 1960, № 1 (на кит. яз.).
- Люйшуньский музей.* Разведки неолитических раковинных куч в уезде Чанхай города Дайла. — «Каогу», 1962, № 7 (на кит. яз.).
- MacCord Howard A.* Contributions to the archaeology of Northern Honshu. — «American antiquity», vol. 21, 1955, N 1, N 2; 1956, N 3.
- MacCord Howard A.* Cultural sequences in Hokkaido, Japan. — «Proceedings of the

- United States national museum», 1960, vol. 112, N 3443.
- Maringer J.* Contribution to the Prehistory of Mongolia. — «Reports from the scientific expedition to the North-Western provinces of China» (Stockholm), 1950, publ. 39.
- Maspero H.* La China antique. Paris, 1929.
- Morlan R. E.* Chronometric dating in Japan. — «Arctic anthropology», 1967, vol. IV, N 2.
- Nelson N. C.* Prehistory archaeology of the Gobi Desert. — «American museum novelties», 1926, N 4.
- Oba Toshio and Chester S. Chard.* New dates for early pottery in Japan. — «Asian perspectives» (Hong Kong), 1963, vol. 6, N 1. Отчет о раскопках первобытных стоянок на острове Чходо близ Начина. Пхеньян, 1956 (на кор. яз.).
- Сорок три погребения с деревянным гробом периода восточноханьской династии Лонсаген в восточных окрестностях Кантона. — «Каогу сюэбао», 1957, № 1 (на кит. яз.).
- То Ю Хо, Хван Ги Дек.* Предварительный отчет о раскопке памятников с Дитхапли. — «Мунхва юсан», 1957, № 6 (на кор. яз.).
- То Ю Хо, Хван Ги Дек.* Промежуточный отчет о раскопке памятников с Дитхапли. — «Мунхва юсан», 1957, № 5 (на кор. яз.).
- То Ю Хо.* Попытка периодизации культур Кореи. — «Мунхва юсан», 1958, № 3 (на кор. яз.).
- То Ю Хо.* Исследование мегалитической культуры в Корее. — «Мунхва юсан», 1959, № 2 (на кор. яз.).
- Triestman J. M.* China at 1000 b. c.; a cultural mosaic. — «Science», 1968.
- Тун Чжу-чэнь.* Три типа неолитических культур Гирина. — «Каогу сюэбао», 1957, № 3 (на кит. яз.).
- Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
- Won Young Kim.* New Lights on Korean archaeology. — «Asian perspectives», 1967, vol. X.
- Wu G. D.* Prehistoric pottery in China. London, 1938.
- Yoshizaki Masakazu.* Prehistoric culture in Southern Sakhalin in the light of Japanese research. — «Arctic anthropology» (Madison), 1963, vol. 1, N 2.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВИ — Вопросы истории
 КСИА — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры
 МАЭ — Музей антропологии и этнографии
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 СА — Советская археология
 СЭ — Советская этнография

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ВВОДНАЯ

Глава 1. Задачи исследования, методика	3
Глава 2. Историкография и источники	8
Глава 3. Этапы исторического развития древних племен Приморья в железном веке (относительная и абсолютная хронология)	29

Часть вторая

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Глава 1. Янковская культура	37
Глава 2. Валентиновская группа памятников	87
Глава 3. Кроуновская культура	100
Глава 4. Особенности исторических процессов в раннем железном веке на территории Приморья (I ты- сячелетие до н. э.)	113

Часть третья

ЭПОХА РАЗВИТОГО ЖЕЛЕЗА

Глава 1. Ольгинская культура	144
Глава 2. Предпосылки формирования раннефеодальных государств в южной части Дальнего Востока СССР	186
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	212
БИБЛИОГРАФИЯ	221
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	239

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»